ЧАРЛЬЗ ПЛЭТТ

СВАЛКА

ЧАРЛЬЗ ПЛЭТТ

ВИРТУАЛЬНЫЙ МИР

СВАЛКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сборник произведений Чарльза Плэтта

- Чарльз Плэтт
  - Свалка
  - Человек из кремния
  - К вопросу о катастрофе
  - Лабораторные грызуны
  - Пульс Нью–Йорка

Чарльз Плэтт
Свалка

Свалка

Майклу Муркоку,
чья помощь всегда была кстати

1. ЕСТЬ КОНТАКТ!

На астероиде была всего одна деревня без названия — местные называли ее просто «наша Деревня» — скопище лачуг, по уши увязших в грязи. Жили здесь две–три сотни человек — сколько точно, никто не знал. Вернее, никого это не интересовало. Местных вообще мало что интересовало.

Но когда в небе над деревней раздался грохот тормозных двигателей идущего на посадку космического корабля, жители высыпали на загаженную главную улицу и в беспокойстве и недоумении уставились в зенит.

Староста деревни Айзек Гейлорд — высокий грузный мужчина в потрепанной одежде — тоже глядел вверх. И отец, и дед Айзека были в деревне за главных. Айзек продолжал семейную традицию.

Вначале он просто не поверил, что на Копру садится космический корабль. Он чесал в затылке и смотрел на багровое пятно, из которого била огненная струя. Сомневаться, однако, не приходилось: прибыли инопланетчики.

Гейлорд развернулся и быстро зашаркал вверх по лестнице диспетчерской вышки, некогда обслуживавшей маленький космодром астероида. Пошарив по полкам, он достал покрытый пластами ископаемой пыли обтерханный том описаний стандартных посадочных процедур. Пристроив книгу на замызганном пульте управления, он принялся, то и дело сверяясь с инструкцией, отключать защитный экран, колпаком накрывающий деревню. Стоит ли вызывать инопланетянцев по радио, размышлял Гейлорд. Пожалуй, пока он будет возиться с раздолбанным передатчиком, корабль успеет сесть. А говорить с чужаками все одно придется, ничего не поделаешь.

Тяжело ступая, он спустился с диспетчерской вышки. Мягкое мерцание в небе над деревней исчезло — впервые за двадцать пять лет защитное поле было убрано. Корабль пришельцев мог садиться.

Гейлорд поморщился и сплюнул. Он не любил, когда его беспокоили в такую рань, к тому же он терпеть не мог обитателей Приятных Миров. Чего от них ждать, кроме всяких пакостей…

Он засунул тяжелые кулаки поглубже в карманы рваной куртки и побрел в сторону посадочной площадки, недовольно

бурча себе под нос. Взбудораженные люди приставали к нему с расспросами — немногие из них видели раньше космический корабль, разве что на экранах потрепанных телевизоров.

Посмотреть же было на что. Корабль приземлялся весьма зрелищно. Выхлопы тормозных двигателей взметнули облако пара и комьев грязи. В трещинах бетонной площадки вспыхнула трава, клубы дыма окутали толпу зевак.

От всепроникающего низкого рева тряслась земля.

Вышла посадочная опора, затем еще две, и корабль прочно утвердился на выщербленном бетоне. Двигатели умолкли, клубы дыма и пара постепенно рассеялись, открывая взглядам аборигенов сияющий корпус.

Гейлорд флегматично ковырял пальцем в носу. На его лице, изрезанном глубокими морщинами, застыло выражение смертельной скуки.

Через несколько минут открылся люк и из–под него выдвинулся пандус. Затем в проеме появились две фигуры в защитных костюмах из блестящего светлого пластика. Лица пришельцев были закрыты респираторами, защищавшими их легкие от едкой атмосферы Копры.

Пришельцы неуверенно озирали окрестности. До самого горизонта тянулись холмы мусора и грязи, к космодромной вышке жались ветхие дома, среди груд отбросов топтались люди в изодранной одежде, и над всем этим издыхало блеклое солнце, чьи лучи еле–еле пробивались сквозь туман и облака.

Гейлорд тихо заворчал от удовольствия, наблюдая, как чистюли–инопланетянцы пробираются к нему по липкой, чавкающей жиже.

Он протянул руку тому, который шел впереди. Инопланетянец на секунду замешкался, но тут же с демонстративным дружелюбием ответил на рукопожатие. На белоснежной перчатке чужака отпечатались грязные пальцы Гейлорда.

— Меня зовут Айзек Гейлорд. Здешний староста. Вы кто будете?

— Моя фамилия Ларкин, — ответил тот, что пониже. — Я Генеральный Атторней Правительства Второй Зоны Объединенного Пояса Астероидов Федерации Благоустроенных Миров. Командир исследовательского корабля номер…

Гейлорд оборвал его резким жестом.

— Все понятно, дружище, кончай этот понос. Кто с тобой?

Лицо Ларкина скрывал респиратор, но взгляд его стал тяжелым и злым.

— Мой помощник, Оливер Роуч, официально

уполномоченный Наблюдатель и Регистратор. Я полагаю, мистер Гейлорд, в беседе с членом Правительства не следует выходить за рамки определенных приличий…

Но Гейлорд уже топал вверх по улице.

— Поговорим у меня, — бросил он через плечо. — Там и расскажете, что, чего и как.

Упустив инициативу, Ларкин растерялся. Поколебавшись, он все же направился за Гейлордом, жестом приказав помощнику следовать за ним. Ларкин с самого начала был не в восторге от своей миссии. Процветающее население Пояса предпочитало не вспоминать, что мусор, в таком обилии порождаемый ими, сбрасывается на обитаемый астероид. А для Ларкина сама мысль о том, что придется ходить по свалке , была едва переносима. Он шел по чавкающей грязи, впившись взглядом в спину Гейлорда и стараясь не обращать внимания на груды гниющих отбросов по обе стороны тропинки.

Оливер Роуч был не настолько брезглив. Конечно, его поразило убожество деревни — такой грязной трущобы он еще не видал. Но обязанности Наблюдателя–Регистратора в том и заключаются, чтобы собирать любую информацию.

Народ, сбежавшийся поглазеть на посадку корабля, понемногу разбредался, потеряв всякий интерес к инопланетчикам. Донельзя грязные жители деревни показались Оливеру голодными и изможденными. Их ветхая залатанная одежда была, без сомнения, выужена из мусора. Дома в деревне были слеплены из чего попало, лучшие — из кое–как приваренных друг к другу обломков космических кораблей. Попадались и совсем ветхие глиняные развалюхи, крытые соломой.

Дом Айзека Гейлорда, собранный из разномастных металлических листов, был пристроен к диспетчерской вышке. Ее бурые от сырости бетонные стены, испещренные грубыми цементными заплатами, были для надежности укреплены металлической арматурой.

В доме было не чище, чем на улице. Гейлорд, ворча, опустился на самодельный деревянный стул, жалобно скрипнувший под его тяжестью. Ларкин и Роуч осторожно присели на такие же стулья.

Комната была завалена всякой дрянью. На грубом цементном полу валялись куски металла и пластмассы, в углу громоздилась гора ржавых деталей. Сырость и затхлая вонь проникали даже сквозь фильтры респираторов.

Ларкин раскрыл папку с документами, достал листки пермафильма, украшенные правительственной эмблемой,

стараясь ничего не уронить, разложил их на коленях и поднял взгляд на Гейлорда.

— У меня нет желания оставаться здесь дольше, чем необходимо, мистер Гейлорд. Так что давайте приступим к делу. Прежде всего, как того требует процедура, я должен изложить вам планы правительства в отношении данного астероида.

Гейлорд хмыкнул, хрипло закашлялся и обтер рот ладонью.

— Ну, давай. Излагай, — сказал он. — Покончим с этим прямо сейчас, коли тебе так приспичило.

— Прекрасно. В таком случае, начнем с истории вопроса. Как вам известно, уже почти сто лет астероиды Пояса удаляют отходы своей жизнедеятельности запечатанными в больших емкостях. Насколько я знаю, местное население называет эти упаковки «пузырями». Так как неупорядоченный сброс отходов представлял бы опасность для навигации в пределах Пояса Астероидов, в свое время было принято решение отправлять емкости с отходами на одну свалку. Этой свалкой является Копра, ваш астероид. Я выражаюсь достаточно ясно?

Гейлорд кивнул. Рубленные черты его угрюмой физиономии не выражали ничего.

— До настоящего время используется технология, в соответствии с которой маломощные твердотопливные двигатели выводят емкость с отходами на траекторию, ведущую к Копре. Такая схема весьма привлекательна для остальных астероидов Пояса — они избавляются от неудобств, связанных с утилизацией отходов — как говорится, зарыто и забыто — и могут быть уверены, что все это надежно складируется в одном месте. Здесь, на Копре.

Гейлорд насупился, толстая кожа на его лице сбежалась грязными морщинами. Он яростно почесал затылок, на плечи его полетела пыль и мелкие паразиты.

— Чего тут объяснять? — проворчал он. — Знаем не хуже вашего… Все это знают. Не то чтобы нам нравилось, что в нас пуляют дерьмом с Приятных Миров. Но раз мы так живем, то это наша жизнь, понял? Здесь больше нечем жить, кроме как чего добудешь из пузыря, так что не надо нам никаких перемен…

— Наше прибытие сюда вызвано объективными обстоятельствами, — мягко перебил Ларкин. Привычные официальные обороты легко слетали с его языка. — Не в моей власти что–либо менять, — продолжал он. — Я просто уполномочен сообщить вам о решении правительства. В мои обязанности входит также контроль за исполнением этих решений. Итак, несколько лет назад было отмечено, что вращение Копры стало менее равномерным. Причина отклонений очевидна.

Когда первые колонисты высадились здесь и с целью благоустройства астероида установили генератор гравитации, ими был допущен ряд просчетов. Работы по терраформированию вследствие этого потерпели полный провал, а сам гравигенератор был разбалансирован. Вместо асимметричного гравитационного поля — зоны нормального тяготения на одной стороне астероида и низкогравитационной зоны в месте размещения космопорта, — было создано равномерное поле в три четверти нормального вокруг всего астероида.

Гейлорд кивнул.

— Точно. Так все и было. Это дед мой подгадил. Не смог ни гравитацию наладить, ни обратно улететь. Деньги кончились, выбирать было не из чего, так что пришлось ему ковыряться в дерьме тех, кто побогаче.

— Возможно. Но так не может продолжаться вечно, мистер Гейлорд. Здесь скопился вековой запас отходов, около десяти миль толщиной. Все это лежит неплотно, распределено неравномерно и крайне нестабильно во всех отношениях. Весь огромный слой мусора удерживается силой тяжести всего лишь в три четверти нормальной, создаваемой устаревшим разбалансированным генератором. Вскоре наступит момент, когда центробежные силы, действуя на огромную массу отходов, буквально разорвут Копру на части. И если не будут приняты срочные меры, катастрофа станет неизбежной.

Гейлорд разинул рот от удивления и вскочил на ноги.

— Шот… Что ты несешь?! — взревел он, размахивая здоровенными волосатыми руками. — Это грязная уловка, чтобы выманить нас отсюда, а? Вы всегда этого добивались — вся ваша свора чистеньких ублюдков!

— Ох, да успокойтесь, ради Бога, — воскликнул Ларкин, обескураженный столь примитивным выражением эмоций. Подобные ситуации не были предусмотрены программой обучения в Дипломатическом Колледже. Конфликты, с которыми он привык иметь дело в Поясе Астероидов, не принимали таких диких форм. Все–таки на остальных астероидах люди были цивилизованнее. Значительно цивилизованнее.

— Может, вы попробуете объяснить, Роуч? — обратился он к помощнику. — Должен признаться, все это крайне утомительно.

Оливер Роуч бросил тревожный взгляд на старосту. Большие воспаленные глаза Гейлорда смотрели на него с угрюмым подозрением.

— Нас — в смысле, Правительство — в первую очередь беспокоит не то, что может случиться с людьми, живущими здесь, — сказал Оливер, — а что будет, если Копра развалится на

части. Ведь тогда весь Пояс Астероидов будет засыпан мусором. Этого нельзя допустить ни в коем случае.

Лицо Гейлорда медленно расплывалось в ухмылке.

— Так вот оно как! — он опять уселся на стул. — Чертовски забавно, а? На нас, значит, всем наплевать, на Говнюху тоже — вы просто боитесь, что она развалится на куски и забрызгает ваши белоснежные чистенькие мирки их же собственным дерьмом. Дерьмом, которым они сами столько лет нас поливали! — Он задумался. — Так чего же вы делать–то будете? Как вы собираетесь этому помешать?

— Насколько я понимаю, — сказал Оливер, покосившись на Ларкина, — в структуру астероида будут внесены некоторые изменения. К старому гравигенератору пробьют шахту, он будет отключен и удален. На его место установят новый генератор, который за три года повысит силу тяготения до нормальной. А внешние слои мусора утрамбуют. Так что тревожиться не стоит, мистер Гейлорд, вы сможете и дальше жить себе спокойно, как только будет завершена корректировка. Потребуется только временная эвакуация, пока будут запускать новый генератор.

Уродливый мясистый нос Гейлорда дернулся, словно он учуял необычайно мерзкий запах.

— Какая такая временная эвакуация? Это что еще за дрянь?

Оливер старался не терять хладнокровия.

— После включения генератора возможны колебания поля, в пределах до десяти единиц. Через несколько дней работа генератора стабилизируется. Но до этого оставаться на астероиде будет опасно. Так что вас дней на десять куда–нибудь перевезут.

Гейлорд живо вскочил на ноги и принялся шагать из угла в угол, сотрясая пол.

— Не выйдет, — проворчал он. — Нет. И не мечтайте. Вам и за миллион лет не заставить хоть одного из наших уйти с астероида.

— Но это неизбежно, мистер Гейлорд, — сказал Ларкин, собирая документы и аккуратно складывая их обратно в папку. — Боюсь, что у вас и ваших людей просто нет выбора.

Гейлорд недовольно фыркнул.

— Неизбежно, значит… Ну–ка, пошли за мной! Может, поймешь, в чем тут закавыка.

Он шагнул к двери.

Ларкин пожал плечами, обреченно вздохнул и вместе с Оливером двинулся вслед за Гейлордом.

Тот уже возился с огромным висячим замком на массивной двери. Он снял две цепочки, выдвинул засов и рванул дверь на себя. Показались ступени, ведущие вниз. Гейлорд включил

тусклую лампочку, пропустил посетителей вперед и захлопнул дверь за собой.

Это был просторный квадратный подвал, площадью футов в четыреста. Вдоль стен тянулись полки, доверху уставленные всевозможным старьем. Куски хромированного металла, пластмассовая и фаянсовая посуда, рычаги управления из космических аппаратов, спинка антиперегрузочного кресла, стеклянная бижутерия, кипа погашенных векселей, афиша с надписью «Голосуйте за Бертона и Новый Курс для Индустриальных Миров!», инструкция по ремонту тягача–вездехода с Марка–3, кислородный баллон от старого аварийного скафандра, жестяные коробки из–под водостойкой краски, инфракрасные очки с треснувшими пластиковыми линзами, и еще тысячи предметов: оружие, домашняя утварь, одежда, документы, запчасти к машинам — все тщательно рассортированное и аккуратно разложенное. Грандиозная выставка утильсырья, собранного в зловонных болотах грязи, покрывающих астероид.

— На кой… То есть, я хотел сказать, зачем вам нужен весь этот хлам? — спросил потрясенный Оливер.

— Зачем? Зачем, ты спросил? Непонятно, да? — Гейлорд посмотрел на их застывшие лица и раздраженно потряс головой. — Дураку любому ясно: это ценные вещи! Стал бы я иначе тратить на них время… Ценные и полезные.

Оливер решил зайти с другой стороны.

— Так что вы имели в виду, когда сказали, что ваши люди никогда не согласятся покинуть Копру?

Гейлорд почесал в затылке, из его густых волос снова полетели хлопья грязи.

— Ну, даешь! Ты действительно такой тупой, или что? Все это — мой скарб, ясно? Он как часть меня. Еще мой дед начал его собирать. Самой большой скарб — больше всех остальных, вместе взятых! Из–за него я главный здесь, понял? Здесь у каждого есть хоть какой–то скарб — обломки, там, детали — все, что они выудили из пузырей. У нас, чтобы быть хоть настолько вот человеком, ты должен собрать чего–нибудь. Ну, понял теперь? Как ты это возьмешь и перетащишь в другое место? А скарб не такая штука, которую можно бросить без присмотра. Да, не такая штука, это уж точно.

— Никогда бы не подумал, что все это так важно.

— Ясное дело, ты же инопланетянец. Слушай, для здешнего народа только их скарб и важен, понял? Они его сортируют, переписывают, держат под замком, как я. Мы все так, ну? Короче, без скарба человек — не человек. Черт тебя побери, как это еще

проще сказать?

Заинтригованный Оливер занес информацию в стенограф. Ларкин вздохнул. Разговор опять зашел в тупик.

— Все это очень интересно, мистер Гейлорд, — сказал он, — но сложившиеся обстоятельства ставят вас перед выбором: эвакуироваться с астероида на время запуска нового генератора — или оставаться здесь, рискуя получить серьезные увечья, — а может, даже погибнуть.

Он обернулся к Оливеру.

— Думаю, Роуч, пора возвращаться на корабль.

Гейлорд презрительно фыркнул. Он пропихнулся между ними, затопал вверх по ступенькам и распахнул тяжелую дверь подвала. От двери отскочил бледный худой парень, который явно подслушивал и теперь в смущении пятился от надвигающегося Гейлорда.

— Какого черта ты здесь трешься? — рявкнул Гейлорд, — Тебе что, делать больше нечего? Я же от тебя ничего не скрываю!

Юноша взволнованно переводил взгляд с отца на чужаков.

— Мой сынок, Норман, — пояснил Гейлорд, — хороший парнишка, ей–богу хороший. Только с придурью. Целыми днями готов умываться. Да, Норман? — Гейлорд тяжело хлопнул сына по плечу и захохотал.

Норман вздрогнул, повернулся и тихо выскользнул из дома.

Гейлорд нахмурился. Он хотел что–то добавить, но тут снаружи донесся странный звук — высокий, на грани слышимости, вой, быстро сменившийся чем–то похожим на гортанный крик ужаса.

— Пузырь летит, — спокойно сказал Гейлорд, — не обращайте внимания. Каждый день… а, черт! — Он трахнул себя по лбу. — Защитный экран–то я убрал, когда пропускал ваш проклятый корабль. Ах, безмозглый тупоголовый… — он рванул заднюю дверь дома, выбежал наружу и загрохотал по ступенькам диспетчерской вышки.

Пузырь приближался, и рев стал невыносимым. Затем раздался гулкий удар. По деревне пронесся вихрь, гоня сор, раскачивая и ломая деревья.

Наверху, в диспетчерской, Гейлорд добрался до рубильника, и над деревней опять зависло едва заметное мерцание силового поля. Он ринулся вниз, к Ларкину и Оливеру.

— Слишком поздно, черт подери. Пузырь прорвался. Когда стоит экран, он не дает пузырям падать прямо на деревню. Мне надо глянуть, не задело ли кого. Идете?

Ларкин покачал головой.

— У меня еще много дел по части организации работ. А вы,

Роуч, если для вас, как для Наблюдателя, это представляет интерес…

— Пожалуй, я схожу, — сказал Оливер.

Ларкин пожал плечами и с отвращением оглядел ветхий дом и двор — захламленный квадрат утоптанной грязи.

— Как вам будет угодно, — ответил он и повернулся к Гейлорду. — Если у вас возникнут вопросы, мистер Гейлорд, свяжитесь со мной. В случае возникновения непредвиденных обстоятельств я немедленно вас извещу. Пока же, я полагаю, вы полностью ознакомлены с ситуацией.

Ларкин холодно улыбнулся и направился к посадочной площадке, стараясь не замечать окружающие его помои и отбросы, равно как и слизь, успевшую налипнуть на его защитный костюм.

Гейлорд сплюнул.

— Не пойму, что меня так бесит в этом ублюдке, — проворчал он. — Ладно, пойдем. Нечего здесь торчать, вдруг там ранило кого…

И они направились к месту падения пузыря.

2. СВАЛКА ПРИБАРАХЛЯЕТСЯ

К счастью, пузырь упал в стороне от деревни. Разрушений и раненых не было.

Около воронки уже собралась изрядная толпа. Люди возбужденно переговаривались, тыча пальцами в сторону дымящегося кратера, вокруг которого громоздились кучи мелкого щебня и грязи, выброшенные могучим ударом. Ветер неспешно уносил к близкому горизонту облако дыма и копоти.

— Посадка корабля взволновала их куда меньше, — заметил Оливер. — Не понимаю. Последние иномиряне были здесь за двадцать пять лет до нас. А пузыри падают каждый день. Бессмыслица какая–то…

— Тупой ты все–таки, — с сожалением в голосе сказал Гейлорд. — Если бы решил слегка пошевелить своими инопланетскими мозгами, то сразу бы все понял. Мы ведь не дикари какие, у нас есть телевизоры, и генератор электрический, и мы ловим передачи с ваших миров. Так что мы соображаем, что вы такое, и знаем, как выглядит исследовательский корабль. Ну и кому оно надо? Как появляется такая хреновина — жди неприятностей. Стоит заявиться сюда хмырям вроде тебя, как они сразу начинают учить нас жизни. А вот эта штуковина, — он ткнул пальцем в сторону воронки, — она совсем другое дело. Каждый раз ждешь чего–то новенького. Никогда заранее не знаешь, что в ней будет. Может, куча бриллиантов. А может, куча дерьма. Но так или эдак, а там может оказаться что–то нужное, —

закончил Гейлорд, возбужденно потирая руки и не отрывая алчного взгляда от воронки.

Местные перетаптывались на краю кратера, наблюдая за двумя–тремя силуэтами, то появляющимися, то исчезающими в тумане испарений: эти люди бродили по дымящимся помоям, выискивая что–нибудь достойное внимания.

— Однако, вот как у вас, — сказал Оливер, — Я предполагал, это все общедоступно.

Гейлорд начал раздражаться.

— Мы и вполовину не такие дурни, как ты думаешь, — огрызнулся он. — Ты представь, что бы сейчас творилось, если бы туда все разом полезли. Пошла бы такая драка!.. Что бы это была за жизнь? Нет уж, у нас все организованно и спокойно, да. Вот я, раз у меня самый большой скарб, так за мной и право первого выбора. Сейчас мои ребята обшарят это место, за ними пойдут другие, один за одним, по размеру скарба. Кто больше накопил, идет первым, у кого ни черта нет — последним. У каждого свое место, смотря как он работал раньше. Как, логично, нет?

Оливеру такая логика не понравилась.

— Но это несправедливо. У первых и так больше, и у них же преимущество выбора. А у последних самые маленькие коллекции, и почти нет возможности что–нибудь найти.

Гейлорд пожал плечами.

— А по мне, так все в порядке. Ежели у человека большой скарб, он имеет право искать первым, вот как я понимаю. Он заслужил, так? А у кого за душой пусто — у такого и прав никаких, верно?

Оливер отнес местный социум к классу консервативных с жесткой фиксацией личного статуса. Только редкое везение могло дать возможность существенно пополнить свою коллекцию и подняться по социальной лестнице. Он занес в стенограф новую информацию.

Люди Гейлорда закончили обшаривать кратер, и остальные жители деревни длинной цепочкой потянулись вниз. Туман и испарения почти полностью скрывали их из виду. Кое–где еще бурлила мусорная жижа, доведенная до кипения раскаленным пузырем, с визгом прошившим атмосферу астероида.

Оливер смотрел, как люди зигзагами прочесывают дно кратера, оскальзываются на податливых размокших склонах, падают в грязь, поднимаются и продолжают поиски. Они шли, глядя под ноги, то и дело вонзая руки в бурую жижу, чтобы вытащить что–то, что могло бы представлять хоть какую–нибудь ценность. И скоро те, кто шел ближе к началу цепочки, держали в руках детали машин, пластмассовую посуду, дверные ручки и

другие предметы, которые можно вычистить и поместить в коллекцию.

Теплый ветерок кружил сор, шевелил намокшие обрывки бумаги. Желтая дымка поднималась над лужами помоев, гниющих под лучами полуденного солнца.

Оливер услышал сзади чьи–то торопливые шаги и оглянулся. По вздыбленной грязи к Гейлорду торопливо пробиралась девушка.

— Папа, — тяжело дыша, сказала она, — я увидела, что садится корабль, и сразу же вернулась. Что, дурные новости?

— Ничего такого, что я не смог бы разложить по полочкам, — ухмыльнулся Гейлорд, — Да и дело–то не больно важное. Девочка, да ты так запыхалась, будто бежала всю дорогу!

Она улыбнулась и покачала головой.

— Я оставила грузовик дома, а оттуда пробежалась.

И только сейчас она заметила Оливера.

— Это кто?

Гейлорд повернулся к Оливеру, смерил его взглядом и фыркнул.

— Ну что, давайте я вас представлю как положено. Вот это один из инопланетянцев, Оливер Роуч, что ли. Так? А это моя дочь Джульетта, — он замолчал, продолжая разглядывать Оливера. Широкое лицо исказила гримаса. — Что до меня, если бы не эта твоя дурацкая сбруя с намордником, так я был бы даже рад познакомить тебя с дочкой. Ну, а так… — он пожал плечами и отвернулся.

— Что вы делаете у нас на Копре? — спросила Джульетта. Оливер ответить не успел.

— Сейчас не время, Джульетта, — вмешался Гейлорд. — Потом я все тебе расскажу.

Девушка, казалось, потеряла всякий интерес к Оливеру и вопросов больше не задавала. Оливер подумал, что она была бы красивой, если бы вымыла спутанные, насквозь пропыленные волосы и покрытое коркой грязи лицо. Но вода на Копре редкость, местные привыкли ходить грязными и не обращать на это внимания. Оливера передернуло. Как и всякий инопланетчик, он терпеть не мог грязи.

Вскоре подошли люди Гейлорда и свалили перед ним в кучу все, что смогли выудить из воронки. Гейлорд опустился на корточки и стал перебирать добычу, раздавая то, что было ему не нужно.

Внизу в кратере большинство деревенских уже закончили поиски и двинулись по домам. Многие шли с пустыми руками.

— Похоже, сегодня никому особенно не повезло, — заметил

Оливер. Увлекшийся Гейлорд не обратил на него внимания, и ответила Джульетта.

— Многое зависит от того, как упадет пузырь. Этот приземлился на бок, и большую часть содержимого раздавило. А когда они падают на днище, то удар слегка послабей, и много ценных вещей остаются целыми.

— Вы, должно быть, неплохо в этом разбираетесь.

— Это моя работа. Я езжу осматривать пузыри, которые падают далеко от деревни. У отца есть грузовичок — в нем очень удобно перевозить вещи. Ищу я, в основном, еду, но нахожу, большей частью, несъедобное. Только изредка натыкаешься на пузырь с тем, что богачи считают несъедобным, а нам годится.

— И это все, на что вы можете рассчитывать?! Выбирать объедки из отбросов!? — от одной мысли об этом Оливера чуть не стошнило.

— А здесь больше ничего, в общем–то, и нет, — сказала Джульетта. — Кое–кто выращивает, правда, немножко овощей или фруктов, — просто так, для развлечения. А так все, что нам нужно, мы находим в пузырях.

Оливера передернуло. Он не представлял, что люди могут так опуститься. Его удивило, что дочь Гейлорда говорит без резкого акцента жителей Копры, почти как инопланетная девушка. И в то же время, она ходила грязной и ела отбросы…

— Пошли? — пробурчал Гейлорд, прервав размышления Оливера.

— А что теперь?

— Еще много чего будет. Я, например, пойду сейчас рассортирую эту кучу. Потом будет собрание в главном зале. И еще сегодня вечером мы гуляем — не в честь того, что вас принесло, или еще там чего–нибудь, просто где–то раз в две недели мы всегда немножко развлекаемся. Скромный такой дебош. М–да. Все упьются до поросячьего визга. Уловил мою мысль?

— А что там будет, на собрании?

Гейлорд осклабился, обнажив неровные желто–коричневые зубы.

— А ты приходи — увидишь.

3. СКРОМНЫЙ ТАКОЙ ДЕБОШ

Сумерки сгущались. Вместе с ними на Копру опустился слепой желтый туман, стелившийся по земле длинными тонкими лоскутами, собиравшийся в комья, заползавший в каждую впадину. Он обволакивал дома и запущенные огородишки, коричневым склизким налетом оседал на защитном костюме Оливера.

Туман пришел с мусорных барханов, и Оливер даже через респиратор ощущал его тяжелый едкий смрад, к которому жители Копры давно привыкли. Подобные мелочи их не интересовали.

В домах зажигали свет, в сером сумраке проулков сновали возбужденные люди. Деревня готовилась к вечернему празднеству.

Оливер вошел в зал заседаний, пока еще пустой. Было холодно и уныло. По всему залу в беспорядке стояли потрепанные самодельные стулья, частью сломанные или опрокинутые. Ветхие деревянные стены, сплошь покрытые покоробившимися от сырости заплатами. По полу свистели ледяные сквозняки. От холода не спасал даже термокостюм, и Оливер, дрожа, забился в угол.

В дальнем конце зала находилось грубо сколоченное из прогнивших досок возвышение, нечто вроде сцены, над которым тускло светились две лампочки. В их тоскливом свете зал казался еще дряхлей.

Начали подходить люди. У каждого была с собой бутылка с самогоном, — как правило, уже далеко не полная. Вскоре зал был битком набит грязными, омерзительно пахнущими, пихающими друг друга и хрипло хохочущими в полный голос копранцами.

Крупные мясистые мужчины. Женщины, расплывшиеся от частых родов. Худые костлявые старики с лицами, похожими на обтянутые потрескавшейся кожей черепа, с растянутыми в бессмысленной ухмылке беззубыми ртами. И шныряющие под ногами замурзанные детишки, на которых никто не обращал внимания.

И всем на все было наплевать. Они пришли сюда как следует поразвлечься. Грязь, мусор и вонь — кого они здесь могли волновать?

Когда все собрались, Айзек Гейлорд протолкался через толпу и вспрыгнул на возвышение. Его лицо лоснилось от пота, большущий рот растянулся в ужасной ухмылке, он размахивал плоской пластиковой фляжкой с самогоном, требуя тишины. Понемногу гомон затих, и люди приготовились слушать.

— Значит, так! — заорал Гейлорд. Его гортанный голос прогремел по всему залу. — Щас вы услышите, чего я хочу сказать. До того, как начнется гулянка, я хочу сделать по–настоящему важное сообщение!

Зал разразился свистом и выкриками, но Гейлорд только осклабился и мощно отхлебнул из фляжки. Причмокнув от удовольствия толстыми губами, он залез пятерней к себе за пазуху и принялся энергично чесаться.

— Это насчет инопланетянцев, этих, что нынче прилетели, —

взревел он еще раз. Гомон в зале вдруг стал затихать, и через несколько секунд все напряженно ожидали, что скажет Гейлорд. Тот сделал паузу.

— Такие, стало быть, дела, — сказал он совсем негромко, так что зал еще более затих. — Как они сели сегодня, так я с ними переговорил. Дома у себя. Чтобы, значит, разобраться, чего их сюда принесло. Чего они делать собираются, значит. Ну, вам не надо рассказывать, какие инопланетянцы из себя — увертливые ханжи с бабскими повадками, которые думают, что они, значит, аристократы духа, а мы все здесь — жопы безмозглые!

Зал взревел от хохота. Оливер усмехнулся. Гейлорд мастерски настроил аудиторию в свою пользу, сплотив ее перед лицом общего врага.

— Ладно! Инопланетянец этот, который Ларкин, он, короче, из правительства, ну. Сидит он это у меня дома и размахивает своими бумажками. Поняли? И несет его на ту тему, что они, дескать, не сводят глаз с нашей Говнюхи и беспокоются, что она стала слишком толстой. Что, мол, скопилось на ней слишком много мусора. А сейчас — слушайте! — сейчас будет важный момент! — он сделал театральный жест. В зале стояла тишина. — Так вот, этот человек, этот инопланетянец, сидя в моем собственном доме, сказал мне своим писклявым голосом: если здесь накопится еще больше мусора, то вся Говнюха развалится на куски! Разлетится ко всем чертям, и всем нам будет крышка!

Толпа растерянно зашепталась. Гейлорд отвернулся от них и стал расхаживать по краю возвышения, изображая суровость и озабоченность. Аудитория жаждала продолжения, и он умело затянул длиннющую паузу. Народ изнывал от нетерпения.

Гейлорд остановился на середине сцены.

— Но есть еще более интересная штука, — сказал он, — простая, как я не знаю что. Эти чистюли с носовыми платочками, эти ублюдки с вылизанных астероидов, они сто лет валят сюда все помои, потому что терпеть не могут грязь на своих собственных мирах. Не хотят ее видеть, не хотят ее нюхать, ну. Они боятся ее! Они говорят… сейчас я скажу вам, как они говорят! Они говорят, что она оскорбляет их… эстетические чувства, — выговорил он насмешливо и неожиданно плюнул на возвышение. — Они боятся собственного дерьма! — он говорил все громче, все злее, все неистовей. — Стыдятся его! Теперь вы поняли, почему их так волнует судьба нашей мусорной кучи? Вы поняли, зачем завтра прилетит еще один корабль, зачем они будут склеивать Говнюху, чтобы ее не разнесло на куски?!

Наступал кульминационный момент его речи, и он снова умолк, обводя взглядом толпу. Аудитория бурлила.

— Ну, Айзек, давай! — крикнул кто–то, и остальные тут же подхватили: — Скажи, Айзек!

Лицо Гейлорда расплылось в злобной ухмылке. Он еще раз изрядно приложился к фляжке, неистово захохотал и принялся, качаясь, ходить взад–вперед по сцене, взмахами рук призывая народ к вниманию. Даже сквозь слой грязи было видно, как побагровело его лицо.

— Ну, хорошо! — крикнул он. — Я скажу, только заткнитесь!

Через некоторое время шум затих.

— Это ржачка! Это просто умора! Эти засранцы трясутся от страха, что наша Говнюха рванет, так? А? Так? А знаете, почему они так этого боятся? Да просто потому, что если она рванет, она засрет весь этот проклятый Пояс Астероидов! Все их стерильные, антисептические, дезинфицированные мирки! Каждый махонький астероид! Их всех завалит грудами ВОНЮЧИХ ПОМОЕВ!!!

Он стоял, пошатываясь, осклабившись в скабрезной улыбке. Слушатели орали и бурно аплодировали. Самогон лился в распахнутые глотки.

Оливер спокойно сидел в углу. Поначалу он боялся, что Гейлорд раскочегарит толпу до того, что она пойдет линчевать пришельцев. Но в этом не было смысла. Люди собрались не для смертоубийства, а просто отдохнуть — и Гейлорд это отлично знал. И вместо серьезного разговора он дал им разрядку: сначала слегка застращал их грядущими катастрофами, а потом раззадорил насмешкой над пришельцами — и вот все облегченно хохочут, готовые к новым развлечениям.

Об эвакуации с астероида он даже не упомянул.

— Эй, ну ладно, хватит! — прорезался сквозь гам голос Гейлорда. — Давайте начинать гулянку. Закатим гудеж, а? Тряхнем эту мусорную кучу, чтобы она развалилась раньше срока и дала жизни обалдуям, которые прилетят сюда склеивать куски!

Все поднялись и двинулись к выходу. В зале царил хаос. Надравшиеся копранцы шатались, толкали друг друга, истерически хохоча. Липнущие потные тела оттеснили Оливера обратно в угол. Но еще до того, как первый из них добрался до выхода, в дверь ворвались двое. Это были Джульетта и Норман, дети Гейлорда. Норман протолкался сквозь толпу и вскочил на возвышение рядом с отцом.

Изумленный Гейлорд повернулся к сыну. Других выступлений в программе не значилось, и Гейлорд не понимал, что это еще за новости. Так и не раскрыв рта, он слушал, как Норман призывает всех к тишине:

— Эй, заткнитесь! Мне нужно вам кое–что сказать!

Люди нехотя остановились. Гам пошел на спад.

Джульетта стояла недалеко от Оливера, как раз в дверях. Она нервно кусала губы, слезы размыли грязь на ее щеках. Оливер протолкался к ней.

— Что случилось? — спросил он.

— Это… кошмар! — заплакала она. — Какой ужас! Мало нам было неприятностей…

Зал уже утихомирился, и все нетерпеливо ждали, что же скажет Норман Гейлорд, который стоял на краю возвышения, хилый и невзрачный, особенно в сравнении с отцом, который все еще озадаченно топтался рядом.

— Не хотелось бы, чтобы из–за меня задерживалась сегодняшняя гулянка, — сказал Норман и нервно улыбнулся, — но мы — я и Джульетта — сейчас прямо из отцовского дома. Случилось такое, что… В общем, об этом должны узнать все.

Голос у него был слабый и высокий — не то, что гортанный рык Гейлорда. Он замолчал и вытер лоб дрожащей рукой.

— Это касается отцовского скарба. Вы все знаете, что он хранится в подвале, под старой космодромной вышкой. Там все, что собрал он сам, и что собрали его отец и его дед. Короче, когда мы пришли домой, то увидели, что дверь открыта. Ее взломали! Мы пошли внутрь, зашли в подвал… Там было пусто! Украли весь скарб, все до последней шестеренки!

Наступила оглушительная тишина. Событие было вопиющим. Мелкие кражи случались нередко, но спереть весь скарб у старосты …

Гейлорд в ярости взревел, бросился к Норману, схватил его за худые плечи и принялся мотать из стороны в сторону.

— Неправда! — орал он. — Скажи, что это неправда! Не может быть, не может быть, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!!!

Норман болтался в его лапах, как тряпичная кукла.

Гейлорд отпустил сына и, шатаясь, поплелся по трибуне, оглушенный горем и пьяный до изумления.

— Не верю я… Никто здесь не мог такого сделать… Это все инопланетянцы… Или бродяги с барханов — набег, а мы, как дураки…

Бормоча что–то совсем уж невнятное, он доплелся до края сцены, запнулся и рухнул в зал, с треском ломая стулья. Ему помогли подняться и усадили. Он уронил голову на руки и застыл.

Публика, не привыкшая к подобным новостям, смущенно переговаривалась. Это все никуда не годилось — такие новости, да в праздничный вечер, когда надо забыть обо всем и веселиться.

— Зачем было выносить это на люди? — спросил Оливер у Джульетты.

— Это… потому что это касается всех. Потому что отец без скарба — никто, — она шмыгнула носом и вытерла покрасневшие глаза. — Его скарб — это часть его самого, по скарбу видно, что он за человек, чего он стоит. А теперь все исчезло… — она опять начала хлюпать.

— Значит, он больше не будет старостой? — Оливер протянул ей платок.

Джульетта удрученно кивнула и попыталась отбросить с лица спутанные волосы, которые липли к мокрым от слез щекам.

— Прежде такого не бывало, чтобы у старосты… Но у него нет другого выхода. Без скарба… кто будет с ним считаться?

Публика начала волноваться.

— Это чего ж теперь будет? — заорал кто–то.

— Да, эй, чего делать–то будем? — поддержал другой голос. — Всю ночь, что ли, торчать здесь?

Норман нервно грыз ноготь. В отличие от отца, он понятия не имел, как управлять толпой.

— Вы не хуже меня знаете, чего делать, — сказал он. — Без старосты нам нельзя. Пока батин скарб не отыщется, надо выбрать кого–нибудь… на это время…

— Выбрать?! — прогремел голос Гейлорда. — Это что, мой сын сказал? Что это еще за инопланетское дерьмо, а? Ты — мой сын, черт тебя возьми! И место мое займешь ты, если ты уважаешь традиции Копры. Традиции, заложенные твоим прадедом сто лет назад…

— Айзек прав! — крикнули из зала. — Пусть это будет Норман!

Норман растерялся.

— Но я не хочу… Я совсем не это имел в виду…

— Решено, в общем! — сказал мужик, поднявшийся из первого ряда. — Пока не отыщется скарб Айзека, Норман будет за главного. А теперь — поприветствуем нового старосту! Не хочу и говорить, что я думаю про то, что случилось. И мне уже заранее жаль того подонка, что спер Айзеков скарб. Но черт меня подери, как ни смотри на это дело, а новый староста — чертовски хороший повод для того, чтобы слегка гульнуть!

Сначала крики были вяловаты, а потом все разогрелись и стали орать во всю глотку. Начиналась самая веселуха.

Джульетта отвернулась, вытирая глаза.

— Как они могли? — всхлипывала она. — Бедный папочка… после всего, что он для них делал… а им просто наплевать!

Оливер без задних мыслей приобнял ее за плечи, чтобы утешить, и тут она прижалась к нему, дрожа от волнения и всхлипывая еще горше. Оливер, несколько смущенный таким

поворотом дела, машинально поглаживал ее по плечу.

Гейлорд проталкивался через ревущую толпу к выходу. Увидев дочь, всхлипывающую в объятиях инопланетянца, он резко остановился. Лицо его потемнело от гнева, казалось, он сейчас затеет драку. Но он лишь заворчал со сдерживаемой яростью, вышел за дверь и его плотная широкоплечая фигура растворилась в темноте.

Потом уже не было времени на раздумья. Толпа рвалась из зала, потные тела слились в едином натиске. Поток подхватил Оливера и Джульетту и выбросил их наружу.

Начало празднества не заставило себя ждать.

— Они решили развлекаться, что бы там ни было, — несчастно сказала Джульетта, — Они не хотят, чтобы такая чепуха, как разорение их старосты, испортила очередную веселуху… Ненавижу их всех!

Она опять начала реветь. Кто–то сунул ей бутылку самогона, и она сделала большущий глоток.

Люди вокруг метались, истерично вопили и визжали. Во все более сгущающимся тумане едва виднелись зажженные в соседних домах огни. Место действия вдруг озарилось колеблющимся пламенем сотни факелов: люди наматывали тряпье на палки и поджигали его.

— А ну, давай к мусорной воронке! — завопил кто–то. — Все к воронке!

Крик подхватили десятки глоток. Оливер и Джульетта бездумно присоединились к толпе, повалившей прочь из деревни.

Факельное шествие перло прямо по хляби и закончилось возле кратера на краю деревни. Оливер пытался разобраться, что же происходит вокруг.

Никогда раньше он не встречал столько грязи, мусора, таких необузданных страстей, такой откровенной нищеты. Его стерильное воспитание и не намекало даже о возможности существования такой распущенности, такой НЕВЕРОЯТНОЙ ГРЯЗИ!

Вокруг него вопили и плясали. Пары обнимались и валились на хлюпающую землю, катаясь и брыкаясь при свете факелов. Мужчины швырялись грязью и хохотали во все горло. На ком–то занялась одежда, и он покатился по земле, сбивая пламя — никто и внимания на него не обратил.

Джульетта висела на его руке, отхлебывая из бутылки и угрюмо косясь на деревенских. Оливер, пораженный происходящим, не обращал на нее внимания.

В свете факелов туман казался блекло–желтым. Было холодно и сыро, пар, выдыхаемый из ртов, висел белыми облачками в

неподвижном воздухе. Сквозь крики и пьяные песни слышался ритмичный топот ног по разжиженному слою грязи и мусора, сплошь покрывающем почву.

Толпа добрались до кратера, и люди кинулись вниз, скатываясь по пологим склонам до самого дна. Покрытые липкой вонючей грязью копранцы стаскивали в кучу к центру воронки все, что могло гореть — обломки пластиковых тарелок, видеопленку, бумагу, куски дерева, тряпье, компьютерные распечатки, разбитую мебель. Куча вспыхнула, и все вокруг вмиг заволокло дымом. В огонь полетели пустые бутылки, люди танцевали и просто бродили по размякшим отбросам, устилающим кратер.

— Не хоч'чего выпть? — поинтересовалась Джульетта заплетающимся языком. Похоже, копранский самогон действовал быстро.

— Спасибо, мне не хочется, — вежливо ответил Оливер.

— Да ради бога! — вдруг обиделась она. — Смотри не обделайся со страху…

Оливер понял, что выпить придется. Он неохотно взял бутылку, задержал дыхание, приподнял респиратор и сделал маленький глоток.

У него захватило дух, из глаз полились слезы. Поперхнувшись, он пролил самогон на костюм. Он в жизни не пробовал ничего более омерзительного! Он и вообразить не мог, что существует нечто настолько крепкое!

Джульетта не обратила внимания на его конфуз. Она отобрала у него бутылку и отхлебнула еще. Тем временем, словно повинуясь какому–то древнему инстинкту, люди взялись за руки и хороводом пошли вокруг огня, пьяно шаркая по мусору. В их глазах сверкали желтые пляшущие огни.

— Пшли, ну? Че ты стал? — Джульетта тянула его за руку. — Пшли ко всем!

Он был слишком ошеломлен, чтобы сопротивляться. Они втиснулись в круг орущей и хохочущей деревенщины. С каждым шагом ноги Оливера все глубже тонули в грязи. Он брел по кругу вместе со всеми, чувствуя, что пламя факелов начинает гипнотизировать его. Это был иной мир. Стены широкого кратера отсекли его от реальности.

Пьяный танец продолжался недолго. Произошло нечто невероятное: земля начала трястись, и вдруг вырвалась у них из–под ног. Оливера бросило на спину. Земля совершила двойное сальто вокруг его головы — то же самое почувствовали и остальные. Бессмысленно смеясь, совершенно пьяные, они поднимали друг друга на ноги, сталкиваясь и падая опять.

— Что… это было? — задыхаясь, спросил Оливер.

Джульетта помогла ему подняться на ноги.

— А! Это каждую ночь такое. Земля трсется. Нчего страшного.

Вдруг Оливер представил себе десятимильный пласт мусора, покрывающий каменное ядро астероида. Он представил себе, как эта глыба оседает, смещается, сжимается от ночной прохлады… Толчки возвратили его к реальности. Вдруг он увидел грязь вокруг себя и на себе самом, и почувствовал тошноту. Он увидел полуголых копранцев, скачущих по жидкой грязи, и в ужасе отвел глаза.

— Мне нужно вернуться, у меня работа на корабле, и я… я весь грязный! Омерзительно грязный!

Джульетта захихикала.

— Никда не слышала про грязного инопланетянца! — Она пошатнулась и ухватилась за него, чтобы не упасть. — Возьми меня на корабль. Х'чу п'смотреть, какой он снутри.

— Но…

— Видеть не могу 'х всех. Никого из этих… Х'чу пойти с тобой.

Оливер попытался убедить ее пойти домой, но безрезультатно. Он двинулся по вонючим мусорным барханам назад, к посадочной площадке. Джульетта повисла у него на плече. Оливер поправил респиратор, спасаясь от вони испарений, поднимавшихся из трещин, появившихся после подземных толчков.

Кое–как он добрался до стоящего посреди посадочной площадки корабля. Он встал на нижнюю ступеньку трапа и высвободился.

— Это было очень… интересно, — сказал он, деликатно отпихивая ее. Не успел он закончить, как она порывисто потянулась, сорвала с него респиратор, разорвав ремешки, и отшвырнула его в сторону. Потом она схватила его за уши и поцеловала взасос, крепко и нетерпеливо.

У нее были полные и мягкие губы, целовалась она опьяняюще и чувственно. Она прижалась к нему, под истончившейся рваной одеждой он чувствовал ее теплое и живое тело.

Но она выросла в грязи Копры, мира–помойки. Оливер внезапно почувствовал, как отвратителен на вкус ее поцелуй, а ладони, которыми она держала его лицо, влажны и липнут от грязи.

С внезапным воплем отвращения он оттолкнул ее от себя.

— Это нечестно! Ты… Это нечестно! — закричала она. — П'чему ты такой чистый? — и она попыталась сорвать с него

защитные перчатки.

Оливер глотнул неотфильтрованного воздуха и подавился им. Его легкие запылали, а желудок содрогнулся от вони. Его скрючило от кашля.

С него было достаточно. Он оттолкнул ее и выхватил респиратор из того, во что его швырнула Джульетта. Но она выбила респиратор из его руки:

— Подыши нашим воздухом, чтоб ты сдох! Нам так он годится, черт бы его побрал!

По ее щекам опять побежали слезы, она развернулась и, пьяно шатаясь, исчезла во тьме. Деревенские все еще орали и хохотали в кратере. Гулянка продолжалась.

Оливер в нерешительности стоял на трапе. Ему совершенно нечего было сказать ей. Совершенно.

Вонь разъедала его желудок и пожирала легкие. Туман обжигал открытое лицо, словно капли кислотных паров. Задохнувшись следующим вздохом, он кинулся вверх по трапу в шлюзовую камеру.

Швырнув костюм в дезактиватор, он наскоро привел себя в порядок и прокрался по темному кораблю к себе в каюту. Ларкин, видимо, уже спал.

Совершенно измученный, Оливер опустился на койку и посмотрел на свое отражение в зеркале и с отвращением увидел грязные отпечатки ладоней на лице. Раздевшись, он принял душ, и только тогда заполз в кровать.

Но лежа в темноте, он вновь и вновь вспоминал об окружающей его вселенской грязи, о вихрях тумана и шевелящихся барханах мусора, об омутах вязкой стоячей жижи, тускло мерцающей при свете звезд.

4. КАПИТАН СТЕРИЛЛ И ГРЯЗНУЛИ

Оливера разбудил отдаленный рев тормозных двигателей. Он потер глаза, пытаясь проснуться, отшвырнул одеяло и подошел к иллюминатору. Солнце давно встало, было ясное утро.

За деревней, на бескрайней грязевой равнине, четким строем приземлялись четыре корабля планетарной инженерии. Сквозь утреннюю дымку их корпуса отсвечивали золотом в сочных оранжевых лучах копранского солнца.

Оливер отвернулся от окна, потянулся и зевнул. Инженерная группа прибыла строго по графику. Теперь ему прибавится работы. Придется бегать с бесчисленными официальными поручениями Ларкина, поддерживать контакт с аборигенами…

Вдруг в его мозгу, словно бессвязные куски кошмарного сна, стали всплывать воспоминания о вчерашнем вечере.

Грязь, пьяные танцы, разгул… Его передернуло от

отвращения. Ну ладно, пусть бы он наблюдал за этим со стороны. Но самому предаваться такому…

Теперь, сидя в своей аккуратной, тщательно вычищенной каюте, он с трудом верил, что мог позволить себе так невообразимо осквернить там, в помойном мире.

Он выкинул все это из головы, тщательно умылся, обтерся прохладной, освежающей туалетной водой и надел свежую, приятную на ощупь одежду.

И лишь одно никак не хотело уходить из памяти — воспоминания о Джульетте Гейлорд. То, что произошло прошлой ночью у подножия трапа, было мучительно и позорно. Ее бесстыдство было отвратительно, но в то мгновение, когда он ощущал ее поцелуй, ни о чем больше не думая, весь в грязи, она казалась ему возбуждающей и привлекательной.

Но думать об этом не имело смысла.

Оливер переключил мысли на служебные обязанности, вышел из каюты и направился в командную рубку.

В рубке Ларкин говорил по радио. Оливер замешкался перед полуоткрытой дверью, собираясь постучаться, и невольно прислушался к тому, что говорил атторней:

— …В этом мы можем оказать вам определенную помощь, капитан. Я и мой помощник намерены завершить эту работу как можно скорей… Что вы сказали? Ах да, общая ситуация. Ну, пока все складывается как нельзя лучше. Туземцы поверили, что мы будем устанавливать новый гравигенератор. Они чертовски упрямы, совершенно не склонны к сотрудничеству, однако, по крайней мере, они не причинят нам неприятностей до завершения работ. А к тому времени они уже не смогут влиять на ситуацию… О нет, это совершенно исключено. Мой помощник знает столько же, сколько копранцы. Так безопаснее… Да, конечно… Да, это полная картина. Вы можете начинать, капитан. Конец связи.

В рубке послышались шаги Ларкина. Оливер попятился от двери — и очень вовремя, так как Ларкин распахнул дверь и вышел в коридор.

— А, Роуч! — сказал Ларкин. — Я как раз собирался посмотреть, не оправились ли вы после вчерашнего… э–э… празднества. Надеюсь, это был поучительный опыт?

Ларкин тонко улыбнулся. Оливер предпочел проигнорировать сарказм.

— Весьма поучительный, сэр.

— Я только что был на связи с капитаном Стериллом, — продолжал Ларкин. — Он возглавляет группу планетарной инженерии, прибывшую сегодня утром. Насколько я понимаю, у

него уже начались неприятности с местным населением. Видимо, стянули что–то из оборудования. Кажется, они решили, что все, лежащее в пределах их досягаемости, может быть ими присвоено. Настало время убедить их в обратном. Сейчас мы пройдем туда и попытаемся устранить затруднение.

Оливер проследовал за Ларкиным в дезактивационную камеру. Слова Ларкина объясняли кое–что из подслушанного им разговора. Кое–что. Но не все. Оставалось непонятым, что имел в виду Ларкин, говоря, что и Оливер, и копранцы неким образом обмануты. Словно был другой план, о котором знали только Ларкин и инженерная команда.

В это верилось с трудом. Может, Оливер поторопился с выводами? Может, если бы он слышал весь разговор, подозрительные фразы разъяснились бы вполне невинным образом?

Он решил ничего не выяснять — пока.

В дезкамере они застегнули костюмы.

— Что случилось с вашим респиратором, Роуч? — спросил Ларкин, увидев, что Оливер достает из шкафа новый. — Фильтры наверняка не успели еще засориться.

— Я… потерял его вчера вечером. Снаружи, — промямлил Оливер.

Ларкин одарил его тяжелым взглядом, пожал плечами и отвернулся.

— Позвольте мне остаться в неведении относительно обстоятельств, при которых вы его потеряли, — сказал он.

Оливер облегченно вздохнул. Он вряд ли смог бы придумать достойное объяснение.

Они прошли через воздушный шлюз и спустились по пандусу. Последние следы утренней дымки таяли в теплых солнечных лучах, небо полностью прояснилось. Они прошли через загаженное поле космодрома, обошли деревню и направились к месту приземления инженерной группы.

— Вы извлекли что–нибудь из вчерашнего общения с туземцами? — осведомился Ларкин. — Какую–нибудь полезную для дела информацию?

Оливер напряг память, стараясь объективно оценить то, что он видел и слышал.

— Здесь на удивление много интересного материала. Копранцы гораздо сложнее организованы, чем я ожидал. Они не только адаптировались к загрязненной окружающей среде, но даже научились получать от нее удовольствие. Они испытывают странное наслаждение от того, что они грязные.

Ларкин насмешливо фыркнул.

— Чушь. Вы неверно поняли ситуацию, Роуч. Они просто стараются извлечь все возможное из своего жалкого унизительного положения. Появись у них вкус к цивилизованной жизни, они бы быстро поняли, как обделены.

— Я уловил вашу мысль. Но вы должны принять во внимание, что они ведь видят примеры цивилизованной жизни на экранах своих телевизоров, и они презирают ее, ставя свою собственную культуру выше. Согласно их принципам, статус человека определяется исключительно размером его коллекции утиля. Это основополагающий критерий. Прошлой ночью, например, обокрали их старосту, и они считают само собой разумеющимся, что он больше не может быть старостой — так как лишился статуса.

Ларкин зевнул.

— Все это так банально, Роуч. Не могу понять, чем это вас заинтересовало. Они хуже детей, застрявших на анальной стадии развития. Грязные крикливые переростки.

Оливер пожал плечами.

— Боюсь, это не совсем так, атторней, вы слишком упрощаете…

Ларкин резко остановился и сердито повернулся к помощнику.

— Роуч, вы что, намерены пререкаться со мной? Для профессионала моего ранга, магистра социальной антропологии, ситуация ясна, как божий день. Проста и физически омерзительна. Я надеюсь, что вы признаете авторитетность моего суждения.

Оливер отвел глаза. Время споров прошло.

— Конечно, мистер Ларкин.

По собственному горькому опыту он знал: нет ничего более бесполезного, чем перечить Ларкину.

Они с трудом пробирались через окружающие деревню бурые мусорные барханы, в которые после каждого шага глубоко погружались ботинки. Оливер, упакованный в плотный защитный костюм, обливался потом.

Но инженерные корабли были уже недалеко. Вокруг них шла сборка сложной механики. Гусеничная техника с дистанционным управлением и саморазвертывающимся оборудованием выгружалась и монтировала еще более сложные системы. За бульдозерами следовали передвижные огнеметы, запекая коркой свежеразровненную грязь и вздымая облака пара и дыма. В воздухе висели скрежет, грохот и гудение техники. Несколько человек в белых комбинезонах следили за ходом работ.

Нижняя секция решетчатой вышки устанавливалась в

исходное положение как раз на глазах Ларкина и Оливера. Роботы готовили мощное бурильное и взрывное оборудование. Силовые кабели змеились по изборожденной гусеничными траками земле. Вокруг сновали подвижные аппараты, их гусеницы крутились, разбрызгивая по сторонам липкую грязь. Панорама сборочных работ живо напомнила Оливеру полузатопленное поле битвы.

Он разглядывал механизмы, проходя мимо них к кораблю, но не заметил ничего, что укрепило бы его подозрения. Если Ларкин и замышлял нечто иное, чем установка генератора гравитации, то в этом месте Оливер ключа к разгадке не нашел.

Они поднялись по пандусу корабля и прошли в открывшийся перед ними люк. Сбросив защитные костюмы, они направились в рубку, где их встретил капитан Стерилл.

Он носил шлем гильдии исследователей и выглядел воплощением силы и здоровья, словно сошел прямо с рекламного медицинского плаката. У него были ярко–синие глаза, густые брови, решительный рот и квадратный подбородок. Красивые черты лица говорили о дисциплинированности и мужестве.

Капитан пожал им руки. Оливер с удивлением отметил, какая вялое у него рукопожатие. И он все время нервозно посматривал через плечо.

Вскоре Оливер понял причину. В дальнем конце рубки на полу сбились в кучу три невообразимо грязных и оборванных старика. В рубке уже неприятно попахивало. В их лицах, донельзя заросших, проглядывало что–то вроде гордой надменности.

— Эти… люди появились здесь полтора часа назад, господин атторней, — сказал Стерилл с некоторой дрожью в высоком голосе. — Они, должно быть, приняли наши космические корабли за эти… мусорные контейнеры. Видимо, эти… э–э… люди живут на свалке.

Оливер заметил, что руки капитана дрожат. Он потел и нервно вытирал ладони о безукоризненно чистый комбинезон. Казалось, он полон дурных предчувствий, и Оливер понимал, почему. В нынешние времена всеобщей цивилизованности и комфортабельной жизни, в Солнечной Системе осталось немного неисследованных мест, избежавших окультуривания. Несомненно, капитан Стерилл впервые столкнулся с людьми не только нецивилизованными, но еще и грязными. И его это совсем не радовало.

— Вы можете что–нибудь… предпринять с этими… людьми? — обеспокоенно спросил он.

Ларкин осмотрел стариков, сморщив нос от отвращения.

— Я вынужден обратить особое внимание на этот случай, —

сказал он. Старики, сидящие на полу скрестив ноги, вызывающе уставились на Ларкина. Через их дырявые лохмотья просвечивала черная от грязи кожа, обтягивающая их истощенные тела. Один из стариков плюнул на пол и вытер рот рукой.

Капитан Стерилл, содрогнувшись, повернулся к Ларкину.

— Я надеюсь, вы сможете удалить их. Они пытались утащить некоторые весьма ценные предметы оборудования. Они по–прежнему не понимают, что мы прилетели на их астероид для выполнения важной задачи. Такое впечатление, что они не из местной деревни. Мне кажется, они живут на пустырях.

— Вы уверены? — поинтересовался Ларкин.

— Обитатели деревни нас не беспокоили. Я полагаю, им известно, зачем мы здесь. Они относятся к этим бродягам, как к дикарям, — Стерилл утер пот со лба. — Я бы вас очень попросил удалить этих людей. Помимо прочего, их запах…

Ларкин повернулся к Оливеру Роучу.

— Я думаю, с вашим знанием жителей деревни вы легко сможете уладить вопрос с размещением этих «дикарей», не правда ли?

— Да, господин атторней, — Оливер обреченно кивнул. Ларкин умел переложить неприятную работу на других.

— Тогда давайте освободим капитана от этого бремени… — Ларкин пересек рубку по диагонали. Стараясь не прикасаться к грязным бродягам, он согнал их с пола и стал теснить к выходу. Капитан Стерилл поспешно отошел в сторону. Старики, ворча и переборматываясь, покорно двигались к воздушному шлюзу, пачкая безукоризненно чистые полы и оставляя грязные пятна на всем, к чему прикасались.

Капитан Стерилл, рассыпаясь в благодарностях, проводил их до шлюза и дождался, пока Оливер и Ларкин надели комбинезоны и вместе с бродягами сошли с трапа.

Три старика, щурясь на солнце, что–то бормотали друг другу. Их дикие глаза горели безумным огнем, белки глаз резко выделялись на фоне почерневших морщинистых лиц.

— Ситуация осложняется нежелательными побочными явлениями, Роуч, — сказал Ларкин. Я уже обдумывал этот вопрос. Если эта троица не из деревни, то логично предположить, что значительное количество неучтенных аборигенов кочует по всему астероиду. Таким образом, наш план эвакуации всего населения к назначенному сроку становится невыполнимым.

— Понятно, господин атторней. Мы предполагали, что все население астероида сконцентрированно в деревне. Теперь нам придется обшарить весь астероид, собрать всех обитателей…

Ларкин прищурился.

— Роуч, это совсем не обязательно.

— Но… ведь мы не можем оставить их здесь на время активации генератора.

— Роуч, вы опять совершаете ошибку, принимая этих дикарей за представителей рода человеческого. Конечно, эти жалкие существа теоретически защищены разнообразными правовыми соглашениями. Но взгляните на вещи реально, Роуч! Можно ли распространять действие закона на эту пародию на человека? Здесь обитают изгои общества — преступники, психопаты и бунтари, для которых Копра — единственное убежище от законов цивилизации. Обратите внимание на их плачевное физическое и умственное состояние — неизбежный результат жизни в этом болоте, в этой… этой зловонной выгребной яме Пояса. И вы действительно чувствуете себя ответственным за их благополучие?

— Но… они все же имеют человеческие права! Неужели вы собираетесь бросить на произвол судьбы копранцев, живущих вне деревни, обречь их на смерть?

Ларкин раздраженно вздохнул.

— Ваши либеральные воззрения, Роуч, невыносимо идеалистичны. Ну что ж, пусть будет по–вашему, — его глаза недобро блеснули. — Мы сможем организовать ограниченный поиск, — продолжил он, — у нас в трюме есть тягач–вездеход с трейлером. Последний идеально подходит для размещения бродяг и их транспортировки в деревню. На поиски можно выделить три дня, пока команда капитана Стерилла выполняет свою работу. Конечно, поиском удастся охватить только часть астероида. Кстати, Роуч, я смогу отметить столь гуманный жест по спасению этих жалких созданий как достойное похвалы рвение при исполнении служебных обязанностей, и заработать на этом должную репутацию. Вы, несомненно, тоже.

— Я?

— Ну конечно же. Ведь это именно вы проделаете экспедицию на тягаче. Это как раз для вас — принять участие в благородном деле.

— Но у меня здесь много работы. Мои записи…

Ларкин мрачно улыбнулся.

— Роуч, на меня произвела глубокое впечатление ваша забота о благополучии жителей Копры. И я осмелился предположить, что вы будете рады возможности отправиться в экспедицию ради спасения их жалких жизней. Итак, Роуч?

Оливер понял, что опять попал в ловушку. Ларкин, не терпевший возражений, придумал отличный ход. Оливер будет убран с дороги на три дня, вплоть до окончания операции. И

найти логичное возражение не удастся.

— Хорошо, атторней Ларкин. Я отправляюсь в трехдневную экспедицию. И все же мне представляется необходимым также предпринять что–нибудь для тех кочевников, районы обитания которых я не смогу охватить за три дня.

— Вы мне надоели, Роуч. Я не желаю больше тратить на вас время. Избавьте меня от ваших бессмысленных человеколюбивых доводов. Отведите этих трех зловонных бродяг в деревню и проследите, чтобы они там остались. Отыщите в деревне туземца в проводники для вашей экспедиции. Вы отправитесь завтра в полдень. Зайдите попозже ко мне в каюту — мы обговорим оставшиеся вопросы.

Не дожидаясь ответа, Ларкин развернулся, и, хлюпая по грязи, зашагал к кораблю. Оливер, скрипя зубами от подавленной ярости, остался устраивать судьбу трех лохматых, обросших грязью бродяг.

Ларкин обошелся с ним бесцеремонно, наплевал на его работу. Ему придется вынести трехдневную экспедицию через пустоши Копры в компании с кем–нибудь из деревни.

Он работал на Ларкина больше года, но никогда еще не видел его таким бесцеремонным. Что–то в грязном воздухе Копры заставило характер Ларкина проявиться во всей его неприглядности.

5. ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА КОВЫРЯНИЯ В ГРЯЗИ

Пока Оливер пререкался с Ларкиным, бродяги уселись прямо посреди большущей лужи. Двое сразу же заснули, третий бездумно уставился перед собой. Оливер молча разглядывал их, совершенно не чувствуя в себе желания куда–либо их вести. Из ступора его вывел оклик — кто–то направлялся к ним по стройплощадке. Когда человек приблизился, Оливер узнал Нормана — сына Айзека Гейлорда. Это было кстати: Норман мог помочь пристроить бродяг.

Оливер объяснил ему, в чем дело.

— Не подскажете, куда их определить? Они мешают мне работать.

Норман пожал плечами.

— Можно оставить их в деревне… Хотя с кочевниками трудно иметь дело, они слишком быстро выживают из ума. Попробуйте отвести их к отцу, может, он что–нибудь придумает. А я вас провожу, мне все равно в ту сторону. И еще мне надо с вами поговорить.

Они подняли бродяг и повели их через мусорные дюны.

— Что это они там делают? — спросил Норман, указывая на четыре корабля и скопление разномастной техники. — Бродил я

там, бродил, но так ничего и не понял.

— Все очень просто, — сказал Оливер. — Все это нужно для бурения скважины к ядру астероида, а башня, которую сейчас устанавливают — буровая вышка. Когда будет пробурена скважина, на ее дно установят новый генератор, который обеспечит астероиду гравитационную стабильность.

— И на время запуска генератора отсюда всех вывезут?

— Конечно. Дней на десять, пока не прекратятся колебания поля.

Норман, казалось, что–то обдумывал.

— Наверное, на астероиде будет не настолько опасно, чтобы людей пришлось эвакуировать насовсем? — он смотрел Оливеру в глаза долгим взглядом, тонкие черты его лица застыли в напряженном ожидании.

— Эти вопросы не в моей компетенции, — ответил Оливер. — И я не уверен, что располагаю полной информацией. По официальному плану, насколько мне известно, предполагается всех вернуть назад. С другой стороны, атторней Ларкин был бы рад, если бы здесь никого не осталось. Он считает Копру пятном на безукоризненной чистоте Пояса Астероидов. Оставлять людей здесь жить… — Оливер пожал плечами и улыбнулся. — Мне и самому это не нравится.

Норман успокоенно кивнул.

— Значит, вы думаете, что нашим людям предоставят возможность перебраться в более чистый мир? — говорил он прямо как инопланетник.

Оливер никак не мог понять, к чему Норман клонит.

— Я лично считаю, что люди имеют право жить там, где хотят, если только это возможно; но судя по тому, что я видел, вашим лучше будет остаться на Копре. А вы как считаете?

Норман раздраженно повел плечом.

— Да, конечно. Но ответьте на мой вопрос — вы–то сами как думаете, собираются нас выселять насовсем?

— Похоже, вы хотели бы уехать навсегда?

Норман старательно изобразил равнодушие.

— Не совсем так, мистер Роуч. Просто среди копранцев есть и разумные люди. Не такие, скажем так, упертые, как мой отец. А сейчас, с вашего позволения, мне нужно сделать еще кое–какие дела, — И, не дожидаясь ответа, он направился к другому концу деревни.

Похоже, что ситуация в деревне была еще сложней чем Оливер предполагал.

Он вышел на главную улицу и направился к дому Гейлорда. За ним, шумно дыша, плелись бродяги.

После вчерашнего праздника улица выглядела, как поле битвы. Видимо, вернувшись от воронки, люди продолжали куролесить в деревне. Трава между домами была вытоптана, стекла выбиты, двери поломаны, а прямо посреди улицы дотлевал огромный костер. В грязи на земле валялись битые бутылки и разбросанная одежда.

— Ха — вот'да, г'деж–тб'л нихилый? — пробормотал один из стариков, обнажив в ухмылке четыре коричневых зуба. Оливер с большим трудом разобрал, о чем говорит бродяга.

— Да, гудеж вчера был большой, — ответил он. — Перепились все вдрызг.

Старик хрипло рассмеялся и сплюнул на землю. Дернулась в тике покрытая шрамами щека, слюна поползла по спутанной бороде. Оливера, передернувшись, отвернулся. Он уже начинал привыкать к окружающей его мерзости, но у его привычки все еще были пределы.

Они обошли старую диспетчерскую вышку, и Оливер постучался в дверь Гейлорда. После долгого молчания в доме послышались голоса, и кто–то неуверенно двинулся к двери.

Наконец, заскрежетал замок, дверь приоткрылась, и оттуда, бледная и осунувшаяся, выглянула Джульетта Гейлорд в драном халате и стоптанных шлепанцах.

Оливер не ожидал увидеть ее. Их взгляды встретились, и воспоминания о прошлой ночи вспыхнули в его памяти. Они глядели друг на друга и молчали. Потом ее нижняя губа задрожала, и она, едва сдерживая слезы, убежала в дом. Сквозь захлопнувшуюся дверь было слышно, как Джульетта зовет отца.

Гейлорд добрался до двери очень нескоро. Он выглядел еще хуже. Глаза у него слезились и так налились кровью, что казались багровыми. Его лицо было искажено выразительнейшей гримасой бесконечного страдания, а кожа под слоем грязи была мертвенно–бледной, с прозеленью. Одну руку он прижимал к виску, а другой цеплялся за дверь, чтоб не рухнуть на пол. Стояло теплое влажное утро, но его трясло от холода.

— Шт… штенадо?

— Что с вами? — спросил Оливер. — Вы заболели?

Гейлорд заскрежетал зубами, как от невыносимой боли.

— Тупой инопланетский ублюдок! Ты что, никогда не видал, как человека корежит с бодуна?

Так вот почему деревня была так пустынна! Значит, копранцы мучились после вчерашнего. А Норман, ни свет ни заря появившийся на стройплощадке, весь праздник держался в тени…

— Извините, — сказал Оливер. — Я не подумал, что…

Он запнулся, увидев Джульетту, пересекавшую комнату. Она

отвернулась от него и быстро взбежала по лестнице на второй этаж.

Гейлорд с трудом ухмыльнулся и принялся с оскорбительным видом ковырять в носу трясущимся пальцем.

— Она… не желает с тобой знаться после вчерашнего, — проворчал он. — Ну, чего приперся? Живей давай, мне прилечь бы…

Оливер не стал спрашивать, что наговорила о нем Джульетта — Гейлорд все рано не сказал бы — и рассказал о бродягах.

Гейлорд мучительно, со звуком рвущегося ржавого железа, прокашлялся и харкнул.

— Ну, так чего ты их приволок? — прохрипел он. — Я больше не староста. Не мое дело. Пусть Норман этим занимается… — и он принялся закрывать дверь.

Оливер успел всунуть в щель ботинок.

— Скажите хотя бы, могут ли они остаться в деревне?

Гейлорд скривился.

— Что, выписать им вид на жительство? Гарантировать избирательные права? Ну, гад, паршивая инопланетская дрисня! Хотят — пусть остаются, ясно?

— Тогда все в порядке. И последний вопрос. Атторней Ларкин беспокоится о людях, кочующих по астероиду. Он хочет, чтобы я отправился на вездеходе в трехдневную экспедицию и собрал сколько удастся бродяг, чтобы их тоже можно было эвакуировать. Мне понадобится проводник, и я хотел у вас узнать, кто сможет мне помочь.

Гейлорд скривился и сжал обеими руками раскалывающуюся голову.

— Ты имеешь в виду, на пустырях? Трехдневную… три дня?

— Да.

— А, черт! Мне надо подумать, — простонал Гейлорд. — Дай мне время подумать!

Он потерял равновесие и чуть не свалился.

— Слушай, я хочу это с тобой обго… ворить. Обговорить, понял? Может, я сам с тобой поеду… Но только не… Давай не сейчас!.. Я вот что… Я сам к тебе приду. Может, вечером… Только, ради бога… — он зашелся в приступе удушливого кашля и захлопнул дверь. На этот раз Оливер не успел вставить ногу.

Он вздохнул и повернулся к бродягам.

— Вы все поняли? Вас приглашают остаться в деревне. Но не вздумайте вернуться обратно. Это не пузыри. Это космические корабли. Для вас там еды нет. Понятно?

Один из стариков что–то пробурчал и кивнул. Они развернулись и заковыляли вниз по загаженной улице. Легкий

ветерок развевал их длинные густые бороды и рваные лохмотья.

Оливер вздохнул. С этим было улажено. Но еще ему хотелось разгадать тайные цели Ларкина — если они существовали. И непонятно, чего добивается Норман. И нужно было разобраться в поведении Джульетты, которое так его взволновало. И еще вечером на корабль заявится Гейлорд. Ларкин наверняка будет недоволен. Всем этим нужно заняться логично и упорядоченно, как его тренировали в Гильдии Наблюдателей и Регистраторов.

Оливер направился к кораблю. Ларкин велел явиться к нему в каюту, как только он пристроит бродяг. Это будет первым в списке.

Атторней сидел за столом в командной рубке.

— Добрый день, Роуч, — по голосу Ларкина чувствовалось, что день ему кажется каким угодно, только не добрым. — Вы, однако, не слишком торопились.

Оливер вздохнул.

— Я избавился от стариков, как только смог, господин атторней. И еще: я переговорил с Айзеком Гейлордом. Он, кажется, заинтересован в экспедиции по пустырям. Правда, мне пока непонятно, почему именно. Он должен прийти сегодня вечером.

Ларкин от удивления подскочил на стуле.

— Прийти сюда, Роуч?! Да вы с ума сошли! На каком, собственно, основании вы вздумали приглашать сюда, на исследовательский корабль, этого грязного мужика? Вы слишком много на себя берете, Роуч! Вы должны были провести переговоры в его… его лачуге, а не здесь!

У Оливера сдавали нервы. Он с трудом удерживал себя в руках.

— Мистер Ларкин, постарайтесь понять, что люди в деревне мучаются похмельем — в десять раз более жестоким, чем нам с вами когда–нибудь приходилось испытывать. Если вы думаете, что там сейчас кто–то может сидеть и дружески беседовать с инопланетником, так почему бы вам не пойти и не попробовать самому!

Наступила тишина. Ларкин сжал губы в нитку и принялся разглядывать промокашку на своем столе. По его лицу было заметно, что он любуется собственным самообладанием. Когда он заговорил, его голос звучал ровно и бесстрастно.

— Ваше поведение, Роуч, граничит с неповиновением. Я достаточно долго терпел вашу неучтивость и пререкания. Если вы намерены и дальше испытывать мое терпение, результаты для вас будут самыми плачевными, — он поднял от стола злые глаза. — Выйдите, Роуч, прошу вас.

Оливер с бесстрастным лицом вышел из рубки. Учитывая благоговение Ларкина перед уставными требованиями, спорить было по крайней мере безрассудно. Ларкин был руководителем экспедиции и был вполне готов — более того! — он жаждал воспользоваться преимуществами своего положения. Так что Оливер подавил обиду, заперся в своей каюте и сел перед терминалом для ввода информации. Он вынул портативный стенограф и начал наговаривать то, что успел узнать о Копре и ее жителях, и чего еще не было в банке данных. Слева от него стоял компьютер, набитый статистическими данными и сводками по сотням астероидов, на которых он побывал раньше. Банк видеоданных содержал в файлах несколько тысяч фотографий.

Это и была работа Оливера, работа Наблюдателя и Регистратора.

И еще — это была его страсть. И лучшим способом снять напряжение было погрузиться в записи, процедить информацию и ввести ее в банк данных. Он потерял чувство времени. Он забыл о сложностях окружающей жизни. Перед ним, на расстоянии вытянутой руки, находились целые миры, полные событий, фактов — всего того, что он любил.

Его больше не волновало, что там сказал Ларкин, что наворотили Гейлорд и его копранцы, да и Джульетта больше не вторгалась в его мысли.

Он успел пообедать — и даже поужинать, — прежде чем Гейлорд дал о себе знать. Что–то стукнуло в иллюминатор. Оливер с трудом оторвался от сложных демографических выкладок. Опять слабый стук — в окно снаружи бросили камешек.

А потом пригоршню гравия.

Гейлорд, похоже, не любил ждать.

Оливер спустился к шлюзу и принялся всматриваться через иллюминатор в темноту. Гейлорд поднялся по трапу, жестами требуя, чтобы Оливер открыл люк и впустил его.

Нужно было выбирать — впустить его в корабль или шлепать по копранской грязи к его дому. Оливер решил, что сейчас это ему не по силам. Он повернул рычаг и наружный люк распахнулся. Гейлорд зашел в шлюз, и Оливер закрыл за ним наружную дверь, прежде чем открыть внутреннюю. Он не хотел, чтобы в корабль просочился воздух Копры.

Гейлорд направился за Оливером к его каюте.

— Я не хочу тебе надоедать, ноги моей здесь бы не было, если бы я не отчаялся, — он вошел вслед за Оливером в каюту, небрежно захлопнул за собой дверь, сел и принялся раскачиваться на стуле. Под его тяжестью несчастный стул

скрипел и стонал.

— Ты не наш, тебе не понять, — продолжал он. — Когда теряешь свой скарб, это как будто ты больше никогда не сможешь посмотреть в глаза своим друзьям. Тут уж не до гордости.

— Вы так и не узнали, кто украл вашу коллекцию?

— Нет. Весь вечер рыскал по деревне. Ты уж поверь, я здесь знаю каждую дырку. Нигде его нет. Я так думаю, это дело рук бродяг, какой–нибудь шайки с пустырей.

Он встал со стула и принялся бродить от стены к стене — разговор об утерянном скарбе действовал ему на нервы. Комья засохшей грязи сыпались с его одежды и хрустели под ногами, а воздух напитался вонью немытого тела. Оливер потихоньку включил вытяжной вентилятор.

— Но ведь бродягам понадобился бы транспорт, чтобы вывезти такую груду вещей?

— Так и что? Нашим деревенским — тоже. Грузовик есть у меня одного, на нем Джульетта добычу возит. Любому в деревне пришлось бы попотеть, перетаскивая такой здоровенный скарб. Так вот я и думаю — это была какая–нибудь шайка. Какие–то бродяги отыскали в пузыре, например, вездеход…

— А, понимаю. Звучит логично. Но какое отношение это имеет к…

Гейлорд вздохнул.

— Только подумать, до чего дожил, а? Прошу о помощи инопланетянца… — пробурчал он, опять сел и закусил нижнюю губу. — Ох, не по душе мне все это! — Он вдруг запустил руку в карман драного пиджака и вытащил пластиковую фляжку. — И не буду просить, пока ближе не сойдемся. Выпьем.

— О, нет, спасибо, — сказал Оливер, вспомнив неразбавленный копранский самогон, который он продегустировал этой ночью. — На мой вкус, крепковато. Может, выпьем моего? — он нашел бутылку виски и поставил на стол две рюмки.

— Справедливо, — сказал Гейлорд. — Премного благодарен. Никогда не пробовал инопланетского первача, — он взял рюмку, которую Оливер наполнил до половины. Мясистый нос дернулся, обнюхивая янтарный напиток. Затем Гейлорд пожал плечами, выпил одним глотком, вытер губы, сморщился и замотал головой. Пораженный Оливер смотрел, как Гейлорд наполнил рюмку из своей фляжки и огромным глотком выдул мутный коричневый самогон.

— Слышь, не в обиду, — сказал Гейлорд, — но твой мне не вставит, — он поставил рюмку на место и удовлетворенно потер руки. — Ну, к делу. Значит, ты собираешься собрать всех бродяг,

каких только найдешь, так? Так. Так вот, дам я тебе проводника, но услуга за услугу. Я тебе прямо скажу — я хочу поехать с тобой и попробовать найти парней, которые сперли мой скарб. Уловил?

— Нет проблем, — кивнул Оливер, — Только сможете ли вы быть проводником?

— За деревней я ничего не знаю. Всегда хватало дел дома. Единственный человек, который знает округу — это Джульетта. Чуть ли не каждый день там ковыряется. Сложность в другом…

— Ну, так в чем же сложность? — перебил Оливер, — И чем была так расстроена ваша дочь сегодня утром?

Гейлорд машинально поковырял в носу и обтер пальцы о полу пиджака.

— Хорошо, — сказал он. — Значит, нам придется прояснить кой–чего, чтобы не было неясности. Ты знаешь, какого мы мнения об инопланетянцах. Тебя мы в расчет не берем, так? — но мы терпеть не можем их закатываний глазок и жеманных бабских манер. Нам не нравится, что они льют помои нам на голову, а потом, понимаешь, трындят, что мы не такие чистюли, как они. Теперь, что касается моей девочки, Джульетты. Она вчера расстроилась из–за моего скарба, и вообще, ей обрыдла наша деревенская толпа. И тут появляешься ты. Она, бедняжка, так напилась, что решила: неважно, мол, что ты чужак. И придумала себе, что влюбилась. Само собой, ничего из этого не могло выйти. Сгорает со стыда сейчас, понятное дело. Ну, так ей и надо.

— Но ведь вы понимаете, что я здесь не при чем, — настороженно сказал Оливер.

— Не об этом разговор. Разговор о том, что ты ее зацепил. Что она на тебя залипла. И ты на нее глаз положил, как только увидел, а? — думаешь, я не заметил? И мне это не нравится, понял? Потому что ты — инопланетчик, а она — копранка.

Гейлорд плеснул себе еще мутняка. Он уже успел разгорячиться.

— Это глупо, — сказал Оливер. — Во–первых, ваша дочь неопрятна. Я никогда бы не смог…

Гейлорд радостно захрюкал и принялся размахивать толстым грязным пальцем у Оливера перед носом.

— Не дурачь себя, парень. Вот побудешь еще у нас, и поймешь, что в «немножко грязи» ничего плохого нет. На самом деле, черт возьми, — он наклонился ближе, — черт меня раздери, если я не читаю это в твоих глазах!

Оливер отвернул лицо от придвигавшегося все ближе Гейлорда. От отставного старосты разило всеми ароматами Копры, и над этим букетом царило зловоние только что выпитого первача.

— Ерунда, — сказал он. — Я был воспитан в такой же чистоте, как любой в Поясе Астероидов.

Гейлорд взмахнул ручищами.

— Это еще ни–че–го не значит, да, ни–чер–та! Не спрашивай, откуда я знаю, но уж знаю–то наверняка. Так что мне ох как понятно, что тебе нужно на самом деле, там, в глубине души, — он сделал попытку показать, где именно. — На самом деле ты хочешь залезть во всю эту грязь, во все эти помои, да еще и руки туда запустить… Ладно, чего ты ерепенишься? Что вижу, то и говорю. В том, как ты ходишь, как говоришь… Самый страх в том, что ты боишься дать себе волю. Боишься признаться в своих желаниях, что тебе хочется вываляться в грязи, насладиться жизнью, в полный рост.

Затуманенный выпивкой рассудок Оливера был уже не в состоянии связно мыслить.

— Это все ерунда, — вклинился он в непрерывный монолог Гейлорда. — Могу признаться только в одном — помню, я подумал, что не будь ваша дочь такая замарашка, если бы она мылась и прилично одевалась, она бы была чертовски привлекательна. Нет, в самом деле.

Гейлорд гоготнул.

— «Чертовски привлекательна!» Херня какая. Мне это нравится. Я хочу тебе кой–чего сказать, парень. Был бы ты из наших, — да хотя бы просто бросил свои поганые чужаковские привычки! — был бы грязный! — мне было бы наплевать, что ты трешься вокруг моей Джульетты. Я был бы даже доволен, разрази меня гром!

Он склонил голову набок, прищурился и оценивающе осмотрел Оливера. Потом рванулся вперед и, прежде, чем Оливер успел отпрянуть, обтер свои грязные ладони о розовые щеки Регистратора, оставив на них черные следы.

— Да тебе так идет! — радостно взревел он. — Слушай, парень, тебе идет быть грязным!

Оливер схватился за щеки — это было уже чересчур. Он вскочил, оттолкнув стул.

— Какое вы имеете право! — крикнул он. — Загадили мне всю каюту, неприятностей от вас… уходите! Оставьте меня в покое!

— Ладно, ладно, не сердись. Давай еще выпьем. Если у тебя кончилось, хлебни моего. И давай, привыкай к грязи, парень. Держи, это классная выпивка, ей–богу. Сам гнал на прошлой неделе.

Гейлорд плеснул коричневой жижи в рюмку и поднес ее ко рту Оливера. Тот, уже слишком пьяный, чтобы сопротивляться,

шлепнулся на свой стул и позволил влить содержимое рюмки себе в рот.

Самогон на вкус был не лучше едкой щелочи. Оливер закашлялся и половина рюмки выплеснулась ему на рубашку, но остальное он как–то все–таки проглотил. Он содрогнулся от едкой горечи на языке. Дыхание перехватило, когда огненная жижа прошла через горло. Комната пошла кругом.

Это было уже ни на что не похоже. Ему с трудом, но все–таки удалось встать.

— Ну, хватит! — прохрипел он, покачиваясь. — Уходите, пока не натворили чего похуже… Лучше б вы не приходили совсем! У меня куча важной работы. Мне нужно каталогизировать мои записи…

Но отделаться от Гейлорда было не так–то просто.

— Записи — что за записи?

— Мои записи… а, проклятье! — он яростно ткнул в сторону терминала. — Статистические данные. Записи. Я Наблюдатель–Регистратор. Я понятно излагаю?

Гейлорд, уставившись на аппаратуру, медленно расплывался в улыбке.

— Да это с ума сойти! Ты знаешь, что это у тебя, а?

Оливер постарался понять, что было сказано.

— Что вы имеете в виду?

— Черт возьми, это же ясно! Вот тебе и доказательство моих слов! — он грохнул кулаком по столу. Бутылка из–под виски и пустая рюмка упали на пол и разбились. — У нас, на Говнюхе, собирают вещи из пузырей. Мы их храним, и даже… это самое… каталогизируем. Ну, а ты что делаешь, парень? Не то же самое, нет? Вот он, твой скарб!

— Чушь! Ерунда! Вон из моей каюты! — Оливер, пошатываясь, схватил массивного Гейлорда и попытался вытолкать его за дверь, но тот даже не покачнулся.

— Так и есть, так и есть, разве не видишь? Нет никакой вообще разницы. Ты и я, мы думаем похоже. Мы оба душой коллекционеры. И что до тебя — так твой скарб классифицирован гораздо лучше, чем мой.

Оливер не мог больше этого терпеть. Он привалился к стене, чтобы не рухнуть, и еле слышно бормотал:

— Уходите. Уходите, пожалуйста…

— Ладно, ладно, — сказал Гейлорд. — Уже иду. Я уже ушел. Черт возьми, я был бы последним дерьмом, если бы с тобой разосрался. Тем более, что у нас с тобой так много общего.

Он разразился хохотом и стал неуверенно пробираться к двери. Но тут сверху раздались тяжелые глухие удары и Гейлорд

застыл, удивленно уставившись в потолок.

Оливер побледнел.

— Боже, это атторней Ларкин! Его каюта как раз над нами. Наверное, его потревожил, или даже разбудил, наш шум.

Гейлорд грохнул с размаху дверью каюты, сорвав ее с петель.

— Что ты беспокоишься из–за ерунды, — взревел он. — Я не позволю этому куску дерьма падать на моего дружка! — и прежде, чем Оливер успел остановить его, Гейлорд ринулся по трапу на верхнюю палубу.

— Эй, ты, Ларкин! — заорал он. — Выходи на честную драку!

Ларкин встретил его на полпути. Он был в облегающей форменной пижаме из белого байкопласта, и в соответствующей шапочке. Он стоял на верхней ступеньке трапа, как бледное светящееся привидение.

Гейлорд, рыча и сверкая глазами, надвигался на него, усеивая путь брызгами помоев.

Ларкин поднял пистолет.

— Стойте, где стоите, мистер Гейлорд. Если вы попытаетесь напасть, я, в соответствии со служебными инструкциями, имею право пристрелить вас на месте.

Он не шутил. Гейлорд притормозил, оценил ситуацию, ухмыльнулся, осматривая Ларкина с головы до ног — и плюнул, с исключительной меткостью попав атторнею прямо в глаз.

Потрясенный Ларкин вскрикнул от ужаса. Он содрогнулся, выронил пистолет, судорожно стер слюну с лица и с неослабевающим ужасом уставился на свои осквернённые руки.

— Роуч! Боже мой, уберите это чудовище! — пронзительно взвизгнул он.

— Ладно, ладно, уже ухожу, — благостно сказал Гейлорд. — Спасибо за гостеприимство, Ларкин. Наведывайся ко мне, как припадет охота.

Но Ларкин его не слышал. Он бежал в каюту отмываться.

Оливер тащился за Гейлордом ко входному люку, еле переползая со ступеньки на ступеньку. Положение его было ужасающим.

Копранец выбрался на трап, бросив открытыми обе двери воздушного шлюза, и прочувствованно втянул в себя мерзкий ночной воздух.

Оливер задохнулся в клубах желтого тумана, вползавших в корабль. Он добрался до пульта и стал шарить по кнопкам, пытаясь закрыть одну из дверей, но был слишком пьян, чтобы справиться с этим сразу.

— Здорово погудели, — сказал Гейлорд. — Мне понравилось. Да, хорошо пошло.

Он двинулся вниз по трапу в ночную тьму.

— Ты это, приходи ко мне завтра. Решим насчет дикарей…

Остальные его слова отрубила закрывшаяся дверь шлюза, с которой Роучу удалось, наконец, справиться.

Оливер, держась за стену, поплелся вверх по трапу. Гейлорд здорово наследил на ступеньках, они были все в жирной слякоти. Следы вели в каюту Оливера.

— Роуч! — окликнул его Ларкин. — Роуч, немедленно зайдите ко мне.

Оливер вздрогнул и, чувствуя холод в животе, миновал еще один пролет. Ларкин, бледный от бешенства, ожидал его в коридоре.

— Я предупреждал вас, Роуч, чтобы вы не приводили на корабль эту тварь! Вы сочли возможным ко мне не прислушаться, и это будет иметь для вас самые неблагоприятные последствия. В частности, ваше следующее повышение по службе будет… — он вдруг замолчал и уставился на Оливера. — Что… что это у вас на кителе? А на лице?! Роуч, ВЫ ГРЯЗНЫЙ !

Ларкин изумленно всплеснул руками.

— Я бы не поверил, что такое возможно, если бы не увидел собственными глазами! Как дикарь, как какой–то копранец! И это — мой помощник?! Немедленно приведите себя в порядок! Явитесь ко мне утром.

Оливер тупо кивнул и направился к трапу, но запнулся за ногу, потерял равновесие и рухнул на палубу, стукнувшись головой о металлическую переборку. В желудке у него забурлило, и он рыгнул. Потом он с трудом поднялся на ноги.

Наверху Ларкин уходил в свою каюту. Гнев его испарился, сменившись глубочайшим изумлением.

Оливер добрался до каюты и уставился на царящий в ней разгром. На полу, усеянном битым стеклом, лежал стул с подломившимися ножками. Все вокруг было заляпано грязью. Он попытался закрыть дверь, но сломанные петли выскочили из рамы. Вяло ругаясь, Оливер кое–как заткнул проем дверью.

Он разделся и намазал испачканное руками Гейлорда лицо толстым слоем очищающего крема. Всю грязь удалось оттереть только за четыре приема. Потом Оливер рухнул в постель и выключил свет.

6. ШАХТА К ЦЕНТРУ СВАЛКИ

Утром Оливер проснулся с дикой головной болью. Дрожа, он сполз с кровати, щурясь от яркого утреннего солнца.

Он сразу начал прибирать разгромленную каюту. Беспорядок был отвратительным. Он вымыл пол, прошелся по комнате с дезодорантом, вытравливая оставшуюся после Гейлорда вонь.

Даже искупавшись и переодевшись в чистое, Оливер чувствовал себя испачканным. Прикосновение грязи оставило след если не на теле, то в памяти. Он посмотрел в зеркало и ему показалось, что на щеках у него до сих пор остались грязные следы рук Гейлорда.

Оливер попытался стряхнуть с себя дурное настроение, но с такого похмелья это было трудно сделать. В голове пульсировала боль, рот пересох, в желудке бурлило. Оливер совершенно не был готов к встрече с Ларкиным.

Он прокрался мимо командной рубки, спустился в дезактивационную камеру, надел защитный костюм, натянул респиратор и сошел по трапу вниз.

Он захватил с собой карту окрестностей, составленную на основе орбитальных фотографий астероида. С помощью карты они с Гейлордом смогут выработать маршрут экспедиции.

По грязной деревне лениво бродили копранцы, не обращавшие на Оливера никакого внимания. Похоже, ни у кого не было никаких дел, кроме как рыться в падающем с неба мусоре, выбирая из него объедки и хлам. А это не занимало много времени и сил.

Оливер шел мимо стариков, наслаждавшихся солнцем, мимо хозяек, судачащих возле домов, мимо детей, дерущихся посреди грязной улицы и играющих в пятнашки на заросших сорняками огородах.

Потом, в запущенной гостиной Гейлорда, он расстелил карты и они стали вместе их смотреть.

— Нужно охватить как можно большую площадь, — сказал Оливер, — чтобы было больше шансов найти группы кочевников. С другой стороны, мы не должны уходить слишком далеко от деревни. Люди, которые украли ваш скарб, вряд ли смогли унести его на большое расстояние. Это было бы слишком сложно.

— Словил твою мысль, — кивнул Гейлорд. — Давай двинем по прямой, а потом пойдем как бы по спирали вокруг деревни и назад, так?

— Вроде бы нормально, — сказал Оливер, — Нам нужно уложиться в три дня.

Гейлорд повернулся к Джульетте, одиноко сидевшей в дальнем углу:

— Ты нам тоже понадобишься. Десять лет назад я знал окрестности, как никто. Но с тех пор много воды утекло, я уже все к черту забыл, а на грузовике моталась ты. Тебе и карты в руки.

Джульетта бросила смущенный взгляд на Оливера и отвела глаза.

— Если ты настаиваешь… — тихо сказала она.

— Ладно, значит — решено, — буркнул Гейлорд.

Он впился глазами Оливеру в лицо и печально покачал головой.

— Похоже, ты не в форме, парень. Жаль. Тебе нужно быть в порядке, когда мы отправимся — там может быть трудно. Сначала барханы. Ну, барханы — это не больно сложно. А потом — джунгли, там полно таких чудищ, что тебе и с бодуна не привидятся. Этим проглотить человека — плевое дело.

— Чудища?

— Ну, я же говорил… Некоторые промышленные астероиды вообще плюют на все тонкости. Швыряют, понимаешь, радиоактивные отходы. Большая часть живности попередохла, но некоторые успели наплодить всякой нечисти.

— Но как эти животные сюда вообще попали?

— Очень просто. Сто лет назад мой дед основал здесь колонию. Собирался благоустроить астероид, видишь ли. Большая часть домашних животных, которых он привез, вымерла, но, по крайней мере, стаи диких собак в джунглях живут.

— Тогда я возьму с собой оружие… Впрочем, внутри тягача мы в безопасности.

Гейлорд осклабился и потер ладони.

— Чудненько. Прогулочка будет что надо. К тому же, я должен найти ублюдков, которые уперли мой скарб.

Оливер тупо кивнул. Он чувствовал себя измотанным и опустошенным. Вздохнув, он стал собирать карты. Похмелье еще усугубилось, но дольше оттягивать встречу с Ларкиным было невозможно. Он отпихнул стул и встал.

— Давайте встретимся у корабля через час или два, — сказал он и вышел.

Ларкин ждал его в командной рубке.

— Заждался я вас, Роуч, — сказал он. — Вас, несомненно интересует, что вам грозит, — Ларкин опустил глаза на письменный стол и сделал вид, что перебирает бумаги, избегая взгляда Оливера. Повисла нескончаемая пауза. Оливер неловко переминался с ноги на ногу.

— Я хочу сказать, господин атторней, что причиной беспорядков, имевших место прошлой ночью, были не мои действия. Вся вина ложится на Гейлорда.

Ларкин окинул его ледяным взглядом.

— Вздор! — перебил он. — Вина полностью лежит на вас — это вы, вопреки моим недвусмысленным указаниям, впустили дикаря на борт корабля. Это вы нарушили приказ, Роуч, сознательно и намеренно, и за все эти омерзительные эксцессы ответственны именно вы.

Оливер вздохнул. Спорить было бессмысленно.

— Я еще не готов адекватно оценить ваши действия, — продолжил Ларкин. — Предлагаю вам уехать. Вы отправитесь в трехдневную экспедицию и по возвращению явитесь ко мне. К этому времени я приму решение. Это все.

Оливер смирил свою гордость и молча вышел. Будущее выглядело мрачно, но он запретил себе думать об этом. Он обуздал ноющую головную боль и стал методично собирать все нужное для путешествия. Он загрузил тягач, прицепил трейлер и вывел обе машины из трюма корабля.

Внешне тягач выглядел уродливо, но внутри был удобен. Цилиндрический корпус из сверхпрочного пластика сидел на широченных гусеничных траках, способных пройти по любой местности — от голой скалы и песка до грязевого болота. Для быстрой езды по ровной местности под тягачом были установлены пропеллеры, создающие воздушную подушку, легко поднимающую машину над землей.

Трейлер был похож на тягач и так же сделан, он имел собственные пропеллеры и гусеничный ход. Но энергию он получал от ядерной установки тягача, и управлялся из его кабины.

Оливер остановил машину и сошел на землю. Гейлорд с Джульеттой опаздывали, а он хотел поскорей убраться подальше и от корабля, и от деревни. Оливер вздохнул и пошел через деревню к дому Гейлорда.

Он встретил Гейлорда и Джульетту на полпути.

— Прости, парень, мы слегка застряли, — сказал Гейлорд. — Искал, понимаешь, Нормана — надо было надавать ему кое–каких советов, насчет того, как вести дела, пока я в отъезде. Куда–то запропастился, гаденыш.

— Так ведь мы же ненадолго, — пожал плечами Оливер. Они пошли к тягачу. Оливеру вдруг померещилась, что возле машин мелькнула чья–то фигура, но когда они подошли, вокруг никого уже не было.

Вслед за Оливером на тягач взобрались Гейлорд и Джульетта. Оливер уже взмок в своем защитном костюме, но снимать его не хотел: от Гейлорда крепко воняло, а система очистки и циркуляции воздуха в тягаче проектировалась в расчете на то, что источник загрязнения будет находиться снаружи, а не внутри кабины.

Впрочем, выбора не было — сидеть за рулем в костюме было невозможно. Он снял защитный комбинезон, сел на водительское место и опустил светофильтры на лобовое стекло (от солнечного света голова болела еще сильней).

Оливер запустил пропеллеры. Тягач поднялся на воздушной подушке, струи воздуха взметнули тучи пыли. Оливер выровнял давление и включил горизонтальную тягу. Тягач двинулся вперед.

Вскоре они уже легко преодолевали барханы. По сторонам расстилался удручающий пейзаж, позади длинным дымным хвостом тянулся шлейф пыли. Впереди показалась стройплощадка группы планетарной инженерии. Оливер намеренно шел таким курсом, чтобы пройти рядом с ней, он надеялся, что сможет что–нибудь узнать о планах Ларкина относительно Копры.

Вскоре площадка была уже перед ними. Оливер переключил тягу, машина замерла посреди поднятого ею пыльного вихря и, когда исчезла воздушная подушка, медленно осела на заболоченную землю.

— Чего стали? — спросил Гейлорд, — Уже что–то сломалось?

— Все в порядке. Просто хочу посмотреть на площадку.

Оливер опять влез в костюм и выбрался из тягача.

Четыре корабля инженерной службы, стоявшие с той стороны площадки, были еле видны за терриконами мусора — коническими холмами футов в триста высотой. Терриконы продолжали расти. С помощью лазерных резаков и механического бурового оборудования команда уже пробила глубокую скважину — круглую, футов двадцати в диаметре, чуть сужающуюся в глубину. Края отверстия, оплавленные лазерными резаками, были гладкими и ровными. Отполированная темно–коричневая поверхность казалась подернутой тонкой пленкой воды.

Поднятая из глубины грязь громоздилась со всех сторон, дымясь подобно огромным грудам компоста. Едкий желтый газ, продукт разложения отходов, просачивался наружу и удушливыми облаками клубился вокруг площадки. С решетчатой вышки, установленной над шахтой, свисали тяжелые стальные тросы. Оливер услышал, как взвыли моторы, и тросы вытащили на свет божий огромный ковш, полный мусора. Ковш опрокинулся над лентой транспортера, которая ползла к вершине одного из терриконов. Свежевыкопанный мусор, сырой и полуразложившийся, напоминал густую коричневую овсяную кашу. Машинист выводил ковш наружу, выбирая трос до отказа.

— Когда вы дойдете до скалы? — крикнул Оливер.

Машинист стащил защитные очки, вытер пот с глаз и скривился.

— Дня три еще провозимся. Пробиваться сквозь вековой слой мусора — это не легкая работенка.

— А когда доберетесь до дна, будете ставить новый генератор, так?

— Как ты сказал — генератор? — удивился рабочий, — Что еще за генератор?

— Генератор гравитации! — подозрения Оливера вспыхнули с новой силой. — А иначе зачем вы бурите эту дыру?

Рабочий поднял взгляд и прищурился.

— Что это ты вдруг стал такой любознательный?.. А, черт, ты же не из нашей команды. Ты, наверное, с того корабля за деревней?

— Ну и что с того?

Рабочий пожал плечами.

— Дурак я, вот что. Извини, друг, у меня времени нет. Если у тебя есть вопросы, задай их капитану Стериллу. А у меня смена кончается, — и он пошел к кораблю, не оглядываясь на оклики Оливера.

Оливер побрел к тягачу. Ему все больше и больше хотелось разобраться в этой загадке.

Было бы лучше всего, если бы его подозрения оказались беспочвенными. Но вместо этого перед ним открылся целый набор новых предположений.

Стало очевидным, что в шахту не собираются устанавливать никакого генератора. Это была просто легенда, скрывающая настоящий план Ларкина. Но в чем состоял настоящий план — можно было лишь гадать.

Он подумал — не вернуться ли к Ларкину и потребовать объяснений. Но это никогда не помогало раньше, а сейчас у Оливера и без того было полно неприятностей.

Он был почти у тягача, когда от взрыва, еще больше углубившего шахту, дрогнула земля. Донесся приглушенный грохот. Оливер обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть огромное облако желтого газа, вырвавшегося из провала шахты. Комья грязи взлетели в воздух и забарабанили по окружающим стройплощадку холмам отбросов.

Он отвернулся, вскарабкался в тягач, сел в водительское кресло и запустил двигатели. Гейлорду и Джульетте он не сказал ничего. С воем, подняв смерч пыли и мусора, тягач оторвался от земли и, ускоряя ход, двинулся над мусорными барханами, понемногу отдаляясь от деревни, площадки, Ларкина и мучивших Оливера проблем.

7. ЧЕРЕЗ ДЖУНГЛИ

— Выяснил, что хотел? — спросил Гейлорд.

— Не вышло, — вздохнул Оливер. — Я попал в дурацкое положение. Ухитрился наделать кучу ошибок, и Ларкин заставит меня заплатить за все, когда я вернусь. А еще, похоже, существует какой–то особый план в отношении Копры, о котором мы ничего

не знаем. Что–то, о чем Ларкин помалкивает. Я чисто случайно узнал — всем приказано молчать.

— Ничего хорошего я от этого говнюка и не ждал, — Гейлорд с омерзением сплюнул на пол. — Типичный двуличный инопланетянец, — он обеспокоенно закусил толстую нижнюю губу. — Норман еще пацан, ему с этой сволочью не справиться… А я должен найти свой скарб, черт возьми! Все равно я без него ничего не могу.

Тягач споро шел по бурым мусорным барханам под хмурым желтым небом. Слабый солнечный свет пробивался через пластиковые стекла и отражался от рычажков и датчиков приборной панели. В кабине слышны были только свист рассекаемого встречного воздушного потока, гудение моторов и жужжание и щелканье автопилота. Оливер расслабился в кресле, глядя на пролетающие за окном ландшафты бесконечной свалки.

Через некоторое время на горизонте появилась кромка джунглей — сплошная темно–зеленая полоса растительности. Не доезжая до джунглей, Оливер остановил тягач около кратера, усыпанного обломками голубого и красного пластика, блестевшего под лучами солнца.

Осколки, разбросанные упавшим пузырем, окружали центр кратера концентрическими кругами, словно уродливая мишень. Яркие красные и голубые полосы, казавшиеся нарисованными на земле, покрывали чуть ли не четверть мили.

Джульетта сказала, что пузырь прилетел с промышленного астероида. Пластмасса была обычным индустриальным мусором, ни на что не пригодным, но вносящим разнообразие в однообразие бурых дюн.

Они поужинали запасами из кладовки тягача. Гейлорд ругал безвкусную инопланетскую жрачку, а Оливер едва сдерживался, чтобы не высказаться относительно исходящей от копранцев вони — в кабине заметно попахивало.

Но он знал, что говорить об этом было бы глупо. Их отношения и так были достаточно натянутыми. Джульетта, едва цедившая слова, угрюмо забилась в угол кабины, избегая взглядов Оливера. Им всем предстояло провести вместе несколько дней, и ругань вряд ли улучшила бы их отношения.

После ужина они въехали в джунгли. Отбросы, устилавшие поверхность, были слишком рыхлые, чтобы в них могли укорениться деревья, но слабая гравитация, плодородная почва и ощутимый радиационный фон способствовали тому, что травянистые растения достигали здесь необычайных размеров. Некоторые вырастали до двадцати–тридцати футов в высоту и сплетались в плотные заросли толстых, мясистых стволов. Здесь

были растения со всех обитаемых планет, стоявшие бок о бок с причудливыми мутантами, покрытыми огромными блестящими цветами, покачивающимися под легким ветерком. Листья на верхушках растений, повернутые к солнцу, сплетались над джунглями в сплошную темно–зеленую крышу, под которой стоял почти непроницаемый сумрак. Внизу стволы были бледными, а хрупкие и вялые листья скрывались под вьюнками и лианами, покрывающими каждый дюйм поверхности.

Оливер переключил машину с воздушной подушки на гусеничный ход. Движение замедлилось, но без гусениц не хватило бы тяги, чтобы продираться через густые заросли. Оливер переключил двигатель на меньшую передачу, и тягач, взревывая моторами, двинулся вперед.

Машина въехала в чащу. Захрустели, ломаясь, стебли. Они сгибались и лопались, разбрызгивая вокруг густой сок, радужно сверкавший в лучах солнца, прорывавшихся сквозь густые кроны. Мощный тягач с легкостью ломал и вдавливал в землю толстенные корни. Выгнанная из зарослей мошкара облепила крышу вездехода. Машина охала и раскачивалась, пробираясь вперед, мощные траки размалывали подлесок в зеленую массу и разрывали плотный ковер из вьющихся растений.

Позади них солнце озаряло проделанную ими просеку. А впереди была тьма: переплетенные на двадцатифутовой высоте листья отсекали свет, и Оливеру пришлось включить фары, чтобы различать путь в тенистом лесу. В двух конусах света роились бабочки и мухи, их полупрозрачные тела блестели и переливались всеми цветами радуги. Пауки спасались бегством по гигантским паутинам.

Впереди, словно красные угольки, блеснули глаза какого–то зверя, тут же скрывшегося в джунглях.

Тягач походил на огромного неповоротливого жука. Цилиндрическое туловище терялось между огромными траками, обзорные иллюминаторы напоминали два фасетчатых глаза по сторонам закругленного носа, сдвоенная антенна вилась в воздухе, словно усики насекомого.

Трепетали огромные листья, от погибших и сломанных растений подымалась пыль, а однажды они потревожили колонию гигантских муравьев. Орды беснующихся муравьев окружили машину, но после короткой схватки были побеждены и отброшены.

Для сидящих в кабине приглушенный шорох и треск джунглей стали такими же привычными, как и темная стена растительности вокруг. Гейлорд с Джульеттой понемногу уснули.

Оливер сидел за пультом управления. Через несколько часов

джунгли поредели, и перед ним открылась широкая прогалина, на которой не росло абсолютно ничего.

Груды развороченной копранской почвы сменились здесь ровной и гладкой площадкой, похожей на осколок коричневатого стекла, отражающий свет заходящего солнца. Пробивая туман, скопившийся на поляне, оранжево–красные блики заката играли на полированной поверхности, скрадывая темную стену джунглей с противоположной стороны прогалины.

Оливер остановил тягач на краю. Проснувшийся Гейлорд уставился в смотровое стекло и изумленно затряс головой.

— Такого я еще не видал, — заявил он. — Ну прямо тебе озеро. Да откуда на Говнюхе столько воды, а? И гладкое, не шелохнется — словно кто отполировал.

Оливер потихоньку тронул тягач. Носовая часть стала медленно погружаться.

— Все ясно, — сказал он. — Грязевое озеро. Посмотрите в боковой иллюминатор. Вон пошла рябь от машины по поверхности.

— Ага, — сказал Гейлорд. — Выворачивай назад от греха, пока не засосало.

— Ничего страшного, — покачал головой Оливер. — На амфибии этого можно не опасаться.

Он нажал на рычаг, и из–под гусеничных траков выдвинулись винты. Они опустились в грязь и завертелись, толкая тягач вперед. Густая светло–коричневая грязь по консистенции напоминала расплавленную смолу, она летела кусками из–под винтов, забрызгивая окна тягача. Из грязи медленно поднимались и лопались пузыри.

Тягач рассекал поверхность озера, его кильватерный след медленно разглаживался, и вскоре там, где они прошли, поверхность снова становилась гладкой и блестящей.

Гейлорд и Джульетта завороженно смотрели в окна.

— Я слышал кой–какие легенды про это место, — пробормотал Гейлорд. — А, сказки, наверное, чушь собачья… Будто здесь творятся странные вещи, люди исчезают без следа. Их забирают злые духи. Да. Такое вот.

— Что я не могу понять — как здесь могло скопиться столько жижи, — сказал Оливер. — Нужен был целый град пузырей, полных этой дряни, чтобы заполнить такой объем. Это озеро не меньше четверти мили в диаметре, и бог знает сколько в глубину.

— Какая–нибудь химическая реакция или что–то в этом роде, — пожал плечами Гейлорд. — Ну, скажем, упадет пузырь с промышленного астероида, полный кислоты или растворителя — так он растворит все остальное. По–моему, логично.

— Конечно, такое может быть, — Оливер смотрел на приборы. — И еще оно слегка радиоактивно. Должно быть, сюда неподалеку сбросили радиоизотопы.

Вездеход, мягко покачиваясь, шел через озеро. К тому моменту, когда они добрались до середины, качка так усилилась, что на кренящемся полу кабины было трудно стоять.

Вокруг лопались большие пузыри, выпуская клубы коричневого газа, медленно поднимающегося от поверхности озера. От тягача расходились волны.

— Не нравятся мне эти бульбы, — сказал Гейлорд. — Надеюсь, эту штуку учили плавать на совесть. А то… самое худшее, что может случиться — так это застрять посреди такой лужицы.

Оливер рассмеялся.

— Не стоит беспокоиться. Может, мы пересекаем термический поток, он нас и качает. Для нас утонуть — немыслимое дело.

Тут вездеход качнуло так, что его чуть не стошнило. Джульетта и Айзек полетели на пол. Каркас машины заскрипел и моторы взвыли на полную мощность, когда гусеницы полностью вышли из грязи. Оливер в ужасе вцепился в кресло, чувствуя, как раскачивает машину под ним. Он дергал за рычаги, отключая надрывно воющие моторы, и хватался за ремни безопасности, пытаясь преодолеть страх.

Их бешено раскачивало из стороны в сторону, и вдруг машина снова рухнула в грязь. С оглушительным треском лопнул пластиковый корпус, и в кабину хлынула грязь. Тягач покачнулся и стал крениться на бок. Оливер рванул рычаги, и машина душераздирающе медленно начала выравниваться, выдираясь из липкой грязи.

Оливер прильнул к заляпанным смотровым стеклам, пытаясь понять, что могло случиться, — и обмер. Рядом с ними из грязи поднималось огромное змееподобное существо. С его гигантского, футов в пятнадцать толщиной, мясистого тела, капала слизь. На высоко поднявшейся в воздух червеобразной голове чудовища неритмично покачивались усики, заляпанные грязью. Это оно, упершись в днище тягача, поднимала его, и сейчас его движения рождали огромные грязевые волны, швырявшие машину из стороны в сторону.

Оливер включил моторы на полную мощность. Он нажал на кнопку, отсоединяя трайлер, и тягач, освободившись от прицепа, рванулся вперед, направляясь на полной скорости к ближайшему берегу.

Гигантский монстр понял, что добыча ускользает. Он

тяжеловесно развернулся и устремился за ними. Чудище было глухим и безглазым, зато ощущало любые колебания происходящие в озере. По волнам, расходящимся от винтов тягача и тянущимся за ним кильватерному следу, чудовище легко определило местонахождение машины и устремилось за ней.

— Смотри–ка, да этот слизняк поспорит с любым драконом! — крикнул Гейлорд, уставясь в окно. — Черт возьми, разбудите меня — такого не бывает!

Они с Джульеттой лежали на полу, куда их отбросило толчком, и он упрямо цеплялся за все, что придется, пока тягач трясло и швыряло. Через дыру в носовой части кабины текла грязь.

Плывшее за ними чудовище наткнулось на брошенный трейлер, дрейфующий в грязи. Оно слепо потыкалось в него, потом в безглазой голове разверзлась огромная пасть. Присосок, несколькими футами ниже по туловищу, уцепился за трайлер и вышвырнул его из грязи, как игрушку. Трейлер взлетел в воздух и исчез в огромной пасти слизня.

Глухая и слепая тварь инстинктивно заглатывала все, что находила. Она опять взвилась из озера, мясистое тяжелое туловище поднялось в воздух на сотню футов, усики–антенны плавно задвигались, определяя положение удирающего тягача — и зверюга устремилась за ними.

Оливер следил за ним в зеркало заднего обзора.

— Все нормально, — сказал он, — оно передвигается не быстрее нас, а до берега недалеко. Считайте, что мы уже удрали.

Он ошибался. Устойчиво росшая скорость вездехода стала гаснуть, и он остановился — заглохли моторы. Оливер оцепенело уставился на погасшую приборную панель.

8. СТОЙБИЩЕ

— Что за херня? — взревел Гейлорд.

Оливер яростно отстегивал ремни безопасности.

— Нет энергии! Не знаю, почему, и не время выяснять! Вы видели, что стало с трейлером? — надо вылезать и плыть к берегу! Другого выхода нет!

Гейлорд стал подниматься на ноги.

— Да ты съехал, парень! Снаружи у нас нет ни единого шанса! — Он двинулся к пульту. — Я заставлю эту сволочь работать!

Оливер уцепился за него, но Гейлорд был слишком тяжел. Он грубо отшвырнул Оливера в сторону, и Оливер, нелепо взмахнув руками, рухнул на пол и покатился под ноги вставшей было Джульетте, свалив и ее.

Гейлорд, усевшись на водительское кресло, принялся яростно

давить на кнопки и дергать рычаги. Вездеход не подавал признаков жизни.

Оливер кое–как поднялся на ноги и выглянул в окно. Тягач стоял, поэтому тварь его не чуяла. Но — рано или поздно — она на них наткнется, и тогда…

Он повернулся к Джульетте.

— Ваш папаша не понимает элементарных вещей! Без энергии мы обречены! Хватайте защитный костюм и поплыли!

Гейлорд, услышав, что происходит, выпрыгнул из кресла, бросился через кабину к Оливеру и отпихнул его в сторону.

— Это ты не понимаешь вещей! Мы пропадем там без еды, черт знает как далеко от деревни! — Он бросил взгляд за окно. — Червяк доберется до нас не раньше, чем через две–три минуты. Иди разберись, почему нет энергии! Не сможешь починить — считай, мы все покойники. Понял?

Оливер, придушенный могучей лапой Гейлорда, сообразил, что копранец прав. Без тягача им не спастись. Сбросив руку Гейлорда, он кинулся к энергоблоку, помещавшемуся в заднем отсеке вездехода. Система освещения не работала, а сквозь заляпанные грязью боковые окошки свет едва пробивался. За окнами темнело.

Разобраться в причине аварии оказалось проще простого. Оливер понял все с первого взгляда. Приборы показывали, что ядерная реакция вышла за рамки безопасности. Часть регуляторов была заклинена в открытом состоянии и автоматическая система безопасности заглушила ядерную реакцию, прежде чем та стала неуправляемой. Реактор остановлен. Энергоблок полностью дезактивирован. Можно было, правда, отключить систему безопасности и снова запустить реактор, но маленький ядерный взрыв ничем не лучше желудка огромного слизняка.

Он вернулся в каюту и изложил все это Гейлорду.

— Что, никак не починить? — спросил тот.

— Никак, — Оливер утер пот со лба. Ему было страшно.

Гейлорд ударил кулаком в ладонь.

— Но мы должны что–то сделать. Хоть что–то мы можем сделать! Не сидеть же здесь просто так, ну!

— Есть выход! — Оливер кинулся к отсеку с аварийным радиопередатчиком, вытащил его и стал устанавливать антенну. — Он работает на батарейках. Мы можем связаться с Ларкиным. Атторней…

Он щелкнул тумблером питания, но передатчик не заработал. Нахмурившись, Оливер стал щелкать тумблером, но ничего не изменилось.

В тусклом свете, проникавшем в кабину, было плохо видно. Оливер осветил рацию карманным фонарем.

Задняя стенка кожуха была вскрыта, блок питания был выдран с корнем. Рация не заработает.

Гейлорд вырвал передатчик у Оливера из рук и осмотрел его. Выругавшись, он отшвырнул аппарат в сторону и тот разлетелся вдребезги.

— Ну что, теперь все ясно. Какая–то сволочь нас подставила. Все сходится — силовая установка к чертям, радио к чертям…

Оливер тихо кивнул.

— Верно. Регуляторы не могли заклиниться сами по себе. Кто–то их закрепил — еще в деревне. Чтобы реакция вышла к опасному пределу, нужно не так уж мало времени.

— Ларкин, — пробурчал Гейлорд. — Кроме этой сволочи некому.

— Какая разница, — вмешалась Джульетта. — Кто и что — разберемся потом, если будем живы. А сейчас нужно подумать, как удрать от этого червяка!

Червяк был уже ярдах в тридцати. Волны, поднимаемые его извивающимся туловищем, швыряли машину из стороны в сторону.

Оливер привалился к стене.

— Безнадежно. Мы ничего не можем сделать. Ничего. Выхода нет…

Тишина опустилась на полутемную кабину. Гейлорд стоял в нерешительности, сжимая и разжимая кулаки. Джульетта, кусая губы, глядела на отца полными ужаса глазами. Оливер закрыл лицо руками и грохнулся на пол.

Молчание тянулось бесконечно долго. Слышался лишь плеск грязи о борта тягача. Потом Джульетта медленно наклонилась к иллюминатору — и у нее перехватило дыхание.

— Смотрите! — в голосе ее слышалась надежда. — Смотрите, что там!

Гейлорд тоже прильнул к окну и вытаращил глаза от изумления. Над грязью протянулись два толстых троса. Они тянулись от берега до берега. Гейлорд вгляделся и в сумерках заката разглядел людей, которые волочили концы тросов вдоль озера, к тягачу. Он кинулся к противоположному окну. С другой стороны тоже виднелись люди, тащившие тросы.

Тросы с двумя гулкими ударами ударились о заднюю стенку тягача. И тот понемногу начал двигаться к берегу!

— Дикари! — крикнул Гейлорд. — Они вытащат нас из этой передряги!

Оливер выглянул наружу. Копранец был прав. Люди на берегу

тянули изо всех сил, вытаскивая вездеход из липкой грязи. Слизняк, похоже, стал что–то соображать и целеустремленно двигался в их сторону. Но они опережали его — отмель была уже совсем рядом. В конце концов, слизняк признал свое поражение и отказался от преследования. Его плоская голова завертелась из стороны в сторону, рот открылся, закрылся, он развернулся и поплыл к середине озера.

Оливер смотрел, как существо скрывалось в грязи. Потом поверхность вскипела, бурое зеркало грязи успокоилось, и слизняк исчез.

Гейлорд испустил торжествующий вопль:

— Мы спасены, ихи его мать! Выкарабкались, дьявол нас побери!

Оливера трясло — после пережитого ужаса его бил отходняк.

— Нне… не спешите радоваться. С чего бы это дикарям так беспокоиться ради нас? Не влипнуть бы еще похлеще…

Гейлорд пожал плечами.

— Похлеще не бывает. А с этими ребятами мы поладим, вот увидишь.

— Ну и червь, — сказала Джульетта. — Я и представить себе не могла…

— Занятная мутация, — пробормотал Оливер. — Низкая сила тяжести, химический состав грязи и фоновая радиоактивность… такое вполне возможно.

— По мне, так лучше уж каждый день драться с дикарями, — Гейлорда передернуло.

— Кажется, это нам тоже предстоит, — мрачно пробормотал Оливер, глядя в окно. Тягач уже подтянули к берегу. Дикари побросали тросы в грязь и кинулись по отмели к машине.

Только теперь Оливер смог разглядеть их как следует. Носили они лохмотья, оставляющие открытыми руки и ноги. Все были худые, костлявые, недокормленные, лица их из–за спадающих на грудь бород и длинных спутанных волос казались мрачными и угрюмыми. Они столпились вокруг тягача, нечленораздельно вопя и визжа от возбуждения.

Одни из них просто глазели на машину, другие тарабанили по ней палками, камнями, какими–то примитивными орудиями. Грохот стоял невероятный. Потом один из дикарей залез наверх и, когда его перепачканное грязью лицо сравнялось со смотровым стеклом, заглянул вовнутрь.

Увидев за стеклом трех человек, он от удивления едва не свалился с тягача, а потом принялся что–то кричать остальным.

— Все понятно, — сказал Гейлорд. — Они не думали, что внутри кто–то есть. Они решили, что это просто кусок дерьма,

прилетевший без пузыря. Наверное, добрая добыча частенько плюхается в эту лужу. Неудивительно, что они нас так шустро вытянули.

— Все это очень здорово, — сказал Оливер, — Теперь бы еще узнать, как они к нам отнесутся. Судя по шуму, не слишком дружелюбно.

Удары по корпусу тягача становились все реже. Грохот понемногу утихал.

Гейлорд засмеялся.

— Могу спорить, ты и здесь дал маху. Тарабанят они просто от избытка чувств. Наш тягач — чертовски лакомый кусочек для любого скарба. Ясное дело, ребята разволновались.

— Ну, и что вы предлагаете? Выйти наружу и выкурить с ними трубку мира?

Гейлорд в задумчивости опустился на краешек водительского сидения и принялся теребить губу.

— Дай–ка соображу… С одной стороны, внутри мы в безопасности, так? Сможем умыть целое племя, коли понадобится. Но, как я понимаю, заставить эту штуку двигаться нам не удастся.

Оливер удрученно кивнул.

— Тот, кто испортил энергоблок, здорово поработал. Если отключить систему безопасности — взорвемся…

— Когда я вернусь в деревню, — угрожающе сказал Гейлорд, — кое–кому мало не покажется. Вычислю, кто хотел от нас отделаться, и… — Он замолчал и стал расхаживать по кабине. — Ладно, будем говорить без дураков. Все, что нам остается — собрать жратву, воду, оружие тоже придется взять, и пробиваться назад пешком. Должно получиться, если припасов хватит. Дня так за три.

Оливеру это не понравилось.

— Вы кое–что упустили из виду. Если мы через два дня не объявимся в деревне, Ларкин начнет беспокоиться и пошлет поисковую партию. Он может поднять исследовательский корабль, и тогда увидит след, который мы оставили, когда пробивались через джунгли. Он найдет нас и…

— Ну ты просто идиот какой–то, — удрученно сказал Гейлорд. — Для начала я тебе скажу, что это именно дядюшка Ларкин насрал в наш огород. А еще, черт побери, если бы он сюда и заявился — как он найдет вездеход? Тягач весь в грязи, одного цвета с озером. Мы на дальнем берегу, наш след вообще черт знает где. Он нас просто не найдет. Будет похоже, что мы заехали в озеро и не выбрались из него.

— Но как же мы сможем добраться пешком до деревни?

Гейлорд свирепо ухмыльнулся.

— За нас с Джульеттой можешь не беспокоиться. Тебе, инопланетянцу, придется туго, конечно. Но выбора у тебя все равно нет, так ведь? Другого–то выхода нету, а, парень? — он скорчил омерзительную рожу, обнажив щербатые изжелта–бурые зубы.

Оливер представил себе пятидесятимильный путь до деревни, через джунгли и пустыри. Он и так уже весь вымазался, грязь под ногтями въелась насмерть, одежда пропиталась потом, а мерзостным воздухом Копры он мог дышать с трудом. Даже то, что уже выпало на его долю, перенести было далеко не просто. Провести же три дня в мире помоев будет неизмеримо трудней. Так долго невозможно даже ходить в сковывающем движения защитном костюме. Воздушный фильтр засоряется за шесть часов…

Но Гейлорд был прав. У него на самом деле не было выбора.

— Хорошо. Я пойду с вами.

— Лады, — сказал Гейлорд. — Дикари там поуспокоились чуток — думаю, они пока не собираются ничего делать. Будут ждать до завтра, пока не рассветет. Нам пока стоит посидеть внутри — в темноте по джунглям идти опасно. Поспим, а утречком соберем жратву, воду, что там осталось, да и тронемся…

— Хорошо, — сказал Оливер. Он прошел в дальний конец кабины и опустил откидную койку. Другую он открыл для Джульетты. Гейлорд уже улегся на пол, подложив под голову свой грязный пиджак, свернутый наподобие подушки.

— Всегда так спал, и сейчас не вижу причин спать по–другому, — заявил он.

Оливер безразлично пожал плечами. Он нашел несколько одеял и устраивался на койке, натягивая их на себя. Напротив, молча отвернувшись в сторону, укладывалась спать Джульетта.

Дикарям, наконец, надоело тарабанить по вездеходу и наступила тишина. Но Оливеру не спалось. Он тщетно старался расслабиться. Теперь, когда главные заботы были вытеснены на задворки памяти, его мыслями завладела Джульетта. Тихая, загадочная девушка, упорно игнорирующая его. Она интересовала Оливера все больше и больше.

Она была копранкой, замарашкой — об этом он помнил постоянно. Но, засыпая, он все больше понимал, что ему тоже придется привыкать к жизни в грязи.

Ночью в тягаче было холодно и неуютно. Оливера преследовали кошмары — огромные слизняки, разбрызгивая грязь, скользили к нему по бесконечной грязевой трясине, и

бежать было некуда…

Очнувшись, он не сразу сообразил, где находится. Тусклый оранжевый свет пробивался сквозь окна вездехода; снаружи, освещенное восходящим солнцем, раскинулось грязевое озеро.

Оливер застонал, чувствуя себя совершенно разбитым. Все мышцы ныли. Сон не освежил, а только изнурил его. Он опять уронил голову на койку и закрыл глаза.

— А ну вставай, ленивая задница! — загремело с небес.

Оливер съежился. Над ним нависло здоровенное, грязное лицо Гейлорда.

— Нужно пораньше выйти, — сказал Гейлорд. — Говорю тебе, немного свежего воздуха — это то, что тебе нужно.

Не успел Оливер и рта раскрыть, как Гейлорд распахнул наружную дверь. Грязный копранский воздух огромной желто–коричневой волной ворвался в кабину и накрыл лежащего на койке Оливера. Бурый болотный газ обжег ему гортань и, смешавшись с туманом, липкой лапой тронул его кожу.

Задыхаясь и кашляя, Оливер кинулся к люку и захлопнул его.

Ночью он с трудом мог дышать, потому что от тел и одежды Гейлордов текла тяжелая вонь. Но это было совершенно непереносимо…

— Терпи, парень, — сказал Гейлорд. — Ты будешь снаружи три дня, а твой фильтр очень скоро сдохнет окончательно. Привыкни к этой мысли и не скули. В атмосфере Говнюхи нет ничего плохого, надо только к ней приноровиться.

Оливер его почти не слышал. Он спал в одежде и сейчас чувствовал себя омерзительно липким и нечистым. Он сполоснул лицо в крохотной кухоньке тягача, и вместе с Гейлордом и Джульеттой стал собирать еду и необходимые припасы.

Они запаковали все необходимое на четыре дня пути и разделили груз на три части. Оливер нашел в пакгаузе вездехода оружие и принес каждому по винтовке и пистолету. С мутантами из джунглей шутить не стоило.

Они были готовы к выходу. Гейлорд выглянул в окно и увидел дикарей, ночевавших рядом с ними на берегу озера. Дикари сбились вокруг небольшого костерка. Большей частью, они еще спали.

Гейлорд насупился.

— Очень может быть, — сказал он, — что как раз эти ребята где–то прячут мой скарб. Я буду всю жизнь себя проклинать, если сейчас упущу возможность это выяснить.

— Я хочу вернуться в деревню вовремя, — сказал Оливер. — Мы не знаем, что Ларкин планирует сделать с Копрой. Но что бы это ни было, оно начнется дня через три. К тому времени я хочу

улететь отсюда.

Гейлорд пожал плечами.

— Это нас не задержит. Назад идти не так трудно, как ты думаешь. И еще — мы ведь собирались рассказать диким о том, что случится. Взять их с собой и проследить, чтобы их эвакуировали вместе со всеми. С этой идей все и начиналось, или нет?

— Ну да, — сказал Оливер. — Но вы уверены, что они настроены мирно? Может, они и по–английски не понимают.

— Сейчас узнаем, — сказал Гейлорд, открывая люк.

Вездеход качался на воде в нескольких ярдах от берега. Гейлорд, не раздумывая, спрыгнул в жидкую грязь, облепившую его ноги со смачным чавканьем, и быстро выбрался по мелководью на берег.

Двое дикарей увидели его, поднялись от костра и пошли навстречу. Все трое стали объясняться на смеси простейших слов и жестов. Наконец, Гейлорд обернулся и призывно взмахнул рукой.

— Все нормально! — проорал он, — Давайте сюда!

Джульетта спрыгнула в грязь и побрела к берегу. Она обернулась, поджидая Оливера. На ее лице появилась слабая ироническая улыбка.

Оливер содрогнулся. Сама мысль, что нужно прыгнуть ногами в грязь…

Он заскрипел зубами и соскользнул вниз. Грязь всосала его ноги и просочилась в ботинки и под одежду. Идти было почти невозможно. Оступаясь, Оливер потащился к твердой земле.

Он присоединился к Гейлорду и Джульетте, которые уже сидели с дикарями у костра. Все уже проснулись и приветственно вопили: языком племени был английский, но сильно искаженный и с грубым гортанным произношением. Здесь не было даже телевизоров, чтобы поддерживать связь с цивилизацией, и язык безнадежно выродился.

— Что они говорят? — спросил Оливер у Гейлорда.

— Все так, как я и предполагал. Это те самые ребята, что вытащили нас из озера. У них здесь неподалеку стойбище, оттуда скоро еще народ подойдет — они хотят тягач из озера вытащить. Ребята убеждены, что это чертовски ценная штука, если заставить его работать. Я сказал, что это наш скарб, но они могут его забрать, если отведут нас в свое стойбище. Там я смогу осмотреться.

— Хорошо. Меня только удивляет, как им удалось так быстро протянуть тросы через озеро и вытащить нас на берег.

— Я спрашивал. Похоже, они тут частенько крутятся. Когда

пузырь падает в эту лужу, удар получается мягче, чем в джунглях, и содержимое пузыря не так портится. У них всегда наготове тросы поперек озера, чуть пониже поверхности, чтобы сразу вытаскивать все ценное, что вываливается из пузырей.

Гейлорд повернулся и посмотрел в сторону берега.

— А, ну вот и остальные подходят. Целая толпа. Никогда бы не подумал, что рядом с деревней живет столько дикарей.

Группа вновь прибывших состояла, в основном, из ободранных стариков. Одеты они были в разнообразнейшие лохмотья — здесь было все, от плисовых костюмов до военно–морской формы. Одежда, черная от пыли и грязи, была сплошь залатана, а кое–где схвачена на живую нитку. Лица стариков были едва различимы. Взлохмаченные бороды. Нечесаные волосы, спадающие на плечи. Морщинистые лица, по которым невозможно угадать возраст. Сверкающие безумные глаза. Голоса звучали резко: язык их состоял, видимо, в основном из односложных слов, произносимых почти слитно.

Они столпились вокруг тягача, от костра к ним потянулись остальные. Один дед взобрался на крышу машины и перекинул через нее тросы.

— Кажется, они собираются взять нас в стойбище, — сказал Оливер.

— Ясно, собираются. А заодно собираются забрать вездеход, — Гейлорд сморщился. — Надо бы с ними повежливей. Они ребята простые…

Вожак дикарей, старик с длинной седой бородой, разделил людей на четыре группы — по две с каждой стороны тягача. Все взялись за тросы. Тяжелый тягач глубоко засел в липкой грязи, но под дружными рывками двадцати человек поддался и двинулся к берегу по хлюпающей и чавкающей грязи. Вокруг дикарей поднялись клубы тяжелого болотного газа, дышать стало тяжело. В холодном утреннем воздухе разносились крики и скрип тросов.

Когда они, наконец, вытащили тягач на берег, дело пошло живей. Дикари столпились за машиной и принялись толкать ее в джунгли. Гигантские растения гнулись и податливо падали по обе стороны. Гусеницы тягача свободно крутились, подминая подлесок.

Гейлорд, Джульетта и Оливер шли следом по тропе, проделанной тягачом. Оливер уже надышался вонью Копры, у него раскалывалась голова. Он закрывал рот и нос платком, но толку от этого было немного. При одной мысли о грязи, которая его окружает, которая оседает на его незащищенных руках, на его лице, он чувствовал омерзение.

Через полчаса они уже были в стойбище. По краям

небольшой полянки посреди джунглей были разбросаны грубые хижины, в центре горел костер.

Женщины и дети выбежали навстречу тягачу, возбужденно вопя и тараторя. Мужчины гордо приосанились, словно охотники, принесшие домой тушу загнанного в джунглях мамонта.

Взгляд Гейлорда забегал по поляне в поисках следов утерянных сокровищ. Однако, дикари жили скудно: вещей у них было мало и среди них предметов из скарба Гейлорда не было.

— Похоже, у дикарей его нет, — сказал Айзек. — Да и вообще, они, похоже, слишком простодушные, чтобы так ловко что–нибудь спереть, да еще из моего собственного дома.

Дикари в детском восторге плясали вокруг тягача. Их вожак, блаженно улыбаясь, подхромал к Гейлорду.

— О'ки–о'ки. Да–х'ршо. Ты–я друг! — Он замахал рукой в сторону грубо слепленных хижин, издавая гортанные звуки. Гейлорд закивал головой.

— Хочет нас покормить, — объяснил он. — Очень кстати. Заодно прибережем наши припасы. И расскажем им, что будет с Говнюхой. Может, они пойдут с нами в деревню, и их заберут вместе с нашими. Народ они простой, безвредный, не годится бросать их здесь.

— Как хотите, — пожал плечами Оливер. — Но учтите, что к полудню мы должны выйти.

Женщины начали раскладывать алюминиевые тарелки и ложки (все гнутые и грязные) там, где, очевидно, происходили общие трапезы. Ровный, чуть приподнятый участок земли служил столом, с обеих его сторон были небольшие углубления, куда можно было сесть. Оливеру, Гейлорду и Джульетте отвели центральные места. Они, последовав примеру хозяев, сели в выемки, скрестив ноги.

На огне в центре поляны стоял громадный овальный котел на четырех железных опорах. С одной стороны в нем было отверстие, закрытое затычкой. В котле яростно бурлила густая жижа.

Оливер видел, как женщины закидывали в котел овощи и тушки животных. Вскоре под котел подставили большую миску и вытащили затычку.

Оливер, чувствуя, как усиливаются желудочные спазмы, уставился на вытекающую из отверстия омерзительную бурую жижу, которая и видом, и запахом более всего напоминала озерную грязь.

— Я не смогу это съесть! — прошипел он на ухо Гейлорду. — Меня вырвет!

— Не валяй дурака, парень. Они ребята простые и уверены, что оказывают нам честь, понял? Ты что, хочешь плюнуть им в

лицо? Хочешь их настроить против нас? Посчитай сначала, сколько их, дурила!

Оливер не успел ответить. Женщина с миской наполнила его тарелку бурой мерзостью. В холодном утреннем воздухе от жижи валил пар, в ней плавали комки чего–то, похожего на мясо. Оливера передернуло.

— Возьми себя в руки, — зашипел Гейлорд. — Бери ложку и сделай вид, что наслаждаешься каждым глотком, — он осклабился. — Что до меня, так это и на самом деле неплохо.

Дикари энергично расправлялись со своими порциями. Одни помогали себе пальцами, другие лакали липкую бурую похлебку прямо через край тарелки, не потрудившись потянуться за ложкой.

Оливер решился и проглотил ложку похлебки, тягучей, горькой и невыносимо пакостной на вкус. С трудом подавляя протесты желудка, он переборол себя и добил порцию до конца.

Вождь встал, и произнес речь, полную благодарности пришельцам за подаренный тягач. Раскланявшись и покивав головой, он сел. Все глаза обратились к пришельцам.

Поднялся Гейлорд. Используя короткие слова и простые жесты, он рассказал об опасности, грозящей Копре. Он сказал, что Копра может расколоться, и пока на ней не станет безопасно, людей вывезут из деревни на инопланетном корабле. А через две недели они смогут вернуться.

До диких понемногу дошло, о чем он говорит.

— Щас нет, — сказал вожак. — Тот день. Заптра. Надо заптра.

— Нет тот день жать, — сказал Гейлорд, — Скоро все бум! Нет племя, нет больше ничего! Ясно? Нельзя ждать. Идем сейчас. Может, раньше вернемся, если будет о'кей.

Старик покачал головой и показал на небо.

— Заптра, — настаивал он, — Соннце ходит дестидень, люди шухер. Домой. Всегда.

Спор продолжался, и ни одной стороне не удалось убедить другую.

— Похоже, у них какое–то верование насчет каждого десятого дня, — сказал Гейлорд. — По небу летают дьяволы, и они сидят дома. Нам подфартило попасть как раз в такой день. Не можем же мы торчать здесь до завтра, — он опять повернулся к дикарям. — Кто идет сейчас?

Двое дикарей нерешительно поднялись с земли. Они были помоложе и сильней других прочувствовали угрозы Гейлорда насчет всеобщего бум.

— Хорошо, — сказал Гейлорд. — Берите одежду, еду на три дня пути. Назад через две недели, если все о'кей. Ясно?

С ними пошли четыре дикаря. Остальные растеряно следили, как скрываются в джунглях непонятные пришельцы, появившиеся из машины и предсказавшие гибель.

Как только деревня скрылась из виду, Оливер кинулся в заросли, и его вырвало. Мерзкая еда и воздух так истерзали его желудок, что он, наверное, никогда уже не сможет наслаждаться едой. И, конечно же, его обоняние полностью погибло. Но была в этом и хорошая сторона. Его чувства онемели, он больше не обращал внимание на воздух. Он дышал им почти свободно, чувствуя лишь тупую боль в груди.

Они вышли по тропе к берегу озера и стали пробираться к тому месту, где вездеход вышел из джунглей.

Солнце уже поднялось и палило сверху гладкую поверхность

жидкой грязи, от которой поднимались коричневые столбы болотного газа. Испарения окрашивали солнечные лучи в темно–оранжевый цвет и зеленые джунгли казались еще темней, почти коричневыми.

Наконец, они добрались до просеки, проделанной тягачом — по ней можно было пройти через джунгли к мусорным барханам и к деревне. Огромные растения были расплющены тягачом и идти здесь было легче, но примятый подлесок уже кое–где поднимался — на плодородной почве Копры трава растет быстро.

Они остановились отдохнуть. Говорить было не о чем. Дикари, усевшись чуть в стороне, угрюмо глядели на джунгли.

Джульетта сидела неподалеку от Оливера и он поймал себя на том, что разглядывает ее лицо, пытаясь представить его умытым и чистеньким. Если бы ее спутанные тусклые лохмы отмыть до блеска и расчесать… И хоть немного румянца на бледные щеки…

И опять у него ничего не получилось. Он слишком свыкся с ее нынешним видом.

Вот еще пример коварства грязи — с ней быстро свыкаешься. Перестаешь о ней думать, перестаешь ее замечать…

Вот Джульетта глянула в его сторону; их глаза на мгновение встретились, и она стремительно отвернулась. Оливер озадаченно покачал головой. Он не знал, что и думать об этой девушке. Он никак не ожидал, что Джульетта так надолго погрузится в себя. Ведь не мог же тот случай у трапа до сих пор тревожить ее?

Тут в его размышления вмешался Гейлорд.

— Ну, посидели, и хватит, — сказал копранец, взглянув вверх. — Что–то небо хмурится. Я думаю, должно развиднеться.

Они зашагали за ним по тропе. Толстый ковер смятого подлеска двигался и колыхался, мешая идти и, возможно, скрывая опасность. Дикари двигались позади всех, переговариваясь между собой.

До полудня они шли через джунгли, следуя по тропе, проделанной тягачом. По сторонам возвышались огромные растения. Яркие насекомые сновали вокруг, высоко поднимались огромные цветы, их опьяняющий аромат смешивался с горячим, влажным запахом растительности. Солнце жарило все сильней, во влажной духоте джунглей люди покрылись липким потом.

Они остановились, чтобы пообедать, и запили еду скромными порциями воды. С погодой Гейлорд ошибся — облака, похожие на серые лужи, сгустились в тяжелые коричневые тучи. Вскоре они затянули все небо.

9. ЖЕЛАТИНОВЫЙ ЛИВЕНЬ

— Не нравится мне такой расклад, — пробурчал Гейлорд. —

Не так уж часто здесь бывает дождь. Раз в год, не чаще.

Один из дикарей замотал головой.

— Дестидень! — многозначительно сказал он, ткнул пальцем в небо и скорчил гримасу. — Раз дестидень. Шухер дом.

— Возможно, здесь дожди бывают чаще, — сказала Джульетта. — Когда я забиралась дальше, чем обычно, я иногда видела на горизонте грозовые тучи. Здесь не обязательно должно быть так же сухо, как в деревне.

— Резонно, — сказал Оливер. — Джунглям обычно соответствует влажный климат.

Гейлорд иронически хмыкнул.

— Лучше давайте поищем, где бы спрятаться. Попасть под дождь — не слишком веселая штука. Это ведь не просто дождик, не водичка тебе с неба капает. Бывает, с астероида, выпускающего всякую херню, летит пузырь с отходами, и оболочка у него такая дерьмовая, что лопается при ударе об атмосферу. Начинка вылетает из пузыря и от скорости сгорает и испаряется. А испарения выпадают дождем, улавливаешь мою мысль? Идет помойный дождик, а в нем такого намешано…

Он еще не договорил — вокруг застучали первые капли дождя. Небо сплошь затянуло тяжелыми коричневыми тучами. Дикие задрожали и испуганно полезли под листья огромного растения. Оливер двинулся за ними.

На руку ему упала капля. Она была липкая, тягучая, блеклого желто–коричневого цвета. В янтарной жиже плавали частички грязи. Капля текла по коже, как густой сироп.

Дождь пошел сильней. Тяжелые капли пробивали зеленую крышу листвы. Гейлорд и Джульетта затащили Оливера вглубь джунглей. Вскоре они уже ничего не слышали, кроме грохота дождя, тарабанящего по зарослям.

— Такого дождя я еще не видел, — сказал Гейлорд. — Похоже, у нас в деревне только брызгало. Просто задевало краешком этой бури.

Удар грома заглушил его последние слова. Ветвистая молния пролегла по темному небу, сквозь завесу дождя и испарений она казалась темно–багровой.

Земля вздрагивала и проседала. Рыхлая почва, впитывая струи дождя, оседала целыми пластами. Толчки усиливались, земля опускалась сразу на несколько дюймов. Лес трясся, огромные деревья валились и, врезаясь в соседние, увлекали их за собой. Оглушительный рев бури, гром и грохот дождя заглушали человеческий голос.

Было ясно, почему дикари советовали переждать этот день. В такую свирепую бурю лучше было оставаться под защитой стен.

Оливер вжался в толстый белый ствол растения, под которым он прятался. Дождь все усиливался, сквозь непроницаемую желтую стену было видно не дальше, чем на пару ярдов. Растительность прибивало к трясущейся земле.

В неистовый вой бури ворвался визжащий звук. С неба несся хриплый вой падающего пузыря.

Гейлорд покосился на небо.

— Чего нам не хватает для полного счастья, так это пузыря прямо на голову, — проорал он. — Судя по звуку, этот летит как раз сюда…

Все произошло мгновенно. Ослепительный нож молнии вонзился в грунт в нескольких ярдах от них. Вспыхнувшие растения повалились на землю. Ударной волной Оливера сбило с ног.

Визг перешел в оглушительный свист. Оливер увидел в небе ослепительный серебристый блеск, а потом его подняло и швырнуло в воздух. В воздух взлетели обломки деревьев и глыбы грязи. Клейкие капли дождя мгновенно вымочили его насквозь. Его швырнуло оземь так, что у него зазвенело в ушах. Следующим толчком его опять подбросило в воздух.

Рыхлая земля не выдержала одновременных ударов молнии, землетрясения и пузыря. Оливер увидел, как раскрывается под ним трещина, и закричал.

Он стал цепляться за подлесок, но тот не смог удержать его и Оливер провалился в расщелину и полетел вниз, ударяясь о стенки. Упав на дно, он по горло погрузился в бурую жижу. От удара перехватило дыхание. Он мучительно пытался вдохнуть. Земля опять затряслась, угрожая завалить расщелину. Стены закачались, на Оливера сыпался рыхлый перегной. Он выплюнул попавшую в рот мерзость и принялся протирать глаза, залепленные дождем и грязью.

— На помощь! — прохрипел он. — Эй, помогите кто–нибудь!

Но его слабые крики потонули в реве бури и грохоте ливня. Около часа он просидел по горло в луже накапавшего с небес дерьма, вдыхая его удушливую вонь, и ждал, когда же это все кончится. Его оглушали нескончаемые удары грома и сотрясения земли. Дождь лился по неровным стенам расщелины, вода медленно прибывала.

Наконец, начало проясняться. Гром гремел все реже и все отдаленнее. Земля перестала трястись. Сквозь просветы в тучах пробилось солнце. Оливер впервые смог оглядеться как следует — и только тут осознал весь ужас своего положения.

Расщелина была семидесяти футов глубиной и два фута шириной. Оливера зажало между ее неровными стенками на

самом дне.

Он был в ужасе. Гейлорда и Джульетту могло убить при падении пузыря. Или они могли провалиться в другую расщелину. Даже если они не пострадали, он ни за что не докричится до них с такой глубины. Так или иначе, никто не сможет ему помочь.

Оливер вскочил на ноги. Желтая каша забурлила у колен. Он посмотрел на нависшие над ним стены из скользкой грязи и отбросов. Он вонзил пальцы в стену и попытался подтянуться, но земля, не выдержав его веса, отвалилась.

Он уперся спиной в стену и попытался найти опору для ног на другой стене. Если бы удалось продвигаться вверх таким образом, он бы смог довольно быстро добраться до поверхности. Мучительно долго он карабкался вверх.

Безнадежно. У расщелины были слишком кривые и скользкие стены, чтобы упереться в них как следует. Слишком рыхлая земля. Ему удавалось подняться лишь на несколько футов от залитого грязью дна, потом его ноги теряли опору и он падал вниз.

Он тяжело вздохнул. Небо прояснилось, но солнечные лучи уже слабели. До наступления темноты оставалось не более трех часов. Вечер почти кончился.

Он еще раз попытался позвать на помощь. Но сырой воздух без труда поглотил его жалобный, безнадежный зов. Звук затерялся в глубине расщелины.

Он решил, что если дойдет до ее конца, то, может быть, удастся выбраться наверх. По пути он съел свой вечерний рацион. Это было все равно, что глотать опилки: завтрак у дикарей и проглоченные капли дождя словно кислотой обожгли ему глотку. Вкуса он больше не чувствовал.

Он вдруг подумал, что совершенно не думает о чистоте. Каким–то образом он внезапно избавился от своего фетиша. Этот вопрос его больше не волновал.

Мокрый и окоченевший, он брел вперед. Иногда дно расщелины превращалось в сплошное болотистое месиво, по которому невозможно было идти. В таких местах он упирался в стенки руками и перебирался на твердую поверхность.

Иногда он застревал между узкими стенами, и ему приходилось двигаться, извиваясь между ними.

Это была трудная, утомительная работа; продвигался он медленно.

Он шел уже почти час, когда наткнулся на место, где трещина сужалась. Здесь было очень темно, джунгли наверху росли густо и почти не пропускали света. Оливер руками нащупывал путь.

Стены, кажется, сходились.

И тут он наткнулся о какую–то преграду.

Напрягая в полумраке глаза, он рассмотрел, что впереди грудой рыхлой древесины громоздились несколько огромных растений. Их громадные стволы, каждый толщиной в фут и длиной футов в двадцать, полностью перекрыли проход.

Оливер попытался перебраться через них, но у него ничего не получилось. Он попытался протаранить препятствие, но только продавил углубления в стволах, из которых брызнули струйки липкого сока.

Оливер отступил и вытер лоб. Все мышцы болели. Ему нужно было хоть немного отдохнуть. Но на это не было времени. Скоро стемнеет. Он в последний раз отчаянно толкнул барьер из сломанных деревьев — и отошел.

Через преграду невозможно было ни перебраться, ни пробиться. Она была неколебима.

Вздохнув, он развернулся и побрел обратно. Оставалось только идти к другому концу расщелины. Может быть, там он сможет найти путь наверх.

Это была слабая надежда.

Но другой надежды у него не было.

10. ЛЮБОВЬ В ТЕПЛОЙ ЛУЖЕ

Гейлорду и Джульетте повезло больше, чем Оливеру.

Гейлорд, вжавшись в трясущуюся и дрожащую землю, изо всех сил вцепился в ствол огромного дерева, под которым он прятался от дождя. Его здорово тряхнуло взрывной волной, но не больше — он был слишком тяжелый.

Джульетта была легче и слабее отца. Ударная волна забросила ее в ту же трещину, что и Оливера, совсем недалеко от него.

Но ей посчастливилось зацепиться за толстый обломок ствола, который заклинило в сужающейся трещине на половине глубины. Джульетта ухитрилась кое–как взобраться на него. Хлестал едкий дождь, земля вокруг сотрясалась. Обломок, за который она цеплялась, сползал вниз под ее тяжестью, но, в конце концов, его накрепко заклинило, и девушке удалось продержаться на нем, пока не утихла буря и не кончился дождь.

Только тогда ситуация предстала перед ней во всей красе. Ствол застрял в тридцати футах над дном расщелины. Поверхность земли была на недосягаемой высоте. Пути не было ни вверх, ни вниз.

Джульетта осмотрела обломок ствола, удерживающий ее. Нижний конец надежно воткнулся в одну стенку расщелины, верхний опирался на другую. Сидя на бревне, она была в

безопасности.

А в это время Оливер уже пробирался в другую сторону, к концу расщелины. Он упал слишком глубоко и слишком далеко от нее, его криков она не услышала.

Джульетте повезло. С жердочки, на которой она сидела, ее голос был слышен на поверхности, и, когда она принялась звать на помощь, Гейлорд ее услышал. Услышал и быстро сообразил, где она.

— Как ты, в порядке? — закричал он сверху.

— Я здесь продержусь, — крикнула она отцу, — А где Оливер? С тобой?

— Нет, он куда–то подевался. Никаких следов — как сквозь землю провалился. Его могло унести куда–нибудь в другую сторону. Пузырь долбанул от души — вокруг все джунгли повалило.

— Найди его, — крикнула она.

Он покачал головой.

— Первым делом я вытащу тебя из этой дыры.

Он скинул одежду, связал из нее веревку и спустил в трещину, к Джульетте. Веревки не хватило и на половину высоты.

Джульетта попыталась добраться до нее, упираясь в стенки расщелины, как это делал Оливер. Но стенки были скользкими от дождя, а под размокшим слоем почва была слишком сухая и осыпалась, так что зацепиться было совершенно не за что.

Наверху ругался раздосадованный Гейлорд.

— Черт бы побрал эту сраную дыру! Между нами жалких сорок футов, а я не могу тебя достать!

Он развязал узлы и вновь оделся.

— Ладно, держись, я сейчас найду что–нибудь вместо веревки. Лианы, что ли, попробовать…

В джунглях было полно плюща и ползучих растений, но они оказались слишком непрочными. Даже сплетенные вместе, они бы не смогли выдержать вес Джульетты.

Гейлорд легко разрывал их руками. От них не было толку.

— Ничего не поделаешь, — крикнул он, — надо искать дикарей. Они где–то здесь. Лесные люди — может, придумают, что делать. Ты продержишься еще полчасика?

Она крикнула, что продержится. Гейлорд побрел в джунгли.

Скоро звук его шагов затих и Джульетта осталась одна.

Унаследовав от отца непобедимый здравый смысл, Джульетта в то же время была лишена дерзости Айзека, его напористости. Она старалась держаться в тени, и редко раскрывала рот без особой надобности. А в экспедиции она была даже тише, чем обычно — у нее были на то причины.

Ее тянуло к Оливеру Роучу. Он был чужаком, и уже этого должно было с лихвой хватить, чтобы Джульетта его невзлюбила. Но освещенная факелами ночь болезненно врезалась в ее память. Ночь, когда она отбросила сдержанность и дала волю своим инстинктам. Случившееся у трапа показало ей, что как бы она ни старалась думать иначе, их с Оливером тянуло друг к другу. Она чувствовала, что с той самой ночи это чувство живет в ней. И с той же ночи она видела это чувство в нем — в выражении его лица, в том, как он на нее смотрел…

Но копранец никогда не свяжется с чужаком. Нечего и надеяться, что между ними что–то может быть.

И поэтому она ушла в себя. Единственный безопасный путь вел через молчание, замкнутость, демонстративное безразличие к Оливеру — нужно было дождаться, когда он покинет Копру. Тогда все кончится…

Джульетта вдруг осознала странную вещь: она не хотела , чтобы Оливер пострадал. Это было нелогично, но она не хотела , чтобы он покалечился… Пусть ей от этого не будет ни холодно, ни жарко. Ведь все равно ей придется избегать его…

В джунглях было тихо. Джульетта сидела верхом на обломке ствола, опершись спиной на стену расщелины. Сама выбраться из этой чертовой ловушки она никак не могла, так что оставалось только ждать. Измученная девушка невольно задремала.

Ей снился Оливер, как всегда далекий, недосягаемый. Он изменился, он стал таким же грязным, как и она, и грязь более не была преградой между ними — и все же он был недосягаем. И что было хуже всего, она слышала, как он зовет ее. Он был в беде, она знала об этом, и ничем не могла ему помочь…

Вдруг она проснулась и поняла, что ее действительно зовут. Она посмотрела вниз, в темноту расщелины. Оттуда на нее взирал Оливер, весь в грязи и помоях.

— Слава богу, я вас нашел, — устало сказал он. — Я уже было решил на все наплевать…

Джульетта долго терла глаза, не в силах поверить, что ей все это не снится.

— Где… как вы сюда попали? Отец искал…

Оливер утер пот со лба.

— Меня сюда зашвырнуло. Так же, как и вас. Только на самое дно. Вы не слышали, как я кричал? Часа два назад?

— Нет. Наверное, я сама слишком громко орала. А где вы были?

— В расщелине, неподалеку отсюда. Там дальше изгиб, который, наверное, гасит звуки. Я прошел в ту сторону до конца, искал место, где можно выбраться. Пошел к другому концу,

поднял голову и увидел вас.

— Я ничем не смогу вам помочь, — сказала Джульетта. — Отец цел — он пошел в джунгли искать дикарей. Ему пока не удалось придумать, как достать меня отсюда. Идите дальше один, Может, вам удастся подняться по дну трещины.

— Я боялся, что именно так вы и скажете, — хмуро сказал Оливер.

И он уже собрался двинуться дальше, как сверху донеся шум голосов и треск — кто–то проламывался сквозь подлесок.

— Наверное, это отец, — сказала Джульетта. — Он ходил за подмогой.

Над краем расщелины показалась голова Гейлорда.

— Так, это уже кое–что, — пробурчал он, разглядев Оливера. — Оба в одном месте. Я нашел одного дикого, остальные вернулись в стойбище. Перепугались, дурачье. Этот тоже норовит свалить. Но он обещал помочь нам выпутаться из этой передряги.

Рядом появилась заросшая бородой физиономия дикаря. Он глянул вниз и заворчал. Гейлорд стал рассказывать ему, как он сплетал лианы в канат.

— Корни, — сказал дикарь. — Лиана не о'ки. Бери корни.

— Похоже, он прав, — сказал Гейлорд. — Ясно, что у таких здоровенных стволов должны быть нехилые корневища. Оливер, ты не думал об этом? По корням не пробовал лезть?

— До такой глубины корни не доходят, — крикнул в ответ Оливер. — Но если Джульетта поможет вам откопать корень, мы можем попробовать!

Джульетта стала разрывать руками стенку расщелины. Вниз хлынула грязь, и Оливер отодвинулся в сторону.

Она наткнулась на корень и стала откапывать его из земли. Волокнистая белая древесина корневища была куда прочней, чем стебли плюща или лиан. Джульетта повисла на корне всем телом, но тот даже не затрещал.

Джульетта встала на своей ненадежной опоре во весь рост и вырвала корень из земли так высоко, как только смогла дотянуться. Гейлорд с дикарем освобождали корень сверху. Потом они вдвоем изо всех сил потянули за него. Дюйм за дюймом длинный узловатый мохнатый корень стал выворачиваться из стены.

— Ты рискнешь на нем повиснуть, Джульетта? — крикнул Гейлорд.

— Должен выдержать, па. Все равно больше не на что надеяться. Но сначала оборвите там его у самого дерева и сбросите вниз. Оливер сможет забраться ко мне, а потом мы

вместе выберемся наверх.

— Сейчас сделаем, — крикнул Гейлорд. Он откромсал ножом корень и сбросил его Джульетте. Та поймала его и надежно обвязала вокруг обломка, на котором сидела.

Оливер ухватился за нижний конец белого корневища. Под его тяжестью оно распрямилось и норовило выскользнуть из рук. Кое–как он зажал его и стал взбираться наверх. Бревно, вокруг которого был обвязан корень, затрещало под чрезмерной тяжестью. Джульетта уперлась в стенки расщелины и постаралась повиснуть, чтобы не давить на ствол. Она увидела, что в том месте, где был завязан на узел, корень врезался в мякоть бревна.

Но ствол выдержал и в конце концов Оливер, тяжело дыша, уселся рядом с ней. Он старался не смотреть вниз. Дно расщелины осталось глубоко внизу. Он свернул корень кольцом и швырнул его вверх к Гейлорду.

Гейлорд ухватился за один конец, оставив другой свободно висеть. К нему присоединился дикарь. Первой стала подниматься Джульетта.

Ее ноги скользили, она ударялась о стену расщелины, сбивая вниз потоки рыхлой грязи.

Стены пошли трещинами. Оливеру невольно представилось, как стена обрушивается и он камнем летит на дно расщелины, а сверху на него несется лавина грязи.

Об этом лучше было не думать, иначе можно было потерять выдержку. Паника была совсем ни к чему. Он закрыл глаза и ждал, пока, наконец, Джульетта не выбралась наверх и Гейлорд не крикнул, чтобы он поднимался.

Оливер вцепился в корень и полез. Джульетта, поднимаясь, потревожила большой кусок стены и тот готов был обрушиться. Оливер старался двигаться осторожно, но нечаянно ударился о него и отлетел к другой стене.

Оливер обхватил корень, впившись ногтями в его белую мякоть. Он не успевал подняться, стенка обрушится на него раньше.

— Держите крепче! — закричал он.

Первый большой ком земли отвалился от стенки и, не долетев до Оливера, разлетелся на куски, которые посыпались, словно пригоршни гравия. Корень подался, но выдержал. Оливер заскрипел зубами и усилием воли не дал разжаться зверски болевшим рукам. Он зажмурился, и сверху на него хлынула земля.

Когда все кончилось, он глянул вниз и увидел, что спасший их обломок бревна снесло. Теперь под ним была только расщелина в семьдесят футов глубиной. Над ним — в том месте,

где осыпалась земля — был пролом.

— Тащите меня! — закричал он. — Я сам не смогу, силы кончаются!

— Джульетта, помоги! — крикнул Гейлорд.

Втроем они смогли вытащить его. Руки и плечи Оливера свело судорогой, они жестоко болели, но корень он все–таки не выпустил. Едва его перетащили через край расщелины, вниз снова хлынула земля.

Оливеру казалось, что он был в расщелине целую вечность. Он лежал на земле, не в состоянии поверить, что выбрался наверх.

Он перевернулся на спину и увидел Джульетту, стоящую около него на коленях.

— С вами все в порядке? — взволнованно спросила она.

Он попытался улыбнуться.

— Да, отдохну вот только… Больше мне ничего не нужно.

Джульетта прикусила губу и отвернулась. Через мгновение она снова овладела своими чувствами. Сострадание исчезло с ее лица. Она молча встала и отошла в сторону.

Оливер, качаясь, поднялся на ноги. У него не было сил гадать о переменах в поведении девушки.

Он все еще был рядом с краем расщелины. Гейлорд шагнул к нему и протянул руку.

К счастью, Оливер, смотревший под ноги, вовремя увидел появившиеся трещины и крикнул.

Гейлорд увидел опасность, и они успели отскочить в сторону как раз вовремя. Место, на котором они стояли, начало оседать и провалилось в расщелину, подняв тучу пыли и обломков.

Началась цепная реакция. Огромные пласты земли с грохотом рушились в расщелину. Все заволокло пылью.

Постепенно грохот обвала утих, пыль улеглась. Первым тишину нарушил дикарь.

— Идти зад, домой, — сказал он. — Скоро темно.

— Точно не хочешь остаться? — спросил Гейлорд. — Уже близко к нашей деревне. Больше нет дождя. Легкий путь. Улетишь с Копры, будешь в безопасности.

Дикарь покачал головой.

— Нет никак. Друзья дом, я дом, — он бросил быстрый взгляд на Оливера и Джульетту. Его грязно–бурая физиономия была непроницаема. Он повернулся и пошел к лесу.

— Не понимаю я этих людей, — сказал Оливер.

— Я тоже, — Гейлорд пожал плечами. — Но если бы этот парень не оказался рядом, отдыхать бы тебе сейчас под кучей говна, которая туда ухнула.

— Давайте лучше поищем, где можно укрыться, — перебила его Джульетта. — Через час совсем стемнеет, а меня что–то не тянет ночевать в джунглях на травке.

— Верно, — сказал Гейлорд. — Просека здесь недалеко. Я видел там местечко, которое нам подойдет. Заберемся повыше и укроемся хотя бы от диких псов.

Он свернул длинный корень в бухту, подвесил к своему рюкзаку и побрел сквозь густые заросли.

Дождь словно огромной грязной лапой прибил к джунгли к земле. Почву толстым слоем покрывали сорванная каплями листва и расплющенные растения. Ноги по колено вязли в сыром зеленом месиве перемолотого подроста. Заходящее солнце едва пробивалось сквозь просветы в кронах.

Они нашли просеку, оставленную вездеходом, и шли по ней, пока Гейлорд не увидел четыре огромных дерева, растущих друг возле друга. На половине высоты мощные стволы сходились и переплетались, в этом месте могли поместиться все трое. Об удобствах Оливер уже не мечтал — здесь было безопасно, а спать он был готов хоть стоя.

Гейлорд размотал корень и забросил его на сросшиеся стволы. Джульетта и Оливер влезли наверх вслед за ним и втащили за собой корень.

Все слишком измучились, чтобы разговаривать. Каждый устроился, как мог, и Оливер моментально провалился в гнетущее забытье.

Наутро его разбудили тусклые желтоватые лучи, пробившиеся сквозь листву. Оливер замерз и окоченел. Все тело ныло.

Густой туман покрывал землю клубящимся ковром, окутывал низкорослые деревья и кусты. Влажные джунгли дышали свежестью.

Гейлорд и Джульетта все еще спали. Оливер, стараясь не разбудить их, поднялся со своего места, размотал корень и соскользнул вниз. Утренняя прогулка — отличный способ размять одеревеневшие мышцы.

Он пошел вдоль просеки, время от времени останавливаясь и разминаясь. Плечи и шея понемногу отходили. Джунгли, объятые тишиной, еще спали. В безветрии не колыхался ни один листок.

Вдруг он услышал шаги за спиной и обернулся. За ним бежала Джульетта.

— Куда вы? — крикнула она. — Я проснулась и увидела, что вы уходите…

Он остановился, поджидая ее.

— Просто решил пройтись. Хотелось слегка поразмяться…

Их глаза встретились.

— Давайте прогуляемся вместе, если хотите, — предложил он.

Джульетта замерла в нерешительности.

— Что в этом такого, право, — добавил Оливер.

Она вздрогнула и пошла рядом с ним. Они шли молча, бок о бок. Раз или два он заметил, как она украдкой посматривала на него, как будто пытаясь что–то понять. Мало–помалу он сообразил, что же ее тревожило.

За последние два дня он изменился — почти до неузнаваемости. Он был весь в грязи. Он дышал омерзительным воздухом Говнюхи. Он шел по промозглым джунглям в одном лишь пропитавшемся помоями комбинезоне.

Его инопланетные привычки разлезлись по швам, как скверно сшитый костюм.

Утренний свет был еще слишком слаб, а по земле размазался жирный туман, и они не заметили, как вязкий зеленый подлесок сменился густой болотной травой.

Джульетта споткнулась первой. Казалось, земля под ней разверзлась. Она потеряла равновесие и упала, едва успев схватиться за Оливера. Тот инстинктивно шагнул вперед, чтобы поддержать ее, но почва расступилась, и они вместе, взмахнув руками, рухнули в яму с теплой жидкой грязью, совершенно скрытую ряской.

Оливер запаниковал. Он забарахтался, стараясь удержать голову над поверхностью, но лужа оказалась воробью по колено. Его рвение было напрасным. Он взял себя в руки, перестал махать руками и сел в глубокий ил на дне. Вдруг он расхохотался — до него дошел комизм ситуации.

Джульетта, вцепившаяся в его комбинезон, лежала наполовину под ним. Сперва она растерялась, но потом тоже заулыбалась.

Они лежали вдвоем в теплой обволакивающей грязи, укутанные пеленой тумана, бледно–рыжими клубами колышущегося в рассеянном утреннем свете, и чувствовали себя выброшенными из времени — туда, где их уже никто не найдет. Рука Оливера лежала на ее плече. Не раздумывая, он притянул ее к себе и нежно поцеловал.

Этот поцелуй был несравним с тем, который она подарила ему на ступеньках трапа в праздничную ночь. Этот поцелуй был медленный, нежный, страстный. Обнявшись, они еще ниже скользнули в уютную лужу, оставив на поверхности лишь головы.

Наконец, Оливер оторвался от ее губ, удивленный ее страстностью. Джульетта, прочитав удивление в его глазах,

быстро приложила палец к его губам.

— Молчи, — прошептала она. — А то все испортишь…

Он подчинился, и они поцеловались опять. Оливер слегка шевельнулся, чувствуя, как грязь вползает под одежду, восхитительно согревая кожу, возрождая ее, расслабляя болезненно ноющие мускулы.

Джульетта прижалась к нему всем телом — юным, упругим, возбуждающим. Их поцелуи становились все более страстными.

Он нащупал пуговицы на ее рубашке и принялся их расстегивать. Казалось, на свете не могло быть ничего более естественного. И поскольку Джульетта думала точно так же, она не стала его останавливать. Его пальцы уже ласкали ее гладкие груди. Ее руки скользнули под его одежду. Они быстро разделись и вышвырнули мокрую одежду на берег. Грязь была теплой, их обнаженные тела ее не чувствовали. Они забыли обо всем, кроме друг друга.

Когда все кончилось, они в благостном спокойствии лежали, прижимаясь друг к другу. Оливер не удержался и спросил:

— Почему ты столько времени от меня шарахалась?

Она слабо шевельнулась в грязи и поцеловала его.

— Не догадываешься?

— Ну, твой папаша мне пытался объяснить. Тебе было стыдно водиться с инопланетянцем?

— Не стыдно, глупый. Я боялась. Боялась того, к чему это могло привести.

— Но тогда — почему?..

Она улыбнулась.

— Сегодня утром я поняла, что ты больше не инопланетянец.

Она выразила словами то, что Оливер только начинал осознавать. Ему еще предстояло с этим смириться. Он не сможет вернуться к чистой жизни. Никогда. Ни за что.

Лежа в грязи, под теплыми лучами солнца, он зачерпнул пригоршню грязи и размазал ее, теплую и скользкую, по рукам. Он поерзал по ней ступнями и всем телом ощутил ее мягкое прикосновение.

Они вновь обнялись и страстно закувыркались в своей яме, взбивая грязь и разбрызгивая ее по траве.

— Все равно не верится, что со мной такое случилось, — сказал он.

— Для меня тоже многое переменилось, — сказала она. — Ты же знаешь, как копранцы относятся к чужакам. Это не просто предрассудок. Подумай о том, как мы живем. Богатенькие чистюли валят на нас свои помои. По идее, они должны за это платить. Так оно когда–то и было. Эти деньги давали нам

средства к существованию. Но постепенно такое положение стало для инопланетчиков естественным, само собой разумеющимся. А за само собой разумеющееся никто платить не будет… И нам, чтобы выжить, пришлось рыться в объедках. Мы ненавидим ублюдков с Пояса за то, что они нас обманывают. Но если они перестанут сбрасывать мусор, нам будет нечем жить. Так что приходится смириться с тем, что нас надули…

— Значит, вы в их власти, — сказал Оливер. — Вы зависите от людей, которых презираете. Теперь я понимаю, как вы на это смотрите. Мы, наверное, казались обнаглевшей сволочью, когда завели разговор про гравигенератор… Слушай, неужели я и вправду так изменился?

Она улыбнулась.

— Ты настолько изменился, что наслаждаешься грязью! И ты понимаешь меня. Раньше я не могла прикоснуться к тебе. Я и подумать об этом не могла — пока ты был инопланетянцем. А теперь, когда я знаю, что ты никогда не сможешь вернуться к прежней жизни, мне больше незачем сдерживаться. Ведь еще с той самой ночи я чувствовала, что между нами что–то есть.

Он ласково поцеловал ее.

— Я тоже это чувствовал… Только не хотел себе верить.

Джульетта собиралась еще что–то сказать, как вдруг они услышали приближающиеся шаги. Это мог быть только Гейлорд.

Она разглядела его смутный силуэт, полускрытый туманом.

— Боже, он взбесится, — прошептала она. — Если он застанет нас…

Она схватила одежду, лежавшую не берегу — но было слишком поздно. Гейлорд стоял возле ямы и, ухмыляясь, глядел на них.

— Мои поздравления, — сказал он и захохотал. — Не могу не выразить своего восхищения. Молодцы! Оба хороши. Я чего–то такого ждал, когда вы оба смотали удочки. И все–таки, я поражен.

Джульетта скользнула обратно в грязь, чтобы прикрыть обнаженное тело.

— Ты… не сердишься, как в прошлый раз? — робко спросила она. — Я думала, ты нас на куски разорвешь…

Гейлорд пожал плечами.

— Так разве сейчас та же песня? В прошлый раз… Я же талдычил этому обормоту, что он тебе подойдет, если бросит свои дурацкие инопланетянские привычки, — он довольно хмыкнул. — Похоже, ему это удалось.

Оливер не мог ничего сказать. Он просто глядел на Гейлорда из грязевой ямы, чувствуя себя школьником, пойманным за руку на мелкой пакости.

— Ну ладно, — продолжал Гейлорд. — Я уже сказал, что восхищаюсь вашим стилем. Но, хотя местечко вы нашли лучше некуда, время сейчас явно не то. Солнце уже час как взошло, а мы к концу дня должны выйти из джунглей. Так что выбирайтесь из лужи, напяливайте у кого чего осталось, да и пойдем.

Он засмеялся, качая головой, и потопал по просеке к месту их ночевки. Джульетта вылезла из ямы и, скрючившись, стала натягивать грязную одежду на блестящее от мокрой грязи тело. Оливер последовал ее примеру, и они пошли за Гейлордом.

— Прямо камень с души, — сказал Оливер.

— Я ожидала чего угодно, но только не этого, — согласилась Джульетта. — Он превзошел самого себя.

Они позавтракали на скорую руку, запаковали остатки вещей в тюки, взвалили их на спины и двинулись по просеке прочь из джунглей.

Продвигались медленно. Шторм повалил много деревьев и их толстые стволы громоздились теперь поперек тропы, перекрывая путь. Было слишком трудно идти, чтобы можно было тратить силы на болтовню, поэтому говорили мало. Джульетта и Оливер шли рядом, вслед за Гейлордом, который расчищал путь. О случившемся никто не упоминал.

Пейзаж не вдохновлял — джунгли были экзотичны, но однообразны. Ближе к вечеру, после изнурительного дневного перехода, путники подошли к опушке.

Деревья впереди росли все реже, плавно переходя в холмистое пространство мусорных дюн, безбрежной и бесплодной коричневой пустоши.

Последним усилием они достигли границы джунглей и остановились на ночлег.

— Думаю, собак здесь можно не бояться, — сказал Гейлорд. — Они не выходят из джунглей. Никогда их не встречал в барханах. Согласна, дочка?

Джульетта кивнула.

Они слегка поели и устроились на ночлег. Оливер здорово вымотался за день, но был измотан гораздо меньше, чем днем раньше.

Джульетта тоже устала не чересчур.

Гейлорд умел быть и тактичным. Он доказал это, улегшись спать в нескольких ярдах в стороне и оставив молодежь в покое…

11. НА СТРОЙКЕ ТИШИНА

Проснулись рано. Погода изменилась, было ясно и солнечно. Жалкие остатки тумана уползали в тень джунглей. Воздух был непривычно прозрачен, и горизонт казался близким, похожим на длинный округлый холм.

Перебросившись разве что парой слов, они пошли на штурм мусорных барханов. Бурая поверхность была монотонна, как пустыня, и лишь карманный компас Оливера позволял держать направление.

После двух часов ходьбы они с облегчением увидели строительную площадку: на горизонте, в лучах высоко стоящего солнца, четко вырисовывались горы вырытого мусора и ажурный силуэт вышки, венчающий шахту, пробитую к сердцу астероида.

— Отлично, — сказал Гейлорд. — За час доберемся. А где же корабли, хотел бы я знать? Что–то не видать…

Из всей инопланетной техники осталась одна лишь башня.

— Закончили работу и перебрались куда–нибудь, — предположил Оливер. — Инженерные бригады работают быстро, чего им здесь задерживаться.

— Так значит, гравигенератор уже на месте? — спросила Джульетта.

— Да. Если это действительно генератор, в чем я сильно сомневаюсь. Ну, чего гадать — дойдем до деревни, все и узнаем… Даже если… — Оливер замялся. — В общем, если ожидается что–то серьезное, Ларкин будет нас ждать, пока будет можно.

Гейлорд захохотал.

— Что ты несешь! Это ходячее инопланетское говно ложило на всех, кроме себя! И ты, парень, это отлично знаешь! Что, скажешь, вру?

Оливер промолчал — возразить было нечего.

Двинулись дальше. Оливер больше не обращал внимания на вездесущую грязь. Он сжился с этой планеткой — как и все, кто на ней обитал. Пахло здесь не то чтобы очень приятно (в горле у него до сих пор слегка саднило), но он научился не обращать внимания на такие пустяки. Гейлорд оказался прав — Оливеру на самом деле понравилось жить в грязи. Он чувствовал, что стал гораздо счастливее, чем был. Жизнь переполняла его…

Измученные, со сбитыми в кровь ногами, они добрались, наконец, до стройплощадки.

— Я задержусь ненадолго, — сказал Оливер. — Может, разберусь, что затеял Ларкин…

Он пошел по тропинке, протоптанной между огромными темно–бурыми терриконами грязи. Земля была разворочена гусеницами тяжелых машин. Чувствуя себя карликом среди гигантских нагромождений мусора, он пробирался по искореженной земле к жерлу шахты. Рабочие и не думали засыпать провал, и его темная пасть зияла почти космическим мраком, надежно скрывающим то, что лежало на дне. Что же там? Гравигенератор? Или, все–таки, нечто совсем другое?

Вышка все так же вздымалась над шахтой, и черные кабели все так же змеились в глубину. Оливер кинул вниз камень, но звука удара не услышал. Постояв немного, он повернул назад.

— Ничего интересного, — сказал он. — Инженерная команда забрала с собой все оборудование, кроме башни. Пошли в деревню.

Они миновали терриконы. Некоторые уже покрылись зеленью. Другие, насыпанные совсем недавно, слабо парили под лучами солнца.

Они остановились на широкой ровной площадке, поверхность которой была сильно опалена. Оливер потрогал спекшуюся почву — она была еще теплой.

— Посадочная площадка, — сказал он. — Судя по тому, что земля не остыла, они стартовали не так давно. Может, этой ночью. Мы были далеко, да и спали, так что могли не услышать…

— Похоже, у нас осталось мало времени, — сказал Гейлорд.

Они направились к деревне. От терриконов и решетчатой конструкции стальной вышки по болотистой равнине тянулись длинные тени, по сравнению с которыми три человека, пробирающиеся через мусорные дюны, выглядели маленькими, совсем крохотными…

12. СВЕЖЕПОСТИРАННАЯ ДЕРЕВНЯ

Наконец, впереди показались деревенские домишки. Издали деревня казалась вымершей. Когда они подошли ближе, Оливер увидел закругленный нос космического корабля, торчащий над хилой растительностью, окружающей космодром.

Он облегченно вздохнул. Значит, Ларкин все еще на Копре, и деревенских пока не вывезли. По крайней мере, пока астероид был в безопасности.

Они вышли на деревенскую улицу. За время их отсутствия здесь многое изменилось. Трава и сорняки, прежде заполонявшие все вокруг, были безжалостно выполоты. Дорожки посыпали свежим гравием, деревья подстригли, палисадники привели в божеский вид. Некоторые дома даже были покрашены в теплые гармоничные тона.

Без ископаемых залежей грязи и помоев улица выглядела чуть ли не опрятно. Оливер заметил, как Гейлорд свирепеет, сообразив, что именно произошло в его отсутствие. Он ничего не говорил, но его здоровенные кулаки сжались, а на окаменевшем лице застыло выражение мрачного гнева.

Он остановил первого же деревенского, который попался им на пути.

— Лопни мои глаза — да это же Айзек Гейлорд! — изумленно заорал тот. — А нам сказали, ты пропал, погиб в джунглях…

— Кто сказал?

— Я не… Ларкин, что ли, чужак этот. Норман вроде как от него узнал.

— Я так понимаю, что это он, сынишка мой, лез из кожи вон, чтобы расписать деревню под наодеколоненную инопланетянскую шлюху, а?

Деревенский смущенно отвел глаза.

— Так Норман, или как? — рявкнул Гейлорд.

— Да ладно, Айзек, — вздохнул тот. — Мы решили, что это неплохая мысль. Подумали, мы так сможем угодить инопланетянцам. Покажем им, что мы цивилизованней, чем они думали. Что так будет проще с ними сговориться…

— Господи, спаси меня от идиотов! — взревел Гейлорд, хлопнув себя ладонью по лбу. — Ты хочешь сказать, на нашей Говнюхе еще водятся кретины, которые могут поверить в эту блевотину?!

— Норман сейчас староста, Айзек. Что он скажет, то и будет. По крайней мере…

Судя по выражению лица Гейлорда, ему только что скормили ведро ядреных помоев.

— Я хочу видеть этого… моего сынка! Прямо сейчас. Все нахер пошло. Вот же черт побери, все нахер! Проклятье, здесь даже пахнет по–другому! Ги–ги–еной занялись!

И он двинулся по улице, расшвыривая ножищами свеженасыпанный гравий. Встречные удивленно останавливались и таращились на него и идущих следом Оливера и Джульетту.

Дом Гейлорда блестел свежей побелкой. Крыша была залатана, на окнах висели занавески.

Перед домом появился аккуратный палисадник, между заботливо огороженными клумбами тянулись ровные дорожки. Табличка над загородкой гласила: «КЛУМБА! По траве не ходить. Спасибо». Ниже стояла подпись Нормана.

Физиономию Гейлорда перекосило от изумления. Он явно не верил собственным глазам.

— Что с моим домом? Испохабил, с–сученок! Господи, дед, небось, в гробу обосрался от ярости! Это… надругательство над честью семьи! — Он схватил веревку, ограждающую цветник, и вырвал ее вместе с колышками. В припадке дикой ярости он сначала топтал ее, а потом тяжесть его гнева обрушилась на клумбы с цветами. Он был так разъярен, что не услышал, как отворилась входная дверь.

Норман, видимо, намеревался погулять. Когда он увидел Гейлорда, его и без того бледное лицо подернулось легкой голубизной.

— Папа… — выдохнул он и пошатнулся, словно собираясь грохнуться в обморок.

Гейлорд обернулся, воздел к небу грязные руки и двинулся на сына.

— До тех пор, пока здесь живет Айзек Гейлорд, здесь не будет места всяким масюсеньким красивюсеньким цветочкам, на которые переводят свое время инопланетянские ублюдки! Ты понял меня?!

— Мой цветник… — пролепетал Норман. — Ты растоптал мою клумбу!

Гейлорд грубо захохотал.

— Ты что, не понял, чистюля? — прорычал он, надвигаясь на Нормана. — Твой папочка вернулся! Уловил? Сейчас ты расскажешь ему, что здесь творится. И ты больше не староста. Я староста, понял! Со скарбом или без!

Норман съежился.

— Я не знал, — запинаясь, сказал он. — Я думал… Атторней Ларкин сказал, что вы погибли в джунглях. Он говорил, грязевое озеро… Он говорил, никакой надежды, и мы все решили, что ты не вернешься…

— И ты поверил на слово этому инопланетянцу? Этому выродку? Слушал его, развесив уши — так? Может, тебе просто очень хотелось в это поверить — а, Норман? Может, ты не хотел, чтобы я вернулся? Так, Норман?

Норман быстро затряс головой и отвел глаза.

— Что ты, папа…

Гейлорд зарычал и пихнул Нормана. Тот от неожиданности потерял равновесие и шлепнулся на землю. Он пытался что–то сказать, но Гейлорд ему и рта раскрыть не дал:

— И не пытайся меня обдурить! — рявкнул он. — Уж чего проще! И распоследний дурень разберется! Стоило мне отлучиться, как ты вылизал всю чертову деревню, дезинфицировал, мумифицировал, разукрасил всякими цацками… инопланетянцев хотел надуть, да? Молодец! Ты только не учел одной маленькой бяки. Ларкину, этой заморской сволочи, плевать на твои реформы! Ему не до нас! Мы для него скоты — были, есть и будем! — он повернулся к Оливеру. — Что, я не прав? Я хоть на столько вот преувеличил?

Оливер кашлянул.

— Боюсь, Айзек, что вы правы.

Норман впервые обратил на него внимание.

— Вы… да вы же второй инопланетчик! Оливер Роуч, помощник атторнея Ларкина!

— Именно так, Норман, — Оливер улыбнулся. — Сейчас вы

выглядите куда чище, чем я.

Норман был умыт — и лицо, и руки. На нем была чистая рубашка, его волосы — подстрижены и расчесаны. У Оливера, наоборот, волосы спутались, а одежда и кожа были покрыты толстым слоем грязи.

— Я не понимаю, — сказал Норман, — вы же инопланетчик…

— Ясно, не понимаешь, — оборвал его Гейлорд. — В твоей куцей башке с вываренными мозгами мысль о том, как здорово жить в грязи, и не ночевала! Ты и представить себе такого не можешь. Жаль мне тебя, дурня несчастного. Тебе здесь, наверное, впору выть с тоски. Вечно дергаешься: «ах, не слишком ли я грязный, ах, не испачкал ли я рубашечку? Ах, пора чистить зубы, причесываться, ах, надо уши помыть»…

Он перешагнул через Нормана, все еще валяющегося на земле, и вошел в дом. Оттуда тотчас же донесся грохот бьющегося стекла и треск рвущейся материи. Окно распахнулось, из него полетели кружевные занавесочки и расписные настенные блюда. Было слышно, как Гейлорд затопотал вверх по лестнице.

Норман поднялся с земли и принялся аккуратно стряхивать грязь с одежды.

— Надо посмотреть, что это папа делает, — сказал он. — Я не ожидал… то есть, я кое–что в доме переставил… Может, отцу не понравится…

Он побежал в дом. Оливер невольно рассмеялся.

— Да, большие перемены, — сказал он.

Джульетта покачала головой.

— Ерунда. Норман всегда был себе на уме, а тут такая возможность развернуться… Среди нас он всегда был немного чужим. С выкрутасами. Как говорит папа, Норман полдня проводит за умыванием, а остальные полдня смотрит телевизор, передачи с Приятных Миров — особенно о жизни высшего общества и всякие заумные постановки. Наверное, он с самого детства хотел быть похожим на инопланетянца. И когда мы с отцом исчезли, у него появилась возможность попробовать.

— Что–то мне не верится, — сказал Оливер. — Когда смотришь на Айзека…

— Да, он пошел не в отца. Да это и понятно… Ладно, открою тебе семейную тайну. После того, как я родилась, мама больше не могла иметь детей. Для отца это был страшный удар. Ему нужен был сын, чтобы передать по наследству скарб и должность старосты. Так что пришлось взять приемыша. Мама вскоре после этого умерла. А Норман так и не стал по–настоящему членом семьи. Поэтому отец так с ним и обращается…

— Да, теперь многое становится понятным, — Оливер

вспомнил разговор с Норманом об эвакуации с Копры. Нормана явно интересовала такая возможность. Его истинное лицо приоткрывалось и тогда, и еще были моменты…

Оливер оглянулся на разоренные клумбы и разметанные гравийные дорожки. Из дома неслись ругательства, сопровождаемые звоном и тяжелыми ударами.

— Как–то все это печально, — сказал он. — Жалко его, все–таки…

Джульетта пожала плечами.

— Да, есть немного… Но, с другой стороны, в деревне он один такой чистюля. Не мог же он серьезно рассчитывать, что все изменится по его желанию?..

— Думаю, что нет.

Оливер глянул на часы. Был почти полдень.

— Мне нужно на корабль. Доложусь Ларкину и попытаюсь выведать, что он затеял. По–моему, я слишком долго помалкивал. Настало время выяснить отношения раз и навсегда.

Джульетта нахмурилась.

— Жаль, я не могу пойти с тобой. Не верю я Ларкину. Это такой инопланетянец — поганее не бывает. Кто знает, что у него на уме. Тем более, если он увидит тебя таким грязным… В его глазах ты будешь выглядеть, как один из нас.

Оливер улыбнулся.

— А разве я не один из вас?

Но он понимал, что Джульетта права. Трудновато будет так повести разговор, чтобы Ларкин не вышел из себя.

Джульетта поцеловала Оливера — долго и нежно.

— Будь осторожен, — сказала она.

Он на секунду прижал ее к себе, повернулся и пошел к космодрому.

13. СТРАТЕГИЯ ВЕЛИКОЙ ЧИСТКИ

Оливер привычно взбежал по знакомому трапу, открыл своим ключом люк и вошел в корабль. Люк с лязгом захлопнулся у него за спиной.

— Эй, есть здесь кто–нибудь? Мистер Ларкин!

Через некоторое время послышались шаги. Оливер поднялся по лестнице к командной рубке и встретился с шефом в коридоре.

— Кто… что это значит? — возмущенно воскликнул Ларкин. — Кто вы? Что вам здесь нужо? Известно ли вам, что незаконное проникновение на корабль Имперского Флота влечет за собой суровое наказание? Как вам удалось попасть на корабль, прежде всего? Отвечайте немедленно, в противном случае я буду вынужден применить…

Оливер не выдержал и расхохотался.

— Бог с вами, атторней, это же я, Оливер Роуч! Просто я весь в грязи — мне пришлось добираться сюда через джунгли, пешком, а Копра не самое чистое место в Поясе Астероидов…

Ларкин вгляделся в лицо Оливера.

— Вы… действительно Роуч? Да, я начинаю узнавать вас под этой коркой грязи. Боже мой, это невероятно!.. Я думал, вы погибли. Выглядите вы, должен сказать, омерзительно. Немедленно примите душ, переоденьтесь, и доложите, что с вами там произошло.

Оливер покачал головой. На соблюдение этикета не было времени.

— Мне кажется, атторней, сначала мы должны кое–что обсудить.

Ошеломленный Ларкин смотрел на него с недоумением.

— Вряд ли ваш тон можно счесть уместным, Роуч, — он неестественно улыбнулся. — И еще — вы, боюсь, забываете, что исходящий от вас запах несколько… несколько… неприятен. Идите помойтесь, а затем…

Оливер вздохнул.

— Я понимаю вас, сэр. Но сложилась экстремальная ситуация, и я не хотел бы тратить время на формальности. Неудобства, связанные с моим внешним видом, несущественны в сравнении с жизнями более чем сотни людей. Так что потерпите немного, — он протиснулся мимо Ларкина в командную рубку.

Ларкин пошел за ним.

— Я готов простить это вызывающее нарушение приличий, Роуч, зная, что вам пришлось пройти тяжелые испытания. Но я должен вас предостеречь от…

Оливер не слушал. Он глядел на схемы, разложенные у Ларкина на столе. На одной был поперечный разрез шахты. На другой — расчеты планетарных геологических напряжений — в этом Оливер немного разбирался. Третьей, самой важной, была копия схемы размещения на дне шахты ядерного заряда в сто мегатонн. Здесь же были указаны предполагаемые направления распространения ударной волны, совпадающие с линиями геологических разломов.

Подозрения Оливера подтвердились. На дне шахты был отнюдь не генератор гравитации. Там была бомба — достаточно мощная, чтобы взорвать весь астероид. Он яростно сгреб чертежи и повернулся к Ларкину.

— Что это значит? — требовательно спросил он.

— Отдайте чертежи, Роуч! — рявкнул Ларкин, безуспешно рванувшись за листами пермабумаги. — Это совершенно секретная информация!

Оливер злобно усмехнулся, держа документы вне досягаемости шефа. Ларкин в его глазах внезапно потерял весь авторитет и стал просто маленьким невзрачным человечком. Повинуясь мгновенному импульсу, Оливер скомкал бумаги, измазав их грязными руками, и швырнул Ларкину в лицо.

— На, держи, будь ты проклят! Ну, чего тебе еще надо? Взорвать астероид, да?! — выкрикнул Оливер, тяжело дыша.

Побледневший Ларкин уставился на него. Он силился сдержать гнев, но, в конце концов, не выдержал и сорвался в крик.

— Вот именно, Роуч! Да, именно этого я и желаю! Увидеть эту помойку расчлененной и непригодной для обитания! Мы разорвем ее, рассечем на четыре куска! Линии напряжении нанесены, заряды размещены, взрыватель заложен и сработает через шесть часов. И вы никак не сможете этому помешать! Вы это хотели знать?

— Но зачем? — ошеломленно спросил Оливер. — Зачем ее взрывать? План с повышением гравитации, о котором вы всем твердили — чем он плох?

— Конечно, он вполне осуществим, Роуч. Боюсь только, что контакт с местной средой обитания настолько исказил ваши нравственные критерии, что вы не в состоянии оценить моральный аспект рассматриваемого вопроса. Неужели вы действительно не видите, что мы обязаны устранить Копру, это грязное пятно на Поясе Астероидов? Ее существование совершенно непереносимо! Непристойна сама мысль о ее обитаемости! И наш прямой нравственный долг — покончить со столь непристойным положением вещей! Вы огорчаете меня, Роуч. Похоже, у вас просто помутился рассудок.

У Оливера отпала челюсть. Он не верил своим ушам.

— А как же копранцы, как же люди, которые здесь живут? Разве их жизни ничего не значат? Вы готовы их взорвать ради своей моральной чистоплотности?

— Мы уже обсуждали этот вопрос, Роуч. Вы, кажется, склонны были видеть в этих грязных тварях человеческие особи, а не лишенные моральных устоев куски протоплазмы, коими они на самом деле являются. Это не люди! Их ликвидация была бы благодеянием. Однако, Правительство Системы не прислушалось к моим рекомендациям и встало на более снисходительную точку зрения. Как ни жаль, они будут жить. Эвакуантам с Копры предстоит всего–навсего ментальная очистка. Их мозги вычистят — подобно тому, как мы очистим их астероид.

— Психическая хирургия? Но ведь она разрушает личность!

— Как–кая личность?! — У Ларкина дрожали руки. Он

закусил губу. Лицо его перекосилось гримасой ненависти. — Где вы обнаружили в них личность?! Они предпочитают жить в грязи! Вы можете представить, что они уживутся где–нибудь в другом месте? Нет, их нужно заставить жить по законам цивилизованного общества. И это самое большее, что мы можем сделать для этих тварей…

Оливер ошарашенно замотал головой. Чушь, чушь! Неужели и он мог когда–то думать так же? Неужели он так сильно изменился? После трех дней, проведенных в джунглях, он больше не мог ненавидеть грязь. И, похоже, это изменило все его мироощущение.

Он сосредоточился, пытаясь найти аргументы для возражений.

— Но зачем взрывать астероид? Какой в этом смысл?

— Смысл? О, смысл в этом есть, Роуч! Вы, наверное, не осознаете, что Копра стала самым крупным обитаемым астероидом. Напластования мусора превратили ее в крупнейшее космическое тело Пояса. Необходимо положить конец этой абсурдной ситуации. Астероид будет аккуратно расколот на четыре части. Корабли–мусорщики соберут все мелкие обломки. Четыре самых крупных сегмента будут установлены на орбитах вокруг Пояса Астероидов и оснащены генераторами гравитации, которые создадут десятикратную силу тяжести. Это будут более скромные и безопасные хранилища отходов. Неужели вы не видите, Роуч, что, при сложившихся обстоятельствах, это единственный цивилизованный план?

Оливер покачал головой.

— Нет, атторней. Такой план нельзя оправдать никакими обстоятельствами.

К Ларкину почти вернулось самообладание, но глаза его по–прежнему злобно сверкали.

— Значит, произошло то, чего я боялся, Роуч. Вы повредились рассудком! Скажу больше: вам не место среди цивилизованных людей! Вы, в сущности, копранец — во всех отношениях. Вы не тот человек, который покинул этот корабль три дня назад.

Оливер почувствовал, что сейчас что–то произойдет. Что–то опасное.

— Что вы несете? — сказал он. — Какого черта!?

Ларкин злобно улыбнулся. Он пригладил свои серебристые волосы и оправил воротничок. Он опять стал воплощением сдержанности, самоуверенности и власти. Он бесстрастно опустил руку в карман куртки.

— Все совершенно ясно, Роуч. Не думайте, что я оставлю без внимания факт вашей психической ненормальности. Вы —

душевнобольной. Я буду вынужден направить вас на лечение. Как и всех копранцев. Будет даже проще, если вам окажут помощь наравне со всеми. Вы нуждаетесь в точно таком же психохирургическом вмешательстве!

— Чу… чушь! — Оливер от возмущения стал заикаться. — Это… да это бред! Я никогда не позволю — они не разрешат, чтобы… чтобы…

Зловещая улыбка Ларкина переросла в ужасающую гримасу.

— Вашему положению не позавидуешь, Роуч. В бортовом журнале записано, что вы пропали без вести. Ваше личное дело аннулировано, вы юридически не существуете. Вы не сможете доказать, что вы не копранец, Роуч. Я не говорю уже о том, что ваш модус вивенди и модус операнди соответствуют копранским. Я разрешаю вам забраться в трюм корабля вместе с остальными и затем пройти хирургическую санацию сознания.

— Вы с ума сошли, Ларкин! Вы спятили!

— Не я, Роуч. Вы. Следует ли мне перечислить происшедшие в вас перемены? Мои же воззрения были, есть и будут неизменны. В самом начале вы питали к этому астероиду такое же отвращение, как и я. За поразительно короткий срок вы избавились от этого — подчеркиваю! — вполне рационального чувства. Вы иррациональны, Роуч! И это лишь укрепляет мою уверенность в том, что физическая чистоплотность необходима для психического здоровья индивидуума. Разлагающее, растлевающее действие грязи теперь неоспоримо! Она разрушила ваш мозг, Роуч!

Оливер лихорадочно соображал. Логика умозаключений Ларкина была безупречна. Делать было нечего. Можно было попытаться успокоить Ларкина. Роуч допустил две ошибки. Первая: он бросил вызов авторитету шефа. Вторая: он позволил себе спорить с ним. Ни того, ни другого атторней не выносил. Он был слишком чванлив и никогда не сомневался в собственной правоте.

И Оливер бросился в бездну самоуничижения.

— Я должен извиниться, сэр. Ваша безупречная аргументация заставляет меня признать мою временную ненормальность, вызванную тремя днями пребывания в грязи. Это могло случиться с каждым, сэр. Я начинаю понимать, я осознаю, насколько вы правы. Мне необходимо только восстановить искаженное мироощущение, что займет непродолжительное…

— Слишком поздно, Роуч. Я не могу в это поверить, как бы мне ни хотелось. Ваша вспышка имела все признаки долго подавляемого стремления. Это не просто случайная ошибка. Нет! Безумие всегда гнездилось в вас. Я нарушу свой моральный долг

перед обществом, дав вам возможность избежать медицинского вмешательства. Я могу сделать вам единственное одолжение — вас буду лечить отдельно от остального сброда. Большего даже я сделать не могу.

Оливер понял, что выхода нет. Он взглянул на Ларкина. Тот был хиловат, и, похоже, до смерти боялся испачкаться.

Это был единственный шанс.

Оливер метнулся к Ларкину, пытаясь его схватить, но тот быстро отскочил в сторону, вынимая руку из кармана.

— Не двигайтесь, Роуч, — рявкнул он. В руке у него был пистолет. — Я ношу оружие на случай неприятностей с туземцами. Но оно мне отлично послужит и для того, чтобы убедить вас немедленно покинуть корабль.

Оливер медленно добрел до люка и вышел наружу. Выбора у него не было.

— Ключи, Роуч. Быстро!

Оливер опустил ключи в протянутую руку Ларкина. Лязгнул, закрываясь, люк. Конец. Назад пути не было.

Он поспешил к дому Гейлорда. Нужно было рассказать обо всем и прикинуть, что делать дальше. Ларкин сказал, до взрыва остается шесть часов, так что действовать нужно быстро.

Он вошел в комнату, где его ждали Гейлорд и Джульетта.

— Вернулся, — хмыкнул Гейлорд. — Это больше, чем я ожидал. Ну, рассказывай, чего там начудил Ларкин.

Оливер тяжело опустился на то, что в предыдущей жизни было стулом. Стычка на корабле вымотала его — и физически, и морально.

— Дурные новости. Я нашел в командной рубке бумаги, которые все объясняют… — и он рассказал о бомбе, установленной на дне шахты.

— Ну, и на чертей это все? — спросил Гейлорд. — Я думал, Ларкин обделаться готов при одной мысли, что наша мусорная куча развалится и загадит его Приятные Миры.

— Так и есть. Но, по их расчетам, заложенный заряд разорвет Копру на четыре больших куска, а мелкие обломки быстро соберут. Эти четыре куска установят на новых орбитах, и они станут четырьмя новыми свалками. Но жить на них будет невозможно — на них поставят гравигенераторы в 10 «же».

Гейлорд принял новость без удивления.

— Я же говорил, что не жду ничего хорошего от этого выродка. Ладно, следующий вопрос легкий: что будет с нами?

— Психохирургия. Проще говоря, ваши мозги будут вычищены и переделаны по стандартам так называемого «цивилизованного общества». Это значит… полное уничтожение

индивидуальности.

Гейлорд кивнул.

— С этим тоже понятно. Что будет с тобой?

Оливер вздохнул.

— Я сам все испортил… За три дня, что я не видел Ларкина, я забыл, что он из себя представляет. Мы никогда не были в хороших отношениях. А тут я разозлился и проявил строптивость. Ну, он мне и отомстил — отомстил, не нарушая писаных правил. Официально я числюсь пропавшим в джунглях. Соответственно, я потерял гражданские права. На его взгляд, я не больше, чем копранец, — мой разум так же не соответствует норме, я такой же грязный… Так что мне тоже грозит психохирургия.

В комнате повисло тяжелое молчание. Потом в углу тихо зарыдала Джульетта.

— Кончай скулить, — раздраженно буркнул Гейлорд, сверкнув глазами. — Мы все крепко вляпались, чего теперь реветь. Хочешь хныкать — хнычь, только про себя. Нам надо дать сдачи, — и быстро, прежде чем этот ублюдок поймет, что случилось, — Гейлорд вскочил со стула и принялся разгуливать по комнате. — Чем больше я обо всем этом думаю, тем больше ненавижу эту падлу. С каким удовольствием я протащил бы его через самую вонючую мусорную кучу…

Гейлорд задумчиво умолк, и вдруг разразился хохотом.

— Бог мой, да что это мы? Чего мы волнуемся? Все будет совсем просто. Смотрите: в деревне больше ста мужиков, и еще ты на нашей стороне, Оливер. Устройство корабля ты знаешь, так? А против нас — один Ларкин. И мы — копранцы, а он — сопливый инопланетянец… Как мы можем проиграть, имея такое преимущество?

Он ухмыльнулся. Но ни Джульетта, ни Оливер его не поддержали.

— Ты что, серьезно? — сказала Джульетта, утирая глаза. — У него больше силы, чем у всех нас, вместе взятых. Он может разрушить наши дома, наш мир, наши мозги… все, что угодно.

— Она права, — вздохнул Оливер. — Я не хочу вас принизить, но у нас нет шансов взять над ним верх, копранцы мы или нет. Разведывательный корабль построен с расчетом на отражение любой массированной атаки. Он хорошо вооружен. Мы ничего не можем сделать, разве что ждать, когда нам велят загружаться в трюм. Нас отвезут в ближайшую психохирургическую клинику. Может, мне удастся заявить официальный протест, но…

Гейлорд сплюнул, и его багровое от ярости лицо нависло над Оливером.

— Треплешься, как инопланетянец, — гаркнул он, — Я не желаю слушать эту херню, да еще в своем собственном доме! Он заявит оффиц–циаль… Дерьмо! Тебе надо еще многому научиться — например, как иметь дело с людишками вроде Ларкина! — Гейлорд шагнул к двери и открыл ее одним рывком. — Сейчас ты поймешь, почему мы так ценим скарб, и что с ним можно наворотить, если как следует пошевелить мозгами. Черт, мой скарб поперли, но нам хватит и норманового, чтобы забраться в эту жестяную банку… Норман! — заорал он в сторону лестницы на второй этаж. — Норман, спускайся сюда!

Его сын заставил себя подождать. Но вот, наконец, он появился в дверях.

— Что такое? — спросил он. Оливер заметил, что в его блеклых глазах появился какой–то огонь. Норман держался прямей и в голосе его слышалась сдерживаемая ярость. Казалось, он обрел силу противостоять отцу.

— Мне нужен твой скарб, — сказал Гейлорд, — и твоя помощь, хотя, видит бог, толку от нее будет не дохера. Надо пробраться на разведывательный корабль.

— Для чего?

Гейлорд сжато обрисовал ситуацию, и, пока он говорил, по лицу Нормана расплывалась слабая усмешка.

— Можешь воспользоваться моим скарбом, если хочешь, — сказал он, дослушав Гейлорда. — Но, боюсь, я не смогу тебе помочь. Мне предстоит важная встреча.

— Встреча? — на лицо Гейлорда набежала тень подозрения. — О чем это ты?

Норман медлил с ответом, явно наслаждаясь ситуацией.

— Я беседовал с атторнеем Ларкиным. По радио, с диспетчерской вышки. Он согласился принять меня на корабле для конфиденциальной беседы.

Гейлорд не нашелся, что на это ответить. Долгие годы он властвовал над слабовольным приемышем. Норман был необщительным, замкнутым и нервным, и лишь его стремление к чистоте показывало, как сильно он отличается от остальных копранцев. И вот, буквально за пару дней, такие перемены…

— Ну ладно, — грозно зарычал Гейлорд. — Давай, выкладывай.

— Чего тут говорить, — пожал плечами Норман. — Да и почему я должен тебе что–то объяснять? Что у меня с тобой общего? Скорее уж, я ближе к атторнею Ларкину. Мы с ним представляем власть, в чем вы скоро убедитесь.

Гейлорд свирепо потянулся к сыну, пытаясь схватить его.

— Ты мне ответишь, или тебе придется чертовски сильно

пожалеть, — угрожающе сказал он. — Ты мне расскажешь, о чем ты сговариваешься за моей спиной с этим вонючим чужаком, или…

Внезапно Норман отпрыгнул назад, у него в руке оказался пистолет, направленный в живот Гейлорду. Тонкие черты лица Нормана исказила ненависть. Оливер начал понимать, что парень не вполне нормален. Случилось что–то, что вывело его из равновесия.

— Не подходи! — пронзительно крикнул Норман. — Довольно ты мной помыкал! Более чем достаточно! Ты всегда меня высмеивал! Ты меня презирал! Но я всегда был умней тебя, — он замолчал, тяжело дыша. Пистолет в дрожащей руке был все так же направлен на Гейлорда. — Мне… мне больше не придется тебе подчиняться, никогда не придется… папочка, — продолжал он. Он выставил другую руку, сжимающую небольшую металлическую коробочку с двумя кнопками и короткой толстой антенной. Это было похоже на портативный радиопередатчик.

— Ты ведь знаешь, что это? — Сказал Норман.

Гейлорд молча кивнул. Он желал лишь одного — чтобы все хоть немножко разъяснилось.

— Это из моего скарба, — сказал он. — Где мой скарб, Норман? Ты должен знать, где он…

Норман презрительно пожал плечами.

— Я знаю, где он. Но вот это — это гораздо важней.

— Эта штука? Это блок дистанционного управления взрывателями для небольших зарядов… Дедов еще. Он им пользовался, когда рвал камень в каменоломнях. Ну так и что?..

— Сейчас я тебе расскажу, — глаза Нормана светились фанатичным воодушевлением. — Я расскажу, и ты поймешь, как тебе надлежит обращаться со мною впредь. Так вот, я уже два дня назад понял то, что до тебя дошло только сейчас. Я понял, что они опустили в ту шахту. И я понял, что собирается делать Ларкин.

Вчера вечером я пошел к площадке. Они уже опустили большой заряд и складывали оборудование. Мне удалось пробраться к шахте и сбросить в нее свой тюк со взрывчаткой. Там не слишком много, но хватит, чтобы изменить направление взрыва. Теперь вы поняли? Вы поняли, что это значит? — он пробежал глазами по их лицам. — Когда большая бомба взорвется, она подорвет и мой заряд. И этого хватит, чтобы поломать все расчеты! Копра не развалится на несколько крупных кусков. Она разлетится и засыплет мусором весь Пояс Астероидов!

Гейлорд кивнул.

— Теперь понятно, — задумчиво сказал он. — Ты рассказал об этом Ларкину. Ты сказал, что ему лучше сделать так, как ты хочешь. Иначе ты просто оставишь свою маленькую бомбочку рядом с большой. Ну, а если Ларкин тебя выручит, тебе нужно будет всего лишь нажать одну из маленьких кнопочек дистанционного управления и твой заряд будет дезактивирован. Не о чем беспокоиться, — Гейлорд угрожающе сжал кулаки. — Но ты не запугаешь меня своим пистолетиком, ты — скользкий, бледномордый, двуличный подонок…

Норман чуть отступил назад.

— Не торопись, папуля. Я не закончил, а ты еще не все понял. Эта штука у меня в руке может не только дезактивировать дополнительный заряд. Она может, наоборот, взорвать его. Этого хватит, чтобы большая бомба тоже взорвалась, — Норман распрямился в полный рост. Его лоб взмок от пота, лицо покраснело от прилившей крови. Настал его звездный час. — Если я нажму красную кнопку — ты, я и все остальное взлетит на воздух. Так что будь осторожен, папочка, очень осторожен. Если я увижу, что ты хочешь разрушить мои планы, я взорву нас всех, и не раздумывая.

Наступила тишина. Гейлорд покачал головой. Он прислонился к дверной раме.

— Не верю, просто не верю, — сказал он. — Я всегда знал, что ты крученый, Норман. Но никогда бы, черт возьми, не подумал, что из тебя вырастет такое дерьмо. Ну, и что ты думаешь из этого выгадать?

Норман улыбнулся — так улыбаются фанатики, добившиеся того, к чему стремились всю жизнь.

— Освобождения. Избавления от грязи. Боже, как я об этом мечтал! Ты не представляешь, каково это было для меня — всегда помнить, что где–то существуют чистые, порядочные миры — где–то далеко, вне досягаемости. И в то же время жить с тобой, в этой хибаре… Смотреть телепрограммы из этой западни! Но теперь я свободен от всего этого. Ларкин не сможет отвергнуть мои условия. Он быстро убедится, что я не такой, как остальные. Он увидит, что мы, по существу, люди одних взглядов, одного круга. Вот что я собираюсь выгадать, отец. Свободу от… от тебя и тебе подобных!

— И я подозреваю, что ради этого все средства будут хороши, так?

— Конечно, — безмятежно улыбнулся Норман.

Гейлорд сузил глаза.

— Знаешь, почему я еще не сломал тебе хребет? Потому что я все еще не верю… А с Ларкиным ты не очень–то договоришься.

Он же сразу увидит, что ты такое — грязный, вонючий коротышка. Ты весь в той же грязи, что и мы, Норман. Держался бы ты нас, и все было бы в порядке. Но ведь ты заботишься только о себе, да? И еще: это ты украл мой скарб?

— Конечно! Это было проще простого. Когда все пошли смотреть пузырь, — в тот день, когда прилетели инопланетчики, — я взял грузовик, на котором вернулась Джульетта, и спрятал весь твой скарб. И ты никогда не догадаешься, куда.

— Похоже на правду, — вздохнул Гейлорд. — Сочетается со всем твоим идиотским планом. Ты хотел подорвать мой авторитет, занять место старосты, чтобы потом торговаться с Ларкиным. Так?

— Да. И все сработало. И это я испортил вездеход, перед тем, как вы отправились в эту идиотскую экспедицию. Это я вытащил регуляторы реактора и испортил передатчик. Вы не должны были вернуться…

Гейлорд почти скорбно смотрел на приемного сына. В его взгляде смешалась насмешка и жалость.

— Неужели ты так ненавидишь меня, Норман?

— Ненавижу. И тебя, и Копру, — ответил Норман спокойным, безразличным тоном.

— Скажи мне еще одно. Куда ты спрятал мой скарб?

Норман слабо улыбнулся, наслаждаясь воспоминаниями.

— О, это было самое интересное. Он под сценой в общем зале. Все это время он валялся там, прямо у тебя под ногами, в тот вечер, когда меня выбрали старостой, — Норман вздохнул. — Мы зря тратим время, папочка. Я говорил, у меня важная встреча. Не подходи ближе, я ведь могу нажать на красную кнопку. Видишь? Я держу на ней палец. Когда я уйду, можешь делать, что хочешь, меня ты уже не достанешь. Я буду в безопасности на борту корабля.

Норман оглядел комнату, перед тем, как уйти.

— Прощайте, мистер Роуч. Прощай Джульетта. И ты, папуля. Я надеюсь, что вы все страдаете… и да будет это для вас карой — за то, что мне пришлось вытерпеть, прожив всю жизнь в грязи!

Он вышел из дома и направился вверх по замусоренной улице, изящно обходя самые грязные места и стараясь не запачкать одежду.

— Невероятно, — сказала Джульетта. — Просто невероятно. Он жил здесь все эти годы, и мы никогда не думали…

— Брось ты, — сказал Гейлорд. — Чепуху несешь. Просто я думал, что крепко держу его в руках, а то следил бы, чтобы не случилось чего–то такого. За подонками нужен глаз да глаз. Им

просто необходим кто–то вроде меня, — чтобы держать их в ежовых рукавицах. Им надо замкнуться в себе, подогревать в себе ненависть, ворчать мозгами, козни строить… И чуть только какая напасть — война там, революция — и они на коне. Никогда бы не подумал, что у него хватит духа довести что–то такое до конца. Никогда бы не подумал.

— Так что теперь делать, папа?

— Что делать? — Гейлорд яростно повернулся в ее сторону. — Что значит — делать? Может, пойти отобрать у него дистанционник? Идиотство! Когда имеешь дело с таким придурком, всякое может случиться. Нажмет он красную кнопку, и в какой жопе мы тогда окажемся?

— Так вы уверены, что он не блефовал? — спросил Оливер.

— Наверняка. И взрыватель, и взрывчатка — из моего скарба. Они сработают точно так, как он говорил, — Гейлорд принялся кусать ногти, его лоб пошел морщинами от натуги. — Как ты думаешь, что сделает Ларкин, когда к нему явится Норман?

— Невозможно угадать, — пожал плечами Оливер. — Вполне может решить, что Норман его дурачит. Для Ларкина все копранцы — невежественные дикари. Норман со взрывателем в руках… Думаю, это его не убедит.

— Это мне не нравится, — пробормотал Гейлорд. — Ну, хорошо. Нам нужно как можно быстрее попасть на корабль. Проследить, чтобы этот сумасшедший дурень не натворил глупостей. Мы рисковать не можем. Идите за мной, надо загрузить мой скарб на грузовик.

— Ваш скарб? А план нападения на корабль? У нас мало времени! До взрыва… осталось всего пять часов. Нам понадобится не меньше часа, чтобы собрать копранцев и погрузить их в корабль. Только это и остается…

— Заткнись ты, — просто сказал Гейлорд. Он вышел во двор и пошел к грузовику. Оливер шел за ним. — Если ты придумал, как попасть на корабль, иди и попробуй. А я пойду за скарбом. Выбирай, парень.

Гейлорд забрался в кабину и завел мотор. Грузовик взревел.

— Наверное, он прав, — сказала Джульетта. — Папа всегда знает, что делает.

Оливер пожал плечами. В одиночку он все равно ничего бы не смог. Он заскочил в кузов рядом с Джульеттой как раз в тот момент, когда Гейлорд дал газ. Завертелись, разбрасывая грязь, колеса. Они объехали вокруг дома и по главной улице направились к залу собраний.

14. ПРОРЫВ

Хибара, где проходили деревенские сходки, казалось, едва

стояла. Углы ее просели в болотистую почву, стены готовы были обрушиться в любой момент.

Гейлорд, ссутулившийся на водительском сидении грузовика, вырулил прямо на широкие двустворчатые двери.

— Не вижу смысла содержать в порядке недвижимость, раз уж этот хренов астероид все равно развалится на куски! — рявкнул он. Грузовик, не замедляя хода, врезался в хлипкие двери, пошел юзом, размалывая стулья, загромождающие зал, и остановился в дальнем углу — как раз напротив сцены.

Гейлорд вылез из кабины грузовика, нагнулся и ухватился снизу за помост. Заскрипев зубами, он потянул вверх — на огромных шее и плечах вздулись мускулы. Хрипло выдохнув, он рывком оторвал всю переднюю часть помоста, с грохотом отшвырнув ее к стене и остановился, пытаясь отдышаться.

Перед ним во всем великолепии лежал его скарб, богатейшее собрание разнообразнейшего утиля: полированный металл, пластмасса, полудрагоценные камни — обломки, выуженные из мусора за прошедшие сто лет. Гейлорд вздохнул с глубоким облегчением.

— Ну, слава богу, я его вернул, — прошептал он, не в состоянии оторвать глаз от своих сокровищ.

— У нас мало времени, — деликатно напомнил Оливер.

— Ладно, ладно, нечего меня понукать, — Гейлорд повернулся, запрыгнул в кабину и дал газ. Давя стулья, он развернул машину, под которой кое–где с треском проседал прогнивший пол.

Гейлорд потянул за рычаг, и кузов машины опустился на пол, словно гигантский совок. Гейлорд дал задний ход, осторожно подъезжая к скарбу. С грохотом, треском и звоном кузов зарылся под огромную груду утиля. Шум был невообразимый. Билось стекло, гремела жесть, кузов крушил пол, вырывая доски. Гейлорд, скрипя зубами, подгонял грузовик к стене, сгребая весь скарб. Скрежетал, ломаясь, металл, надсадно ревел мотор.

Он вернул рычаг в прежнюю позицию и кузов поднялся, поворачиваясь так, чтобы не рассыпать груз. Гейлорд спрыгнул, подобрал несколько предметов, оставшихся на полу, забросил их на кучу в кузове и пробурчав, что обидно, конечно, корежить вещи, но время сейчас дороже, опять взобрался на водительское место.

— Ну что, поехали! Следующая остановка — космическое корыто!

Оливер и Джульетта забрались на груду блестящего утиля. Гейлорд выехал их зала, круша перевернутые стулья. Когда они проезжали сквозь проломленные двери, грузовик задел бортом

прогнившую стену, и Оливер, обернувшись, увидел, как стена зашаталась и медленно рухнула вовнутрь. Раздался треск ломающегося дерева, в воздух поднялось облако пыли. Лишившись опоры, крыша провисла. Под мучительный скрежет сминаемого железа боковые стены медленно прогнулись наружу, и конек крыши просел. Потом стены рухнули, а крыша разлетелась на куски. Среди груды камня торчали, как обломанные зубы, опорные столбы.

Но этого Оливер уже не увидел — грузовик несся вниз по улице. Он слышал только грохот, с которым последняя оставшаяся стена обвалилась на груду переломанного дерева и покореженных железных листов.

На шум из домов начали выходить деревенские. Они поворачивали недоуменные лица к груженному грохочущим скарбом грузовику, мчащемуся по грязной улице. Огромная груда утиля тряслась и оседала от каждого толчка. Джульетте с Оливером приходилось отчаянно цепляться за борта, чтобы их не вытряхнуло.

Вскоре показалась посадочная площадка. Гейлорд нажал на тормоза и грузовик, останавливаясь, заскользил по жиже. Гейлорд указал на люк корабля.

— Вот он, Норман, как раз заходит…

Смутно различимая в вечерней копранской дымке фигура скрылась в люке, который тотчас закрылся.

— Нечего попусту время терять, — пробурчал Гейлорд, завел машину и направил ее прямо к кораблю.

— Да вы что?! — завопил Оливер. Он едва различал свой голос в грохоте скарба и реве моторов. — Сейчас автоматы включат тревогу! А когда Ларкин запаникует, он не станет задавать вопросы! Наведет на нас бластеры — и все!

— Расслабься! Я же за рулем, дурень! — проорал Гейлорд, — Мы прорвемся, прежде чем он сообразит, что случилось! Мы будем у его порога, прежде чем он успеет дотянуться до кнопок. Нам некогда ходить кругами, понял?

Оливер вцепился в борт грузовика, стараясь держаться как можно крепче. Все равно, что бежать на пулеметное гнездо, размахивая перочинным ножом, подумал он. Силы слишком неравны.

Оливер поднял глаза на орудийные башни, расположенные вокруг носа корабля. Как раз в этот момент одна из них начала поворачиваться, нацеливаясь на машину. Его затрясло, и он сполз под защиту груды утиля, хоть это и было бесполезно — бластер распыляет металл так же легко, как и человеческую плоть.

Над взлетным полем коротко треснул гром и слепящий луч

косо прорезал воздух, испепелив землю в нескольких ярдах от них. Копранская почва брызнула фонтаном грязи и обломков. Взрыв оставил на взлетном поле дымящийся кратер.

— Назад! Ради бога, назад! — закричал Оливер. Он откровенно струсил. Рядом с ним, не открывая глаз, уткнувшись лицом в колени, скрючилась побелевшая Джульетта.

— Заткни пасть, придурок! — взревел Гейлорд. Он вел грузовик на полной скорости прямо на корабль, до которого оставалось уже не более двадцати ярдов. Оливер застонал и закрыл лицо руками. Он не хотел умирать. Он вдруг ощутил, как сильно хочет жить. Принять смерть от руки сумасшедшего инопланетчика, да еще из–за тупости упрямого копранца — это было выше его сил.

Оливер глянул на орудийную башню. Она опять наводилась на них, на цель. Следующий выстрел будет последним.

Увидев, что башня замерла, он закрыл глаза, уже не веря, что когда–нибудь откроет их снова. Луч с оглушительным треском располосовал воздух. Жар опалил Оливеру щеку. Взлетела грязь и мусор. Джульетта рухнула в его объятия, взвизгнув от страха. Как–то, каким–то чудом, луч прошел чуть мимо цели. Ларкин, наверное, и предположить не мог, что такое может произойти.

Гейлорд рванул руль, грузовик пошел юзом и остановился вплотную к металлическому корпусу корабля. Копранец выключил мотор и повернулся на сидении. Когда он увидел Оливера и Джульетту, прижавшихся друг к другу и зажмуривших глаза в ожидании последнего выстрела, он взорвался хохотом.

— Что это с вами, черт подери? Вы прямо как два перепуганных мышонка. Не верили в папашу Гейлорда, а? Ну, гляньте, мы уже в безопасности. Здесь нас никто не достанет. Ты–то должен знать, Оливер, пушки не могут стрелять так близко к корпусу, чтобы не спалить чего не того. Если бы бластеры могли бить под таким углом, какой–нибудь косой парень мог бы взять на пару градусов не туда и продырявить корабль.

Тут бластер выстрелил опять и в нескольких метрах от них появилась еще одна воронка. Их обдало жаркой волной и осыпало комьями грязи, но взрыв был не ближе, чем предыдущий.

Гейлорд довольно ухмыльнулся.

— Ясное дело, кой–какой риск был. Он мог влепить в нас с первого удара. Но обычно в таких случаях сначала дают предупредительный залп. Представляю, как он сейчас об этом жалеет!

Он взобрался в кузов и стал рыться в груде утиля.

— Это я в батином дневнике вычитал, да. Старик как–то напал на инопланетянский корабль, такой же, как этот — когда

один козел выманил у него груз и собирался дать с ним деру, — Гейлорд вытащил из кучи старый помятый громкоговоритель щелкнул тумблером. Рухлядь, вопреки ожиданию, заработала.

— Эй, Ларкин, слушай! — закричал Гейлорд. Его усиленный голос загремел по летному полю. — Айзек Гейлорд с тобой говорит, староста. Помнишь меня? Брось выдрючиваться и ковырять космодром, я хочу с тобой поговорить! Слышишь? Я хочу, чтобы ты открыл двери в трюм. Уловил?

Наступила тишина. Потом защелкал сервомеханизм внутри корабля, и две широкие створки двери скользнули в стороны, открыв широкий вход чуть дальше в корпусе корабля.

Гейлорд захохотал.

— Понял, что не может нас пристрелить и решил заманить вовнутрь. Это вход в трюм?

Оливер кивнул.

— Это спиральный подъем, он ведет в середину корабля, к трюму, который как раз под двигателями.

— Есть возможность пробраться оттуда к его каюте?

— Боюсь, что нет. Там бронированные двери с дистанционным управлением в два ряда.

Гейлорд задумчиво закусил губу и пожал плечами.

— Ну, хорошо. Я выйду, как только заведу машину вовнутрь, а там мы посмотрим, как можно добраться до Ларкина.

— А зачем загонять машину вовнутрь?

— Опять говоришь, словно инопланетянец какой. Зачем? Да ради моего скарба, вот зачем! Ты наверное, рехнулся, если думаешь, что я рискну улететь с Говнюхи, не захватив с собой скарб. Если с ним все будет в порядке, я тоже буду в порядке. Понял?

Порывшись в куче, Гейлорд нашел металлические клинья и кувалду, и принялся вколачивать клинья под раздвижные двери, чтобы они не могли закрыться.

— Ждите здесь! — крикнул он, запуская мотор грузовичка. — Я скоро вернусь!

Он въехал в темный вход и скрылся из виду.

Как только он въехал, заработал механизм дверей. Одна створка выдавила клин и заскользила вперед, но другой клин держался прочно, и механизм только бессильно щелкал и жужжал.

— Еще одно очко в пользу твоего отца, — сказал Оливер.

Джульетта улыбнулась. Ее трясло, но она старалась взять себя в руки.

— Можешь не беспокоиться. Ему всегда как–то удается со всем справиться.

Вниз по пандусу с грохотом спускался Гейлорд, волоча старые ружья и потрепанную раздвижную лестницу.

— С грузовиком все о'кей, — сказал он. — Дальше будет чуть–чуть труднее.

— Ларкин убрал входной трап, — сказал Оливер. — Кроме того, главный люк прикрыт гранатометами и автоматическим оружием. Там мы не пройдем. Нужен более тонкий подход.

— Какой, например?

Оливер задумался.

— Можно попробовать проникнуть через один из аварийных люков.

— Они высоко?

Оливер принялся вспоминать расположение помещений корабля.

— Самый нижний в тридцати футах от земли, — он прошел немного вокруг корабля. — Приблизительно, здесь.

Гейлорд потряс в руке компактную раздвижную лестницу и поставил ее на болотистую землю.

— Эта штука раздвигается на двадцать пять футов, если я не ошибаюсь, — он утоптал землю под основанием лестницы и начал крутить рукоятку. Медленно, секция за секцией, лестница поднималась вверх, скрываясь за мягким изгибом брони корабля.

Раздвинув лестницу до отказа, Гейлорд выдвинул две боковые подпорки, чтобы лестница стояла устойчивей, и забил их в землю.

— Лезьте за мной, — сказал он.

Он быстро карабкался со ступеньки на ступеньку, сжимая ружье. Основание лестницы немного вдавилось в мягкую землю. За Гейлордом поднимался Оливер, последней шла Джульетта. Лестница начала опасно раскачиваться, наверху ей было не за что зацепиться. Дважды она толчками погружалась в землю.

Оливер всегда знал, что не создан для приключений. Земля оказалась неожиданно далеко, а лестница была неустойчивой. Он прижался к ней и старался не нервничать. А что еще ему оставалось?..

Гейлорд уже добрался до аварийного люка. Сначала он безуспешно пытался поддеть его край стволом одного из ружей. Потом он несколько раз выстрелил наугад в замок. Грохот лазерного удара был оглушающим. Оливер был удивлен, что древнее ружье просто не закоротило.

Один из выстрелов пришелся на открывающее устройство и люк неожиданно распахнулся наружу. Гейлорд быстро отшатнулся назад, чтобы избежать столкновения. При этом лестница отклонилась от борта корабля, застыла в неустойчивом

равновесии и они бесконечно, изматывающе долго висели между небом и землей на покачиваемой ветром лестнице. Сохранивший хладнокровие Гейлорд изо всех сил швырнул назад одно из ружей. Толчка вполне хватило, чтобы лестница качнулась обратно и мягко соприкоснулась с гладким металлическим корпусом корабля.

Гейлорд тут же ухватился за нижний край раскрывшегося люка и влез вовнутрь. Бледный, дрожащий Оливер последовал за ним и помог Джульетте.

Они очутились в одной из орудийных башенок, где располагалось ручное управление бластером (дистанционное находилось в командной рубке). С этого места Оливер взял инициативу в свои руки. Он представил себе поэтажный план корабля и повел их по трапам и коридорам; они осторожно крались через корабль, пока не достигли верхней палубы. Над ними было только навигационное оборудование, размещенное в носу корабля. Под ними, если только Оливер правильно рассчитал, была командная рубка. Все трое направили оружие в пол. С оглушительным ревом, болезненно сотрясшим замкнутое пространство корабля, они вырезали лазерными лучами в полу неровный круг. Гейлорд ударил по нему ногой, и круг провалился вниз, разбрызгивая капли расплавленного металла.

Он спрыгнул вниз, держа оружие наизготовку, и застали Ларкина врасплох. Он сидел за своим столом, говоря по рации со штабом.

Увидев Гейлорда, он перестал нашаривать оружие и обреченно поднял руки.

В этот миг торжества они совсем забыли о Нормане. Джульетта очень вовремя заметила его в противоположном конце рубки, когда он уже лез в карман пиджака за своим пистолетом, вцепившись кровожадным взглядом в спину отца. Вряд ли стоило гадать о его намерениях.

Джульетта выбила пистолет из руки Нормана и направила на него свое ружье. Норман, покраснев от ярости, внезапно скользнул в сторону, кинулся к столу Ларкина и схватил пульт управления взрывателем. Оливер прыгнул на него как раз вовремя, чтобы выхватить дистанционник из его рук.

Увидев, что последние его надежды рухнули, Норман внезапно обессилел. Его ярость и порожденная отчаянием сила исчезли и он рухнул на пол, истерически стеная и плача.

— Да, этот парень не шутил, — пробурчал Гейлорд. — Дотянись он до кнопки, и все вокруг разлетелось бы на мелкие кусочки.

Оливер кивнул.

— Наверное, он решил красиво умереть.

Гейлорд обошел вокруг стола, за которым с поднятыми руками сидел Ларкин. Копранец забрал его пистолет и вытащил еще один из ящика стола. Потом он выдернул администратора из–за стола и уселся за радиопередатчик.

— Вы там еще слушаете? — спросил он в микрофон.

— Слышу вас хорошо, — донесся потрескивающий голос. — У вас все в порядке? Что, собственно…

— У нас все чудесно, милок, спасибо, — оборвал Гейлорд, ухмыляясь. — С тобой говорит Айзек Гейлорд, здешний староста. Можешь передать своим инопланетянским друзьям, что ваш любимый Ларкин обосрался и мы приняли у него дела. Короче, мы здесь у руля. И мы знаем про все ваши вонючие планы. Про бомбы и все такое. Так что по вашему не вышло, ясно? Мы сделаем так, чтоб эта бомба вообще на взорвалась. А если не выйдет, то мы слегка покумекаем и устроим дело так, чтобы весь этот чертов астероид разлетелся на тысячи грязных липких кусков. На маленькие такие кусочки вонючего дерьма, чтобы никакие ваши корабли не могли сгрести его в одну кучу. Ты знаешь, куда оно все полетит? На ваши Приятные Мирочки, мистер, — туда же, откуда оно и взялось. Вот что у нас сейчас происходит, если вам это интересно. И уже слишком поздно с этим что–то делать. Эта груда мусора взлетит на воздух меньше, чем через четыре часа.

Гейлорд, не дожидаясь ответа, резко выключил передатчик. Он рухнул на стул Ларкина и отер рукой пот со лба.

— Сто лет уже так не волновался, — ухмыляясь, сказал он.

— Это… это ни в какие ворота не лезет! — сказал Ларкин. Это были первые слова, произнесенные им после того, как они вломились на корабль. — Вы говорили с самим главнокомандующим… Вы слышите — с самим главнокомандующим, вы, безграмотный дикарь!

Гейлорд с той же самой широкой ухмылкой помахал пальцем перед лицом Ларкина.

— Ты, это, полегче, Ларкин. Не раздражай. От тебя и так было слишком много неприятностей.

Ларкин запнулся. Он не находил слов. Он повернулся к Оливеру.

— Роуч, если в вас осталась хоть капля здравого смысла, вам… вы должны помочь мне, должны помочь остановить этого дикаря. Остановить его вмешательство в действия правительства. То, что может случиться, будет следствием ваших действий, которые не могут быть расценены иначе, как мятеж и измена, и наказание за соучастие в подобных действиях будет невообразимо

суровым! Помогите мне, и я посмотрю, что…

— Простите, господин атторней, — перебил его Оливер. — Как вы сами сказали, я теперь не отличаюсь от копранца. С чего же мне тогда лезть из кожи вон, чтобы помочь вам?

У Ларкина сузились глаза. Но он быстро нашелся.

— Я смогу помочь вам, Роуч, если вы поможете мне. Видимо, мои вчерашние слова были несколько необдуманными. Возможно, мне удастся восстановить вас в гражданских правах. Если вы докажете свою лояльность решительными действиями против этих существ…

Оливер покачал головой.

— Я теперь тоже «существо», Ларкин, и вам следует привыкнуть к этой мысли, — стоящая рядом Джульетта посмотрела на него и улыбнулась. Оливер обнял ее за плечи, и Ларкин, с нескрываемым отвращением, отвернулся.

Гейлорд потянулся, схватил чужака за воротник и мягко приподнял его над землей.

— Если ты закончил, Ларкин, то у меня есть к тебе предложение.

Ларкин рванулся из грязных пальцев Гейлорда.

— Пожалуйста, — задыхаясь, сказал он, — не трогайте, не касайтесь меня…

У него округлились от ужаса глаза, когда он ощутил, как по его шее размазывается грязь с рук Гейлорда. Гейлорд неохотно отпустил его.

— Я собирался немножко повалять тебя в грязи — за все, что ты тут натворил. Но я не хочу, чтобы ты хлопнулся в обморок или выкинул чего похуже, — он забросил ноги на стол и лениво разглядывал Ларкина. — Я так понимаю, ты как раз тот человек, который нам нужен. Пушечное мясо. Ты как, знаком с ситуацией? Норман рассказал тебе, что он вчера подбросил в шахту к твоей большой бомбе?

Ларкин кивнул.

— Ваш… сын сообщил мне, что он добавил небольшой заряд, из–за которого нарушится форма ударной волны основного заряда. В результате взрыва произойдет беспорядочное раздробление астероида вместо раскалывания на четыре части. Но сама мысль несколько странная…

— Может быть. И все же это факт. Я скажу тебе, Ларкин, что мы хотим сделать. Мы не собираемся разряжать маленький заряд, который подкинул в шахту Норман. Черт побери, если уж этой мусорной куче суждено взлететь на воздух, так пусть она рванет как следует. Опять же, мне нравится мысль спутать планы вашим цивилизованным астероидам, впридачу ко всему. С другой

стороны, будет лучше во всех отношениях, если найдется какой–то способ разрядить большую бомбу — ту, которую засунули туда твои люди. Мне, знаешь ли, нравится жить здесь, на Говнюхе, и остальным вроде как тоже. Будет просто позорно не попытаться ее сохранить. Ты понял?

Ларкин отвел глаза.

— Полагаю, в известной степени, я вас понял.

— Хорошо. Так вот что ты сделаешь. Ты сейчас отправишься к шахте и поищешь какой–нибудь способ обезвредить большую бомбу. Если не получится, то, может, удастся хотя бы оттянуть время взрыва. Но запомни: если у тебя ничего не выйдет и она рванет, то маленькая взорвется тоже, и тогда здесь чертям тошно станет… — Гейлорд посмотрел на часы. — И вот еще, кстати. Остается мало времени; нам придется стартовать где–то через час. Так что, я думаю, лучшее, что мы можем сделать — это оставить тебя возле шахты. Сможешь предотвратить взрыв — отлично, а не сможешь… — Гейлорд зло ухмыльнулся. — Ты уж лучше постарайся как следует, Ларкин. Здесь будет малость неуютно, когда все разлетится на куски.

На лице Ларкина появилось выражение недоверия.

— Вы… не может быть, что вы это всерьез. Вы хотите сказать, что оставите меня там, с мизерным шансом предотвратить взрыв, и вам все равно, погибну я или нет?

— Этот взрыв — твоих рук дело, мистер. И разве тебя заботило, погибнем мы или нет? Я считаю, все по справедливости. Оливер, Джульетта — вы согласны?

Оливер вздохнул.

— Это, конечно, не по закону… но вы это заслужили, Ларкин.

— Я согласна, — сказала Джульетта.

— Вы сумасшедшие! — неистово закричал Ларкин. — Вы все сошли с ума! Вы что, не понимаете, кто я? Вы имеете дело с государственным должностным лицом, а не с каким–нибудь безграмотным копранским дикарем. Должностное…

Гейлорд покачал ружьем.

— В чем дело, дружок? Испугался, что не сможешь справиться с бомбой? — он усмехнулся. — Это хорошо. Значит, будешь стараться изо всех сил.

— Что делать с Норманом? — спросил Оливер.

Парень все еще валялся на полу. Его надежда влиться в цивилизованный мир рухнула, ему стало незачем жить.

— Надо бы его запереть, — сказал Гейлорд. — Есть здесь что–нибудь подходящее?

— Да, через дверь — кладовка. Там почти пусто, и уж точно — ничего опасного. Там он будет в порядке.

Бледный, вялый, с потухшими глазами, Норман позволил отвести себя в маленькую комнатку и они заперли за ним дверь.

— Да, еще одно, — сказал Гейлорд и взял дистанционник, который могло взорвать или обезвредить бомбу, подкинутую Норманом в шахту. — Я сделаю так, чтобы этот заряд нельзя было обезвредить.

Он отодрал заднюю стенку коробочки, искоса посмотрел на провода, и затем вырвал блок мощности и еще несколько деталей.

— Вот такие пироги. Теперь ничего не помешает этому заряду взорваться вместе с бомбой. Если Ларкин не сможет обезвредить свою бомбу и она рванет, маленькая бомба позаботится о том, чтобы Пояс Астероидов получил назад свой мусор. Целиком.

Он швырнул выпотрошенную коробку на пол.

— Пошли, Ларкин. Тебя ждут великие дела.

Они отвели инопланетчика в дезактивационную камеру и подождали, пока он надел защитный костюм. Потом они спустили трап и вышли на поверхность.

— Значит, так, — Гейлорд повернулся к Джульетте. — Раз мы хотим дать ему там как можно больше времени, надо закинуть его туда и на грузовике. Давай, беги в трюм, выгрузи мой скарб и пригони грузовик сюда.

Она кивнула и поспешила на корабль.

— Если Джульетта отправится туда, я поеду с ней, — сказал Оливер.

Гейлорд фыркнул, забавляясь.

— А, ну да, юные влюбленные сердца. Еще чуть–чуть, и я пущу слезу… Ясное дело, ты пойдешь с ней. Нужно, чтоб кто–то присматривал за Ларкиным. Я останусь здесь и прослежу, чтобы деревенские загрузились на корабль без происшествий, — он опять посмотрел на часы. — До взрыва два с половиной часа. Нам бы лучше убраться отсюда через час, ради пущей уверенности.

Оливер согласился. Даже и через час было уже опасно.

Джульетта вывела грузовик из трюма. Оливер указал Ларкину на пассажирское место, а сам уселся в кузове за его спиной. Его ружье упиралось атторнею в затылок.

— Ну, хорошо, — сказал Гейлорд, — Довезете это дотуда, выгрузите и назад. Не переводите время попусту — я не хочу, чтобы пришлось улетать без вас.

Оливер улыбнулся. Но он знал, что Гейлорд не шутит. Айзек не захочет рисковать жизнями жителей деревни. Он взлетит тогда, когда ему придется это сделать, не считаясь с тем, на борту Джульетта и Оливер или нет.

Джульетта выжала сцепление, моторы завыли, и грузовик

тронулся в сторону стройплощадки.

15. ВКУС ОБРЕЧЕННОСТИ

Незаметно наступил вечер. Поднявшийся ветер затягивал полосами тумана темный ландшафт. Рука, которой Оливер держался за борт грузовика, замерзла и окоченела. Другой рукой, тоже занемевшей, он сжимал нацеленное в затылок Ларкина ружье.

Итак, им удалось ворваться на корабль и одержать победу. И это несмотря на ничтожные шансы на успех. Оливер почувствовал эйфорию. Но стоило еще раз взглянуть на ситуацию, чтобы увидеть, как ничтожна одержанная ими победа. Ведь Копра по–прежнему в опасности. Так же, как и копранцы. Так же, как и сам Оливер.

Начался подъем. Колеса грузовика пробуксовывали в рыхлой грязи, не находя опоры на вязкой глине.

— Далеко еще? — прокричал Оливер сквозь шум воющего мотора.

— Еще примерно с полпути, — откликнулась Джульетта. Оливер посмотрел на часы. Они ехали уже десять минут.

Грузовик, наконец, взобрался на скользкий подъем. На вершину холма со всех сторон наползал клубящийся сизый туман. Подернутое дымкой солнце бросало тусклый свет на барханы грязи и мусора, окрашивая их в охряные цвета. Пологие холмы, словно волны вечно скованного льдом моря, ровно тянулись к горизонту. Единственное, на чем мог остановиться взгляд в этом темном океане мусора, так это на стройплощадке. Конические терриконы возвышались на ней, словно зловещие фурункулы, выпершие из окружающей земли. Решетчатый силуэт стальной башни возвышался точно над центром участка.

Оливер ощутил странную нереальность пейзажа. Все было безжизненно и голо. Ни малейшего движения, лишь бесплодная и беззвучная пустота. Земля застыла в ожидании, приготовившись к самому худшему, словно взрыв бомбы уже стал неизбежностью. Поверхность, по которой они ехали, через несколько часов перестанет существовать. Одна лишь эта мысль делала астероид нереальным, отрицала само его право на дальнейшее существование.

Быстро тускневшие солнечные лучи и поднявшийся ветер несли ощущение угрозы, словно астероид, предчувствуя катастрофу, сам двинулся навстречу гибели. Поднимающийся туман был для Оливера лишь еще одним свидетельством гнева астероида. Разверзнись под ними земля — Оливер и то не удивился бы.

Оливер понимал, что это лирика, пустые фантазии, но не мог

избавиться от ощущения, что гибель этого мира уже не предотвратить.

Они добрались от корабля до стройплощадки за двадцать минут. К этому времени почти совсем стемнело. Джульетта остановила машину у края огромной шахты, и Ларкин, трясясь, сполз на землю.

— Вот, это вам может понадобиться, — Джульетта протянула ему карманный фонарик.

— Мало надежды, — сказал он. — Пульт установлен где–то здесь, но он может быть засыпан грязью. В любом случае, я не уверен, что смогу разобраться в нем.

Он уже не был уверен в себе. Разум его оцепенел под тяжестью смертельной опасности.

Джульетта завела мотор и развернула машину.

— На вашем месте я бы сразу приступила к делу, — крикнула она Ларкину. — Не теряйте ни минуты! Осталось не так уж много!

Атторней на мгновение застыл. Ужас его положения вдруг обрушился на него в полную силу. Ларкин сорвался с места и ринулся за грузовиком, размахивая фонарем.

— Не бросайте меня здесь! — завопил он истерически. — Не обрекайте меня на смерть! Как вы можете! Возьмите меня с собой! Плевать на бомбу, на Копру, вы должны мне помочь!

Грузовик ревел, выбираясь по извилистой дороге с площадки. Голос Ларкина стих. Оливер обернулся, но они уже перевалили через мусорный бархан и Ларкин скрылся из виду.

— Я не хотел бы так оставлять Ларкина, — сказал Оливер. — Это жестоко, даже по отношению к нему. Какое право мы имеем рисковать его жизнью даже ради шанса спасти астероид?

Джульетта, помолчав, спокойно ответила:

— Мы пытаемся спасти не только астероид и наши собственные дома, мы еще пытаемся спасти всех оставшихся на нем людей, всех дикарей и бродяг, разбросанных по всей Копре. Ты уже успел забыть, как он собирался отдать нас мозгососам? Он не считал нас за людей, так что же удивительного в том, что копранцы тоже не считают его за человека?

С точки зрения здравого смысла, придраться было не к чему.

Почти полностью стемнело. Слабо отсвечивал закат на горизонте, но даже его закрывали тянущиеся клочья тумана. Джульетта вела машину вслепую — вперед, через грязь, не видя ничего ни впереди, ни вокруг.

— Может, включишь фары? — предложил Оливер, — Ради всего святого, не сбейся с пути! У нас осталось совсем мало времени.

— Я не хочу зажигать фары, — ответила Джульетта. — Садятся аккумуляторы, нужно беречь энергию. Я лучше доверюсь своей интуиции, — ее улыбка была еле различима в сумерках. — Не бойся. Я здесь выросла, все пути знаю.

Но чем дольше они ехали, тем неубедительнее звучали ее слова. Спустилась плотная тьма, Оливер задыхался в плотном влажном тумане. Джульетта старалась вести грузовик прямо вперед, не обращая внимание на медленно слабеющее гудение моторов. Аккумуляторы были почти разряжены.

— Раньше мы бы сориентировались по огням деревни, но сейчас они, конечно, отключили генераторы. Все уже на борту корабля.

Оливера начало трясти. У него промокла одежда, а стены, воздвигнутые вокруг машины ночным мраком, вызывали приступы клаустрофобии.

— У нас осталось мало времени, — сказал он. — Нужно быстро найти корабль.

Он вглядывался в темноту в поисках огней, но ничего не видел. Ни звука, кроме чавканья шин и воя мотора грузовика. Туман глушил все остальные звуки.

Наконец, Джульетта включила фары, но это было бесполезно: тусклые желтые лучи упирались в белую непроницаемую стену тумана, поглощающую свет.

Следующие четверть часа Оливер боролся с паникой. В его мозгу теснились кошмарные картины: корабль, взлетающий без них, гибель на взрывающемся астероиде, среди пламени и разлетающихся скал.

В обступившем их мраке его воображение разгоралось все ярче.

Наконец, Джульетта призналась, что сбилась с пути. Теряя надежду, они прижались друг к другу, ища тепла и безопасности.

Спасла их чистая случайность. Когда они проезжали свободный от тумана участок, Оливер смотрел в верном направлении и где–то далеко слева увидел проблеск света.

— Поворачивай! — крикнул он, Только что вон там я видел огонь! Точно! Они, должно быть, включили для нас прожекторы корабля!

Джульетта мгновенно развернула машину туда, где Оливер увидел вспышку. Туман смешался с абсолютным мраком, и они начали терять последнюю надежду, и тут воздух на миг посвежел и вновь впереди загорелся свет.

На этот раз и Джульетта увидела его и направила грузовик точно на огонь.

Когда они подъехали еще ближе, до них донесся гулкий,

усиленный громкоговорителями голос, пробившийся к ним сквозь рев мотора и вязкий туман:

— Джульетта! Давай сюда!

Гейлорд кричал в громкоговоритель, словно направляя мореплавателей, потерявших берег.

Но и теперь они еще не уверились в спасении. Аккумуляторы почти полностью сели. Джульетта переключила на первую передачу, но машина еле ползла. Спасение было уже рядом. Прямо перед ними горели огни корабля, светя им с высоты, но времени не оставалось.

Оливер спрыгнул с машины.

— Пошли! — крикнул он. — Брось ее! Пешком быстрее! Не теряй ни секунды! Айзеку скоро придется взлетать, с нами или без нас!

Она выскочила из машины и побежала за ним, оскальзываясь в чавкающей грязи. Прожектора корабля пробивали туман, творя из него клубящийся занавес слепящей белизны, огромную величественную арку, простершуюся над их головами и ведущую прочь из ночной тьмы.

— Джульетта! — опять взревел искаженный голос. — Оливер! У вас осталось пять минут! Мы не можем больше ждать! Ради бога, быстрее!

И вот, бок о бок, они выбежали на разбитый бетон старого космодрома и помчались по нему к воздвигшемуся перед ними кораблю, чьи величественные очертания терялись в слепящей россыпи прожекторов.

Время остановилось в ночи, через которую они бежали. Астероид медленно умирал в ожидании последнего мгновения. Тот закат был последним, а этой тьме никогда не будет конца.

Словно проломившись сквозь мрак, Джульетта и Оливер добежали до пандуса и бок о бок, грохоча по железу, взбежали вверх и очутились внутри корабля. Деревенские, толпившиеся в шлюзе, встретили их дикими восторженными воплями.

Смущенный Оливер сощурился от искусственного света. Обернувшись, он увидел, что пандус поднят, и люк автоматически закрывается. Они успели как раз вовремя.

Он взял Джульетту за руку и поспешил в командную рубку.

16. ЕЩЕ БОЛЕЕ СКРОМНЫЙ ДЕБОШ

Гейлорд уже сидел, пристегнувшись, в противоперегрузочном пилотском кресле. Таймер показывал три минуты до старта, и Оливер поспешил сесть в кресло второго пилота.

— Сядь в штурманское кресло и пристегнись, — сказал он Джульетте. — Быстро!

Гейлорд обернулся, ухмыляясь.

— Да, чертову уйму нервов вы мне стоили, ребята. Я уж было подумал, что вы не успеете. Оттягивал, как мог, ну да уж…

Оливер, только что вырвавшийся из ночного мрака в надежное тепло корабля и еще не вполне способный нормально соображать, занялся привычным делом. Он быстро проверил состояние управляющих взлетом механизмов и сделал мелкие поправки.

— Как вам удалось подготовить корабль к старту? — удивленно спросил он Гейлорда.

— С трудом, парень. Нашел в скарбе старое руководство по навигации — похоже, для предыдущей модели этого типа кораблей. Много общего…

Оливер изумленно покачал головой. Гейлорду каким–то образом удавалось выкручиваться из любых ситуаций. Оливер продолжал стандартную процедуру, проверяя каждую цепь. Все работало нормально.

Затем он включил общую трансляцию и взял микрофон. Его голос прозвучал во всех динамиках внутренней связи корабля.

— Взлет через тридцать секунд.

Деревенские напряженно вслушивались. Никто из них раньше не бывал на борту космического корабля.

— Нужно лечь на спину, на что–нибудь мягкое, — продолжал Оливер. — Ноги поднимите повыше, если сможете. Во время старта вы почувствуете себя в несколько раз тяжелее, чем обычно. Это неприятно, но продлится недолго. Никто не пострадает. Просто нужно лечь и расслабиться.

Он выключил микрофон. Кто–то из сотни с лишним находящихся на борту людей может пострадать при взлете. Но какой смысл тревожиться об этом заранее?

Обратный отсчет времени дошел до нуля, включилась система автоматизированного управления взлетом. В глубине корабля загудели топливные насосы, постепенно их звук поднялся до свиста. Открылись клапаны, горючее хлынуло в камеры сгорания и воспламенилось со вспышкой и грохотом. Огонь расцвел в копранской ночи, охватив всю посадочную площадку. Дым повалил в небо. Стальной корпус корабля гудел и вибрировал от напряжения. Медленно и величественно корабль поднялся в темный зенит. Двигатели ритмично пульсировали. Сияли иллюминаторы.

Для Оливера это был обыденный, тысячу раз испытанный взлет. Но для остальных это было что–то чуждое, пугающее. Началось ускорение, перегрузка своей огромной ладонью вдавила людей в пол.

Оливер, расслабившись во взлетном кресле, наблюдал за

приборами. Автоматы контроля обратной связи сгладили толчок, направив корабль по заданной траектории. Ускорение достигло четырех единиц. Для экономии горючего следовало бы ускориться еще, но Оливер не рискнул, боясь за находящихся на борту людей.

Он глянул в иллюминатор и увидел в нескольких километрах внизу ночную сторону Копры. Он оглянулся на Джульетту, лежавшую с побледневшим лицом в штурманском кресле. Ее кожа была все так же грязна, а волосы растрепаны, но Оливеру она казалась прекрасной.

Он повернулся к приборам и не отрывался от них, пока корабль не достиг крейсерской скорости. Двигатели вскоре отключились: горючее следовало беречь для маневрирования и посадки.

Взлет прошел гладко. Огни на панели управления гасли один за другим, сообщая об отключении систем. Первоначальное ускорение сменилось включившейся искусственной гравитацией, которую Оливер отрегулировал до привычной копранцам величины.

Он отстегнул ремни и вылез из кресла. Рядом с ним старался встать на ноги Гейлорд. Он тяжело дышал, лицо его покраснело.

— Отдохните немного, — мягко сказал Оливер. — Вы не так привыкли перегрузкам, как я. Посидите, а я обойду корабль, посмотрю, не пострадал ли кто. Я быстро.

Он взял аптечку и вышел из рубки.

Деревенские заполнили весь корабль — каюты, кладовые, коридоры, наблюдательные пункты. Оливер обошел весь корабль, проверяя каждый отсек.

Несколько пожилых людей были еще без сознания, но скоро должны были прийти в себя. Он сделал укол стимулятора тем, кто в этом нуждался, и вернулся в рубку. В целом взлет прошел на удивление гладко. Серьезных повреждений ни у кого не оказалось (не считать же серьезными повреждениями пару синяков).

Гейлорд и Джульетта смотрели в иллюминатор. Корабль вышел из тени Копры, и рубку заливало Солнце.

— Это чудесно, — Джульетта смотрела на россыпи звезд и темный диск вдалеке — покинутый ими астероид. — Я и не догадывалась, что звезд так много. Мне и сейчас как–то не верится.

— Многие чувствовали то же, что и ты, — сказал Оливер. — А на самом деле никто по–настоящему в это и не верит. Космос слишком огромен, расстояния в нем слишком велики, чтобы человеческий разум мог их осознать, — он глянул в черноту. —

После нескольких полетов ощущение чуда исчезает. В конце концов, это просто входит в привычку. Словно и нет этой безбрежной пустоты вокруг…

Он вернулся к приборам на другой стороне рубки.

— Что с нами будет, если астероид таки рванет? — спросил Гейлорд. — В смысле, не заденет нас, а? Похоже, я слишком затянул со взлетом.

— Я это как раз сейчас и высчитываю, — сказал Оливер. Он корректировал курс и вычислял расстояние и скорость удаления от Копры и вводил информацию в компьютер, отвечающий за траекторию полета. Он посмотрел на часы — до момента детонации бомбы оставалось сорок пять минут. Он и это ввел в компьютер, прибавив уменьшающуюся силу искусственной гравитации Копры, а также притяжение Солнца и ближайших планет. Наконец, он нажал на кнопку и стал ждать, когда компьютер закончит вычисления.

Из принтера выпала бумажная полоска. Оливер подобрал ее. Согласно вычислениям, если бомба взорвется вовремя, они будут в пятидесяти тысячах миль. Это было ближе к Копре, чем он надеялся, но достаточно далеко, чтобы не попасть под обломки взорванного астероида.

Он объяснил это Гейлорду.

— Конечно, Ларкин еще может найти, что надо, и не дать бомбе рвануть, — сказал копранец. — Как оно было, когда вы его привезли к шахте?

— Он сказал, что у него мало надежды на успех. Но он был здорово подавлен. Я уверен, что если он найдет пульт управления, то сможет в нем разобраться. Разве что запаникует и пойдет вразнос. Вообще–то, Ларкин запросто может впасть в истерику и на все наплевать. Напуган был до полусмерти, когда мы его оставили — решил, что умрет там.

Гейлорд пожал плечами.

— Ладно, мы сейчас все равно ничего не изменим. Будем ждать, вот и все. Надеюсь, эта проклятая бомба не взорвется. А если и взорвется, так тоже неплохо: как подумаю про Приятные Миры, заваленные их же собственным дерьмом… Черт возьми, кое–кто из этих чистоплюев, может, даже станет похож на человека!

Он захохотал и потер огромные лапищи.

— Эй, что это с вами обоими? Что за кислые рожи? Нам нечего щас делать, все уже сделано. Не о чем беспокоиться, так же? Проклятие, мы должны… мы просто обязаны это отметить!

Оливер выжал из себя улыбку. Он был слишком измотан последними событиями и предпочел бы отдохнуть.

— Хотите устроить веселуху? Почему бы и нет…

Гейлорд засмеялся.

— Отлично! Давайте начинать. Ты, наверное, думал, что я рехнулся, что загрузил весь свой скарб на корабль. Но ты не знал, что там, кроме всего, еще и две канистры с отличным пойлом ! И они сейчас здесь, в трюме! И ты уж поверь, для нас сейчас самое лучшее — вскрыть их и роскошно оттянуться!

Он рванул дверь рубки и затопал по коридору. Потом вдруг остановился, сунул руку в карман пиджака, выудил ключ и отпер соседнюю каюту, в которой сидел Норман.

— Давай, выходи! — заорал Гейлорд. — Иди, наслаждайся жизнью, как мы все, мать твою!.. Я на тебя не злюсь, ясно? Больше ты никак не сможешь нагадить. От тебя больше ничего не зависит, понял, ты, выродок?

Норман угрюмо сидел в кладовке на груде ящиков. Он встал и медленно вышел в коридор.

— Говори, что хочешь, — безучастно ответил он.

Оливер увидел, что Норман вернулся в латентное состояние. Вспышка неистового безумия окончилась, и все его эмоции и чувства опять были подавлены.

Со временем он придет в норму. За ним всегда будут следить, ожидая подлости и предательства. И он никогда не сможет приспособиться к жизни в грязи. Для этого он слишком упрям.

Но Гейлорду сейчас было наплевать на то, что будет потом. Он хотел, чтобы всем было хорошо. В том числе и Норману.

Они обошли весь корабль, от носа до трюма. Гейлорд заходил в каждый отсек на каждой палубе, сзывая деревенских на гулянку. Его широкое обветренное лицо блестело от пота, открытая ухмылка обнажала сломанные изжелта–бурые зубы.

— Веселуха! — вопил он. — Сейчас будет веселуха! К черту ваши заботы, нечего их вспоминать. Море самогона истосковалось по вашим глоткам! Жидкое счастье, люди! Эй, давай все за мной!

Оливер нашел в одной из кладовок бумажные стаканчики и пошел за Гейлордом, который вел толпу в трюм.

Трюм занимал всю нижнюю палубу. Он был широкий, высокий, и с легкостью вместил сотню с лишним столпившихся в нем деревенских. Скарб Гейлорда валялся посреди трюма, где Джульетта вывалила его из грузовика. Гейлорд забрался на кучу сияющего утиля и принялся его разгребать. Он откопал две пятнадцатилитровые канистры из–под бензина и гордо вознес их над головой.

— Во как, тут до хрена! — взревел он, — Хватит, чтоб всем дважды упиться!

Оливер передал ему бумажные стаканчики, и Гейлорд скрутил крышку одной из канистр. Не давая иссякнуть потоку радостной болтовни и смеха, он начал разливать самогон по стаканчикам. Деревенские выстроились в очередь, с нетерпением ожидая своей порции. Напряженность и нервозность как рукой сняло. Одного намека на галлоны выпивки оказалось достаточно, чтобы от уныния не осталось и следа. Оливер зачарованно смотрел, как Гейлорд в одиночку переменил мироощущение всех копранцев. Скарб свой он вернул, инопланетянцев посрамил и опять был на высоте. Его боевой дух заражал всех вокруг. Скоро люди уже вовсю болтали и хохотали, поднимая тосты за своего старосту. Он был нужен им, они были рады заполучить его обратно. И Гейлорд это знал. Он наслаждался их преклонением.

Джульетта, стоявшая рядом с Оливером, подтолкнула его вперед.

— А ты не хочешь выпить? — лукаво спросила она.

— Я… да, думаю, что хочу, — сказал Оливер. Он протолкался к Гейлорду и наполнил свой стаканчик.

— Пей прямо сейчас, — сказал Гейлорд. — Одним духом. Иначе никак.

Оливер поднял стакан с густым коричневым пойлом и одним махом выпил его. Самогон обжег язык и гортань, дыхание перехватило, глаза наполнились слезами.

Но прочие последствия были явно благотворны. Он почувствовал себя гораздо живее, даже кожу у него стало покалывать.

— А забористая штука! — воскликнул он.

Гейлорд опять захохотал.

— Вот теперь ты грязный. Весь в грязи. Привык к копранской жизни. И тебе нравится копранская выпивка! На, глотни еще. Тебе не повредит, — он снова плеснул самогоном Оливеру в стакан. — Это как дышать копранским воздухом. Если ты принял вовнутрь, так у тебя прямо как куча фильтров по всему телу. И ты уже никогда не потеряешь к этому вкуса.

Оливер подождал, пока Джульетта наполнит свой стакан. Потом Гейлорд обернулся к деревенским, валившим на второй заход.

Оливер стал проталкиваться к выходу из трюма. Люди поразбредались, и гудело уже по всему кораблю.

Оливер с Джульеттой шли от каюты к каюте. Немного было нужно, чтоб гулянка удалась. Разгул становился все неистовей. Металлические коридоры и лестницы грохотали от топота грязных босых ног, от криков и песен, несущихся из хорошо промоченных копранских глоток.

Многие деревенские взяли с собой портативные телевизоры. Все аппараты ревели на полную мощность, хоть их никто и не слушал. Копранцам просто нравился их рев, вплетающийся в общий бедлам.

Никогда раньше ни один корабль не видал такого. Деревенские освоили уже каждый его уголок. В одной из кают уже разрисовывали стены с помощью красок, награбленных в ближайшей кладовой. Яркие цвета смешались в грязно–коричневый тон. Повсюду нержавеющие стальные панели были беспечно изуродованы рисунками и просто полосами. Грязные люди орали и смеялись, брызжа краской на пол и друг на друга, многие запускали руки в банки с краской и бегали по кораблю, оставляя где попало отпечатки ладоней. В другой каюте играли в покер на раздевание. Грязные, рваные лохмотья устилали пол. От криков и смеха игра пришла в неразбериху и почти прекратилась. Вокруг мелькали грязные голые тела.

Начинать новую партию никто не хотел и Джульетта с Оливером двинулись дальше. Грязь была уже повсюду. Рециркуляторы с трудом перегоняли тяжелый вонючий воздух, фильтры не удерживали вонь, некоторые кондиционеры уже сломались и отчаянно дымили.

Крутая копранская выпивка действовала быстро. Вскоре мозг Оливера окутал счастливый туман, а кожа согрелась. Джульетта крепко держалась за него, они бродили от каюты к каюте, натыкаясь то на группы орущих песни, то на детишек, опустошающих провизионку, то на сцены дикого разгула. Все наслаждались великолепной вседозволенностью. Все упились и были счастливы.

Гейлорд все еще сидел в трюме. Первая канистра была уже пуста, а он сидел на второй, на вершине пирамиды из своего скарба.

На глазах у внимающей аудитории он перебирал скарб, вещь за вещью.

— …А вот эта появилась семьдесят лет назад. Здесь вот отметка моего папаши в каталоге — 20–01–73. Упаковка аварийного рациона со спасательного модуля «Звездного Искателя». Это, стало быть, значит, вроде аварийной шлюпки с тяжелого транспортника старой модели. Аварийный рацион, да. Уже пустой. Рассчитан на сорок дней. Папаша в дневнике написал, как две недели добирался до деревни. Сломал ногу на пустырях и полз всю дорогу назад. Ни компаса у него не было, ни хрена. Так все и было, я вам говорю! Каждое слово здесь записано, его собственной рукой. Так, теперь вот это… Солнцезащитный козырек !

Оливер рассмеялся, и они вышли из трюма. Гейлорд снова доказал свою правоту. Скарб действительно был необходимейшей штукой.

Они направились в нос корабля. Оргия здесь уже затихала, многие упились до бесчувствия. В большинстве все были полураздеты, и вряд хоть кто–то был способен устоять на ногах. Личные вещи и карманные скарбы хлынули из кают в коридоры. На палубах было скользко от грязи.

Светильники были побиты, стальные переборки исцарапаны. За пару часов копранцы умудрились ухайдокать корабль не хуже метеоритной атаки.

Кто–то сидел, сгорбившись, в углу. Оливер подошел поближе посмотреть, что он там делает. Деревенский зажал между ног кислородный баллон и с наслаждением, глоток за глотком, пил газ забвения, мечтательно улыбаясь, отрешившись от бренного мира. Оливер отобрал баллон и копранец просто свалился, все так же блаженно улыбаясь.

Командная рубка оставалась единственным убежищем в океане хаоса. Оливер плотно закрыл дверь и запер ее на замок. Потом он повернулся к Джульетте и обнял ее.

Она улыбалась и яркими глазами глядела на него, тянущегося к ее губам. Поцелуй был долгий и страстный. Их языки сплелись, они ласкали друг друга руками, губами. Она все плотнее и плотнее прижималась к нему своим мягким прекрасным телом. Он стал нежно раздевать ее, швыряя одежду на пол.

— Тебе не кажется, что в кресле нам будет удобнее? — сказала она, улыбаясь. Говорила она немного невнятно и нетвердо стояла на ногах. Он засмеялся и понес ее к пилотскому креслу.

Не так давно из этого кресла Ларкин управлял кораблем. И как же зло судьба посмеялась над ним! Корабль невероятно изгажен, провонялся, переполнен пьяными копранцами, а Оливер в кресле Ларкина занимается любовью с одной из них — такой же грязной, как и он сам. И они ждут, когда астероид разлетится на куски и разнесет грязь по всему стерильно чистому Поясу.

Они лежали бок о бок, нежно и медленно лаская друг друга, не торопя взрыва эмоций. Понемногу их ласки становились все более откровенными и неистовыми, они все глубже погружались друг в друга.

Он испытал потрясение, когда она вдруг остановила его. Лежа под ним на спине, она, широко распахнув изумленные глаза, указывала на что–то за его спиной.

— См–мотри! — вскрикнула она. — Начинается!

Он обернулся и увидел…

Ларкин не смог предотвратить взрыв. Через иллюминатор в темноте космоса было видно, что творится с удаляющимся астероидом. Копра пламенела в облаке огня. Ее поверхность покрывалась все новыми трещинами и разваливалась на куски, черневшие на фоне глубинного жара. Она взрывалась с величественным спокойствием, залитая пламенем, охватившим ее всю. Медленно, удивительно медленно разрушался этот мир, и вот из раскаленной докрасна сердцевины полетели пылающие глыбы.

— Нам здесь ничего не грозит? — прошептала она.

— Конечно же, нет, — ответил он. Здесь, вместе с ней, не может быть опасно. Он и задумываться не стал. Он знал, он чувствовал, что их ничто не может коснуться.

С нижних палуб едва слышно донеслись вопли и аплодисменты деревенских, увидевших взрывающийся астероид.

— Похоже, их не слишком расстроило то, что они навсегда лишились дома, — сказал Оливер.

— Просто они довольны, что весь Пояс Астероидов станет таким же грязным, как мы. Только представь себе всю эту грязь, день за днем, год за годом падающую с неба. Они все станут Мусорными Мирами.

— Почему бы и нет! — захохотал Оливер, — Они слишком долго держались одной крайности, им будет невредно попробовать на вкус и другую!

Ей не нужно было отвечать. Разговор затих, когда они слились в жарком поцелуе. Их тела, щедро укутанные благородной копранской грязью, тесно сплелись, и они забыли и о Поясе Астероидов, и о деревенских, орущих и хохочущих на нижних палубах, и о командной рубке, обо всем на свете — кроме друг друга.

И вот, пока пьяные копранцы пели и качались, бродя по каютам и отсекам корабля, пока Мусорный Мир разлетался на миллионы вонючих обломков, пока тысяча благоустроенных, стерильно чистых миров трепетала от ужаса перед опускающейся на них огромной мусорной тучей…

…Оливер Роуч и Джульетта Гейлорд, обнявшись, страстно любили друг друга на противоперегрузочном кресле в рубке летящего в бог весть какие пространства корабля…

АМБЕЦ

© 1967, 1968 by Charles Platt.

Garbage World

Перевод © Сергей Бережной, Ян Шапиро, 1992.

Человек из кремния

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ОДЕРЖИМЫЕ

Поначалу проект «Лайфскан» дразнил ее, соблазняя посулами свободы и могущества. Через десять лет он превратился в идефикс, он управлял ее днями и преследовал ее по ночам. Она лежала в узкой своей, девичьей кровати в неустанном поиске сна, а разум ее будоражили неразрешимые задачи: где взять материалы для следующей стадии проекта? куда девать расходные ордера? как направить проверки по ложному следу и что написать в фальсифицированных отчетах? Проект давно уже самым грубейшим образом попирал как общепринятые нормы морали, так и федеральные законы, и если теперь это выплывет наружу, все пропало. Но даже перспектива тюремного заключения не страшна была для участников проекта — куда хуже для них будет, если проект закроют, и вся их работа пропадет даром.

Утром, одуревшая от бессонницы и лошадиных доз снотворного, она завтракала порошковым омлетом с соевым соусом и тостами и думала лишь об одном: как избавиться от помех, искажающих данные? как быть с вибрацией замораживающих агрегатов? как улучшить разрешающую способность сканирующих зондов? Проект превратился в метроном, подчинивший своему жесткому ритму всю ее жизнь.

Именовалась она Розалиндой Френч, а работала в «Норт–Индастриз» — оборонный подрядчик, что рядом с фриуэем на Лонг–Бич. Лаборатория ее представляла собой просторное помещение с высокими потолками, со стенами цвета беж и черным пластиковым полом. Зарешеченные окна выходили во двор, усаженный эвкалиптами. Обстановка же лаборатории состояла из беспорядочно расставленных серых алюминиевых корпусов контрольно–диагностических аппаратов различного свойства, металлообрабатывающих станков и инструментов. Был здесь растровый тоннельный электронный микроскоп, большой фризер с образцами тканей, кипы листовой стали, деревянные брусья, клавиатуры и плоские дисплеи. Посреди лаборатории, в окружении прочего оборудования, стоял, точно небольшое надгробие, бок о бок с цилиндрическим резервуаром из нержавейки размером примерно с детскую колыбель, компьютер «крэй–12».

Сегодня вечером, как и в большинство вечеров, лабораторию делили с ней еще двое ученых: Майкл Баттеруорт, высокий, худощавый нейрофизиолог, взиравший на весь окружающий мир

свысока с загадочно–отрешенным видом, и Ганс Фосс, по происхождению поляк, механик, мастер старой выучки. Баттеруорт был этаким мистическим мечтателем; однажды он сказал, что профессию свою выбрал после двух часов медитации в размышлении над результатом обращения с этим вопросом к «И–цзин». Фосс, напротив, был невысоким пожилым человеком с розовой лысиной, окаймленной венчиком редких седых волос. Застенчивый и незаметный, он был просто–таки богом в отношении всяческой машинерии. Частенько Розалинде казалось, что системы просто–напросто склоняются перед его авторитетом и слушаются малейшего его прикосновения.

Конечно, это был сущей ерундой, однако, чем больше времени проводила она в лаборатории, тем сильней каждая лабораторная мелочь, казалось, приобретала свой характер, вытесняя из жизни Розалинды друзей и заменяя их. Порой она ловила себя на том, что разговаривает с оборудованием — хвалит за точную работу, ругает за непослушание…

Для человека, верящего в науку, такое поведение более чем странно, и все же месяц от месяца Розалинда становилась все суевернее. Находя в чем–либо дурное предзнаменование — если, скажем, сочетание людей и оборудования не было БЛАГОПРИЯТСТВУЮЩИМ в некоем мистическом смысле, которого она даже не могла бы объяснить словами — она отменяла очередной эксперимент без малейшего сомнения. Бремя ее ответственности стало столь тяжким, что нести его она могла лишь руководствуясь исключительно собственной интуицией.

Тем вечером — теплым летним калифорнийским вечером обстановка БЛАГОПРИЯТСТВОВАЛА. Розалинда стояла у стального резервуара — высокая женщина тридцати с небольшим лет, с живыми серыми глазами и темными волосами, аккуратно забранными назад. Самообладание и чопорная осанка — продукт старого, почтенного ист–костского пансиона благородных девиц — не позволяли выказывать внутренней тревоги.

Она ждала, и Ганс Фосс ждал вместе с ней. Баттеруорт готовился к эксперименту. Он сидел в кресле за пультом управления, голову его закрывало полушарие обзорного шлема, а руки лежали в уолдо — металлических перчатках с датчиками давления и движения.

— Готов, — наконец сказал он.

Розалинда включила свой регистратор рабочего времени. Он действовал, как «черный ящик» в самолете, регистрируя реально–временной статус более двух сотен ключевых компонентов. Полиция компании хорошо понимала, что эта информация годится разве что для архивов в подвале, однако

экспериментальные результаты проекта «Лайфскан» уже давно не попадали в официальные отчеты.

— Похоже, все в порядке, — сказал Баттеруорт. Начинаю снимать слой.

Розалинда приникла к смотровому стеклу на боку резервуара. Внутри было примерно–170 по Цельсию, и стекло изнутри было усеяно крошечными кристалликами льда. Металлические зажимы держали серый комок ткани величиной с детский кулачок, искрящийся в свете двух галогенных ламп. Бритвенно–тонкий красный луч лазерного скальпеля врезался в плоть. Сотни тонких, точно паутинки, сверкающих зондов медленно пошли вниз — так медленно, словно тонули в масле. Нежно касаясь образца ткани, они присасывались к нему, готовясь дать ответы на все манящие тайны его клеток.

Луч лазера, повторяя движения рук Баттеруорта в микроскопическом масштабе, скользнул вперед, бережно срезая слой клеток, точно снимая со сливы до прозрачности тонкую шкурку. Металлические зажимы тонкие, словно булавки, подняли «шкурку», и следующая серия зондов принялась исследовать ее обратную сторону, воплощая информацию в цифры и передавая их из резервуара наружу, в память «крэя–12».

Розалинда уже давно научилась сдерживать надежды. Сегодня просто еще один эксперимент, он вполне может кончиться неудачей, как и прежние. Но в этот вечер — в этот вечер обстановка действительно была БЛАГОПРИЯТСТВУЮЩЕЙ. Она стояла, внимательно вглядываясь в смотровое оконце, будто суровая мамаша, наблюдающая за первыми шагами своего ребенка.

Лазер завершил проход. Фосс рядом с ней удовлетворенно хрюкнул:

— Хор–рошо…

Но Розалинда едва слышала его — она не замечала ничего вокруг, кроме рубинового луча и паутины тончайших зондов, сплетающейся вокруг образца ткани в причудливые арабески. Мышцы спины и шеи закостенели в напряжении…

Раздался приглушенный обзорным шлемом голос Баттеруорта:

— А вот этого мы раньше не регистрировали…

Хоть голос звучал глухо, смысл слов был предельно ясен. Розалинда бросила взгляд на дисплей, показывавший операцию в цвете и с максимальным увеличением. На экране поверхность ткани выглядела, точно ландшафт из шишковатых, перекатывающихся гор, над которыми зонды вытанцовывали свои сложные балетные па. Но один зонд отстал от кордебалета и

блуждал из стороны в сторону, как тросточка слепца.

Долго сдерживавшая дыхание Розалинда испустила стон разочарования:

— Черт возьми, Майк!

Лазер отключился, зонды потянулись вверх. Баттеруорт высвободил голову из–под шлема и вынул руки из уолдо. Некоторое время он сидел, разминая пальцы, словно синтемузыкант, чья сольная импровизация была отключена коннектором. Наконец он одарил Розалинду легкой ироничной улыбкой.

— Плоховато…

— Мы упустили какую–то незаметную пустяковину.

Вечер больше не был БЛАГОПРИЯТСТВУЮЩИМ, то был обман, иллюзия; Розалинда почувствовала, что предана. Теперь следовало разобраться, как и почему оборудование устроило заговор против нее. Она обратилась к Фоссу:

— Ганс…

— Шаговые моторы тут ни при чем. — Фосс поежился, словно замерз, а за ворот еще попали холодные дождевые капли. Пожалуйста, давай не будем разбирать их по новой?

Хотя он был вдвое старше, лицо у него было — точь–в–точь напроказивший мальчишка перед директором школы.

Она внимательно смотрела на него своими жесткими серыми глазами.

— Ты в этом уверен?

— По–моему, Ганс прав, — сказал Баттеруорт, оттолкнувшись от пульта и встав.

Казалось, он не разделял напряженности, возникшей между Розалиндой и Фоссом. Он был дзен–буддистом и проповедовал фатализм — хоть и на свой манер. Однако Розалинда чувствовала, что он стремится к цели так же, как и она сама. Хотелось бы ей, чтобы он держался более открыто — тогда им было бы легче управлять.

— Так в чем же дело? — спросила она. — Мы три недели истратили только на поиски причины сбоев. Я хочу знать, что не в порядке.

Он, пожав плечами, отвернулся.

— Хочешь снова разбирать все по винтику — так вперед.

Только теперь Розалинда осознала: сейчас ночь, и очень легко, вместо того, чтоб заниматься делом, просто–напросто перегрызться между собой. Она постаралась унять раздражение.

— Верно ли, что вы оба все еще убеждены, что огрех — в программном обеспечении исследования слоев?

— Ну да, — кивнул Баттеруорт.

— Джереми эти программы проверил до последней строки. Сделал симуляторы, прогнал на… — Она остановилась, видя, что он не меняет своего мнения. — Хорошо. Возможно, тебе следует подняться наверх и попросить Джереми проверить все еще раз.

Баттеруорт покачал головой.

— Поздновато, однако…

По опыту Розалинда знала: чем агрессивнее себя вести, тем крепче он упрется на своем.

— Майкл, — переключилась она на мягкий, увещевающий тон, — мы уже столько вложили в это…

Баттеруорт обошел «крэй», методически очистил ОЗУ и принялся отключать систему.

— Он устал, — сказал Фосс. — Вы же знаете, с уолдо работать нелегко… Вообще, всем нам неплохо бы отдохнуть. Даже вам, наверное.

Его тактичность раздражала куда сильнее отчужденности Баттеруорта. Сейчас, в свете непослушания оборудования, раздражения не унять было ничем. Все существо Розалинды прямо–таки вопило: «Ну почему–у оно не работает?!»

Покончив с «крэем», Баттеруорт пробрался через сплетение кабелей и начал отключать сервосистемы под резервуаром. Тихий жалобный вой моторов смолк, отрывисто кашлянул вакуумный насос, и установилась тишина.

— Ты же знаешь, вопрос лишь во времени, — коротко сказал он. — Мы получили несколько превосходных прогонов на животных, мы выверили нашу модель и знаем, что она должна работать. Осталось только вытрясти еще парочку огрехов, и тогда…

Взгляд его был устремлен в какие–то небывалые дали, словно он уже видел тот мир, в который обещает распахнуть двери «Лайфскан».

Розалинде наконец–то удалось подавить раздражение.

— Ладно, я сама поднимусь к Джереми и скажу, что вы полагаете, будто дело — в программном обеспечении.

Она отключила от сети свой РРВ и сунула его в карман халата.

— До завтра. — Она одарила обоих ослепительной, хотя и напряженной, улыбкой. — Спокойной ночи.

ПРОГРАММ–МИР

В здании, за поздним временем, было тихо. Порой здесь можно было встретить охранника, проверяющего каждый кабинет и лабораторию, заглядывающего внутрь сквозь армированное стекло окошек, прорезанных в серой стали дверей, но сегодня коридоры были полностью в ее распоряжении. Каблучки ее

громко цокали по полу на фоне мертвой тишины.

Она прошла первый пролет лестницы, ведущей на второй этаж, и остановилась вцепившись в перила и невольно вскрикнув от боли, пронзившей вдруг ноги, охватившей бедра и поясницу. Прислонившись к стене, она закрыла глаза. Боль терзала так, что даже думать было больно.

Это называлось «системной красной волчанкой», с пониманием же причин болезни было гораздо сложнее. Аутоиммунное заболевание, заканчивающееся, как правило, отказом почек. Кроме этого, оно могло сопровождаться тяжелой формой ревматоидного артрита. Диагноз ей поставили более десяти лет назад и тогда же предупредили, что средняя продолжительность жизни после такого диагноза — десять лет. Она, сколько могла, постаралась об этом забыть, но приступы парализующей боли становились все чаще и суровее, и порой, сильно утомившись, она пугалась, что туман в голове означает, что почки уже начинают отказывать.

Еще только несколько неделек, подумала она, обращаясь к себе, точно к не слишком опытному соблазнителю, добивающемуся ее тела. А потом — неважно. Потом — делай, что хочешь.

Она стояла и ждала, когда острая боль угаснет, и представляла, как будет жить без всяких болей, и организм будет работать, как часы, и дух будет полностью свободен… Фантазии пугали ее настолько были желанными.

Придя в себя, она медленно, осторожно продолжала свой путь наверх, опасаясь неловким движением вызвать новый приступ.

Наконец она поднялась на этаж выше и направилась к кабинету Джереми Портера.

Кабинетом была маленькая комнатка без окон; единственным источником света — с тех пор, как он снял с потолка люминесцентные лампы — оставалась неяркая лампочка в мятом металлическом настольном светильнике, добытая Портером в каком–нибудь магазинчике, торговавшем десять раз уцененным старьем. За пределами круга неяркого света комната терялась в темноте.

Картонные коробки с дискетами, пачки технических журналов были разбросаны по полу, точно мины для посетителей, не глядящих под ноги. Ровные бежевые стены были оклеены мозаикой распечаток спецификаций к компьютерной периферии. Книжные стеллажи, входящие в обстановку кабинета, были завалены грудами листков с рукописными заметками. Некогда комната ничем не отличалась от всех прочих на этом этаже,

теперь же она была ПОРТЕРИЗИРОВАНА.

Портер был толстячком с необъятной кучерявой шевелюрой и пушистой черной бородой. Носил он белые рубашки (вечно мятые и в кофейных пятнах) и вельветовые, обвисшие сзади штаны, а на мир смотрел сквозь древние очки в проволочной оправе, стекол которых никогда не протирал. Познакомившись с ним, Розалинда жутко разозлилась, увидев, как он вглядывается в монитор сквозь пыльные линзы, а потом у нее вошло в привычку протирать ему очки. Дальше — больше; она вдруг обнаружила, что взяла на себя и прочие заботы, которых сам он никогда не полагал необходимыми: однажды сготовила ему приличный обед, купила новые носки и даже подстригла его бороду. Он же принимал благодеяния с конфузливой благодарностью. И, хотя помимо «Лайфскан» они не общались, связь установилась. Когда его квартирная хозяйка решила превратить свой дом в кондо, Розалинда предложила ему временно занять одну из свободных комнат в своем доме. Муж ушел от нее годом раньше, и порой ей очень не хватало компании. Конечно, Портера не стоило считать за «компанию» он, казалось, и о самом существовании Розалинды вспоминал лишь изредка, однако ей его общество нравилось, и он продолжал занимать комнату до сих пор.

В дверях его кабинета она остановилась. Портер сидел перед экраном, согнувшись в три погибели, и всматривался в строки программы. Вот пальцы его коротко простучали по клавишам он добавил в систему пару команд. Наконец он развернулся вместе с креслом и заморгал, ослепленный ярким светом из коридора.

— А, Розалинда… — Он полез пальцами под очки и протер глаза. — Ты, кажется, собиралась делать очередной прогон… Как оно там?

Она вошла в кабинет, отодвинув по пути пару немытых кофейных чашек, и пристроилась на уголке стола. Стол был загроможден листками с неразборчиво накарябанными заметками, мятой бумагой, документами, платами ОЗУ и оставленными без ответа докладными записками.

— Один из зондов опять потерял чувствительность. Майк с Гансом уверяют, что загвоздка — в ПО. Клянутся и божатся, что все остальное отладили на ять.

Портер молча смотрел на нее снизу вверх. Большую часть своей жизни он проводил в программах, которые писал. В «программ–мире», как он сам выражался. Однажды он, смущенно улыбнувшись, признался, что даже сны видит в программных кодах. Реальный мир для него отошел на второй план, и лежал про запас в своего рода инпут–буфере, на случай, если мозг найдет время на обработку вмешательств извне.

Портер мигнул (главный признак того, что он снова — онлайн).

— Так — что конкретно?..

— Возможно, тебе следует еще раз просмотреть ход событий.

Она смутно сознавала, что говорит грубо и нетерпеливо. Боль, которую она частенько испытывала, не располагала к душевной теплоте. Но, думала она, Джереми знает ее достаточно, чтобы не обращать внимания на тон.

Она подала ему свой РРВ, и он принял его с явной неохотой. Меньше всего ему хотелось возвращаться к задаче, которую, насколько ему известно, он решил еще полгода назад. Порывшись в бумагах на столе, он нашел нужный разъем, подключил его к РРВ и вернулся к клавиатуре. Система, внешнее устройство, вход пять, загрузка данных, зашифровать, сэйв в ОЗУ, альфа–тест, имя файла — май 12, 2030… Несколько секунд он подождал подтверждения получения, а затем вернул ейц РРВ.

— Спасибо, — сказала она, очищая память прибора и кладя его обратно в карман. — Знаешь, а прогон был весьма многообещающим. Если не считать, что один зонд засбоил…

Еще порывшись в завалах на столе, Портер показал ей лист бумаги.

— Зато вот это — совсем не многообещающе…

Лист оказался меморандумом от штата Калифорния Научно–Технической канцелярии Военно–Исследовательского сектора финансового управления ревизионно–надзирательной комиссии эта часть бюрократической инфраструктуры была навязана «Норт–Индастриз» после того, как в 2019 году компания перешла под руководство правительства. Помимо обычного бюрократического суконноязычия в меморандуме все было просто. Правление желало знать: есть ли вообще хоть какой–то толк от проекта «Лайфскан», и если есть, то какой именно. Портер уже несколько лет стряпал фальшивые отчеты; результаты всякий раз были «весьма многообещающими», но «ничего определенного пока достигнуто не было». Раньше этого хватало за глаза, но теперь кое–кто в правительстве начал проявлять нетерпение.

Розалинда читала бумагу, однако едва видела ее.

— Когда ты это получил?

— Э–э… Сегодня, еще утром. Хортон принес и сказал, что на этот раз ему, похоже, ничего сделать не удастся. Слишком высоко зашло, так что тщательной проверки не избежать. — Портер умолк, точно проигрывая в голове разговор в поисках упущенного. — Да, еще он чуть не кипятком в потолок писал по поводу модулей памяти. Тех, пропавших.

Она непроизвольно зажмурилась и опять подумала: «Только бы еще несколько неделек…»

Портер нервным тычком поправил очки.

— Что скажешь?

— Устала я сегодня, ничего в голову не приходит. — Она бросила бумагу обратно на стол. — Домой пора. А в дороге и говорить удобнее.

То есть, безопаснее. Они регулярно осматривали кабинеты на предмет «клопов», однако слежка все же не исключалась. Конечно, «Норт–Индастриз» незачем шпионить за персоналом, но вот правительственные бюрократы относятся к ученым, занятым в подобных разработках, весьма подозрительно.

— Ты дома сможешь поработать над ПО? — спросила Розалинда.

— ПО?.. — Портер явно не понимал, о чем речь.

— ПО отслеживания слоев, управляющее зондами. Ты не хочешь сравнить его с ходом процесса, зарегистрированного моим РРВ?

— А, это… Могу.

Опять ушел в свой программ–мир, поняла Розалинда. Глаза Портера были устремлены к монитору, точно тот настойчиво звал его на некоем, одному Портеру понятном, языке.

— Закругляться пора, Джереми, — с улыбкой сказала она.

Он нахмурился, но все же выдавил из себя ответную улыбку, дал команду к завершению работы, вытащил из гнезда плату ОЗУ и нажал кнопку. Она заметила, что пальцы его слегка дрожат. Да, не только у нее… У всех нервы на пределе.

ЧЕЛОВЕК ОШИБАЕТСЯ

Она вела машину по закоулкам, следуя одному из кружных путей, разработанных годы и годы назад. Фриуэи исключались оживленное движение действовало на нервы, ведь позади либо даже рядом мог пристроиться чей угодно экипаж, а она, Розалинда, и не заметит этого. Если подойти вплотную, беседу подслушать проще простого: лазер считает вибрации оконных стекол, и этого вполне хватит. Вообще–то мысли о том, что некто захочет предпринимать ради нее такие вещи, попахивают паранойей, но — лучше пусть паранойя, чем риск быть пойманной.

— А может, продемонстрируем им что–нибудь из фактических достижений? — сказал Портер, когда машина въехала на задворки жилых кварталов. — Если мы им хоть немного покажем, они ведь нас расцелуют и все, что хочешь, дадут!

До чего он порой наивен — хоть плачь!

— Нет, Джереми, — ответила она.

Мотор натужно взвыл, и колеса ухнули в выбоину. Кюветы были завалены мусором и палой листвой, половина фонарей не горела… То был захудалый район, из самых дешевых, зато лаборатория близко, и квартплата более чем умеренная. А чем меньше пойдет на повседневные нужды, тем больше останется на оборудование для их сверхурочной, «теневой» работы.

— Но можно же показать какую–нибудь давнишнюю ерунду, настаивал Джереми. — Я могу сфабриковать убедительные причины, в силу которых она не была показана сразу…

— Нет, — повторила она. — Это с дураками типа Хортона еще пройдет, но не с инспекторами комиссии. Кроме того, если мы хоть полусловом намекнем, что есть «Лайфскан» на самом деле, нам все управление будет заглядывать через плечо, да еще штат расширят так, что повернуться будет негде, и мы навсегда потеряем свободу действий.

Она свернула на свою улицу. За защитными изгородями желтели средь темноты зарешеченные окна пригородных домов.

— Знаешь, — продолжала она, — может, Хортон хотел на что–то намекнуть, передав тебе меморандум одновременно с жалобой на пропажу модулей? Мы столько оборудования перетаскали, что ему эти пропажи уже действительно поперек горла. Если мы «найдем» ему эти модули, может, он постарается как следует и оградит–таки нас от…

Портер виновато заерзал.

— Мы не можем их вернуть. На них ведь все и держится…

Затормозив у своего дома, Розалинда вынула из замка зажигания ключ–карту.

— Я могу съездить в Маленькую Азию и сторговать несколько новых. Каи для нас достанет.

Портер с сомнением посмотрел на нее.

— Не хотелось бы рисковать, оставляя следы…

Она пожала плечами.

— Мне тоже. — Она задумалась. — Ладно, оставим это пока. До крайнего случая.

Потом они поужинали соевыми котлетами из микроволновой печи, и Розалинда извлекла из факса почту. Джереми же уселся просматривать программу на портативном компьютере. Окружающей их обстановки они почти не замечали; комната была меблирована по–спартански — кресла, драпри из уцененного магазина, все было нейтрально–безликим, точно в мотеле. Кухонная раковина из нержавейки стояла суха и пыльна, под ней валялись мешки с телеобеденными тарелками, дожидавшимися, когда же их отвезут на переработку…

Розалинда приезжала домой только поесть и поспать, Портер же бывал здесь еще реже. Обычно он ночевал в частной лаборатории, оборудованной ими в неприметном домике в Сан–Педро. То есть, он работал там до рассвета и лишь урывками спал на надувном матрасе, не выключив даже монитора.

— Я понял, где может быть ошибка, — вскоре сказал Джереми. — Я тут раз кое–что сляпал на скорую руку, и еще потом, когда повышали точность оборудования после последнего прогона на животных — тоже. Там переменные…

Розалинда подняла взгляд от бумаг.

— Но, Джереми, ты ведь уверял…

— Ну, я пока что не уверен… Сложно это все. Скажем так: ошибка возможна.

Он был смущен, он нервничал. Он избегал ее взгляда.

— Значит, мы зря потратили три недели на перемонтаж оборудования…

Говорила она скорее устало, чем зло. На него вообще трудно было сердиться — наверное, из–за его ранимости. Во всяком случае, ругать бесполезно — это разве что повредит делу.

— Прости меня, — сказал он, как бы прячась в своей бороде.

Розалинда подошла к нему и обняла за плечи.

— Все дело в том, чтобы отыскать погрешность и исправить ее, — спокойно сказала она.

— Да. — Он покивал. — Поеду–ка я лучше в Сан–Педро, сделаю полное воспроизведение. Другая машина у нас заряжена?

— Кажется, да.

Она отдала ему ключ. Вторым экипажем они пользовались лишь в особых случаях. Он был защищен от слежки и прослушивания лучшим оборудованием, какое они только смогли придумать.

— Осторожнее, Джереми. Если тебе нужно поспать, вполне можно подождать восемь часов…

— Не надо, я в полном порядке.

Он умолк, точно проводя там, внутри себя, экспресс–тест, а потом с улыбкой подтвердил:

— В полном.

ЛЮДСКИЕ НУЖДЫ

Оставшись одна, Розалинда удалилась в спальню и, под шум изредка проезжавших мимо машин, приготовилась ко сну. Теплый ветерок играл ветвями дерева за окном, листья тихонько постукивали о стекло. Надо бы подрезать это дерево, подумалось ей. Вот и еще год прошел в резком «дневном» свете лабораторных ламп, в непрерывной погоне за временем… В тех редких случаях, когда Розалинда пыталась взглянуть на жизнь свою со стороны, та

казалась пустой, безрадостной, бесконечной чередой тупиков и самоограничений.

Ничего. Все это — только эмоции. Жизнь других — куда более пуста. Фактически, большинство людей — все равно, что клетки, толкающие друг друга на предметном стекле микроскопа в своей слепой суете, сливающиеся и делящиеся лишь потому, что так велит ДНК.

Для Розалинды размножение было только биологической функцией, отвлекающей от приоритетов куда более важных. Секс — тоже простой животный ритуал. Но в данный момент она, будучи поймана в ловушку собственной живой плоти, не могла полностью игнорировать нужды естества.

Она пробежалась ладонями по телу, осязая его контуры, нежно — для начала — потрогала себя и вообразила дворец в стиле барокко (а может, это греческий храм?), стоящий в тех краях, где воздух свеж и вода чиста, и в зале — множество блюд с горячим мясом и фруктами, и вокруг — десятки (а может, сотни?) слуг. Полуобнаженные мужчины, они толпятся вокруг ее кресла… А может, трона? Верно, она — их царица, они поклоняются ей. И жизнь ее — сплошные чувственные наслаждения, от рождения до самой смерти…

Кончив, она лежала в темноте, стыдясь того, что нафантазировала. А что, если мыслей больше нельзя будет скрыть, и все вокруг смогут читать их, как компьютерные данные? Эта мысль весьма обеспокоила ее. Нет, лучше не задумываться об этом… Приятная истома, наступившая после оргазма, плавно перетекла в сон.

ОРУЖИЕ

Небо сравнялось в цвете с выбеленным дождями бетоном хай–уэл. Солнце, стоящее в зените, подернутое мутной дымкой, проникало под оголовник и броню, вышибая липкий пот из Джеймса Бейли. Он взглянул на часы — их едко–зеленые цифры светились на одном из миниатюрных внутренних экранов маски. Полудня еще нет. Жара, отраженная старыми кирпичами стен, будет нарастать еще часа два. Здесь, в Малой Азии, всего в двух кварталах от центра города, воздух всегда был густым и зловонным; промышленные выбросы накладываются на «ароматы» жирной пищи и дезинфектантов. Узкие улочки переполнены людьми: иммигранты–нелегалы, нищие, карманники, торговцы, туристы, проститутки — и бизнесмены, облаченные в балахоны с приват–масками, так же как сам Бейли. Нет, Бейли не был бизнесменом, он был государственным служащим, а маску надел специально для визита в Малую Азию.

Он вышагивал по грязному тротуару, вглядываясь в экраны

переднего и заднего обзора: толпы народу, четырехэтажные дома, прячущиеся в пестроте плакатов и неона, видеоэкраны со стен сверкают объявлениями о всевозможных распродажах на японском, английском, корейском, китайском… А внизу, на улице, подростки бойко торгуют механическими игрушками, «воображальниками», сенс–плейерами и различными микросхемами с импровизированного прилавка — доски, лежащей на двух железных бочках из–под масла. Громкий ор дешевых приемников в барах и чайных смешивается с воплями торговцев.

Приостановившись, Бейли взглянул на свое отражение в алюминизированном бронестекле витрины «Коммерческого Банка Синдзю».

Оголовник, развевающийся черный балахон… Ну и вид вылитый Доктор Смерть. Он шевельнул лицевыми мускулами — и серый пластик ухмыльнулся, повинуясь его движению.

Банковский служащий, кореец с кукольным личиком, сложил ладони перед собой и отвесил поклон.

— Добрых день, сэр! Чудесная погода сегодня. Открыть счет, сэр? Депозитный сейф? Ни имени, ни номера удостоверения личности, сэр, очень приватно.

И, скорее всего, противозаконно, подумал Бейли. Здесь, в Малой Азии, законы мягонько отодвигались в сторонку. Теневой импорт–экспорт уживался бок о бок с известного рода ателье, татуировочными заведениями, наркопритонами и экстрасенсами–целителями. Всего в полумиле — через фри–уэй — от федерального центра, в одной из стеклянных башен коего располагался и кабинет самого Бейли! Однако Малой Азии позволялось существовать во всей своей квазилегальной мерзопакостности — по тем же причинам, что заставляли коммунистический Китай терпеть у себя под боком Гонконг. Она приносила ощутимую пользу, несколько оживляя вконец зацентрализованную плановую экономику страны.

А какая–то толстуха, с алюминиевой тележкой вовсю старалась всучить Бейли горячий соевый шашлык. Ее сменила девочка–мулатка, дернувшая его за рукав и предложившая секс–диски. Разглядывая ее лицо, Бейли поразмышлял, где она могла родиться, на кого работает и чем займется, когда подрастет.

Но искомый дом был уже совсем рядом — доходный особняк; стальные ставни, закрывающие окна, в свою очередь сплошь покрыты граффити, нанесенными при помощи баллончиков с нитрокраской. Зеленая неоновая вывеска была написана в стиле Кандзи; английский перевод ниже гласил: «Кан. Все для самообороны».

Бейли взглянул на экран заднего обзора — слежки, насколько можно судить, нет. Расправив плечи, он пристроил поудобнее кобуру с автоматическим пистолетом калибра 9 мм. На внутренней стороне левого бедра, чуть выше колена, хранился другой пистолет — миниатюрный, менее сантиметра в толщину, заряженный единственным пластиковым патроном. Этот пистолет был сделан из углеродного волокна, чтобы затруднить обнаружение, и предназначался на самый крайний случай. Бейли носил его просто спокойствия ради, словно кроличью лапку или счастливый пенни.

Он подошел к дверям. Деревянные створки, в какие–то незапамятные времена выкрашенные в красный цвет, были укреплены прозрачным пластиком, армированным стальными прутьями. Нажав пластмассовую кнопку старомодного звонка, он подождал.

Стальной диск отошел в сторону, открыв взирающий на Бейли объектив, а синтезированный голос велел изложить свое дело.

— Мне нужен мистер Кан. Я — Франк Морелло, друг Бруми Кобаяси.

Засов изнутри отодвинулся, и мотор, издавая низкий, рокочущий звук, отворил внутрь красные створки дверей. Бейли вошел в магазин. В крови его ощутимо прибавилось адреналина — нет, не от нервозности, скорее — от нетерпения. Повысив чувствительность оптики маски, чтобы скомпенсировать полумрак, он увидел узкий коридор, пыльные серые половицы и узорные обои. Справа от него обнаружилась цельная стальная дверь с окошком, забранным армированным стеклом. Сквозь стекло видна была комната — стены желтого цвета и голые «дневные» лампы.

Входная дверь затворилась. Бейли стоя ждал; руки — по швам; дыхание и биение пульса гулко отдавались под оголовником. Наконец вторая дверь распахнулась, и он переступил порог.

Микроэкраны показали застекленные, до самого потолка, витрины, битком набитые различным оружием. Дальний конец комнаты был отгорожен массивным деревянным барьером–конторкой и листом стеклопластика с подсоединенными к нему датчиками сигнализации. На высоком табурете за барьером сидел седой, сморщенный японец. Внимательно оглядев Бейли он небрежно поклонился.

— Добрый день, сэр.

Голос его звучал из дешевого динамика.

— Вы — мистер Кан, — сказал Бейли.

— Так; я — мистер Кан. — Японец обнажил в улыбке никотинно–желтые зубы. — А вы — мистер Морелло. А направила вас ко мне мисс Кобаяси.

Бейли снова прошелся взглядом по витринам. Пистолеты, винтовки, гранатометы, полицейские дубинки, пунтяку[?], самурайские мечи, газовые пистолеты, боло, бомбы с часовым механизмом, ритуальные кинжалы… Пьяный бред маньяка–оружейника.

— Верно. Я — Морелло, — сказал он, отшагивая к барьеру и тщательно отсчитывая время. — Тэруми говорила, вы сможете мне помочь.

Голос его звучал по–чужому, измененный скрэмблером маски.

— О. — Японец замолчал; улыбка на его лице закостенела, точно затронутая тема смутила его. — Вы, конечно, осведомлены о ее безвременной кончине.

Бейли моргнул. На секунду время словно сгустилось вокруг него.

— Она умерла?

— Разве вы не знали?

— Нет. — Он изо всех сил старался говорить ровно. Как давно это случилось?

— Шесть месяцев.

Маленький человек снял очки и протер их своим галстуком.

— В ньюс–факсах было две статьи. И семья известила всех близких друзей. Странно, что вы не знаете…

Бейли решил рискнуть. Он выдавил из себя смешок.

— Ладно вам, Кан! Я виделся с Тэруми на прошлой неделе.

Японец водрузил очки обратно на нос, сложил руки на груди, внезапно рассмеялся и слегка склонил голову — точно игрок в го, решившийся, наконец, пожертвовать парой камней.

— Пожалуйста, извините, мистер Морелло. Я… несколько преувеличил. Мне нужно иметь уверенность в искренности моих клиентов. Итак, вы, несомненно, друг мисс Кобаяси. Чем могу служить?

Только теперь Бейли понял, что все это время сдерживал дыхание. Он сделал вдох, злясь на Кан за вступление такого рода и поздравляя себя с тем, что не попался на подначку.

— Я слышал, у вас имеются кое–какие новинки. Некий тип электронного оружия.

— Та «гасилка», на витрине? Весьма популярная модель. Осмотрев предложенное, Бейли отрицательно покачал головой.

— Я говорю об оружии смертельном. Насколько я понимаю, оно как–то влияет на деятельность мозга. Прекращает ее.

— О. — Мистер Кан осторожно взглянул не него. — Без сомнения, если такая новинка существует, она незаконна. И не продается даже в Малой Азии.

— Без сомнения.

Бейли сунул руку под балахон и достал столбик металлических дисков в бурой промасленной бумаге. Он поднял его так, чтобы Кан было видно сквозь стекло.

— У меня имеется твердая валюта.

Мистер Кан взглянул на диски с интересом.

— Килограмм платины?

— Точно.

Похоже, японец решился.

— Положите сюда, пожалуйста. — Он указал на небольшой поворотный ящичек, вделанный в барьер — так, чтобы внутренняя сторона его находилась в пределах досягаемости хозяина, внешняя же — гостя.

Бейли поместил монеты в углубление.

Кан вынул из–под конторки небольшой пистолет, положил его в углубление со своей стороны и повернул ящичек. Пистолет и монеты поменялись местами.

Бейли взял оружие. Пистолет представлял собой коробочку, свернутую из пластинки нержавеющей стали, причем ствол служил также и рукоятью. Конструкция грубовата, но качество — на удивление.

— Дальность боя?

— Пять, шесть метров. Будьте внимательны, пожалуйста: заземленный металлосетчатый экран защитит вашу мишень совершенно.

— Бой — направленный?

— И точность его — высока.

Кан поместил одну из монет в аналитическое устройство и отвечал рассеянно, будучи занят считыванием показаний. Аппарат выдал нежный музыкальный перезвон, и Кан удовлетворенно кивнул сам себе.

Бейли спрятал оружие под балахон.

— Сколько выстрелов?

— Лишь один, мистер Морелло. Перезарядка невозможна.

— Но, если мне потребуется больше, я могу обратиться к вам?

— Именно я — единственный источник всех запасов, улыбнулся Кан.

— В данный момент у вас есть еще?

Улыбка японца перевернулась вверх ногами.

— Очень сожалею, мистер Морелло. Случилось так, что это

последний. Но, к счастью, сегодня я получу новую партию непременно.

Что бы это значило?

— Вечером я смогу прийти снова и купить еще?

— Думаю, вполне можете.

Бейли выбирал. Он мог бы закрыть дело прямо сейчас предъявив удостоверение следователя ФБР (отдел технологических преступлений), уведомив Кан о его правах и арестовав. Вся сделка фиксировалась оборудованием его оголовника, и данных, в качестве улик, хватило бы за глаза.

Но… С этим оружием что–то было не так. Явно — не самоделка с улицы, слишком уж сложна технология. И история происхождения этого ствола может оказаться весьма занятной. Бейли нутром чуял, что за пистолетом кроется НЕЧТО, и что этого было достаточно, чтобы повлиять на его решение.

— Вероятно, я еще вернусь, — сказал он. — Благодарю вас, мистер Кан.

Он повернулся к стальной двери.

— Это я должен благодарить вас, мистер Морелло.

МОДУЛИ

Выйдя обратно, в буйство звуков, красок и запахов улицы, Бейли пробился сквозь ораву туристов, нырнул в чайную прямо напротив и, по скрипучей деревянной лестнице, взошел на второй этаж. На дисплее маски замигал красным сигнал: датчики засекли наличие поблизости наркотического вещества. Вероятно, среагировали на опиумный дымок из номеров этажом выше. Бейли отключил контроль — случаи «употребления» в этой части города Бюро не интересовали.

Присев за крошечный столик у окна, он заказал чашку мятного чая и принялся смотреть сквозь грязнющее стекло вниз, на улицу. Малоазийская атмосфера вседозволенности была обманчивой; торговцы отлично понимали: всему есть предел. Рекомбинантные ДНК; например, или радиоактивные изотопы были, безусловно, запрещены. Как и смертоносное оружие, только что приобретенное Бейли.

Настроив оборудование так, чтобы один из экранов взял крупным планом вход в магазин Кан, он спокойно принялся за чай, потягивая напиток через соломинку, вставленную в ротовое отверстие маски. В зале было тихо и почти пусто. За столом у входа двое подростков в мотоциклетных куртках тянули смешанное с водой пиво, да одинокая гейша листала телекнигу, поднимая порой взгляд — вероятно, ждала своего «кота». Послеполуденное время Малая Азия проводила в лености и тишине.

Бейли приказал оборудованию оголовника установить связь с домом. Аппаратура в квартире опознала хозяйский код и отозвалась:

— Одно сообщение для вас, Джим. От Шерон.

На одном из микроэкранов появилось лицо жены.

— Привет, милый! — Она улыбнулась; на щеках ее заиграли ямочки. Шерон сложно было назвать безупречно красивой черты ее лица были не слишком симметричны — однако в лице присутствовала очаровательная живинка. Светлые глаза, полный выразительный рот, черные волосы со стрижкой «пейдж–бой». — Я на работе. Только что с совещания. Похоже, есть хорошие новости. Приедешь домой, расскажу. Допоздна не задерживайся. Я тебя люблю.

Экран очистился.

Бейли прокрутил сообщение еще раз и стер. Шерон работала в KUSA, на правительственном телеканале, в отделе новостей, и уже месяц ожидала повышения. Значит, наконец–то? Она любила слегка заинтриговать его, заставив подождать информации до возвращения домой…

Он вспомнил свой дом в Гранада–Хиллс — бежевые оштукатуренные стены в тени эльмов и палисандров, цветущие кактусы во дворе, новые машины в подземном гараже. В сравнении с грязью и неряшеством Малой Азии все это казалось невообразимо далекой обывательской мечтой.

На тротуаре, у входа к Кан, притормозил подросток в одежде цветов местной банды. Оглянувшись по сторонам, он нажал кнопку звонка и скрылся внутри. Этот интереса не представляет, решил Бейли, и заказал еще чаю.

Прошел час. Посетителей в чайной прибавилось. Бейли заказал еще сандвичи с сасими — тонкие ломтики тунца на пикантном черном хлебе. Раздвинув ротовой клапан маски пошире, он, съел сандвичи и подождал еще.

Наконец перспективный объект появился: стройный человек целеустремленно пробивался сквозь толпу, таща за собой черный фибергласовый чемодан с перекосившимися углами и обшарпанной крышкой. Одет он был в голубой балахон, а лицо, подобно Бейли, скрывал под маской.

Бейли вскочил, скатился по лестнице, выбежал наружу и притормозил у какого–то лотка, не спуская глаз с грязной красной двери в заведение Кан. Минута, другая…

Наконец человек в балахоне вышел. Чемодан все еще был при нем, но теперь он держался прямо, словно чемодан заметно полегчал. Бейли начал быстро проталкиваться сквозь толпу, и вскоре оказался на пару шагов впереди объекта.

Взглянув на экран заднего обзора, он рассчитал все по секундам и резко обернулся. Плечо его ударило шедшего сзади чуть выше ключиц — как раз под подбородок. Издав невнятно–удивленный возглас, тот отшатнулся и, споткнувшись о ногу, подставленную Бейли, тяжело рухнул на тротуар, выронив чемодан. Крышка чемодана от удара о тротуар распахнулась.

Бейли поспешно наклонился, придвинув маску к маске противника.

— Извините, извините. Виноват. С вами все в порядке? — С этими словами он включил встроенные в оголовник камеры. Давайте, я помогу собрать.

— Не нужно. — Объект с трудом поднялся.

Однако Бейли уже склонился над чемоданом. Он ожидал, что чемодан окажется пуст — ну, в крайнем случае, в нем обнаружатся какие–нибудь деньги — но внутри лежали десять электронных модулей, запаянных в антистатические блистеры. Бейли рассматривал их, пока не запомнил серийные номера.

— Надеюсь, я вам ничего не сломал?..

Выхватив чемодан из–под его носа, объект грубо захлопнул крышку. Секунду стояли они — маска к маске — на переполненной улице, под люто палящим солнцем, затем объект повернулся и пошел прочь, не оглядываясь.

Бейли медленным шагом направился следом. Голубой балахон свернул за угол, на главную улицу. Через некоторое время объект сел в машину, припаркованную у подзарядочной станции. Прежде, чем экипаж успел смешаться с потоком транспорта, Бейли взял на экран номер. Крупным планом.

ЗАГАДКИ

Много позже, когда день уже исчерпал себя, и землю мягко укрыли длинные фиолетовые тени, Бейли правил на север по фри–уэю Сан–Диего. Дезертир направлялся домой под конвоем Большого Коммутатора.

Последние восемь лет, с самого окончания колледжа, ему приходилось подстраиваться под рабочий день с девяти до семнадцати, однако это до сих пор было малость непривычным. Как ни старался Бейли подладиться, такой распорядок ему не подходил — и все тут.

Сколько он себя помнил, всегда было трудно врастать в рутину. Пока он рос в маленьком калифорнийском городишке — был застенчивым тихоней, а таковые всегда медленно врубаются в общепринятые, с детства, казалось бы, заложенные во всех прочих, ритуалы. Он не встречался с несколькими девчонками одномоментно и никогда не являлся на свидания со всей своей футбольной командой. Он и учился–то весьма посредственно —

мечтатель, глазеющий в окно и размышляющий, каким это образом насекомые общаются промеж собой, или отчего небо голубое, или сколько он будет весить, если окажется в центре земли. Это — вместо того, чтобы запоминать фамилии президентов США или «доброе утро» по–японски. Учителя жаловались не его невнимание, но это означало лишь, что мальчик задается посторонними вопросами, вместо того, чтобы сидеть тихо и смотреть себе учебную программу.

В восьмилетнем возрасте он откопал в соседском мусоре стародревний будильник. Почистив, он разобрал находку на части — просто ради удовольствия поглядеть, что у будильника внутри. Собрать будильник обратно для него интереса не представляло; вместо этого он, так и не разобравшись в механизме, рассортировал шестеренки, рычажки и пружинки по пакетикам, аккуратно каждый надписав.

Прошло почти двадцать пять лет — а он все так же задается вопросами и разбирает вещи по частям. Разница лишь в том, что теперь за это платят жалованье. Разгадывание загадок, постижение механики мира — вот что двигало Бейли, доставляя ему истинное наслаждение. Ловля преступников с последующим водворением оных за решетку, по зрелом размышлении, стояла не втором плане.

Он свернул на дорогу в Гранада–Хиллс и покатил мимо опрятных домиков, угнездившихся среди пышной растительности. Можно было поселиться ближе к центру, но правительственные субсидии делали жизнь в этом пригороде лучше лучшего, а общепринятые ритуалы, связанные с комфортом — чтение, беседы, сенсорный видео по вечерам, субботние походы по магазинам, воскресная нега в постели с факс–выпуском «Таймс» — нравились Бейли. Они иногда обеспечивали чувство, что он нашел–таки свое место.

Вот впереди показался и его дом, и он нажал кнопку на приборной панели, посылая сигнал подземному гаражу. Ворота разъехались, причем ржавые ролики их издали душераздирающий визг, и Бейли подумал, что воротами надо бы заняться. За ворота отвечал не он, но Бейли был свято уверен: работа будет выполнена гораздо лучше, если ее выполнить самому.

Въехав в гараж, он поднялся на два лестничных пролета и оказался у своей квартиры. Он чувствовал себя до восторга легко и свободно без тяжелого оголовника и пуленепробиваемого жилета, которые пришлось надеть, выходя «в поле». Охранная система опознала хозяина, дверь отворилась, и на Бейли хлынул поток громкой музыки, — нечто вроде детской песенки, исполняемой синтезатором — исторгаемый новой

стереовидеосистемой, купленной две недели назад.

— Пап! — Бейли подхватил на руки подбежавшего сына четырехлетнего Дэймона — и крепко прижал к себе. — Па–ап, «Олл–Макдональд», — сообщил тот, извиваясь в объятиях. — Мамочка мне купила «Олл–Макдональд». Гляди!

Только сейчас Бейли узнал музыку.

— Ты хотел сказать, «Олд Макдональд»?

Пустив Деймона на пол, он встал перед стеной–экраном — и оказался в окружении коровок и цыпляток. По невероятно–голубому небу плыли кучерявые белоснежные облачка.

Дэймон встряхнул пульт дистанционного управления.

— Я сказал, что хотел. «Олл–Макдональд». Пойдем свинок смотреть!

Он нажал на кнопки; изображение поехало вперед, музыка заиграла сначала, зверюшки захрюкали и замукали, подхватывая свои партии.

Вздрогнув от неожиданности, Бейли поспешил ретироваться на кухню. Там он нашел Шерон, стоявшую у раковины и шинковавшую овощи. Тыльной стороной мокрой руки она отбросила волосы со лба и виновато улыбнулась.

— Он так хотел эту штуку, что у меня духу не хватило отказать. Потерпишь пока этот гвалт?

— Скрепя сердце.

Он привлек ее к себе и поцеловал. Малая Азия копошилась где–то на задворках сознания, однако включение в домашнюю жизнь почти свело ее на нет.

— Я освободилась пораньше, отпустила миссис Лонец, и взяла Дэймона с собой, по магазинам.

Бейли молча кивнул. Это входило в правила их с Шерон игры: если уж она продолжает хранить секрет, задавать вопросов напрямую не следует.

Она прикусила губу, щеки раскраснелись — Шерон явно была возбуждена.

— Я получила повышение, — наконец–то созналась она. Мой пробный репортаж понравился. Теперь больше не буду редактировать записи. Буду работу мэрии освещать.

— Правда? — Бейли поднял брови.

Она кивнула и заулыбалась еще шире:

— Теперь твоя жена — выдающаяся телевизионная персона.

Рассмеявшись, он снова прижал ее к себе. Он окинул взглядом свой дом, — свою жизнь, постепенно создаваемую ими обоими. Иногда жизнь эта казалась слишком хорошей, чтобы быть правдой, казалась чем–то вроде ловкого фокуса либо приманки в ловушке. Сжимая Шерон в объятьях, он словно бы крепко — так,

чтобы никому было не отнять — прижимал к себе свое счастье.

«ДЕДУКТИВНЫЙ МЕТОД»

Пока Шерон укладывала Дэймона, Бейли устроился на диване, извлек из портфеля купленный у Кан пистолет и внимательно осмотрел его, избегая дотрагиваться до «спуска». Нержавейка была сварена на совесть, ничего не отогнуть и не разобрать — не дай бог включится какой–нибудь встроенный механизм самоуничтожения.

Он осторожно отложил пистолет на кофейный столик. К огнестрельному оружию Бейли был привычен, но эта штука внушала невольные опасения.

Подсевшая к нему Шерон поинтересовалась, что это такое муж притащил в дом.

— Похоже, тебе удалось выйти на источник. В Малой Азии, да? Как ты и думал?

Он кивнул.

— Кажется, дело близится к успешному завершению.

Шерон, не трогая пистолета, внимательно разглядывала его.

— Выглядит, как игрушка.

— Зато убивает лучше настоящего. Мгновенное прекращение деятельности мозга. Ни шума, ни клик, ни видимых причин смерти.

Шерон, с сомнением взглянув на пистолет, невольно подалась назад.

— А тебе разрешили брать его домой?

— Нет. — Бейли пожал плечами. — Но я не собираюсь его разбирать. Пока. Прослежу свою версию дальше.

Облокотившись о диванную подушку, Шерон сбросила туфли, и подсунула ноги под колени мужа. Взгляд ее был тревожным и серьезным.

— Расскажешь?

— Конечно.

Большинство следователей бюро не таскали работу домой и уж тем более не обсуждали ее с женами, однако Бейли не относился к большинству следователей. Как и Шерон — к большинству жен. Он очень ценил ее перспективы в журналистике и способность к критическому анализу.

Внимательно выслушав отчет о похождениях в Малой Азии, описание интерьера магазина Кан, Шерон заинтересовалась его решением установить наблюдение с противоположной стороны улицы.

— А клопа оставить было не проще?

— У Кан мог быть детектор. Не хотелось рисковать легендой.

— Но откуда ты знаешь, что он не соврал насчет новой

партии? Ты мог весь день там сидеть и наблюдать.

Он в нетерпении поерзал. Его всегда злило, если он не мог найти чему–либо логического объяснения.

— Знаю. Я просто чувствовал, что сделать нужно именно так.

Она нежно рассмеялась, поудобнее умащиваясь на подушках.

— Мужская интуиция? Значит, ты сидел и наблюдал. А дальше?

Он рассказал о столкновении с человеком в балахоне и маске. Шерон в шутливом неодобрении покачала головой.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что твое подозрение ipso facto отменяет все его конституционные права? А как же с «несанкционированным обыском и арестом»?

— Никаких обысков, просто толкнул нечаянно, — с непроницаемым лицом ответил Бейли.

— Элементарно, Холмс. Значит, тебе удалось заглянуть в его чемодан. И — что?

— Электродетали. Модули памяти для компьютера. Причем я таких еще ни разу не видел. Судя по всему, объект доставил Кан оружие, а модули взял взамен.

— Слишком уж гипотетично, тебе не кажется? — Ее светлые, острые глаза словно пригвоздили его к дивану. — Может, он продать эти модули хотел? Или принес Кан что–нибудь другое. Другое какое–нибудь оружие. Вполне законное.

— Возможно и такое. Хочешь, поспорим?

Шерон наморщила нос.

— Фигу тебе. Скорее всего ты, как всегда, прав. — Она помолчала, еще раз проверяя все услышанное на прочность. Таков был обычай, которому оба следовали с истинным наслаждением. И что же было дальше?

— Проследил объект до машины и, когда он уехал, засек номер. Возможности подсадить в экипаж клопа не представилось. Вернувшись к себе, выяснил, что такого номера в списках не зарегистрировано.

— Значит, здесь тупик. А что с модулями из чемодана?

— По серийным номерам отследил — они из партии, бесследно пропавшей две недели назад. Считай произведение искусства, очень экзотические и дорогие. Чтобы получить к таким доступ, нужно работать в каком–нибудь закрытом проекте.

— Да уж. — Шерон минуту поразмыслила. — Странно, правда? Непохоже на пацана, ляпающего самодельные пукалки, чтобы добыть денег на очередную дозу.

— Это–то меня и заинтересовало.

Она еще немного подумала.

— Но тут, по–моему, тоже тупик. Кан скорее всего не знает

своего поставщика. А если и знает — не назовет.

Бейли покачал головой. Начиналось самое приятное. Наступил его черед смаковать свою тайну.

— Поставщика я уже идентифицировал.

— Но… как это? — озадаченно спросила Шерон. — Ведь он был в маске.

— Сделал пару снимков. В инфракрасных лучах, и еще сканирование пучком ультразвука. Новинка. Наложили изображения одно на другое, увеличили — и реконструировали черты лица под маской. Тут, прежде всего, выяснилось, что это — не «он», а «она». Я переслал фото в отдел автомототранспорта, они его сличили со своими архивами картотекой водительских прав — и прислали три возможных варианта. Два я сразу смог отвести за несовпадением прочих физических признаков, а у третьей совпали и рост и вес. Розалинда Френч, биохимик, место работы «Норт–Индастриз», аэрокосмическая лаборатория в Лонг–Бич. Какие–то военные разработки.

— Гос–споди боже мой, — потрясенно ахнула Шерон. Ученый с допуском — и махинации с самодеятельным оружием?

— Нелепо, правда? — Бейли уставился в угол. Только, теперь до него начало доходить, на какую глубокую тайну посчастливилось напороться. — Наводит на размышления. Зачем человеку, которому очень даже есть, что терять, ввязываться в уголовщину?

— Но ты ведь выяснишь?

— Да. — Глаза Бейли сузились, точно высматривая предстоящий путь. — Я выясню.

СНОВА ДОМА

Выходя из Федерал–Эрлайнс Билдинг, она почувствовала внезапный страх. Сколько дурных воспоминаний связано с этими вот рядами кресел, сувенирными киосками, объявлениями о прибытии/отлете и звуками «Мьюзика»! Подростком она сновала, словно челнок, из одного дома в другой, от матери — к отцу и обратно… И ни один из двух домов не был ей родным. Бессчетное количество раз отец встречал ее здесь, в Лос–Анджелесе равнодушный, рассеянно–отстраненный; обнимавший, но никогда не целовавший и избегавший смотреть в глаза.

Юми увидела его сразу, едва выйдя из–под транспаранта «ПРИБЫТИЕ». Человек науки, такой возвышенный, стоял за спинами встречающих — высокий, худощавый, с резкими чертами лица и длинной, густой, пушистой шевелюрой. Точно такой, каким она помнила его с последнего раза. И не скажешь, что прошло целых шесть (или семь?) лет.

Он еще не заметил ее. Она колебалась, сжимая в руках сумку

и думая, что изменить решение еще не поздно. Может, в кассах найдется одно место на ближайший до Гавайев. Сейчас она вполне поняла: не следовало ей сюда приезжать. Вообще не следовало. Не осталось для нее здесь ничего. Кроме боли.

Но он уже увидел ее и помахал рукой. Жест был угловато неуклюж — он никогда не отличался грациозностью. Если уж становишься придатком компьютера, подумала она, это на всю жизнь. Такие не меняются. Такие и умирают, не узнав, что такое — быть человеком.

Мысленно махнув на все рукой, она устало подошла в нему, стыдясь того, что ей не хватило духу повернуться и уйти. Он обнял ее за плечи и неловко привлек к себе.

— Юми. Большое спасибо, что ты приехала.

— Как твои дела? — вполголоса спросила она.

— Замечательно. А твои?

— В порядке.

Он повернулся и пошел вперед, — широко шагая, что значило, что ей не следует отставать. А вокруг друзья встречали друзей, родственники — родственников, смеялись, обнимали друг друга… Юми спокойно и сдержанно смотрела прямо перед собой. Лицо ее не выражало никаких чувств.

— Уже сколько лет этот аэропорт не ремонтировался. — Он с неудовольствием огляделся вокруг: грязный ковер, потемневшая плитка потолка, засыхающие в горшках пальмы. — Знаешь, я еще помню время, когда оно принадлежало «Пан–Ам»… Нет, TWA. А правительство никогда не имело подхода к ведению дел в авиаиндустрии. — Заметив, что она отстала, он остановился и оглянулся. — Может, мне взять это? — Последовал кивок на парусиновую сумку.

— Спасибо, я сама. — Она крепче сжала пальцы, точно он мог отнять сумку силой. — Она не тяжелая. К тому же, не думаю, что в данном случае рыцарство уместно.

Он, похоже, смутился:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты ведь на пятьдесят лет старше меня.

Он вздрогнул, и Юми поняла, что зацепила за больное. Это обеспечило ей толику злобного удовлетворения. Хотя… Наверняка существует лучший способ отомстить ему за то, что он отказывал ей в чувствах.

Они подошли к выходу.

— Тебе нужно получить багаж? — натянуто спросил он.

— Нет. Разве ты не помнишь? Я всегда путешествую налегке.

— Да, конечно. Помню. — Теперь в голосе его звучало раздражение. — Но, Юми, я полагал, что в твоем — уже

достаточно зрелом — возрасте можно бы несколько умерить… э–э… богемность.

Оба снова были в своем амплуа, точно и не расставались. Однако он играл свою роль лучше. Жестче — он вообще мало беспокоился об окружающих.

— Извини, что разочаровала, но я столь же богемна, как и прежде. А ты, отец? В тебе–то изменилось хоть что–нибудь?

— Да, — подумав, ответил он. — Некоторые существенные изменения — налицо. Поэтому мне и понадобилась встреча с тобой.

Снаружи, на стоянке, он отключил машину от подзарядного устройства и забросил ее сумку в багажник. Двигался он медленно и напряженно — еще медленнее и напряженнее прежнего — но для своих восьмидесяти с лишком все еще сохранял неплохую форму. Ну да, он же может позволить себе любые мыслимые медицинские услуги и постоянно делает зарядку, хотя удовольствия от этого не получает. Отец всегда рассматривал свое тело как некий механизм, за которым нужно ухаживать во имя существования разума.

Пока он выруливал со стоянки, оба молчала. Вставив свой кредит–диск в счетчик на выезде, отец вывел машину на дорогу к фри–уэю. Вскоре они неслись среди потока машин на север, по верхнему уровню, маленькая машина стала частью полноводной стальной реки, зажатой в бетонном русле. Слева от трассы открывался вид на океан — то есть, по крайней мере, на дамбу Санта–Моника. Конструкция заметно подросла, опережая на шаг постоянно повышающийся уровень моря.

Юми снова перенесла внимание на хай–уэй. Отец водил машину по–лихачески, резко перескакивал с полосы на полосу, и это заставляло нервничать.

— Ты был так загадочен, когда звонил мне, — заговорила она, чтобы развеять напряжение. — Словно случилось что–то серьезное.

Ответ последовал не сразу. Молчание длилось так долго, что Юми уже начала сомневаться, была ли услышана.

— Знаешь, мы с тобой никогда не были особенно близки, сказал он наконец. — У меня было очень много времени, чтобы подумать над этим, и я пришел к заключению, что грех тут был, в основном, мой.

Юми раскрыла было рот для ответа, но поняла, что отвечать ей нечего. Он всегда избегал прямого разговора о расхождениях меж ними. Окружать разделяющую их брешь забором из препираний куда более в его стиле.

— Твоя мать хотела иметь детей. — Он заговорил быстро,

словно желая поскорее выложить все и покончить с этим. Кацуко была женщиной определенной, и переубедить ее — в чем бы то ни было — было весьма нелегко. Я был уверен в своей компетенции, как отца, и согласился. — Он покачал головой, плотно сжав тонкие губы. — Мне, Юми, следовало поговорить с тобой на данную тему гораздо раньше. К сожалению, я этого не сделал.

Она была сбита с толку. Без ее согласия, без всяких прелюдий отец поменял наиглавнейшие правила их игры.

— Недавно я понял, что мне нужно достичь с тобой некоторого взаимопонимания, — продолжал он. — И, если я не улажу этого сейчас, потом может оказаться слишком поздно.

— Понятно, — сказала Юми, не зная, стоит ли верить. Однако… — Ты говоришь так, словно… С тобой все в порядке?

Последовала еще одна долгая пауза.

— Нет. Мне поставлен диагноз — опухоль спинного мозга. Даже теперь, при всех технических достижениях, случай неоперабелен. — Он предостерегающе поднял руку. Пожалуйста, давай не будем обсуждать варианты ухода и лечения. В частности; избавь меня от лекций по альтернативной медицине. Я смирился, Юми, и перед смертью желал бы лишь привести вещи к некоему подобию упорядоченности. Ты можешь помочь мне в этом?

— Конечно.

Слово вылетело само собой. Она не знала, что тут и думать, а уж тем более — что нужно говорить.

— Прости, — сказала она. — Понимаю, звучит не слишком–то, но мне действительно нужно прощение.

Несколько секунд он смотрел на нее. Она заглянула в его лицо. И даже сейчас отец был для нее загадкой… Собственную, близкую и неотвратимую, смерть описывает сухо и прозаично, словно досадный сбой оборудования… Никогда прежде он не раскрывался перед ней настолько, однако она заметила отстраненность в его глазах.

ИДИЛЛИЯ

Несколькими часами позже они свернули с прибрежной дороги на грунтовую, с глубокими колеями, уходящую в поросшие лесом холмы. Послышалось пение птиц, в воздухе повеяло лесом. Машина все выше и выше взбиралась на холм; показались разбросанные среди деревьев хижины–самостройки. Большинство местных вели свой род от хиппи–почвенников, решивших вернуться «назад, к истокам» и поселившихся здесь семьдесят лет назад, в шестидесятых прошлого века.

Машина прошла несколько крутых поворотов, по днищу

тарабанили камешки и комья грязи. Миновали шеренгу почтовых ящиков; на последнем, принадлежащем ее отцу, черными стройными буквами было написано: «Лео Готтбаум, скромный отшельник. Новые веяния, объекты и образы внешнего мира не интересуют».

Энергонакопители автомобиля были почти истощены, и последний крутой подъем он одолел медленно. Наконец, выехав из лесу, они миновали два бетонных столбика по обочинам, за коими лежала небольшая полянка, поросшая высокой травой. Прямо по курсу лежал стальной геодезический купол, волдырем вспухавший на округлой вершине холма; стеклянные грани его сияли красным и оранжевым в лучах заходящего солнца. Неподалеку возвышались две стальные башенки; одна была унизана фестонами тарелок спутниковой связи и коротковолновых антенн, другая же — трехлопастными ветряками, лениво рассекавшими воздух.

Отец остановил машину подле двух других электроэкипажей и старого джина с бензиновым двигателем внутреннего сгорания. Юми вышла наружу, обрадованная возможности размять ноги. Вокруг уходили вдаль покатые лесистые холмы, а вдали, под золотистыми по краям облаками, отливала красной медью поверхность океана. При всей чуткости и беспощадности к недостаткам, Юми решила, что вид — просто идиллический. В воздухе посвистывали лопасти ветряков; чуть слышно гудела ведущая к дому линия электропередачи. Куда ни взгляни, всюду вторгается техника…

— Идем? — спросил он.

Она размышляла.

— А мой сад?..

— …вероятно, все еще на месте.

— Я только взгляну.

Она отправилась на южную сторону холма, за бетонную площадку с соляр–панелями, непрестанно ловящими лучи солнца. Давным–давно она отгородила себе небольшой участок на границе отцовской земли — садик настоящих, органических овощей, обведенный оградой из белых, округлых валунов.

Теперь он почти зарос высокой травой и куманикой. Она присела на корточки, вообразив себя маленькой, нерешительной десятилетней, ищущей подлинности, копаясь в порошковом компосте… Юми вздохнула. Даже сейчас, на тридцать–то первом году жизни, отец все еще заставляет ее чувствовать себя ребенком.

Тихий механический щелчок прервал ее размышления. Звук, казалось, исходил от опушки леса, что лежала всего в десятке

футов от нее. Вот еще один щелчок — и на сей раз Юми обнаружила его источник. Бетонный столб пяти футов в толщину возвышался меж деревьев, выкрашенный, чтобы не выделялся, в грязно–оливковый цвет. Отодвинувшись к меже, она разглядела черный круглый предмет, похожий на ружейное дуло. На вершину столба была водружена камера в тяжелом стальном кожухе. Она лениво поблескивала линзами, медленно поворачиваясь из стороны в сторону.

ТЕМНОТА

Под гостиную была отведена половина купола, и всю ее заполняло компьютерное оборудование, запасные клавиатуры, принтеры, мониторы, платы ОЗУ, стародревние CD–ROMы, большущий телевизор с плоским экраном, виртуально–реальностные приспособления, акустическая стереосистема, стопы журналов, технической документации, рукописных заметок, невскрытой корреспонденции… Юми остановилась в дверях, осматривая комнату. Здесь почти ничего не изменилось — разве что железяк поприбавилось.

Отец, сидя перед одной из систем, говорил по телефону:

— Отлично, Джереми. Потеря функций сведена к нулю?! Да я и мечтать не смел… Да. Да, конечно. Остается лишь пожелать тебе получить награду по заслугам.

В голосе его слышалась теплота. Более того, восхищение! И это, как обычно, задело Юми.

— Разумеется. Распечатку эту ты мне мылом перешли. Только давай придерживаться проверенной шифровальной процедуры, хорошо? Не хотелось бы на данной стадии вляпаться.

Лео Готтбаум прекратил научную деятельность десять лет назад, уйдя на пенсию из лаборатории в Лонг–Бич, но неизменно продолжал работать в своем куполе, забавляясь с привычными игрушками компьютерами, дискетами… И даже сейчас он был так поглощен болтовней на техническую тему, что не замечал присутствия дочери.

— Значит, это ты довел до ума. Да–да, я тоже. Еще раз большое спасибо за помощь.

Повесив трубку, отец обернулся и встретился с ней взглядом.

— Юми… — Он несколько замялся. — Я говорил с Джереми Портером. Возможно, ты помнишь его.

— Толстячок с лохматой черной бородой?

— Да. Можно охарактеризовать его и так. А можно говорить о нем, как об одном из самых одаренных компьютер–сайентистов; это зависит от системы ценностей говорящего.

Не поддаваться на провокации. Не ввязываться в спор. Юми сменила тему:

— Я спускалась к лесу и видела твою новую… охранную систему, если я не ошибаюсь.

И вновь — легкое колебание.

— Да. Мне следовало предупредить тебя.

Она в замешательстве смотрела на отца.

— Ты боишься, что кто–то не поленится влезть сюда и стащит твои машины? Или — что?

— Видишь ли… Думаю, при теперешнем положении дел мне действительно мало проку от охранной системы.

Он иронически улыбнулся.

Юми поняла, что вновь напомнила отцу о болезни и неизбежно надвигающейся смерти. Сколько же ему еще осталось? Будет ли смерть мучительной? Очень хотелось спросить, но заговаривать об этом было страшно.

— Наверное, надо бы приготовить ужин, — сказала она, отводя глаза.

— Превосходно! — сказал он так, словно идея приготовления ужина была неожиданно свежей. — Ты, верно, все еще сторонница вегетарианства? Кажется, у нас есть несколько соевых пирожных и немного овощей. Хотя они, скорее всего, радиоактивны и, пожалуй, выращены не на органике.

Юми понимала, что он дурачит ее, но не была в этом уверена. Лучше не обращать внимания.

— Хорошо, — сказала она, ретируясь на кухню.

Вскоре столик у окна был сервирован бумажными тарелочками. Глиняных, некогда сделанных ею, на месте не обнаружилось может, разбились, а может, он просто выбросил их. Отец никогда не проявлял интереса к домашнему хозяйству.

Порывшись в буфете, Готтбаум отыскал запыленную бутылку красного вина.

— Пожалуй, стоит устроить праздник, — сказал он, методически, словно настраивая лабораторное оборудование, орудуя старым штопором.

— Что же мы будем праздновать?

— Твой приезд. — Он разлил вино в два относительно чистых акриловых стакана. — И, честно говоря, мен очень порадовали новости от Джереми. Все это время он работал над моим старым проектом «Лайфскан». И вот, наконец, подтвердил некоторые идеи, выдвинутые мной тридцать лет назад.

— Значит, ты счастлив, — сказала она, не понимая, как его — в его–то состоянии — вообще может что–то волновать.

Взглянув на отца, она сделала большой глоток из стакана и приступила к еде. Ей не нравилась его манера есть, поглощая пищу быстрыми, механическими, экономично–равнодушными

движениями.

Свет, реагируя на наступление темноты, включился сам собой, и она подняла взгляд. В куполе стояла необычайная тишина, и только сейчас Юми поняла, почему.

— А где Сэм?

— А–а, Сэм… — Отец прожевал, проглотил и отложил вилку, стараясь не встречаться с ней взглядом. — Сэм, как ни жаль, недавно умер.

— О–о… — Откуда–то изнутри поднялась волна грусти. Жалко. Прекрасный был пес. Просто прекрасный.

— Ну, видишь ли, он был очень стар, — Готтбаум сделал неопределенный жест. — Выпадение зубов, проблемы с почками…

Глаза ее сузились.

— То есть, ты его усыпил?

— Что ж… Так было лучше всего. У него было недержание. Это, знаешь ли, не слишком удобно.

В голосе его слышалось нечто жестокое и даже презрительное. Кожа Юми покрылась мурашками. Она всегда подозревала, что отец держал пса не из–за любви к нему в обычном смысле — скорее, как экземпляр полуразумного существа, чье поведение представляло для него интерес.

— Юми, здесь вовсе не из–за чего расстраиваться, продолжал он. — Смерть была безболезненной, и в собачьем раю ему будет гораздо лучше.

— Ты так считаешь, отец? — Злость нарастала слишком быстро, и Юми не смогла совладать с собой. — Что ж; пока не поздно, ты… имеешь возможность проверить свою гипотезу на себе.

Воцарилась тишина. Юми редко шла против отца в открытую, и он, похоже, был удивлен.

— Ты хочешь сказать, что я попаду туда же, куда и он? Отец неожиданно рассмеялся — громким, надтреснутым смешком.

Злость ее мигом сошла не нет, сменившись стыдом.

— Извини. Не стоило так говорить.

— Нет–нет, не извиняйся. Ты абсолютно права. — Он проницающе взглянул на нее. — Сэм умер, и я умру, и даже ты, кстати, тоже однажды умрешь. Это — факт, простой и очевидный. Стоит всерьез расстраиваться?

ВЫЛАЗКА

Вот такие минуты, думал Бейли, так обычны и вместе с тем совершенно неповторимы… Он лежал в кровати и из–под полуопущенных век смотрел на свою жену. Сквозь красные занавеси пробивался неяркий свет. Шерон, стоя перед зеркалом, застегнула блузку, запустила пальцы в волосы и отбросила их

назад, влезла в брюки и надела туфли. Ему нравились ее быстрые, точные движения, подбородок, рот, грудь…

Подойдя к кровати, она поцеловала его в лоб. Волосы ее щекотно упали на лицо Бейли. Повеяло ароматом духов.

Он вскинул руки и притянул ее к себе.

— С добрым утром.

Она отстранилась, чтобы лучше видеть его, и нахмурилась в притворной серьезности.

— Эй, ты уже не спал?

— Не могу отрицать.

— Подсматривал? — Она склонила голову; ямочки заиграли на ее щеках. — Ведете наблюдения, агент Бейли?

— Слежу за передвижениями. — Он еще раз поцеловал ее.

Она рассмеялась и погладила ее небритую щеку.

— Что ж, мистер Холмс, время — девятый час; у меня сегодня, в мэрии, интервью с членами муниципального совета. А ты — как?

— У меня сегодня опять работа на выезде.

— Будешь проверять свою ученую–подозреваемую? Розмари… или как?

— Розалинда Френч. — Бейли спустил ноги на пол.

— Помнится, ты однажды говорил, что в аэрокосмических компаниях собственная служба безопасности.

— Оборонное Бюро Расследований. Да, здесь налицо нарушение их прерогатив. В деле фигурируют пистолеты, значит, я уже влез в сферу деятельности Бюро Алкоголя, Табака и Огнестрельного Оружия. Все было бы куда проще, держись я своего узкого профиля и…

— …сферы своей компетенции?

— Именно. Как я, по–твоему, буду отчитываться?

Он прошел в смежную ванную комнату и включил душ.

— Ма–ам! — позвал Дэймон из гостиной. — Ма–ам, миссис Лонец пришла!

— Ч–черт, — вздохнула Шерон, — я все еще не заплатила ей за прошлую неделю.

— Я сделаю! — отозвался Бейли, перекрикивая шум льющейся воды.

— Спасибо. Джим, ты слышишь меня?

— Нет. Вода шумит.

— Осторожно там! — прокричала она.

Через полчаса после ухода Шерон он, держа в одной руке стакан с растворимым завтраком, стучал другой по клавишам своего домашнего компьютера, из гостиной — который раз подряд гремела «Олд Макдональд Фарм», а Дэймон, перекрывая

музыку, объяснял миссис Лонец, как звать вон ту зверюшку, и вон ту, и вон ту… Еще один обычный будний день, подумал Бейли, сгружая фамилии и личные номера служащих «Норт–Индастриз» с компьютера в свой компад и запихивая последний в кейс.

В идеале следовало бы уведомить о своем визите прямо сейчас, но жизнь, как известно, далека от идеала. Вопли протеста супротив принудительного выключения «Олд Макдональд» будут еще хлеще самой видеоигрушки. Значит, звонить придется с дороги. Пожалуй, только в машине он может побыть немного в мире и покое.

Оставив Шерон записку «я люблю тебя» в мессэйдж–базе, он вышел в гостиную.

— Папа–а! — Дэймон, оторвавшись от стерео, пошлепал к нему с плюшевым медведем в руках. — Пап, почини его! Почини!

Бейли проглотил остаток своего завтрака, поставил стакан на обеденный стол и опустился на корточки перед сыном.

— Что стряслось?

— Говорящий Тедди не хочет говорить!

Дэймон шлепнул медведя об пол.

Бейли поднял игрушку и сжал. Медведь издал жалобный скрип.

— Наверное, его нужно просто подзарядить. — Хотя, подумалось ему, вряд ли эта штука так часто нуждается в подзарядке. К тому же, когда запас энергии на исходе, она должна говорить: «Будь добренький, подзаряди меня!»

Дэймон заглянул ему в лицо:

— Ты его можешь починить?

— Попозже, — кивнул Бейли.

— Вечером?

— Да, вечером. А сейчас мне пора. Обними–ка меня!

Дэймон вежливо обнял отца за шею. Покончив с ритуалом прощания, Бейли двинулся на выход.

— До свидания, миссис Лонец. По служебному телефону меня сегодня не будет, но, если возникнет необходимость, можете звонить на карманный.

Просто одетая леди с достоинством кивнула.

— До свидания, мистер Бейли.

— Пока, пап!

Захлопнув за собой дверь, Бейли скатился по лестнице в гараж, и звуки «Олд Макдональд» постепенно затихли за спиной.

Утряска визита в «Норт–Индастриз» заняла почти все полтора часа езды. Бейли терпеть не мог ритуалов «подтверждения личности», «консультации с начальством» и «убеждения в полезности сотрудничества». Слишком многое здесь

перекликалось с детством — он физически ощущал, что заранее исключен из всех компаний и клубов, создаваемых сверстниками. В конце концов вечный одиночка понял: с организациями нужно общаться с позиции силы.

В конце концов он пробился к помощнику управляющего техчастью и добился ответа, что такой «визит экспромтом» обязательно надлежит утвердить свыше. Испрашивать же утверждения надлежало у полковника Эллиса Хортона, заведующего лабораторией.

К счастью, Хортон начинал работу в восемь и был уже на месте. К несчастью, он оказался бюрократом старой выучки и факсам даже кодированным — не доверял, предпочитая, чтобы документ, заверенный нужной подписью, был доставлен верным курьером. В озлоблении, Бейли уломал секретаршу Хортона позвонить в Лос–Анджелесское отделение ФБР, откуда, в подтверждение его личности, на ее терминал перебросят его личное дело. В свете этого завлаб согласился пожертвовать получасом служебного времени.

УПУЩЕНИЯ, НАРУШЕНИЯ, НЕСОБЛЮДЕНИЯ

Исследовательский комплекс представлял собой группку бурых, кирпичных двухэтажек, окруженных поросшими травой холмиками и купами деревьев. Выглядело это все как–то до рахитичности скромно. По периметру комплекс опоясывала железная сетчатая ограда, увенчанная колючей проволокой. Дополняли картину караульные вышки и громадные красные надписи, предупреждавшие незванных посетителей о свирепости роботов охраны. Вкупе все напоминало лагерь для заключенных, несколько облагороженный разнообразием ландшафта.

У главных ворот Бейли пришлось предъявить жетон ФБР. Прежде, чем смилостивиться и вручить гостевой значок, его еще сфотографировали и дактилоскопировали. Только после этого он был пропущен на территорию.

Вооруженный охранник провел его строго–бежевым коридором в пустую маленькую приемную, где за текстовым сканером сидел секретарь. Сверившись по интеркому, тот ввел Бейли в кабинет Эллиса Хортона.

Здесь строгость кончилась. Стены были облицованы мореным дубом, на полу лежал восточный ковер, два кожаных кресла были повернуты к массивному столу красного дерева. В одном углу стоял американский флаг, в другом — каучуковое деревце. Одна стена полностью отведена была под фотоснимки в рамках: Хортон пожимает руки генералам и сенаторам; Хортон перерезает ленточку, открывая новый конвейер дистанционно–пилотируемых экипажей, Хортон, положивший руку на крыло самолета–

снаряда… Интерьер Аэрокосмический традиционный, подумал Бейли. Не кабинет музей боевой славы…

Хортон оказался крепким шестидесятилетним мужиком, высоким и слегка сутуловатым, со щекастым лицом и без единого волоса головой. Стоял он уверенно, широко расставляя ноги, точно данный кабинет являлся участком фронта, находящимся под его личным командованием. Он сжал руку Бейли и испытующе взглянул на него.

— Доброе утро. — В устах полковника приветствие выглядело так, словно он вполне был при необходимости любой ценой сделать данное утро добрым. — Присаживайтесь.

Вернувшись за стол, он умостил свое облаченное в светлый полосатый костюм тело в старинное, обитое кожей вращающееся кресло и выбрал одну из вересковых трубок с подставки, расположенной о бок со старинным пресс–папье.

— Должен сказать, мы, как все здравомыслящие люди, стараемся предупреждать возможные недоразумения заранее, — сказал он, тщательно набивая трубку.

— И я на вашем месте потупил бы так же, полковник, сказал Бейли со всей возможной вежливостью.

Он понимал: старые армейцы наподобие Хортона ожидают в свой адрес известного почтения. В то же время ему, Бейли, отнюдь не следовало брать извиняющийся тон — это полковник сочтет за проявление слабости. Бейли терпеть не мог работать с военными: слишком много ходят вокруг да около в поисках наивыгоднейшей позиции, слишком много неписанных правил поведения… Чтобы не сесть второпях в лужу, следовало держаться самым осторожным образом и ни в коем случае не спешить.

Хортон принялся раскуривать трубку. Операция потребовала множества времени и спичек из настоящего дерева и серы.

— Так в чем же дело? — спросил наконец Хортон.

Бейли подался вперед, устанавливая контакт «глаза в глаза».

— Кратко говоря, полковник, мой отдел получил косвенные доказательства того, что один из ваших работников — а именно Розалинда Френч — может быть замешана в делах, несовместимых с ее допуском.

— Френч? — Казалось, обвинение оскорбило лично Хортона. — Я всегда полагал ее женщиной кристальной честности.

Напыщенный тон и показная чопорность раздражали Бейли. Заведующий лабораторией — название неподходящее: ведать он ничего не ведает и знать не знает, а почти все свое время тратит на выбивание ассигнований из Пентагона. Истинное его

назначение — клянчить дотации и пробивать контракты.

— Я веду лишь предварительное расследование, полковник, обдуманно–небрежно сказал он. — Формально обвинение пока не выдвинуто. Исходя из этого, я не хотел бы, чтоб данное обстоятельство как–то повлияло на доктора Френч. — Он сделал паузу. — Естественно, я равным образом не хочу ставить ее в известность обо всем.

— Понимаю, — кивнул Хортон.

— Тем не менее, расследование необходимо.

В последний раз пыхнув трубкой, Хортон отложил ее. Подавшись вперед, он сложил руки на пресс–папье.

— Что ж, мы всегда сотрудничаем с вашими коллегами. Говоря без обиняков, мы заботимся о безопасности не менее, чем вы. Он говорил с неподдельной, однако нудной искренностью. — Но чего же конкретно вы хотите?

Вот это было более обещающим. Бейли решил дать разъяснения.

— Для начала я хотел бы узнать, была ли доктор Френч на рабочем месте вчера, между двенадцатью и четырнадцатью. Также я хотел бы знать, была ли она — либо кто–нибудь из ее группы — замечена в каких–либо значительных проступках. Вообще, все, что бы то ни было.

Хортон сощурился, словно отмеряя порцию искренности для Бейли.

— Вчера ее не было, — неохотно, раздумывая, что он на самом деле выдает, если выдает, отвечал он. — Я пытался отыскать ее, и мне сказали, что она отсутствует по состоянию здоровья. — Он почесал подбородок. — Что же до проступков — тут, наверное, стоит упомянуть одно. — И это одно явно не доставляло завлабу удовольствия. — На протяжении последнего года из ее лаборатории пропадало оборудование. Фактически, наша служба безопасности хотела провести инвентаризацию — знаете, бирки с номерами, двойная проверка требований, все как обычно. Но я сказал, что у нас нет времени на подобную чепуху.

Он махнул полной рукой, точно отгоняя муху.

Бейли молча кивнул, словно сочувствуя. Ничего, пусть колется дальше, это — только начало.

— Насколько я могу судить, случай тривиальнейший. Возможно, это вовсе не пропажа. Ученые работают с увлечением, допускают порой небрежность — затеряли, засунули… Через пару месяцев все отыщется, — Хортон откинулся на спинку кресла. — Но — вы спросили, я ответил.

Да уж, инвентаризация бы очень не помешала, подумал Бейли. Хортон ошибается: данный случай далек от казуса с

рассеянным профессором, запамятовавшим, куда дел горстку деталей.

— Мне хотелось бы познакомиться с доктором Френч и ее группой. Просто ради личного впечатления. Но, понимаете ли, это не должно выглядеть так, точно расследование идет полным ходом.

Хортон скривился.

— Да, выразились вы достаточно ясно… Однако — что у вас имеется на нее?

Под его жестким взглядом Бейли чувствовал себя крайне неуютно, однако пересилил желание отвести глаза.

— Доктор Френч была замечена в возможно незаконном деянии. Вот все, что я на данный момент могу вам сказать.

Хортон забарабанил пальцами по столу.

— Что ж… Думаю, вас можно представить ей, как ревизора из нашей головной конторы в Сан–Диего, прибывшего для выявления отклонений от правил компании.

Учет рабочего времени, платежек и тому подобного. Это вас устроит?

Бейли, ожидавший куда меньшего, не спеша кивнул.

— Судя по всему, вы и прежде имели дело с подобными ситуациями? — спросил он.

— Однажды. Давно. Без всякой связи с Френч, — резко ответил Хортон.

— Под каким именем вы хотите представить меня?

— Та–ак… Ричард Уилсон. Он числится по отделу безопасности в Сан–Диего. И, насколько я знаю, никогда здесь не бывал.

— Замечательно.

Столь легкая капитуляция Хортона удивила Бейли. Наверное, полковник всерьез озабочен этими «пропажами» — могут ведь и самого за жопу взять — однако достаточно уверен в своих подчиненных, раз соглашается на проверку их сотрудников ФБР.

— Еще одно, полковник. Могу я — хотя бы в общем войти в курс работы Френч?

Хортон издал отрывистый смешок.

— Я полагал, у вас знают все обо всем.

Бейли принял выражение почтительного признания своего упущения.

— В данном случае у меня, боюсь, просто нет времени запрашивать исчерпывающий ответ у методистов моей группы.

— Что ж, ведь допуск у вас есть? Естественно, по долгу службы. Хорошо. Думаю, я могу ввести вас в курс дела. Я распоряжусь, чтобы мой зам переслал описание проекта в ваш

кабинет во второй половине дня. Это вас устроит? И отлично. Идемте.

ВОКРУГ ДА ОКОЛО

Хортон провел Бейли застекленной галереей в соседнее здание, сказав через плечо:

— Исследования проводятся в этом коридоре.

Вслед за ним Бейли спустился по лестнице, и, миновав еще один коридор, они подошли к металлической двери, обозначенной лишь номером. Полковник набрал на кодовом замке комбинацию цифр, распахнул дверь и щелкнул выключателем.

Бейли увидел комнату без окон, около двадцати квадратных футов, с голым бетонным полом и белыми шлакоблочными стенами. Металлические, до потолка, стеллажи были набиты коробками и папками. В центре стояло нечто массивное, упакованное в пластик. Пахло сухой пылью. Прямо–таки мавзолей высокой технологии…

Тщательно заперев дверь, Хортон развернул стоявший в центре предмет. Корпус его, размером с холодильник, был сделан из черного анодированного алюминия и сужался от четырех футов в основании до двух у вершины. Венчал механизм купол, оборудованный многочисленными аудио–и видеосканерами. По сторонам располагались членистые «руки», и стоял агрегат на четырех толстых резиновых колесах. С виду — самоделка; очевидно, модель собрали в спешке.

— Проект «Лайфскан», — начал Хортон, — был основан доктором Лео Готтбаумом в 1999–м году. — Он поднял бровь. — Слышали о нем?

Бейли не любил, когда его подозревали в техническом невежестве.

— Готтбаум, лауреат Нобелевской премии конца девяностых, за исследования в области искусственного интеллекта.

— Совершенно верно. — Казалось, Хортон был раздражен, словно Бейли нарушил его прерогативу. Откашлявшись, полковник слегка повысил голос. — Готтбаум работал у нас над системами передачи образов — визуализация цели, визуальная разведка и тому подобное. Но главной его задачей делом всей жизни, был ИИ, способный проявлять инициативу и оценивать ситуацию.

Бейли призвал себя к терпению.

— Продолжайте.

— Над этой проблемой работали многие — и работают, кстати, по сей день. Но Готтбаум доказал, что нашел кратчайший путь к решению. Вместо того, чтобы создавать систему методом

тыка, он украл решение у самой матушки–природы. Цель проекта «Лайфскан» — получение полной, нейрон к нейрон, копии мозга животного. Идея, конечно, не нова, но лишь ему в то время хватило ума убедить Министерство Обороны дать под нее ассигнования. В достаточном количестве.

Бейли сдвинул брови.

Он действительно считал, что сможет скопировать весь мозг целиком? Все нейроны, ганглии, электрохимические фазы?

Хортон позволил себе легкую самодовольную улыбку. Похоже, размах проекта полностью соответствовал его армейскому кредо: «Если надо, то смогем!»

— Начинали с мозга курицы, хотя, конечно, даже он состоит из нескольких миллионов нейронов. Всей вашей оставшейся жизни хватило бы только на рисование его схемы.

— Но эта машина на колесах… Предполагалось, что…

— О да. APVENT. — Хортон сделал паузу, наслаждаясь возможностью заставить Бейли подождать расшифровки аббревиатуры. — Автономный Демонстрационный Экспериментальный транспорт с Нервно–клеточной Топологией. Предполагалось, что машиной будет управлять их искусственный мозг. Ее сделали в пятом году для показа руководству — ради создания видимости наличия результатов.

— Тогда как результатов не было?

Хортон отвернулся к машине и принялся тщательно оборачивать ее пластиком.

— Подход Готтбаума был фундаментальным и многоцелевым. Я всегда это говорил и скажу сейчас. — Он явно оборонялся, словно давным–давно прозакладывал за эти исследования свою репутацию и, даже будучи загнан в тупик, не мог позволить себе потерять лицо. — Беда в том, что люди требуют сразу всего и побольше. В то время, как Готтбаум ушел на пенсию, и его сменила Розалинда Френч, конгресс срезал нам фонды. И как раз в тот самый момент, когда проект только начал давать некие ощутимые результаты. В настоящий момент в штате проекта — всего четыре должности. Хотя прогресс — и, надо сказать, ощутимый — был налицо. Блестящие умы. Однако, должен вас предупредить, могут показаться несколько… нонконформистами. Идемте, я вас представлю.

Бейли вышел в коридор и подождал, пока завлаб, следуя ритуалу, убедится, что замок надежно заперт. Затем они спустились еще на пролет, оказались в холле и прошли еще в одну дверь. Бейли, как всегда при смене стадии развития дела, чувствовал здоровое, возбуждающее предвкушение. Здесь, в этой лаборатории, находилась женщина, которую он видел выходящей

от Кан, которой взбрендилось рискнуть работой и репутацией ради… Ради чего же?

Хортон отворил дверь. За нею была комната с высокими потолками, переполненная оборудованием. Металлические корпуса тускло поблескивали в неярком свете, льющимся в помещение сквозь высокие окна. В помещении работали четверо. Услышав, как отворилась дверь, они смолкли и подняли настороженные взгляды, словно лесные звери, почуявшие чужака. Никто ничего не сказал. Слова были не нужны.

Хортон не подал виду, что заметил смену атмосферы.

— Доктор Френч, — обратился он к высокой женщине, стоявшей у цилиндрического резервуара посреди лаборатории. Можно вас на минутку?

Отложив карманный компьютер, она направилась к ним.

— Слушаю вас, полковник.

Бейли рассматривал женщину. Пять футов десять дюймов, вес вероятно, фунтов сто сорок. Сложение, несомненно, то же, что и у фигуры под балахоном. Черты лица — соответствуют фотокомпозиту. Вот и снова они лицом к лицу… Без приват–маски он вдруг ощутил себя полностью уязвимым, хотя она, вероятно, никакого представления не имела о его личности. Она осторожно, оценивающе, взглянула на него; Бейли выдержал нейтрально–вежливое выражение.

Трудно было поверить, что это — именно она. Сама осанка ее, не говоря уже о манерах, несмотря даже на белый халат, была проникнута воспитанностью, достоинством и благородством. С виду она совершенно владела собой, однако от Бейли не ускользнули несколько резких движений глаз и напряженность мелких мускулов у рта. Ее явно что–то нервировало.

Хортон указал на Бейли:

— Это… э–э… мистер Ричард Уилсон, ревизор из головной конторы. Он приехал, дабы посетить некоторые лаборатории просто в порядке контроля за соблюдением правил. А это доктор Френч, ведущая проект «Лайфскан».

Бейли отметил, что плечи ее почти неуловимо вздрогнули; чужак был идентифицирован, и напряжение явно спало.

— Рада познакомиться, мистер Уилсон, — сказала Френч.

Голос ее звучал безупречно, точно она некоторое время специально занималась его постановкой. Твердо, по–деловому, пожав Бейли руку, она обратилась к Хортону:

— Это как–либо связано с теми модулями памяти?

Хортон смутился. Похоже, он относился к ней настороженно: вероятно, столь жесткая и прямая женщина оскорбляла его архаичные представления о рыцарстве.

— Нет, почему же, — сказал он. — Этого частного случая я мистеру Уилсону не передавал.

— Видите ли, я только что отправила вам объяснительную, перебила она. — Сегодня утром модули нашлись. Вот они. Она указала на верстак.

— О. Действительно.

Хортон, а вслед за ним и Бейли, прошли к верстаку. На белой пластиковой столешнице лежали десять блистеров. Бейли отметил, что серийные номера совпадали с зафиксированными вчера на улице. Сомнений быть не могло: вчера она пыталась продать их, а затем принесла обратно и, следовательно, лжет.

— Завалились за тот стеллаж в углу, — продолжала Френч, степенно взирая на Хортона. — Так получилось оттого, что между стеллажом и стеной — щель примерно в полдюйма.

— Вот как? — Хортон кивнул самому себе. — Что ж, я рад, что они нашлись. Очень рад. — Он обратился к Бейли. Вот видите, я был прав. Никаких пропаж. Всего лишь некоторая небрежность в регистрации инвентаря.

— Фактически, дело не в небрежности, — спокойно возразила Френч. Не любит она завлаба, ох как не любит, подумал Бейли. И вообще ненавидит всех, имеющих власть являться сюда с проверками. И тон и жесты ясно давали понять: уж ЕЕ–то следовало бы оградить от столь мелочных подозрений. — Просто мы были очень заняты и не могли уделять много времени мелочам.

Она сделала легкий намек на пожатие плечами.

Тем временем Бейли пытался классифицировать ее выговор. Наверное, Бостон, подумалось ему. Смягченный Калифорнией, однако эта резкость — олд уорлд, олд мани — еще осталась. И ждет она, значит, что ей вот так вот, безо всяких яких, поверят на слово.

— Если вы не возражаете, — вежливо, но твердо сказал он, — я все–таки осмотрел бы лабораторию.

Выждав, не последует ли возражений от Хортона, Френч отвернулась.

— Как вам угодно. Хотя мы очень заняты…

Вот это игра, восхитился Бейли. Если, конечно, игра. А что, если нажать посильнее?

— Может быть, вам будет угодно представить меня своим сотрудникам?

На лице ее проявился слабый проблеск раздражения. Она сказала, кивком указывая на каждого:

— Ганс Фосс. Майкл Баттеруорт. Джереми Портер.

— Рад познакомиться.

Бейли, обойдя всю троицу, пожал им руки.

— Добрый день, — сказал Фосс, не глядя ему в глаза.

Баттеруорт пребывал где–то далеко, в каком–то совершенно ином пространстве/времени.

Портер ссутулился, точно прячась от чего–то, и руку, едва смог, забрал назад.

— Я так понимаю, все вы были наняты компанией на несколько лет, — сказал Бейли.

— Все мы были наняты около десяти лет назад, — ответила Розалинда Френч за его спиной. — Если вас интересуют подробности, я уверена, вы найдете все, что нужно, в отделе кадров. — Она осторожно, чтобы не коснуться его, прошла мимо. — Надеюсь вы не станете возражать, если мы продолжим настройку оборудования? Мы несколько отстаем от графика.

— А что в этом резервуаре? — любезно, однако настойчиво спросил Бейли.

— Образец ткани, — не глядя ответила она.

— Ткани мозга? Полковник Хортон сказал мне…

— Да, это — часть мозга животного.

— Сканируя его, вы собираете данные в «крэй»? Он кивнул на черную плиту рядом с резервуаром.

Френч внезапно метнула в него резкий взгляд. Глаза ее двигались столь же быстро, как и в первый раз, при знакомстве. Бейли догадался, что она изменила мнение о нем, и осознал свой промах.

— Я работал с компьютерами, — пояснил он. — До того, как перейти в отдел безопасности.

Да, она все время начеку, нельзя ее недооценивать. Бейли, в поисках противника полегче, обратился к Фоссу и Баттеруорту.

— Софт делал кто–то из вас?

— Э–э… Это я, — сказал Портер.

Бейли оценил факт.

— Значит, ваша программа действительно способна смоделировать мозг животного?

Портер нервно кашлянул.

— Боюсь, далеко не все так просто. В «крэй» не поместится даже кубический миллиметр коры. «Крэй» всего лишь — холдинг эйриа на время сканирования. Скорость у него неплохая, но архитектура…

— Сомневаюсь, что мистера Бейли [?! В тексте так] действительно интересуют специфические подробности, вклинилась Френч.

Портер осекся. Наступила неприятная тишина.

Да, Френч действительно стоило опасаться. Просто–таки

львица, защищающая свой выводок…

— Вы правы. — Бейли решил с достоинством отступить. Мне следует заняться делом. Можно взглянуть на ваши карты учета рабочего времени?

— Вон там.

Обогнув резервуар, Бейли протиснулся мимо верстака, усыпанного стальными и алюминиевыми опилками. Он окинул взглядом аккуратные полочки с инструментами и миниатюрный сварочный аппарат, лежавший возле набора дугообразных скоб.

— Вы делаете оборудование здесь, сами? Не проще ли воспользоваться услугами техотдела компании?

— Нам требуются инструменты величайшей точности, — сказал Фосс.

Он подошел поближе. Очевидно, здесь были его владения. Дабы пронаблюдать реакцию, Бейли взял в руки тончайший надфиль, похожий скорее на инструмент хирурга либо дантиста.

— Пожалуйста, не надо. — шагнув к Бейли, Фосс положил руку на его плечо. — Буду весьма обязан, если вы не станете трогать моих инструментов.

— Извините.

Бейли вернул Фоссу инструмент и, пользуясь тем, что тот отвлекся, опустил другую руку на верстак, зажав меж пальцев обрезок нержавейки и незаметно спрятав его в карман.

Пробравшись через лабораторию к картам УРВ, он пролистал их и удивленно поднял брови.

— Вы выставите компании счет за все это время?

— Несомненно, — сказал Хортон, все еще мявшийся у дверей. — Доктор Френч и ее группа имеют спецразрешение на сверхурочные работы по собственному усмотрению. Они понимают значимость проекта и жертвуют некоторым количеством своего личного времени.

— Да уж, — кивнул Бейли. — Что ж, карты заполняются добросовестно. — Он сложил их на полочку и снова окинул взглядом лабораторию. — Равным образом не нахожу никаких нарушений правил безопасности. — Он направился к двери. Извините, если помешал вам.

— Все в порядке. — Теперь, когда он уходил, Розалинде Френч, похоже легче было обращаться с ним вежливо. Наверное, подумал Бейли, если некто капитулирует перед ней на обычных основаниях, она может быть вполне дружелюбной.

Он еще раз оглядел троих мужчин. Фосс все еще стерег свой инструмент. Баттеруорт стоял неподалеку с совершенно отрешенным видом, хотя это могло быть и притворством. Портер же с подозрением взирал на пришельца из надежного укрытия

шевелюры и бороды.

Хортон распахнул дверь, и Бейли вышел в коридор. Они направились к лестнице.

— Вы удовлетворены? — спросил полковник.

— Да, благодарю вас. — Бейли медленно выдохнул, методически сбрасывая напряжение, накопившееся за время пребывания в лаборатории. — Конечно, как я уже говорил, это — лишь предварительная стадия.

— Понятно. Что еще вам потребуется?

Помолчав, Бейли покачал головой.

— Пока ничего.

— Что ж, буду ждать вашего отчета.

Хортону, очевидно, не терпелось избавиться от визитера — все официальности были завершены.

И Бейли сообразил, какую выгоду можно извлечь из этого.

— Я смогу пройти отсюда прямо на стоянку, не так ли?

— Да. Пройдете по коридору — и увидите указатель. Отсюда даже ближе.

— Что ж, полковник, благодарю вас за помощь.

Бейли еще раз подвергся твердому рукопожатию и испытующему взгляду, и Хортон, коротко кивнув, направился по лестнице вверх.

Подождав, пока шаги его стихнут, Бейли вернулся к лаборатории Розалинды Френч и огляделся. В коридоре было пусто и тихо.

В лацкане пиджака Бейли имелся микрофон, подключенный к карманному диктофону. Вытащив микрофон, он вытянул паутинку провода подлинней и прижал мембрану к стеклу оконца в двери.

Бежали секунды. Бейли чувствовал себя невероятно уязвимым. Одно дело — запрашивать информацию, опираясь на авторитет Бюро; но устанавливать несанкционированное наблюдение на территории исследовательского комплекса оборонного подрядчика…

Раздались шаги. Он поспешил отойти от двери, спрятав микрофон и провод. В конце коридора показался человек, направлявшийся в его сторону. Бейли пошел на вход.

Выйдя под открытое небо, он почувствовал безмерное облегчение. Постояв немного, чтобы переключиться, он пошел к машине.

Что ж, большинство задуманного выполнено: он склонил Хортона к сотрудничеству, познакомился с Розалиндой Френч и осмотрел лабораторию. Тем не менее налицо недостаточность улик. Пока что Френч можно инкриминировать лишь вождение

машины с незарегистрированными номерами и хранение краденного модулей памяти в чемодане.

Одного этого за глаза хватило бы, чтобы положить конец ее карьере в «Норт–Индастриз», но Бейли начал подозревать, что это — лишь вершина айсберга. Кланово–параноидальные настроения в лаборатории, более чем странный график работы, история с пропажей оборудования — все это предполагало нечто гораздо серьезнее мелкой уголовщины. И, как бы там ни было, виной всему — вопиющая некомпетентность Хортона.

Визит в лабораторию породил больше загадок, чем дал ответов, и это не давало Бейли покоя. Что произошло с модулями, объявленными Френч пропавшими? Зачем ей наживать себе неприятности и рисковать, фабрикуя сложное оружие, чтобы обменять его на модули памяти через черный рынок Малой Азии? Что произошло с прочим пропавшим оборудованием?

И, напоследок, сам проект. Зачем группе Френч так усердно работать над проектом, начатом тридцать лет назад и не достигшим пока даже предварительного успеха? И — что на самом деле находится в резервуаре из нержавеющей стали?

ТРЕСТ

Между деревьев косо ниспадали длинные солнечные лучи. В воздухе ударил густой аромат диких цветов, живицы, сухих листьев. Лес оживляло пение птиц. Юми шла медленно, часто останавливаясь. В душе ее установился мир и покой — в первый раз после вчерашнего приезда сюда. Сумку приходилось часто перекладывать из руки в руку. Надо же, одолела только половину подъема — и уже задыхается. Ребенком она поднималась на холм бегом, но теперь ей за тридцать, и силы больше не восстанавливаются моментально. Слишком много гавайских ленивых дней, сидения на берегу, перед телевизором, в мастерской…

Сзади послышался рокот мотора. Юми отошла на обочину и подождала, пока экипаж не показался из–за поворота. Старый, изъеденный ржой пикапчик с мятыми крыльями и заляпанными грязью ветровыми стеклами тарахтел, догоняя ее. Юми сощурилась, стараясь разглядеть водителя, и улыбнулась.

— Джек! — Она замахала рукой. — Эй, Джек!

Пикап замедлил ход. Бородач, в красной шапочке, сидевший за рулем, выставив локоть в окно, нахмурился.

— Дбрутро, — неприветливо буркнул он, подозрительно меряя ее взглядом.

— Забыл меня, да? — Она засмеялась. — Мы же соседи. Я — Юми. Юми Готтбаум.

— А–а, ш–штоп–тя… — Он ударил по тормозам, рывком

распахнул дверь и выпрыгнул наружу — здоровяк в кожаной куртке, «левисах» и грубых башмаках, покрытых коркой засохшей грязи. Он сгреб ее в объятья, и Юми почувствовала, что ноги ее отрываются от земли. — Ч–черт задери, Юми!.. Господи Иисусе; сколько ж это — пять лет?.. — Он поставил ее на землю и упер руки в бока. — Чо за ерунду с волосами сделала — ведь ниже лопаток были. Ах, будь я… — Он рассмеялся и, сняв шапочку, хлопнул ею по бедру. — Будь я проклят!

— Остриглась, когда переехала на Гавайи, к маме, сказала она. — Семь лет прошло с тех пор.

— Семь лет, м–мат–ть моя… Слышь, а ты завтракала?

— Нет еще. Только к шоссе в магазин сходила, за продуктами. Ты ведь знаешь — у отца никогда ничего нет кроме мороженной фасоли да телеобедов. Вот, возвращаюсь. Подвезешь?

— Какого этого, конечно! Пожалте, ваше высочество!

Ехал он медленно, растягивая удовольствие и время от времени с улыбкой поглядывая на нее. Она успела подробно рассказать о своей жизни на Уайкики, о своем маленьком бизнесе изготовлении украшений для продажи туристам. Она жила с матерью, пока та не умерла от сердечного приступа, а потом продала дом и переехала в собственную квартиру.

— А парень–то у тя есть?

— Сейчас нет. — Она пожала плечами. — Ты же знаешь, как у меня с мужчинами. Те, что доступны, мне не нравятся, те, что нравятся, недоступны. Я — безнадежный случай, Джек. А ты по–прежнему с Эмили?

— А, ну да. Трое ребятишек у нас — дочь родилась, Салли, четыре года ей.

— И скотину все так же держите?

— Дак, хочешь, зайдем. Посмотришь. — Он поскреб щетину на щеке. — Пристрелил козла, скормил свиньям, а свиньи прокормят меня. Жуть как неприятно тебе такое рассказывать, ты ж вегетарианка, но с тех пор, как марихуану узаконили, она меня кормить перестала. — Скривившись, он сплюнул в окно. — А чо это тя в Калифорнию–то принесло? Ты ж говорила, больше не вернешься…

— Отец. У него… рак мозга. Сказал, что долго не проживет, и хотел повидаться перед смертью.

— Бллли–ин… — Джек остановил машину, навалился на баранку и искоса взглянул на нее. — Хреново дело. — Он неуклюже положил ей руку на плечо. — Скверно…

Юми пожала плечами, надеясь, что тяжелая рука его скользнет. Она понимала, что Джек ничего такого в виду не

имеет, и дом его сколько лет был открыт для нее, но без его неуклюжего сочувствия было бы пожалуй, лучше.

— Я была настолько далека от него, — объяснила она, что… меня это не слишком трогает.

— Знаешь, терпеть не могу, когда ты такое говоришь. — Он запустил мотор, и некоторое время они ехали в молчании. Вот и последний поворот. Пикап взобрался на вершину холма, и Джек выдавил из себя смех. — Вот ты и дома. Купол, милый купол. [Dome, sweet dome] — Он помолчал. — Внутри, наверное, все тоже самое. Несмотря на разные там новшества.

— Какие? — Она взяла свою сумку.

— Тут как–то понаехало этих, в касках. Сказали, что ставят ему какую–то распроохеренную охранную систему и что–то типа новых генераторов.

— Да? Значит, теперь его штуки могут работать даже если отключится государственная линия, солнце перестанет светить, а ветер — дуть. — Юми улыбнулась и поцеловала Джека в чумазую щеку. — Спасибо, что подвез.

Она открыла дверцу.

— Заходи! — крикнул он вслед. — Где пять едоков, там и шесть, точно?!

Юми махнула рукой.

— Может зайду вечером.

Дождавшись, когда он сядет в пикап и уедет, Юми пошла в купол. Лео ждал ее внутри. Взглянув на лицо отца, она тут же поняла, что в чем–то провинилась. В животе что–то неприятно сжалось. Опустив глаза, она устремилась в кухню, но отец пошел следом.

— Где ты была?

Голос его звучал сухо, но она уловила сдерживаемое раздражение. Ну да, ее не было «в положенном месте». Часа на два она, будучи частью его окружения, покинула пределы контролируемой им зоны.

— Я думала, ты спишь. Будить не стала и пошла в магазин, — объяснила она, распаковывая продукты. — Надо ведь тебе хоть иногда прилично завтракать.

— Завтракать… — Он отмахнулся. — Я уже завтракал, Юми; время — одиннадцатый час. Если ты собралась в магазин, то отчего не взяла машину?

— Я так и не научилась управлять, — детским голосом сказала она. — Я боюсь машин.

Готтбаум раздраженно фыркнул.

— Идем в гостиную. Мне нужно показать тебе один документ.

Двинувшись было за ним, она отметила в себе тенденцию

автоматически повиноваться ему.

— Но я–то еще не завтракала!

— Это не займет много времени. Посмотри на это так: через несколько дней ты вольна будешь завтракать, когда бы ни пожелала.

Вот же ублюдок, подумала она, следуя за отцом.

— Садись, — велел он, махнув в сторону стола.

Принужденно сев, она, пытаясь успокоиться, взглянула в окно и увидела вдали море, подернутое дымкой тумана, словно мягкий белый луч под ярко–голубым небом.

Вынув из ящика какие–то бумаги, Готтбаум подошел к ней, взирая на нее сверху вниз.

— Любуешься пейзажем?

Теперь, когда она снова повиновалась ему, он выглядел слегка душевнее.

— Очень мило.

— Но, наверное, навевает кое–какие неприятные ассоциации?

Он, как и вчера, продолжал вытаскивать на свет божий темы, которых они обычно не обсуждали. Что это — раздача долгов перед лицом смерти?

— Да, эти места напоминают о некоторых неприятных вещах, — осторожно, опасаясь ловушки, ответила она. — Вы с мамой, постоянно скандалящие, и… прочее, о чем я стараюсь не вспоминать.

Он кивнул.

— Итак, я вижу, что тебя, единственную мою наследницу, не интересует наследование данного земельного участка с прилежащими к нему конструкциями?

Ну отчего он не может говорить, как все нормальные люди? Зачем говорить «конструкции», когда всякий другой сказал бы просто «дом»? Только после этой мысли она уловила смысл его слов.

— То есть, ты вычеркнул меня из завещания?

Она готова была рассмеяться. Неужели он беспокоился лишь из–за этого?

— Я хочу основать в куполе образовательный трест, — очень серьезно объяснил отец. — Ежегодно будет проводиться отбор самых способных студентов, каковые будут приглашены сюда для продолжения своей работы в уединении, необходимом для серьезных занятий. Назови это, если желаешь, стариковским честолюбием, но я хочу, чтобы после моей смерти мое имя носило что–нибудь полезное.

Она медленно кивнула. Это объясняло все.

— Ну, если ты так хочешь… Что ж, купол — твой, и ты

можешь делать с ним что угодно. Честно говоря, я вообще не рассчитывала на твое наследство.

— Ты получишь кое–какие деньги. Итак, из твоих слов следует, что ты не откажешься подписать этот документ. — Он положил перед ней бумаги. — Вот документ об отказе, подтверждающий, что ты осведомлена о моих намерениях, находишь их приемлемыми, завещание мое прочла и не станешь его оспаривать.

Она взглянула в бумаги и подняла взгляд на отца. На лице его, как всегда, безмятежность — регулирующаяся и регулируемая… О чем он думает? Правду ли говорит? Она представила себе его мозг, щелкающий и бибикающий, словно компьютеры старых голливудских фильмов.

— Я бы в любом случае не стала ничего опротестовывать. Из–за чего было столько шума подымать?

Придвинув к столу кресло, он сел напротив и подался вперед, словно старался создать возможно более доверительную обстановку.

— Дорогая моя, теперь я не так богат, как ранее. Большая часть моих накоплений истрачена. В случае возникновения имущественного спора на оплату юристов может пойти столько, что всю собственность придется распродать. Понимаешь?

Да, она понимала. Даже после его смерти все должно быть по его. А что, было бы только справедливо отказать ему в последней, предсмертной воле… Хотя от одной мысли об этом в животе снова неприятно екнуло.

Потянувшись через стол, он перевернул страницу.

— Вот, видишь, пятьдесят тысяч новыми. Твоя доля в наличных и вложениях. Я позаботился о тебе, Юми. Я прошу от тебя лишь согласия, что я волен распорядиться куполом, как пожелаю. Он вложил в ее руку ручку. — Подпиши здесь, внизу.

Секунду она сидела неподвижно, представляя, как встанет сейчас, да скажет «нет». Лицо его побледнеет — она помнила такое. Ему уже за восемьдесят, но он, несомненно, может впасть в ярость… Она прикрыла глаза, пытаясь совладать с потоком хлынувшего в кровь адреналина. А правда; может, взять да оказать — просто так, назло? Устояв перед всеми аргументами, угрозами и упреками, что последуют за этим? У нее теперь своя жизнь, те схватки канули в прошлое и… если у нее есть хоть грамм здравого смысла, она не станет возвращать их к жизни.

Глубоко вздохнув, она сосредоточилась на лежавшем перед ней листке и поставила свою подпись.

— Еще один экземпляр. — Он придвинул к ней копию.

Она подписала и копию, и отец забрал бумаги и ручку.

— Сегодня придет делать уборку миссис Райт; она это засвидетельствует. — Он подарил Юми одну из редчайших своих улыбок. — Благодарю тебя.

Она почувствовала, что доставила ему удовольствие. А надо ли было подписывать? Нет, что теперь думать — только расстраиваться зря.

— Теперь я могу позавтракать? — спросила она, чувствуя, что совершенно опустошена.

— Конечно, конечно.

Он устранился: она больше не интересна ему, следовательно, может делать, что пожелает.

— Но ты… когда ты говорил о завещании, то говорил так, точно собираешься умереть уже завтра.

Сложив бумаги в несгораемый сейф в бетонной опоре северной стороны, он захлопнул дверцу.

— Не завтра, — ответил он, набирая шифр, но очень скоро.

Внезапно ей захотелось плакать. Она убежала в кухню, проклиная свои эмоции, никогда не поддававшиеся контролю при отце. Вынув из холодильника пару яиц, она разбила их в чашку, пролив немного белка на стол.

— Не понимаю, сказала она, взбивая яйца найденной вилкой. — Ведь могут существовать новые методики лечения рака, о которых ты даже не слышал. Почему ты сдаешься и признаешь, что тебе конец?

Он подошел и стал в дверях.

— Кажется, эта тема расстраивает тебя.

— Конечно, расстраивает! — Юми включила электроплитку, нашла сковороду и вылила на нее яйца. — Ты запланировал свою смерть, как… Новую стадию исследований или что–нибудь еще в этом роде! Ну, как ты можешь?!

Он слабо улыбнулся.

— Видишь ли, я не думаю, что это — окончательно. У меня есть контракт с «Крайоник Лайф Системс», я регулярно общаюсь с моими друзьями оттуда. За последние два десятилетия технология существенно продвинулась вперед, и мне шепнули по секрету, что меня можно заморозить с минимальными повреждениями тканей. Лет через пять — или около того нанотехнология, я уверен, продвинется достаточно, чтобы оживить меня и вылечить.

Интересно, он поэтому пожелал организовать в куполе образовательный трест? И снова, когда «вернется», сможет вступить во владение? Она яростно встряхнула сковороду.

— Помню. Ты говорил об этой чепухе — заморозиться и убежать от смерти. Мне следовало бы понять, что ты

действительно веришь в это.

— Да, — согласился он. — Следовало бы.

Юми приказала себе сохранять спокойствие. Она смотрела в окно, на деревья, однако сосредоточиться на них не могла. Тогда она повернулась к отцу.

— И что же? Ты хочешь, чтобы твои друзья–крионики заморозили тебя живьем?!

— Юми, ты же понимаешь, они не имеют права. — Он помолчал. — Яичница пригорает.

— Спасибо. — Она раздраженно вырубила плиту и спихнула сковороду с конфорки.

— В понедельник, — продолжал отец, — я лягу в больницу. Там — откажусь принимать пищу и питье. И, таким образом, умру от обезвоживания дня через три. Процедура пренеприятнейшая, но мне дадут морфий. Едва исчезнут признаки жизни, ребята–крионики возьмут дело в свои руки.

— В понедельник? То есть, послезавтра? — Она отступила назад, невольно коснувшись пальцами горла. — В жизни не слышала ничего хладнокровнее…

— Юми, — развел руками отец, — это только рационально. Как следует организовав свою смерть, я вполне могу быть уверен, что сумею вернуться. В течение следующих пятидесяти лет мы можем достичь бессмертия.

— Но заморить себя голодом…

— Иначе проведут вскрытие и повредят мозг. Замысел, Юми, в том, чтобы организовать все поскорей и избежать таким образом дальнейших повреждений мозга — от рака ли, от чего другого… Или — от кого…

Глядя на него расширившимися зрачками, Юми понемногу овладевала собой.

— Ты прав. Конечно. Ты, как всегда, прав. Логика безупречная. Лет через пятьдесят вернешься и начнешь все сначала. — Глаза ее закатились. — Извини, мне нужно выйти.

Он молча проводил ее взглядом. Она, пронесшись мимо него, рывком распахнула двери и выбежала под палящие лучи солнца. Ноги ее путались в высокой траве. Она глубоко задышала, вбирая в себя чистый воздух.

Отойдя от купола, она села на склоне холма и устремила взгляд вдаль.

Из дома донесся какой–то звук. Звонил телефон. Номер купола Готтбаума был известен немногим; если кто–то звонил, значит, по важному делу. Если так, он займется разговором и оставит ее в покое.

Она упала на спину, в траву, ощущая кожей шероховатость

земли, и взглянула вверх, в ровно–голубую чашу небес.

Из купола донесся голос отца:

— Возможно, Джереми, это просто случай. Но я согласен: все–таки лучше, сверить его данные с документацией в Сан–Диего. Нельзя допускать ни малейшей вероятности…

Вероятность — вот чего он больше всего не любил. Неопределенность. Фактор случайности. Человеческие ошибки. Людей, действующих, не думая. Эмоциональных женщин. Престарелых животных. Маленьких детей.

Она смежила веки и яркая голубизна неба сменилась густо–красной пеленой. Обхватив свои плечи руками, она наслаждалась ласковыми лучами солнца. Внезапно она осознала, что, вполне возможно, будет еще жива, когда отца разморозят и оживят. Что же беспокоит больше: неизбежность его смерти или же возможность непостоянства оной?

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ

Розалинда въехала в Сан–Педро. Вдоль дороги потянулись вереницы заброшенных магазинов, бесхозных бензоколонок, домов, разграбленных и оставленных многие годы тому назад. Рядом с ней сидел Портер, Фосс с Баттеруортом — позади. Свернув с Пасифак–Авеню направо, она направила машину в холмы, окружавшие город.

Вот впереди появилась высокая ограда из проволоки, обросшей бахромой ржавчины, протянутой меж двадцатифутовых столбов. Ворота давно были сняты, единственной преградой для желающего войти были переплетения растительности, заполонившей всю улицу.

Тридцать лет назад, когда ретровирус СПИДа мутировал, и массовая истерия вынудила правительство поспешить с крутыми и решительными мерами, этот район был переделан в лагерь для интернированных. Те времена уже почти забылись, но район так и остался «язвой на теле города». К тому же, в свете отрицательного прироста населения, никто не чувствовал необходимости селиться в домах, наводненных призраками канувшей в Лету чумы.

На окраины безлюдного города переселилась горстка художников, писателей и просто «отбросов общества» — дома здесь можно было брать бесплатно, а влияние правительства фактически не ощущалось. А дальше, в глубину, без хозяев пустовали тысячи и тысячи домов, разрушающихся понемногу от подземных толчков, служащих пищей термитам, гниющих и медленно оседающих под собственной тяжестью.

Машина медленно катила по заросшей улице, переваливая через жгуты стеблей плюща, продираясь сквозь спутанную траву и

куманику, поднимая в воздух тучи насекомых. Через пару кварталов Розалинда притормозила и посмотрела в зеркало заднего вида. Как всегда, человечьим духом в этих краях и не пахло. Развернувшись, она поехала по заросшей подъездной дорожке к дому — с виду такому же заброшенному, как и соседние, и остановила машину так, чтобы от посторонних глаз ее скрывали свисающие ветви инжирного дерева.

— Знаете, — сказала она, — Я даже не помню, когда мы в последний раз ездили сюда днем.

Фосс сзади хмыкнул:

— Ты ведь полагаешь, что нам надо работать, работать и еще раз работать. По–твоему, если мы уходим домой до полуночи, нам живется слишком легко.

— Нет, Ганс, — улыбнулась Розалинда. — Я так не считаю.

Она распахнула дверцу. В воздухе стоял запах пышной листвы и диких цветов. Пели птицы, легкий бриз шевелил кудзу, заполонившую лужайку перед домом. Вдали, на фоне океана, виднелся смутный серый силуэт Каталина–Айленд.

— Думаю, мы заслужили отдых, — продолжала она. — Одна беда: я, кажется, разучилась отдыхать. То есть, после прошедших десяти лет это, словно… словно психологический вакуум. Не пустое пространство — пустое время.

— В дзене различают состояние, именуемое «дхьяна», — сообщил долговязый Баттеруорт, выбираясь с заднего сиденья.

— Да неужели? — Розалинда кисло взглянула на него. Майкл, ты собираешься подробно разъяснять нам его суть?

— Объяснять? — Он одарил ее слабой, иронической улыбкой. — Я могу рассказать, как достичь его. Хотя тебе наверняка не понравится. Для этого нужно стать мягче.

Фосс окинул их взглядом и ухмыльнулся.

— А приятно посмотреть, как вы оба стараетесь показать, что еще не разучились быть людьми.

Розалинда рассмеялась. Ей было хорошо. Она только сейчас осознала, сколь давно в последний раз имела возможность хоть на несколько минут бросить все, пошутить, расслабиться…

— А ты, Ганс, полагаешь, что я стала нелюдью?

Фосс напустил на себя шутливую серьезность:

— Мне, Розалинда, полагать — не по чину и не по характеру.

Выйдя из машины, она подошла к Портеру, копавшемуся в багажнике.

— Джереми! Выскажи свое непредвзятое мнение! Я, как начальник группы, не человечна?

Вынув из багажника алюминиевый кейс, Портер поставил его в высокую траву и призадумался, как обычно, подвергая вопрос

тщательному рассмотрению.

— Я бы сказал, что нет. Не человечна ты лишь в общении с ненашими.

— Например, с Хортоном, — заметил Баттеруорт. — Или с этим типом. Ревизором, которого он сегодня приводил.

— Ричард Уилсон?

Пробравшись сквозь траву и виноградник к парадной двери, Розалинда открыла ее и отключила обе системы сигнализации. По давней привычке она, прежде чем войти, быстро оглянулась, но вокруг по–прежнему было тихо: ни движения, ни пешеходов, которые могли бы наблюдать за ней или просто заметить.

— Возможно, я ему немного нагрубила, — сказала она подошедшим спутникам, входя в разрушенную прихожую с заляпанным грязью ковром и побуревшим от сырости стенами. — На самом деле он того не заслужил. Он не был так плох, как большинство ревизоров. Просто мне не хотелось, чтобы он был. Особенно сегодня.

Фосс, вошедший в дом последним, запер за собой дверь. Розалинда открыла бронированный люк, включила свет и пошла вниз по бетонным ступеням, ведущим в подвал. Прежний хозяин дома, очевидно, помешан был на безопасности: в подвале он оборудовал бомбоубежище. Стены, пол и потолок — из армированного бетона, с собственными аварийными генераторами, запасом очищенного воздуха, источником свежей воды и кругооборотной очистной системой.

Ныне убежище было наполнено электронным оборудованием. Именно здесь ночи напролет работал Портер. Фосс с Баттеруортом тоже держали здесь свое хозяйство: резонансную систему отображения нейронов, ультразвуковой сканер, сенсоры для отслеживания деятельности мозга и набор стандартных медсредств. Кое–что было куплено, кое–что украдено, кое–что сделано собственноручно, а кое–что добыто через Малую Азию, а все вкупе превзошло бы самые смелые мечты любого техномана.

Уложив алюминиевый кейс на табурет, Портер натянул антистатические перчатки и принялся бережно вынимать из него коммутирующие устройства. Баттеруорт занялся подключением нейросенсорного передатчика.

— Знаешь, ты права, — сказал он, имея в виду замечание Розалинды Френч, точно продолжал разговор, прерванный секунду назад. — Этот, сегодняшний, лучше многих ревизоров. Он вел себя не по–ревизорски.

Она, рассеянно кивнув, подключила свой РРВ к базе данных Портера и скопировала в нее полученные утром результаты. В ожидании завершения процедуры она поняла смысл слов

Баттеруорта.

— И все же он действительно был ревизором. Джереми проверял после его ухода. Верно, Джереми?

— Я созвонился с Лео, как ты просила, — кивнул тот. Лео сказал, что не следует допускать ни малейшей вероятности, и я проверил, числится ли в Сан–Диего Ричард Уилсон. Сделал выборку в директории отдела кадров. Он там числится, как функционирующий. — Он умолк, словно воспроизводя в памяти последовательность событий. — Да, — сказал он наконец. — Так все и было.

— Это я уже понял, — сказал Баттеруорт, неспешно продолжая свое дело. — Я и не сомневался, что в конторе «Норт–Индастриз» в Сан–Диего имеется ревизор Ричард Уилсон. Меня интересует, является ли Ричардом Уилсоном наш сегодняшний гость.

В подвале установилась тишина, нарушаемая лишь гудением и щелчками оборудования, да шепотом воздуха в вентиляторах. Наконец Розалинда рассеялась, но смех ее был вовсе не тем, каким наслаждалась она снаружи, во дворике: он звучал как–то вымученно.

— Майкл, ты порой бываешь сущим параноиком!

— Однако он прав, — сказал Фосс. — С этим Ричардом Уилсоном мы, не в пример прежним, прохлопали, потому что были счастливы от близкого завершения работы. Но теперь тем более не время для беспечности. Нельзя принимать все на веру.

Розалинда подошла к Портеру.

— Джереми, пожалуйста, соединись с комплексом в Лонг–Бич прямо сейчас. Проверь данные РРВ нашего гостя на сегодняшнее утро. Это следовало выяснить первым делом, и черт меня подери за то, что я до этого не додумалась. — Она оглянулась через плечо. — Спасибо, Майкл, что напомнил о лежащей на нас ответственности.

— Ладно; скорее всего, ничего особенного не случилось. Баттеруорт вскрыл упаковку со шприцами и принялся лениво укладывать их в шкафчик–аптечку. — Просто я полагаю, что нужно в этом убедиться. Так?

Портер установил коннект и начал набирать на клавиатуре пароли и коды допуска, подбираясь к секретной документации через «черный ход», давным–давно оборудованный им в системах оборонного подрядчика. На экране появился длинный список фамилий, Розалинда заглянула через плечо Портера.

— Не вижу никакого Уилсона. — В голосе ее зазвучало напряжение. Спокойно, сказала она себе. Посмотри хорошенько.

— Сейчас рассортирую. — Портер ввел команду, и фамилии

перестроились в алфавитном порядке. — Нет. Здесь нет Ричарда Уилсона.

Розалинда заставила себя сделать медленный, глубокий вдох.

— Давай убедимся, что не вышло ошибки. Это — точно полный список сегодняшних посетителей комплекса? Включая сотрудников прочих составляющих «Норт–Индастриз»?

— Да, — сказал Портер. Пальцы его нервно подрагивали на клавиатуре. Он моргнул, глядя на Розалинду сквозь толстенные линзы. — Что еще сделать?

На секунду в подвале воцарилась тревожное молчание.

— Выясни, где они работают. Найди их личные дела.

Портер подумал.

— Ну да, это можно. Это фиксируют у главных ворот.

Он ввел еще команду. Экран очистился и снова заполнился текстом.

— Вот! — Розалинда ткнула в стекло. — Смотри: ФБР, отдел технологических преступлений, Джеймс Бейли.

Баттеруорт осторожно уложил на место очередной шприц и спросил:

— Это — хохма, или как?

— Может, просто совпадение? — предположил Фосс. — Без всякой связи с нами?

— Выясним, — сказала Розалинда. — Джереми, можешь достать его фото? Входящих не снимают?

— Снимают, но этот файл обычно в системе не держат. Зачем? Просто кладут плату ОЗУ в ящичек стола, и все.

— Ладно. Давай посмотрим; может зафиксирован предварительный телефонный звонок Бейли?

Портер уставился поверх экрана в бетонную стену. Розалинда знала, что он едва слышит ее; ответ его был лишь вопросом времени. (Ответа его просто надо было подождать). Но, когда секунды тянутся бесконечно долго, трудно быть терпеливой.

— Связь, которую хранят доступно для меня, это то, что передано по факсу, секретным порядком, — наконец сказал Портер. — Что–нибудь зашифрованное.

— Если НИ связались с ФБР, — сказала Розалинда, — так скорее всего и есть.

— Посмотрю, что тут можно сделать, — неуверенно сказал Портер. — Несколько лет назад я малость сунул нос в главные архивы. Думаю, я вспомню, как добраться до них с remote terminal. Но ведь есть еще уйма других факсошифровальных систем, а данные в больших хранилищах не индексированы. Просто одна большая holding area, вроде dumpster, где свалена ерунда слишком незначительная, чтобы ее каталогизировать.

— Что ж, попробуй. — Она положила руки на его плечи и слегка сжала. — Начни с этого утра и отрабатывай назад.

Портер, не отвечая, застучал по клавишам. Вначале прошелся по своим файлам, отыскивая скопленные за многие годы программы «взломщики». Затем он выгрузил из архива НИ пучок данных и начал взламывать коды. Процесс был длительным; медленно протянулись полчаса, пока прочие члены группы смотрели на него в ожидании.

— Вот, — сказал он наконец. — Офис Бейли должны были запрашивать о подтверждении личности перед его прибытием сегодня утром. Похоже, оттуда передали все его личное дело.

Розалинда, Фосс и Баттеруорт сгрудились вокруг, глядя на экран.

— Боже мой, — сказала Розалинда, — они же все переслали, так? — Она просмотрела текст. — Смотрите, смотрите. Приметы.

— Совпадают с нашим сегодняшним посетителем, — тихо сказал Фосс. Розалинда кивнула.

— Сомнений больше нет.

— А вот его последнее задание, — сказал Портер, дойдя до последней страницы. — Расследование изготовителя и поставщика электронных пистолетов, участвовавших в убийствах в Лос–Анджелесе, Калифорния, и в Лас–Вегасе, Невада.

Фосс тихо выругался.

— Но он не имел способа отследить цепочку к нам, сказала Розалинда. — Мы всегда были предельно осторожны. Даже Кан из Малой Азии не знал меня в лицо…

— Может, Бейли видел, как ты вчера входила к Кан, сказал Баттеруорт, — когда приносила ему новую партию пистолетов в обмен на модули, чтобы Хортон от нас отвязался.

— Нет. — Она покачала головой. — Он не мог узнать меня — я была в маске. Полная маскировка.

— Может, они нашли способ против такой маскировки…

Розалинда онемела. Она вспомнила, как споткнулась с другим человеком в маске, выронила чемодан, увидела его раскрывшимся на тротуаре…

— Еще спасибо, — сказал Фосс, — что этот тип интересуется только несколькими незаконными пушками. И не знает ничего о нашей настоящей цели.

Розалинда встала и начала шагать из одного конца подвала в другой.

— Но он был слишком любопытен. Он — не помпезный осел типа Хортона. Как он все осматривал, он мог бы догадаться, что тут — нечто большее. А с другой стороны, зачем людям нашего ранга рисковать, продавая оружие на улицы? Но все равно, если он начал расследование, допуск у нас отберут. И в лабораторию больше не пустят. — Она бросилась к Портеру. — Мы должны выяснить, как много он уже знает («отдедуцировал»). Сможешь забраться в базу данных ФБР и посмотреть, не оставил ли он рапорта?

Портер уставился на нее, точно пытался понять, о чем это она.

— Что?

Ее лицо побледнело. Мысли будто неподконтрольно дребезжали в ее голове. Контролировать эмоции было почти невозможно, но пока она справлялась. Она всегда была стабилизирующим фактором в группе. Все — вольно ли, невольно — ориентировались по ней.

— Джереми, пожалуйста, обрати внимание. Это очень важно. Нам нужно забраться в архив ФБР.

Он покачал головой, тупо глядя на нее.

— Представления не имею, как это сделать.

Она сжала кулак.

— Тогда ты должен выяснить, как.

— Розалинда, — Фосс положил ей руку на плечо. Успокойся, пожалуйста. Джереми только программист, а не волшебник или преступник. Архивы полиции должны быть изолированы, и очень

трудно — если вообще возможно состыковаться с ними снаружи.

Она вызверилась на Фосса, не сразу ухватив, что он сказал.

— Да. Да, наверное, ты прав. — Она прижала пальцы ко лбу. — И что же мы будем делать?

— Лучше еще раз позвонить Лео, — сказал Баттеруорт. Может, он что придумает. Вы же знаете, эти старики–шестидесятники выросли на борьбе с системой. Возможно, ему в его радикальные времена приходилось взламывать сети.

— Хорошо, — кивнула Роз. — Звони ему. Все равно нам нужно ему обо всем рассказать. Может быть, он знает способ, как это угадать. От всей души надеюсь, что знает. Я лично — не знаю, это точно.

ПРИГЛАШЕНИЕ (Invitation)

Документы в общих чертах складывались в следующую картину: целое новое поколение военной технологии, разума (intelligent), программирования массового производства с высшим качеством для снижения стоимости тренинга и развертывания регулярной армии. Дивизии будут поражать противника без необходимого присутствия на переднем крае человека. Медицинская служба и продснабжение отойдут в прошлое. Будут сбережены жизни и доллары, и беспорядочные мелкие конфликты будут улаживаться чисто, эффективно и просто.

Один в своем кабинете на 35–м этаже Федерал Билдинг, Бейли просматривал страницы мелкого шрифта, каждая украшена логограммой НИ и грифом «секретно». То была официальная история проекта «ЖС?», переданная по факсу из кабинета Эллиса Хортона менее часа назад. Чем больше он читал, тем меньше верил написанному.

Здесь и там среди технического жаргона он находил фрагменты конкретных данных, результатов опытов, упрятанные в сноски и приложения (разъяснения). В целом же цифры излагали очень противоречивую историю: проект якобы тыкался ощупью от одной ошибки к другой, даже близко не подходя к намеченным целям. «ЖС?» успешно воссоздал нейрональный ансамбль плоского червя, простейшего подопытного животного, но даже это крохотное достижение сопровождалось разными[?] «предварительная попытка», подразумевающими, что воссоздание все еще было полно «блошек».

Если так, спрашивал себя Бейли, почему проект до сих пор существует?

Фондирование содержалось в отдельной главке. Там он нашел несколько сокращений бюджета, особенно 10 лет назад, когда НИ перешла в собственность государства. Но все же какие–то деньги поступали и регулярно. Суммируя за 3 десятилетия,

«ЖС?» умудрился растратить 20 миллиардов $ новыми без единого существенного достижения, могущего оправдать хоть как–то его существование.

Бейли ошарашенно взирал в документ. Венцом всех прочих тайн оказалась еще одна, и грандиозная. Он повернулся к проигрывателю для микродисков. Раз он уже прослушал запись из лаборатории Р.Ф. Теперь же, прочтя историю «ЖС?», нуждался в повторном прослушивании. Он надел наушники и, сосредоточившись, закрыл глаза.

Вначале — тишина, затем скрежет и щелчок — это миниатюрный микрофон прикреплен к дверному окошку. Sensing–circuits скомпенсировали рассеяние от стеклянного листа, и стали слышны голоса: (came into focus):

— Только ревизии нам сейчас не хватало, — голос Розалинды Френч.

— Да, когда мы так близки к завершению. — Это сказал Ганс Фосс.

— А, вы же знаете, улита едет — когда–то будет. Пока они раскачаются, мы все закончим и слиняем (be done and gone). Лениво и лаконично; методом исключения — Майкл Баттеруорт.

— Майк, пожалуй, пр…

Шорох, скрежет, щелчок, и больше ничего.

Бейли снял наушники. 15 секунд разговора, но все ясно: Френч и ее ученые приготовились заканчивать. Потому, что их увольняют? Потому, что проект провалился? Нет, говорили с удовлетворением, точно все намеченное выполнено. В таком случае, что они знают такого, чего не знают их наниматели? Они что, придержали кое–какие результаты?

Если так, то как и зачем?

— Внутренняя почта, — раздалось с порога кабинета.

Он обернулся и увидел молодую женщину, подающую ему запечатанный пакет–для–доказательств (вещдокпакет) и чистый белый конверт. Он расписался в получении, взрезал пакет и осмотрел содержимое. Там был электронный пистолет вместе с кусочком нержавейки, взятой им утром с верстака Фосса.

Он вскрыл конверт. Там был рапорт в одну страницу от судебной лаборатории ФБР. На основании анализа кристаллической решетки (структуры) и следов примесей в кусочке металла и корпусе пистолета, два образца с вероятностью 99 % взяты от одного изначального куска.

Бейли потер виски. Образец металла он взял незаконно, то есть, строго говоря, это было краденное имущество, недопустимое в качестве улики. Хотя оно и подтверждало его личные подозрения: больше не было сомнений, откуда берутся

пистолеты. Будь это обычное, нормальное дело, теперь ему следовало бы получить ордер на обыск, приказать оборонным подрядчикам опечатать лабораторию и арестовать весь персонал «ЖС?».

Но, если он сейчас сделает так, Френч со товарищи отделаются относительно мягкими обвинениями: тайное изготовление и продажа нелегального оружия, ну а, возможно, кража собственности компании. После чего их выпустят под залог, и тогда они, если, как он подозревает, замешаны в чем посерьезнее, отлично могут скрыться.

В то же время Бейли могут назначить на другое дело, и он никогда ничего больше не узнает о «ЖС?». Возможно, и никто никогда не узнает, потому, что просто не будет знать, о чем спрашивать. Если НИ верят своим собственным негативным данным, оно может просто списать за ненадобностью все сразу, не потрудившись рассмотреть поближе.

Бейли медленно покачал головой. Он пройдет по намеченному для себя маршруту дальше и найдет кого–нибудь, кто ответит на некоторые вопросы.

Он встал и вышел из кабинета. Была пятница, приближался конец рабочего дня, но на его задумку времени вполне могло хватить.

Он прошел в другой конец коридора, вдоль цепочки кабинетов за ровной серой звуконепроницаемой перегородкой, где сидели люди и говорили в компьютеры, получали рапорты, систематизировали доказательства, готовили отчеты. Он остановился на пороге последнего кабинета и постучал костяшками по косяку (металлическому).

— Норм, — сказал он, — можно тебя на секунду?

Человек за столом был широкоплеч и тяжеловесен, с толстощеким лицом и редкими черными волосами, зачесанными назад. Он снял пиджак, расстегнул ворот рубашки, закатал рукава и возлежал в кресле с круассаном, посыпанным сахарной пудрой, в одной руке и пакетом кофе в другой.

— Джимми, — сказал он с широчайшей улыбкой, — заходи, заходи, бери стуло, садись до стола. Чего та там себе поделываешь?

Норм Харрис единственный во всем управлении называл Бейли «Джимми». Иметь с Харрисом дело было всегда тяжелым испытанием, но порой этого было не избежать. Этот тип был ходячим Rolodex: он всегда знал кого–то кто знал еще кого–то…

Бейли присел на краешек кресла напротив стола. Кабинет был футом больше, чем у кого–либо на 35–м этаже; почему — Бейли никак не мог докопаться. Лишнее пространство позволяло

Харрису завести лишнее кресло, для посетителей.

— Извини, что отвлекаю, Норм, но…

— Да брось, брось, ничего не отвлекаешь, у меня как раз праздник. Он улыбнулся еще шире, очевидно, ожидая, что Бейли спросит, по какому поводу.

— А по какому поводу, Норм?

— Только что дело закрыл. Суд этому типу дал 20 лет, без всяких досрочек. — Харрис счастливо рассмеялся.

Проявлять интерес Бейли нашел затруднительным. Сейчас его не интересовало ничто, кроме его текущего расследования. Но по опыту было известно: если хочешь чего–то от Харриса, изволь ему подыграть.

— Поздравляю, — сказал он. — А обвинение?

— Дача ложных показаний сотруднику ФБР. — Он подался вперед. — Понимаешь, это был один из моих же голубчиков. Только жадничать стал, вот и пришлось его малость проучить.

Харрис был bully (свиньей?). Он расточал улыбки, разыгрывал «друга» (из себя), никогда не забывал твоего имени, ставил выпивку, а после интересовался, как жена–детишки, но это вовсе не значило, что ты ему нравишься. Это значило, что он ждет какой–нибудь отдачи: слуха или личного секрета, который он сможет подшить в папочку «на всякую потребу». Еще маленьким, Бейли всегда попадался на удочки и бывал обманут подростками вроде Харриса. Пришлось научиться таких избегать.

— Так с чем пришел, Джимми? — Толстяк прикончил последний круассан и вытер пальцы бумажной салфеткой.

Бейли подавил отвращение от неизбежности просьбы о помощи.

— Я тут… ищу кое–кого. Имя — Лео Готтбаум. Живет, предположительно, где–то в Калифорнии, но где — неизвестно. Ни адреса ни фона в обычных базах данных нет. Он ученый–компьютерщик на пенсии. Он мог предпринять шаги для сокрытия своего местонахождения. Ты когда–нибудь слышал о нем?

— Готтбаум… — Харрис сощурился, смакуя фамилию, точно изысканный повар — новое блюдо. — Не–к.

— Он получил Нобелевскую премию, а работал на НИ, в Лонг–Бич.

— Значит, ты пришел ко мне в поисках телефонного номера, так?

Ты решил обратиться к Норму, уж он–то всегда знает кого–то, кто знает кого–то…

— Н–ну да.

Харрис опять разулыбался, точно наслаждаясь Бейли,

сидящим напротив.

— Джимми, я всегда рад помочь, чем могу. Я об этом позабочусь. Нет[?] проблем.

— Спасибо. — Бейли встал. — Мне…

— Я сам тебя найду.

— Спасибо, — еще раз сказал Бейли, уходя.

Вернувшись к себе, он сложил документы по «ЖС?» по порядку, скрепил в скоросшивателе и положил в портфель рядом с com–pad. После секундного колебания, сунул в портфель пистолет, кусочек металла и лабораторный отчет. Микродиск стер: запись была получена незаконно и, как таковая, могла стоить ему не меньше, чем подозреваемым.

Он разблокировал окно и немного посидел, глядя вниз. Белый обелиск мэрии возвышался в нескольких кварталах, отсюда выглядя, точно детская игрушка. Он подумал, не там ли сейчас Шерон, делающая свое интервью с членом муниципального совета. Хотел бы он видеть ее, а еще лучше, быть рядом. Встреча с Харрисом напомнила ему, насколько не в своей тарелке он иногда чувствует себя в бюро.

Еще новичком он принял приглашение Харриса зайти после работы с еще двумя приятелями в местный бар. Они ходили туда каждую пятницу, смотрели бейсбол, травили байки, громко смеялись, пили пиво, заигрывали с официантками, проделывали весь «малый джентльменский набор». Бейли все это смущало, и к концу вечера они начали подшучивать по этому поводу. Последовала пара несмешных шуток, намекающих, что он, как говорится, мужественный настоящий американский парень.

— Вот ты где, Джимми. (Уходишь, Джимми?)

Он быстро обернулся и увидел Харриса на пороге кабинета.

— Уже? — спросил он.

— Ага. Я добыл личный номер Готтбаума в его уединенной берлоге. Устраивает? — Он вытащил клочок бумаги.

— Ну спасибо. — Бейли протянул руку.

— Хотя, ежели подождать… — Харрис, ухмыльнувшись, спрятал руку с бумажкой за спину. — А что мне за это будет?

Бейли почувствовал прилив раздражения.

— Норм…

Харрис громко засмеялся и бросил бумажку на стол Бейли.

— Держи. Дарю. А получу с тебя позже.

Он многозначительно подмигнул Бейли и ушел.

Значит, он опять «задолжал» Харрису, и тот, несомненно, не позволит об этом забыть. Он сжимал и разжимал кулак, ища выход разочарованию. Однажды Харрис доведет его так, что он взаправду сделает ему нечто деструктивное. Может, быть,

вломится в его легендарную базу данных на стукачей, шлюх и собутыльников и устроит маленькую пакость. Переставит некоторые записи местами или засунет куда подальше. Просто взломать — это тривиально, пароль наверняка какой–нибудь тупой, вроде дня рождения Харриса или даже просто его имени. Скорее всего, Бейли справился бы за 10 мин. за чашкой кофе.

Конечно, это мелочность — размышлять о подобных вещах, но тем не менее это повышало настроение. Он взглянул на номер на клочке бумаги. Код 408, — значит, недалеко от Сан–Хосе. Он приказал фону соединить его.

— Готтбаум слушает, — ответил мужской голос.

— Доктор Лео Готтбаум?

— Именно он. С кем я говорю?

Бейли смолк, пытаясь восстановить свое обычное, организованное чувство целеустремленности.

— Это Ричард Уилсон, д–р Готтбаум. Я из НИ, отдел безопасности, в Сан–Диего. Мы проводим предварительную проверку проекта «ЖС?», и мне не совсем ясны кое–какие пункты в его прошлой истории. Поскольку вы столько лет возглавляли этот проект, я решил, что нужно позвонить вам.

Несколько секунд на линии было тихо.

— Что вы хотели бы знать? — Тон Готтбаума сменился, он не говорил больше с прежней бесцеремонностью.

— Ну, — сказал Бейли, — у меня здесь общий обзор проекта, но, положа руку на сердце, д–р Готтбаум, мне не ясно, что же конкретно было достигнуто. Я думал…

— Могу я внести предложение? — перебил Готтбаум. Мне сейчас не слишком удобно беседовать, но завтра у меня просто бездна свободного времени. Не изволите ли вы приехать ко мне? Много гостей у меня не бывает, а поговорить о «ЖС?» я буду только рад. Он — работа, которая всегда дорога была моему сердцу и, могу вас заверить, существуют весомейшие причины для ее продолжения, и я могу их продемонстрировать при личной встрече. К тому же, поездка, скорее всего, доставит вам удовольствие; здесь — одно из самых неиспорченных мест на побережье. Просто исключительно.

Бейли секунду подумал.

— Завтра суббота, — сказал он. А что у него на завтра запланировано? Ага, с Шерон по магазинам, за новыми шторами для гостиной…

— Я знаю, выходной, — сказал Готтбаум. — Вот почему я подумал, что вы, возможно, с удовольствием выберетесь за город.

Бейли принял решение.

— Хорошо.

— Вот и прекрасно. — В голосе его появился намек на нотку удовлетворения. — Передать вам план, как до меня добраться?

— Нет, — быстро сказал Бейли. — У нас тут проблемы с data lines. Скажите, как найти вас, а я запишу.

Готтбаум объяснил, куда ехать, и добавил номер путеискателя, по которому Бейли следовало позвонить, когда будет в пределах.

— В любое время после полудня, — сказал он. — Рад буду нашему знакомству, м–р Уилсон.

Бейли дал отбой. С минуту он сидел, не двигаясь, проигрывая беседу в голове. Приглашение Готтбаума было неожиданным, но ученому на пенсии, живущему в уединении, вполне может захотеться однажды в кои–то веки принять гостя. Естественно и то, что он хочет поговорить о проекте, который так много для него значит, особенно имея возможность спасти его от сворачивания.

Осторожно, Бейли, позволил себе немного удовлетворения. Даже воспоминания о Норме Харрисе больше не раздражали его. Он сгреб портфель и вышел.

ДУМАЮЩИЕ МАШИНЫ. (Thihking Mashines)

Вечером он сидел на табурете, превратив кухонный стол в верстак, и проверял детали от Говорящего Тедди. По другую сторону стола, в гостиной, он видел Шерон, смотрящую стенной экран, сидя с Дэймоном на кушетке.

Вот, крупным планом, anchorman[?].

— Обозленные демонстранты у мэрии сегодня потребовали отставки члена муниципального совета Макса Дэниэлса, поминая об его участии в прошлом месяце в тайной продаже загрязненной питьевой воды проживающим по всей долине Сан–Фернандо. С подробностями — Шерон Блейк, репортаж из мэрии.

И тут на экране появилась Шерон собственной персоной, в натуральную величину; позади — скандирующие демонстранты с лозунгами.

— Мама! — завопил Дэймон. — Мама в телевизоре!

Бейли посмотрел на теле–Шерон, дававшую оценку скандалу. Затем последовала врезка с обвиняемым представителем мун. совета, неспокойно все опровергавшего.

— Будет ли Дэниэлс вызван в качестве свидетеля, пока неизвестно, — резюмировала TV–Шерон. — Но обозреватели уверены, что этот в высшей степени смущающий скандал несколько повредит его шансам на перевыборах.

Она спрыгнула с кушетки и прошла в кухню.

— Ну как? Хорошо смотрится?

— Вполне профессионально. — Он притянул ее ближе обнял.

— И ты горд, что женат на очаровательном TV–репортере?

— Я… я просто подавлен. И восхищен. — Это было правдой.

— А Говорящий Тедди? — спросил Дэймон, подозрительно глядя на них с порога.

Бейли отстранился от жены.

— Наверное, не стоит забывать об очередности. — Он повернулся к Дэймону. — Думаю, я его починю.

Он состыковал половинки медвежачьего тела, сложил их вместе, проверил подгонку, и сжал, включая.

— Привет, Дэймон, — сказал Говорящий Тедди. — Как поживаешь?

— Ура! — Дэймон прекратил дуться, побежал вперед, потянувшись за медвежонком.

Бейли отдал ему игрушку.

— Просто пропал (отошел) контакт с главной панелью (main board).

— Рассказать тебе сказку? — спросил Говорящий Тедди.

— Да. — сказал Дэймон, унося его обратно в гостиную. Только не опять про «Три медведя».

— А если про «Красную шапочку»? (Little Red Riding Hood).

— Ладно, давайте–ка оба в кровать, — сказала Шерон и взглянула на Бейли. — Ты завел будильник?

Он кивнул.

— Говорящий Тедди начнет в 8–00 колыбельную, а потом заткнется до самого утра.

Позже, сидя с ней на кушетке, он описал свой визит в НИ, историю проекта «ЖС?», присланную ему, фрагмент записанной беседы и телефонный звонок к Готтбауму.

— Ты правда думаешь, что происходит нечто значительное? — спросила она, когда он закончил.

— Да.

Она подтянула колени к подбородку, обхватила ноги руками и вопросительно взглянула на него.

— Но почему этот старичок обязательно должен что–то знать?

— Может, и не знает. Но это единственная нить, которую я пока пропустил. (оставил). И, похоже, он вполне готов говорить. Вероятно, он расскажет мне, как «Жизнь–суть?..» снова сделает нашу страну великой. К несомненной выгоде всего человечества.

Она проницательно посмотрела на него.

— Ты, конечно, не думаешь, что проект это сможет.

Бейли сбросил туфли и водрузил ноги на кофейный столик.

— Давай разберемся. Представим себе на минуту, что сей совершенно никчемный с виду проект действительно даст–таки

то, чего от него ждут. То бишь — мыслящую машину.

— Мыслящие машины уже есть, — возразила она.

— Ничего подобного. Это пока что вроде [?] святого [?]. Есть «целевые» компьютеры, способные просто замечательно выполнять что–то одно; например, манипулировать «кусочками мозаики» в системе DVI, создавая 3–х мерный ландшафт, по которому можно погулять. Либо это многоцелевые машины, способные ПОДРАЖАТЬ разумному поведению, как Говорящий Тедди. Но это просто набор заранее запрограммированных реакций. Систем, способных мыслить (в широком смысле этого слова), пользоваться здравым смыслом, делать выводы, принимать решения в условиях реального мира, не существует.

Она обмыслила услышанное.

— Тогда, наверное, имеет смысл пойти по стопам матушки–природы.

— Конечно, проект обоснован (имеет под собой основание), однако сложность задачи почти невообразима. Хотя, тут еще такое дело, что всякая там биологистика[?] за последние 30 лет здорово шагнула вперед, и существует кое–что получше чем «Жизнь–суть?..». Для военного, конечно, применения.

Как состыковать квантово–электронные устройства с отдельными нервами, наши ученые уже знают. Через пару лет они смогут, взяв собачий мозг; сделать так, чтобы он управлял чем угодно: роботом, ракетопланом, танком… Правда, мозг состарится, но тогда его можно отсоединить, выбросить и подсоединить новый. Недостатка в собаках пока не ощущается; вдобавок, они дешевле и заменяются куда легче, чем всякая компьютерная экзотика со сложным программным обеспечением.

— Угу, — сказала Шерон.

— Согласен, отвратительно это все выглядит, но, судя по всему, к этому идет. Итак, ежели помыслить логически, «Жизнь–суть?..» надобно бы закрыть. Пусть даже он дает результаты — этот проект непригоден для того, что у них на уме. А он еще и результатов не дает. И может никогда не дать. — Он в раздражении покачал головой. — Он стоит миллиарды и миллиарды из народных денег. И — для чего? Да ни для чего!

— Вот и расспросишь его об этом, — сказала она, наклоняясь вперед, чтобы взъерошить его волосы. — А пока успокойся.

Только тут он понял, что в возбуждении, повысил голос чуть ли не до крика.

— Извини.

— Единственное, что меня смущает, — продолжила она, это твоя легенда. В смысле, Готтбауму очень уж легко ее проверить. Всего лишь позвонить в отдел безопасности «Норд–Индастриз» и

попросить к телефону Ричарда Уилсона.

Он некоторое время помолчал, сосредоточившись на ее словах.

— Да, ты права, но, по–моему, все выглядит следующим образом. Во–первых, у Готтбаума слишком мало было времени, чтобы куда–то звонить: я говорил с ним сегодня — то бишь в пятницу — вечером. Во–вторых, если уж он решится куда–то звонить, то скорее позвонит своему бывшему коллеге Хортону и спросит, в чем дело, а тот поддержит мою легенду, иначе он уже выходит «чинящим препятствия следствию». В–третьих, если даже Готтбаум доищется, кто я такой, он все же так и так будет чувствовать меня вправе задавать вопросы. Единственное, что мне не нравится — он может сказать группе «Жизнь–суть?..», что ФБР ведет такое расследование, и тогда они могут принять меры к уничтожению каких–либо улик, или просто предпринять попытку к бегству. Но, я думаю, до этого уж не дойдет. Что бы там они ни натворили, они все же ученые, а не уголовники какие.

Она робко — тревожно взглянула на него, точно стесняясь своих собственных тревог.

— А ты думаешь, они не сделают чего–нибудь… более решительного, чтобы защититься?

— Это чего, например?

Голос ее дрогнул, снизился почти до шепота.

— Например… что–нибудь с тобой?

Между бровей ее появилась маленькая морщинка. (складка).

Он рассмеялся.

— Да что ж они, по–твоему, бандиты? Ты говоришь, точно в какой–то телепостановке…

Она вздохнула.

— Ладно; я знаю, что лишнее себе надумываю. А когда ты собираешься к этому Готтбауму?

— Он пригласил меня на завтра. В субботу.

— На завтра?.. Она подалась назад; тревога на ее лице сменилась досадой. — Джим, но ты…

— Я помню, помню… Шторы. Извини, Шерон, но тут дело поважнее штор. Правда. — Он смотрел на нее в надежде, что до спора не дойдет, и сейчас она скажет, что все понимает.

Наконец она пожала плечами; лицо ее приняло обычное выражение.

— Ну, что тебе сказать? (Ты мне все это объяснишь) Вспомни об этом, если я однажды поломаю твои планы. Если меня, например, поставят дежурить на выходных. — Она ткнула в него пальцем. — Хорошо?

— Хорошо. Обещаю.

Она поднялась и протянула руку.

— И все равно ты должен со мной помириться (поднять мне настроение; возместить…).

Он позволил стащить себя с дивана.

— И как же с тобой мириться?

Она склонила голову.

— Идем в спальню. Может, там мне придут в голову мысли повеселее.

Echoes ([?]) (Эхо)

Небольшой, извилистый хайдэй выписывал вавилоны между лесом и океаном: крутые склоны холмов были зелены от сосен, волны разбивались, накатывались на скалы, и в тучах брызг то тут то там возникала радуга. Воздух пах морской солью и сосновыми иглами. Сквозь гул двигателя и шуршание гравия под колесами Бейли слышал как перекликаются птицы и сверчки стрекочут в траве.

Небо было голубым, солнечный свет — ярким и теплым. Все было так замечательно, так убаюкивающе, что внушало безотчетное беспокойство.

Маленькую, темную каплю сомнения заронила в него Шерон. Когда он уходил из дома утром, она сказала, тревожно глядя на него:

— Будь осторожнее. Не нравится мне почему–то этот Готтбаум. Предрассудков у Бейли не было, — он малость поддразнил ее по поводу «мрачных знамений судьбы», но все же не мог полностью выкинуть из головы ее предостережение. На коротком прямом участке хайуэя он вытащил из портфеля compad, связался с автоответчиком своего фона и про(шел) к базе данных «общественность», («частные лица?»)

– [?]: Готтбаум, Лео, — он подиктовал по буквам. Послужной список — краткое описание личности.

На протяжении двух следующих миль compad изложил полученные данные. Большую часть послужного списка Бейли уже знал, а КОЛ содержало кое–какие сюрпризы. Готтбаум, очевидно, been a minor media personality (котировался невысоко?) в 1980–х и 90–х, выказывал радикальные взгляды и вызывал коллег доказать его неправоту. Он верил, что азиаты интеллигентнее белых, а белые посмышленее черных, и заявлял, что берется это доказать. Он желал полного прекращения правительственного контроля над научными исследованиями. Он пытался давить на конгресс, чтобы был снят контроль с экспериментов с рекомбинантными[?] ДНК. Он защитил идею одностороннего ядерного разоружения, но был уверен, что всякий, достигший 18–ти, должен быть обучен обращению с обычным оружием. Средства массовой информации

брали у него интервью и приглашали за различные «круглые столы» пожалуй, больше для потехи многоуважаемой публики но в конце концов он слишком уж обидел кого–то из спонсоров, и его перестали приглашать.

Затем, уже в 21–м веке, он вдруг сделал резкий поворот на 180о и превратился в сущего отшельника. Он пожаловался, что среди средних американцев наблюдается явный упадок разума и амбиций, и сказал, что ему отвратителен тот вид заботы, какого народ хочет от правительства. В последней своей пресс–конференции он объявил, что остаток жизни намерен посвятить чистой науке и ничего не желает более иметь с общественностью.

Вот что за господин пригласил Бейли нанести ему дружеский визит.

Дорога отвернула от океана и пошла через маленький заброшенный город; окна заколочены, краска облупилась, палисадники заросли сорной травой по пояс в высоту. 30 лет назад эта часть побережья кормилась за счет туризма, но подъем цен на топливо и снижение рождаемости это прекратили. Когда дорога вновь свернула к океану, Бейли уже подумывал, сможет ли где–нибудь по пути поесть и заправить машину.

Наконец он подъехал к универсальному магазину самостроенной фанерной хибаре с двумя ржавыми бензонасосами снаружи, Texaco signs выгорели до розового. Стародревний «додж» — фургон стоял неподалеку, под деревьями — борта разрисованы сердцами, кинжалами и молниями, задний бампер подвязан куском старого, посеревшего нейлонового троса, на заднем стекле — наклейка, облохматившаяся по краям: Ван Хален жив!

Бейли остановил машину и вошел в магазин. Заведение было битком набито припасами: замороженная пища, мешки с рисом, автозапчасти, снаряжение для пешего туризма на все сезоны, ящики с патронами. Старый человек в черной майке с отодранными рукавами стоял у кассы, прислонясь к стене, и курил сигарету. Толстое «пивное» брюхо, длинные, прямые, седые волосы заброшены назад, за спину, лет — с виду — этак около 70–ти, на лице — следы солнца, возраста и злоупотребления наркотиками.

Бейли взял две домодельных упаковки с закусками из фризера с треснутой стеклянной дверцей и положил их на прилавок.

— A fuel cells (аккумуляторы) у вас есть?

Человек у кассы кивнул, бросил сигарету и затоптал ее.

— Не шибко–то их спрашивают, но у нас есть.

Он нагнулся, порылся за прилавком, выволок (ячейку?) и

взвалил [?] груз на плечо, отказавшись от предложенной Бейли помощи.

— Я покамест в форме. — Он ухмыльнулся, обнажив гнилые зубы.

Снаружи он положил ячейку наземь, открыл капот машины Бейли и вытащил старую.

— Наши–то, здешние, до сих пор все больше на бензине ездят. — Он поставил в гнездо новую ячейку, вскрыл пломбу федеральной инспекции и подключил контакты к гнездам. — Я бы сам с этой электроникой шерудил[?], только нам тут самим перезарядку не разрешают — мол, с правилами безопасности не ознакомлены. Веришь, нет — приходится эти штуки в Сан–Хосе посылать. — Он покачал головой. — Мы уж со стороны нефтяных компаний всякого свинства насмотрелись, но эти…

— Я ищу человека, живущего в здешних местах, — перебил его Бейли. — Лео Готтбаума.

— А, Готтбаума, — он кивнул. — Ну да. Это еще через полмили будет грунтовка; pathfinder у тебя в машине есть вот там как раз будет в радиусе Готтбаумова маячка[?].

Ты только скажешь: «Скотти, выдай лучик». — Он коротко заржал.

Бейли не понял юмора, но разъяснений просить не стал.

— Спасибо вам за помощь, — сказал он, желая поскорее отправиться в путь. Было в этом месте что–то нездоровое. Не просто «почвеннический» примитивизм, но — явственная атмосфера потерянности, провала и нищеты; замирающего отголоска прошедшего века.

ПРОРОК (Prophet)

Добравшись до грунтовки, он набрал номер, данный ему Готтбаумом. Pathfindera экран ярко высветил маршрут; мигающий курсор указывал путь.

Вскоре Бейли обнаружил, что едет по крутому подъему сквозь тоннель из зелени. Из–под колес разбегались маленькие зверушки; где–то неподалеку журчал ручей. Вокруг царили такой покой и простота, что он чувствовал себя, точно пилигрим, заново открывший Эдем.

Он миновал шеренгу почтовых ящиков, повернул раз, другой, и увидел впереди купол. Но, по пути через [?] наметанный глаз его отметил приземистые бетонные столбы меж деревьев и камеры, отслеживавшие его путь. Колеса загрохотали по решетке; взглянув вниз, он увидел, что решетка закрывала глубокую бетонированную траншею (и м.б. убрана).

Это для Эдема уж слишком. Чувствуя себя теперь скорее «бегущим кабаном» нежели пилигримом, он припарковал машину

на площадке, засыпанной гравием, и поставил на тормоз. Из раскрытого портфеля он отобрал то, что могло понадобиться: описание проекта «ЖС?», и свой compad с еще не стертой биографией Готтбаума. Все остальное, относившееся к расследованию, — особенно электронный пистолет — лучше было оставить в машине. Он закрыл портфель, запер на замок и поставил на пол.

Выбравшись из машины, он немного постоял, прикрывая глаза от полуденного солнца. Теплый бриз ерошил высокую траву. За деревьями, окаймлявшими холм, вдалеке и внизу, темнели на мутно–голубом полумесяце моря темные штришки парусных яхт.

— Это вы — Уилсон?

Обернувшись на голос, Бейли увидел седого человека, стоявшего в дверях купола.

— Д–р Готтбаум?

Готтбаум шагнул наружу и дверь мягко затворилась за ним. Подойдя к Бейли, он коротко и небрежно пожал его руку, очевидно, не придавая много значения формальной вежливости.

— Я как раз вышел сделать кое–что по хозяйству, — сказал он. — Это займет не более 10 минут. Идемте.

Бейли кивнул. Бесцеремонность хозяина несколько покоробила его. Несмотря на возраст, Готтбаум держался прямо и двигался проворно. От глаз его, казалось, мало что могло ускользнуть; в них был угрюмый непокой, еще подчеркнутый резкими чертами лица, неулыбчивого и строгого. Он шел в обход купола, а Бейли поспевал за ним.

— Итак, вы здесь, чтобы задать мне несколько вопросов.

Голос его звучал по–деловому бесстрастно. Бейли доводилось общаться с corporate CEOs и правительственными чиновниками высших рангов, те говорили точно так же: сразу к делу, точно дело — это все для них, а личности не имеют ровно никакого значения.

И, ежели уж он хочет расколоть Готтбаума, надо установить нечто вроде связи с ним.

— Верно, у меня есть несколько вопросов к вам, — сказал он. — Но было бы также хорошо, если бы мы просто сели и немного побеседовали. — Он постарался, чтобы слова его прозвучали дружелюбно.

— Как пожелаете. — Готтбаум начал спускаться по южному склону холма, переставляя ноги тем более методически–аккуратно, чем круче становился склон. — Хотя, как мне это видится в настоящее время, вы желаете узнать 2 вещи. Во–первых, для чего проект «Жизнь–суть?..» финансировали в течении 30–лет

безо всякой видимой отдачи, и, во–вторых, отчего следует продолжать в том же духе и впредь. Верно?

Междометий и любезностей в словаре этого человека, очевидно, не было вовсе. К тому же он, похоже, взял беседу под свой контроль.

— На деле круг моих интересов не так жестко и узко ограничен, — сказал Бейли.

— Если я что–то упустил, то дополните меня. — Он добрался до края группы солнечных батарей — мозаика из черных панелей среди белой бетонной плоскости. Отперев дверцу высокого металлического ящичка, проверил какие–то цифровые показания (digital readouts) и продолжил свой путь к панели невдалеке от центра группы. — Проект «ЖС?..» до сих пор жив, сказал он, вынимая из кармана небольшую отвертку, — потому что во главе его мною поставлен правильный администратор. Он нагнулся, что–то регулируя в панелях. — Когда, что–то около 10 лет назад, «Норт–Индастриз» перешла к правительству, то меня «попросили» на пенсию. Мне, видите ли, как раз перевалило за семьдесят, и такова была федеральная политика. — Он кисло поморщился. — Работа моя осталась незавершенной, и я не хотел, чтобы она пропала даром. И я поставил Хортона надзирать за всем и вести дела с Пентагоном. У него там куча старых дружков и собутыльников, так они оказывают ему протекцию. Обычное бюрократическое дерьмо.

— Вы… очень прямо об этом всем, — сказал Бейли.

Готтбаум спрятал отвертку в карман и выпрямился. При этом он слегка коснулся спины; на лице его мелькнул проблеск неудовольствия, быстро, впрочем, сгладившийся. Бейли догадался, что он не слишком–то жалует проявления слабости, как собственные, так и чужие.

— Никогда не видел особого смысла переть напролом (прошибать лбом стены). Пустая трата времени. Кто называет вещи своими именами, тот оказывает тем самым уважение собеседнику, вы согласны?

— Конечно, — сказал Бейли, хотя ни слову не поверил. Именно Готтбаум отгородил от мира свое убежище бетонными башенками с дистанционно управляемым автоматическим оружием. Очевидно, что и открытость его должна быть жестко лимитирована.

— Энергия у вас — собственная? — спросил Бейли, кивнув на группу солнечных батарей.

— Здесь муниципальная линия, но на нее не стоит слишком полагаться. Я дополняю ее использованием ветряной и солнечной энергии. Геотермальный генератор у меня тоже есть — под

куполом; только в этом году установлен. Там шахта глубиной в 1000 футов. Я использую разницу температур на дне и наверху, чтобы вращалась турбина.

— Я знаком с этим принципом, — сказал Бейли.

— Техническое оборудование? — Готтбаум искоса оценивающе взглянул на него.

— В некотором роде.

Готтбаум хмыкнул.

— Что ж, Уилсон, очень любезно с вашей стороны посетить меня. От Сан–Диего, должно–быть, долгонько пришлось ехать… Вы ведь там живете?

— Да, в том районе.

Готтбаум слегка улыбнулся.

— Идемте же в дом.

Дверь, в ответ на прикосновение Готтбаума к сенсорной панели, мягко скользнула в сторону; и Бейли обнаружил себя в полукруглом жилом помещении — пол выложен плитами серого, шероховатого сланца, кресла «Old Bauhaus» — хром и кожа завалены подшивками научной периодики, стеллаж с широчайшими полками по пояс в высоту, огибающий купол по периметру, уставлен дорогущим оборудованием; черные металлические корпуса, дисплеи высокого разрешения, мерцают лампочки («включено»), тихонько гудят вентиляторы (охлаждающие). И еще оборудование — на полу, среди сплетения проводов…

Готтбаум, не останавливаясь, прошел к столику красного дерева, стоявшему у окна, открывавшего вид на лес и океан вдалеке. За столиком, погрузившись в чтение, сидела молодая женщина. Осознав присутствие рядом Готтбаума, она подняла взгляд — удивленно, неуверенно. Азиатская раскосость, скромный (demure) японский рот, но кожа почти так же светла, как и у самого Бейли…

— Моя дочь, Юми, — Готтбаум сопроводил представление небрежным, резким жестом. — Юми, это — человек из лаборатории; приехал для беседы со мной. — Он стоял над ней, явно ожидая ее ухода.

Бейли вдвинулся между ними.

— Добрый день, — сказал он. — Меня зовут Ричард Уилсон. Рад знакомству.

Она поднялась. Одета она была в белую «крестьянскую» блузу и рукодельную, до лодыжек длиной хлопчатобумажную юбку. Она рассеянно теребила ткань, и Бейли отметил, что ногти у нее обкусаны чуть ли не до мяса.

— Здравствуйте, — почти шепотом сказала она.

— Надеюсь, я не испортил вам день?

— Нет. Вовсе нет. — Она быстро взглянула на Готтбаума и снова перевела взгляд в сторону Бейли. — Если у вас что–нибудь не для посторонних, или…

— Да уж, Юми, прошу тебя. — Готтбаум сжал губы; судя по всему, он и не старался скрыть нетерпение.

— Возможно, мы еще увидимся, — сказал ей Бейли. Она как–то непонятно задевала (struck) его — не только ее скромно, по–детски, красивое лицо, но само ее присутствие. Она была застенчива, и, очевидно, во всем беспрекословно подчинялась отцу, но в то же время где–то обособлена, непоколебимо поддерживая это разделение (подчеркивая свою отделенность от отца?).

Она подобрала со стола пару бумажных тарелок и, низко склонив голову, вышла за дверь. Последовало краткое журчание воды, затем дверь закрылась, и наступила тишина.

Готтбаум указал Бейли на освободившееся кресло.

— Садитесь. Вы удовлетворены ответом на I вопрос?

Бейли сел в кресло, положив на стол перед собой компад и папку с описанием проекта. Хорошо бы Готтбаум перестал форсировать…

— Я так понимаю из вами сказанного, — ответил он, — у Хортона столько друзей в Пентагоне, что проекту и не нужно было давать за эти 30 лет какие–нибудь результаты. Знаете, что–то с трудом верится.

Старик без всякой веселости рассмеялся.

— Не нужно, Уилсон. Результаты — не надувательство. С самого начала тысячелетия упадок и экологические кризисы нашего века вновь вернули нас в годы Рузвельта. Bailouts and buyouts. Прогресс движется вперед в лучшем случае черепашьими шагами; надежды на будущее уменьшаются пропорционально. Частная индустрия больше нигде никакой роли не играет, и дело обороны — не исключение. Все вершит одна большая правительственная бюрократия, со всей бюрократической тупостью, и люди наподобие Хортона прекрасно умеют этим пользоваться.

Бейли неспешно кивнул, начиная наконец понимать, что же такое есть этот Готтбаум. Он побарабанил пальцами по компаду.

— Я по пути сюда навел кое–какие биографические справки, — сказал он, выбирая шрифт. Экран засветился. Вы не возражаете?

Готтбаум выжидательно пожал плечами.

Бейли вызвал на экран текст.

— Родились вы в 1950–м, стало быть, в 60–х были

тинэйджером… Студент–радикал?

— Нечто вроде, — буркнул Готтбаум, откидываясь на спинку кресла. — Ну, держались мы в [?] несколько дней, швырнули несколько булыжников да бутылок… Это имеет отношение к делу?

— Я только хочу получить полную картину, — сказал Бейли. — Видите ли, с точки зрения современности, для любого из моего поколения те времена — синоним анархии.

Глаза Готтбаума сузились.

— Не было никакой анархии. Было всего лишь немного больше свободы.

— Вот как? Что ж. После того, как вы — в 1975–м получили звание доктора [Ph.D]…

— Судя по всему, сейчас вы помянете мой компьютерный вирус.

— Именно так. Я знаю, что ваш вирус полностью вывел из строя сеть mainframes, какими тогда пользовались.

— Просто шалость, — сказал Готтбаум, уже несколько запальчиво. — Вирус ничего не повредил, не потер ни одного файла, не исказил никаких данных!

Сеть вполне можно было восстановить и запустить снова, если бы несколько [?] не запаниковали.

— Эта ваша шалость сегодня называлась бы государственным преступлением, — заметил Бейли. — Но в те времена, наверное, на было законов, предусматривающих такие вещи. Что ж, пойдемте дальше. В 1985–м вы открыли собственное дело микрокомпьютеры — и стали миллионером.

Готтбаум выказывал не больше дружелюбия, чем прежде. Он сцепил перед собой на столе тонкие свои, длинные пальцы.

— Вы упустили, что несколько лет до этого я занимался интенсивными исследованиями, что позволило впоследствии выбить из игры всех конкурентов — как наших, так и японских; в остальном же все верно. Но к чему вы все это?

— А вот к чему. Вы росли в эпоху узаконенного беззакония. Люди нарушали тогда законы на каждом шагу и даже богатели в процессе нарушения. Сегодня, благодаря централизованному правительству и плановой экономике, обстановка контролируется, и алчность не правит обществом, как раньше, и никто не останется обойденным. Но для вас все это — из–за воспитания — лишь только большая, тупая бюрократия.

У Готтбаума дернулась щека. Губы его чуть заметно зашевелились, точно желая сказать что–то в ответ. Но, о чем бы он ни думал, он, видимо, решил держать свои мысли при себе.

— Я уж давно выучен, — сказал он, — не спорить на эти

темы. Пустое сотрясение воздуха. — Тон его не допускал ни малейшей возможности возврата к теме.

Бейли был сбит с толку. Ведь было такое впечатление, что старик вот–вот начнет колоться!

— Это очень плохо, — сказал он.

Готтбаум встал.

— Вернемся же к делу. Минуту. — Он подошел к бежевому металлическому шкафчику — на новенькой полировке не было ни единой пылинки, точно его только что распаковали. — Вы знаете, что это?

Бейли прошел к нему.

— Похоже на Pollenz T — пять–двадцать.

— Совершенно верно. Внутри этой маленькой коробочки содержатся 32.768 сопроцессоров и 520 терабайт молекулярной памяти. А это — полквадриллиона adresses.

— Но я не вполне понимаю…

— Я как раз отвечаю на ваш второй вопрос, — с нетерпением сказал Готтбаум, точно это разумелось само собой.

— Понимаете ли, Уилсон, несмотря на все правила и весь протекционизм, у нас до сих пор каждые 15 лет появляется целое новое поколение компьютерной техники. Да и старая перестраивается. Gallium arsenide заменил кремний, и теперь на очереди квантовая электроника. И такого природа уже не может сделать. Природа — эволюционна и вынуждена жить со всеми своими ошибками. Однако мы всегда можем покончить с делом, чтобы начать его сначала. Мы можем быть революционными.

А на этот счет, вспомнил Бейли, в документации по «ЖС» уже что–то было.

— Вы говорили, однажды мы откроем настоящий искусственный разум — возможно, скопируем мозг. Именно это позволит нам претворять в жизнь революционные усовершенствования?

— Я говорил лишь, что мы сможем этого достигнуть.

Видите ли, Уилсон; те, кто занимается биологией, постоянно увязают в одном и том же старом дерьме. Они все [?] с base–pair sequences, вариациями на тему, но тема всегда одна — ДНК. Зато в физике мы можем изобрести любое дерьмо, какое только захотим. Раз смоделировав разум как сплетение битов, мы сможем расшифровать это сплетение, увеличить, трансформировать возможно, даже запрограммировать на самотрансформацию. Военные применения — просто удобный способ найти источник финансирования. Я говорю о том, что сможет изменить весь этот богом проклятый мир.

— Он слегка склонил голову, устремив немигающий взгляд

на Бейли. — Вы, без сомнения, не можете не оценить возможностей.

Очевидно, это и было для Готтбаума целью жизни. Его горящие глаза почти гипнотизировали. У него, безусловно, было «присутствие силы». С виду, точь–в–точь пророк, желающий обратить Бейли в свою веру.

— Однако же, — сказал Бейли, решив проигнорировать интеллектуальную приманку, свободно висящую перед самым его носом, — проблема в следующем. Проект длится 30 лет и, согласно официальному заключению, еще ничего не смоделировал.

Готтбаум бессильно опустил руки по швам.

— Смоделирует. Если только его не свернут. И перестанут срезать фонды. — Он отвернулся. — Извините. У меня еще дела.

И Бейли осознал, что смотрит в спину старика, направляющегося к терминалу (на мониторе какой–то текст.).

— И это… все? что я смог выделить.

— Да, это все, на что я смог выделить время. — Готтбаум сел в кресло, положив клавиатуру к себе на колени.

— Но я надеялся на более удобный случай для беседы.

— В таком случае я, к сожалению, должен вас разочаровать.

— Я… обидел вас?

— Нет. Но если будете продолжать злоупотреблять моим гостеприимством, то безусловно обидите.

Бейли почувствовал, что удивление его уступает место обиде.

— Я полагал, вас интересует будущее проекта, — сказал он. — Я полагал, вы пожелаете сказать мне…

— Не думаю, что обманул ваши ожидания, — перебил его Готтбаум, — но, видно, все это время я только зря сотрясал воздух. Возвращайтесь к себе в Сан–Диего и делайте, что хотите.

— Что–ж, ладно, — кивнул Бейли. — Огромное вам спасибо за то, что пожертвовали толикой вашего бесценного времени.

Он пробрался через путаницу кабелей и прошел к двери. Дверь перед ним отъехала в сторону — и вот он, Бейли, снова на вольном воздухе.

Go–Between

Несколько секунд он постоял в растерянности, пытаясь сообразить, что же, собственно, произошло. Может, пережал? Или наоборот, недожал? А может, следовало выказать побольше «интереса» к Готтбаумовым идеалам?

Тут он увидел Юми. Та сидела в траве, скрестив ноги и уткнувшись в книгу. Черные волосы ее блестели в солнечных лучах.

Он подошел к ней.

— Извините…

Она подняла взгляд.

— Да?

— Можно побеседовать с вами? Совсем недолго.

— О чем?

Он неопределенно махнул рекой.

— Я… Кажется, я рассердил вашего отца.

Она презрительно склонила голову набок.

— Отчего же вам так кажется?

— Оттого, что… Черт возьми, он меня просто выгнал. — Он рассмеялся, только сейчас оценив юмор ситуации: он–то приехал сюда, весь под впечатлением мрачных предчувствий Шерон, а встречен был, в основном, с безразличием.

А Юми, похоже, чувствовала себя посвободнее, чем в куполе. Она пожала плечами.

— Он всегда всех выгоняет. Кое–кто держался дольше прочих, но в конце концов ему становилось — так скучно, и он говорил, чтобы убирались.

— Душа человек…

Бейли все еще чувствовал обиду — на Готтбаума, корчащего примадонну, на себя самого, не сумевшего справиться лучше… Но, может быть так, что даже сейчас еще не поздно чего–нибудь добиться. Он присел на корточки напротив Юми.

— Вы так говорите, точно видели множество прибывающих и отбывающих.

— Да. В детстве, когда я еще жила тут. Журналисты, конгрессмены, выпускники институтов… — Она оборвала фразу, словно подумав вдруг, что слишком уж разболталась с чужим человеком.

— Могу я узнать, где вы живете теперь?

— На Гавайях. — Слова эти она произнесла явно нехотя.

Лицо ее было — само спокойствие и осмотрительность.

Как бы это заставить ее разговориться…

— Нелегко это наверное — быть дочерью гения?

— Двух. Моя покойная мама была блестящим биологом. — Она закрыла книжку, но заложила пальцем то место, где читала. Значит, вы уже уходите?

Бейли поднял брови.

— Вы меня тоже прогоняете?

Она торопливо качнула головой.

— Нет. Просто я хотела спросить, не сможете ли вы подвезти меня до подножия холма. К магазину.

— О, конечно же!

Она поднялась и отряхнула травинки с юбки.

— Понимаете, я, наверное, никогда не научусь водить.

Бейли вдруг стало жаль ее. Фразы ее были кратки и недвусмысленны, точь–в–точь как у отца, и взгляд такой же пристально–настороженный. В то же время присутствовала в ней этакая мягкость, ранимость… Да она же боится отца! А может, и вообще всех мужчин.

Они сели в машину, Бейли запустил мотор и, выруливая на дорогу, спросил:

— Так что же подвигло вас снова визитировать эти места?

Она искоса стрельнула в него взглядом, которого, как догадался Бейли, ему, замечать не следовало.

— Мой отец говорил вам что–нибудь о своих… планах на будущую неделю?

— Нет. — Одно из колес провалилось в глубокую выбоину, машина накренилась, и он едва совладал с рулем. — Мы говорили только о «ЖС».

— А, это. — Слова ее звучали пренебрежительно. — Вы тоже им занимаетесь? — Точно надеясь, что нет.

— Я работаю в отделе безопасности Норт–Индастриз. — Бейли по некоторым причинам стало совестно за свою ложь. Было в Юме что–то такое доверчивое, несмотря на настороженность… — Я сказал вашему отцу, что проект, судя по всему, провалился. Вот тогда он меня и выгнал.

Она сидела, глядя перед собой, руки сложены на коленях. Точно кукла — такая прямая, совершенная…

— Провалился… — сказала она.

— Вы так не думаете?

Она словно пыталась решить, что нужно сказать.

— Я… почти ничего не знаю об этом.

Бейли вел машину медленно, но половина дороги была уже позади. Теперь уже не было времени на пустые разговоры; следовало переходить к главному.

— Знаете, я чувствую, что ваш отец вполне может что–то скрывать.

— Наверное. — Она слегка повела плечом. — Он вообще очень скрытный человек.

Такая искренность привела Бейли в замешательство. Как бы этим воспользоваться?

— А вас он в свои секреты не посвящает?

— Нет. — Теперь уже она изобразила обескураженность. И даже если бы посвящал; по–моему, вам следовало бы расспрашивать не меня, а его самого.

Грунтовка кончилась. Бейли вывел машину на шоссе, набрал скорость и решил не нарушать молчания — авось она скажет чего

еще. Но Юми тоже молчала.

Может быть лучше все объяснить прямо? Впереди уже виднелся магазин, и Бейли сказал:

— Вот что меня в самом деле тревожит. У меня такое ощущение, что разработчики проекта случайно наткнулись на нечто чрезвычайно важное. Настолько важное, что даже скрывают это от руководства. Знаете, ученые иногда просто упиваются своей мощью. Сама по себе работа закончена, а возможные побочные эффекты в расчет не берутся, и всякий, кто пожелает установить хоть какой–то контроль, рассматривается как досадная помеха, или даже как враг. Это может привести к очень неприятным последствиям.

Казалось, слова Бейли подействовали. Юми опустила взгляд к своим рукам, лежавшим на коленях, ковырнула ногтем заусеницу у ногтя, вздрогнула.

— Это так, — прошептала она.

Бейли притормозил у магазина.

— Думается мне, ваш отец регулярно сносится с работниками лаборатории. Возможно, и сам все еще участвует в исследованиях. Он жутковатый человек и в прошлом успел показать себя… Вот почему я так обеспокоен.

Последовала продолжительная пауза. Наконец Юми приняла решение.

— Извините, мистер Уилсон, но я предпочитаю не вмешиваться в дела отца.

Бейли взял лежавший рядом с машинным телефоном блокнот, написал на чистой странице несколько цифр, вырвал и подал Юми.

— Если вдруг почувствуете, что эти дела вас все же как–то касаются, вот мой домашний телефон. Если меня не будет, и ответит кто–то еще, просто скажите, что вам необходимо поговорить с Джимом. Это мое… второе имя.

Она смотрела на бумажку, словно бы не желая брать ее, затем вдруг спрятала ее в свою книгу.

— Я сохраню это. Только вряд ли воспользуюсь.

Она потянулась к ручке дверцы. Бейли взял ее за руку. Кожа была очень нежной и гладкой наощупь.

— Спасибо вам за беседу. Наверное, вам лучше не передавать нашего разговора отцу.

Она скользнула быстрым, тревожным взглядом по его лицу, резко отвернулась, выбралась из машины и пошла прочь. Он провожал ее взглядом, пока она не вошла в магазинчик, затем неохотно запустил двигатель и покатил назад, в Лос–Анджелес.

BETRAYAL [Предательство]

Вернувшись домой, Юми нашла отца за тем занятием, за которым в течение многих лет так часто видела его: он сидел за столом, уставившись в экран компьютера. Она почла за лучшее не мешать, вышла на двор и читала до самого заката, пока небо из голубого не превратилось в багровое. Тогда она вернулась в купол отец сидел все в том же кресле, стуча все по той же клавиатуре.

Подойдя, она встала рядом, помня, что он просто не может работать, если за ним наблюдают. Она стояла молча, и через несколько секунд отец заметил ее присутствие.

— Что? — Казалось, он лишь невероятным усилием смог сосредоточиться на ней. — Чего тебе, Юми?

— Я собираюсь поесть. Тебя еда не заинтересует?

— Э–э, да. Я освобожусь через несколько минут.

Юми давным–давно узнала на опыте, что это может означать любой временной промежуток — от часа до целых суток. Она осталась стоять, где стояла, отказавшись в кои–то веки подчиниться молчаливому приказу убраться. Перечить отцу — от этого холодело в животе и даже дрожали руки… Но если она сейчас сдастся, то неизбежно будет злиться на себя, будет испытывать стыд за себя, а это куда хуже.

— Знаешь, — сказала она, — мне думается, что, если ты вправду собираешься с понедельника лечь в больницу, то, наверное, пожелаешь выделить хоть немного времени, чтобы побеседовать. Ты ведь говорил, что именно для этого просил меня приехать.

Он поднял на нее искренне изумленный взгляд.

— Конечно, мы сможем побеседовать. Только вначале я должен закончить с этим. — Он кивнул на экран. — Это чрезвычайно важно.

Они рассматривали друг друга, оба сбитые с толку, точно звери двух разных пород.

— Ты работаешь для проекта «ЖС»? — спросила Юми. Не в ее обычае было расспрашивать отца, но беседа в машине Ричарда Уилсона что–то такое сдвинула в ее душе.

— Да, именно так.

Она сохранила спокойствие на лице, демонстрируя отцу маску притворной скромности и невинности, перенятую от матери.

— Ты уже столько лет тратишь на этот проект так много времени… Наверное, ты огорчен его провалом.

Он резко отнял руки от клавиатуры. Движение было так резко, что напомнило Юми о ковбоях, выхватывающих «кольты» из кобур.

— Кто сказал, что проект провалился? — Тон его был резок; на скулах заиграли желваки.

Юми почувствовала себя так, точно ткнула палкой свирепого зверя.

— Твой сегодняшний гость, мистер Уилсон, говорил что–то такое. Когда подвозил меня до магазина.

— Уилсон… — Готтбаум издал короткий резкий смешок.

— Он сказал, что руководство «Норт–Индастриз»…

— Они совершенно не в курсе происходящего. И тому есть причина. Проект потенциально опасен — возможны нежелательные применения. И уж во всяком случае он не провалился.

Значит, Уилсон был прав — отец что–то скрывает. Конечно же, отец все эти [?] обосновал; он всегда так уверен в своей правоте; он же всегда лучше знает, как будет лучше для всех и каждого… Удивительно, что он вообще хоть что–то ей сказал. У него это само вырвалось — совсем как если подсечь человека под коленки, он не сможет удержаться на ногах.

Интересно, много ли он еще скажет?

— Знаешь, — сказала Юми, все еще притворно–сдержанная и робкая, — я никогда толком не понимала, в чем суть этого проекта.

Он подозрительно покосился на нее. Понятно. Невидимый барьер снова на месте.

— И не нужно. — Он помолчал, точно повторяя про себя это утверждение и сожалея о нем. — В такие вещи тебе не нужно вмешиваться. Понимаешь? — Он пристально посмотрел на нее.

— Конечно, отец. — Она почтительно склонила голову; покорная женщина, во всем полагающаяся на авторитет мудрого человека… А интересно, не напоминает ли это ему о его невесте, выглядевшей так наивно и смеренно, но на поверку оказавшейся едва ли не жестче его самого. Только одна она умудрилась пробраться сквозь его оборону и кое–что украсть у него: любовь, время, гены — и напоследок, даже некоторую толику его денег.

А отец снова повернулся к монитору.

— Если ты не возражаешь, я все же закончу дела.

— Разумеется, отец. — Она отступила назад.

По дороге на кухню она прошла мимо обеденного стола. На столе лежала плоская черная папка и еще какая–то штука, не больше мужского бумажника. Компад, поняла она, сложенный клавиатурой к экранчику форматом примерно с почтовую открытку. Она приостановилась, думая, откуда это все могло взяться, и догадалась: Ричард Уилсон забыл, когда отец велел ему убираться.

Юми оглянулась — отец опять был поглощен работой. Она тихонько взяла со стола имущество Уилсона, крадучись, ретировалась в свою спальню и заперла дверь.

Она устроилась, скрестив ноги, на лоскутном одеяле, которое она сшила себе 15 лет назад, повертела в руках компад, поколебалась и отложила в сторону, не желая совать нос в личные записи Уилсона. Однако черная папка — совсем другое дело. Раскрыв ее, она взглянула на титульный лист.

На секунду она растерялась. Вот здесь, в ее руках был ответ на тот самый вопрос, на который отказался отвечать отец. Всю свою жизнь слышала она брошенные мимоходом упоминания о «ЖС», но никогда прежде ей не представлялось случая понять смысл услышанного.

Гриф «секретно» ее не смутил — она выросла в доме, где засекреченные документы были делом обычным и просто так лежали где попало. Итак, Юми начала чтение.

Через два часа, закончив чтение, она — в первый раз за всю свою жизнь — осознала, всю грандиозность масштабов того, чем был одержим отец. Достижения, описанные в заключении, без сомнения были только началом, и достигнуты были еще до отставки отца. А, зная отца, вполне можно было, основываясь на этом вот заключении, догадаться, что у него в действительности на уме.

Она на секунду прикрыла глаза. Руки ее покрылись «гусиной кожей» и она вздрогнула, почувствовав себя совершенно одинокой и перепуганной. Ну почему она не доверилась Уилсону? Надо бы позвонить ему немедленно — только как это сделать незаметно? Следящая система, установленная отцом, регистрировала все входящие и исходящие звонки. А в хижинах соседей ни одного телефона нет. А магазин у прибрежного шоссе с закатом закрывается; значит, оттуда из автомата тоже не позвонить. А водить машину она так и не научилась…

Завтра утром, как только магазин откроется, она спустится вниз и позвонит. Да, это будет предательством, и страшно даже подумать, как разъярится отец, если узнает… Хотя, если ее предположения верны, он уже ничего не сможет сделать.

А ведь это в первый раз в жизни у нее есть над ним реальная власть…

ВСТРЕЧА [Rendezvous]

Очень болели плечи, шумело в голове — и жутко не хватало Шерон. Они всегда проводили субботние дни вместе, а тут, попробовав хоть позвонить ей из машины по пути обратно, Бейли на смог пробиться. То занято (circuit–bisy message], то какие–то странные шумы на линии; а когда он попробовал дозвониться

через оператора, ему было сказано, что телефон отключен. Он попросил оператора набрать другой свой домашний номер и получил ответ, что тот отключен тоже.

Но теперь–то он почти дома. Скоро он обнимет Шерон и будет ужинать с ней и Дэймоном, а о данном пути вдоль берега и пустопорожней беседе с Готтбаумом можно будет со спокойной душой забыть.

Вот уж и его улица; джакарандовые[?] деревья роняют наземь цветы; силуэты пальм на фоне темнеющего неба… Бейли представил себе людей, живущих в этих маленьких, «в испанском стиле», домиках — обедают, играют с детьми, сплетничают, смеются, занимаются любовью… И мне, подумал он. И мне того же самого.

Он нажал кнопку на приборной доске и свернул на бетонный пандус, ведший вниз, в подземный гараж. Фары осветили въезд, и Бейли увидел, что ворота гаража все еще плотно закрыты.

Бейли остановил машину и снова нажал кнопку. Без толку. Он проклял свой ленивый характер — еще когда нужно было эту воротину[?] починить…

Что ж, возможно, ее удастся открыть вручную. Он вышел из машины, спустился по пандусу и навалился на дверь стараясь отодвинуть ее.

Воротина[?] не шелохнулась.

Бейли оценил свои возможности. Можно пройти в обход, через холл, открыть входную дверь своим ключом, спуститься по лестнице в гараж и попробовать открыть ворота изнутри. Хотя — было у него такое впечатление, что и из этого ничего не выйдет.

Значит, придется оставить машину на улице. Ладно, невелик риск, тут в окрестностях не очень шалят.

Усталый и злой, Бейли вернулся в машину, потянулся к драйв–селектору…

Шорох сзади. Шорох одежды. И тут же чья–то рука сжала его шею. Он тихо вскрикнул и вздрогнул от неожиданности. Виска его коснулась холодная сталь. Он, удивленно вскрикнув, бессознательно схватил чужую руку, а затем, когда здравый смысл возобладал, сунулся во внутренний карман пиджака, за пистолетом.

— Нет. — Голос был женским, высоким и громким.

Бейли замер.

— Что вам нужно?

Кожа его покрылась мурашками. Он почувствовал, как сильно забилось сердце. Он проклинал себя за то, что оставил машину без присмотра. Потом он понял, что все было подстроено: ворота гаража специально повредили, чтобы задержать его снаружи.

— Деньги вам нужны? Будут вам деньги… — Он глянул в зеркало, но лица не увидел — оно было скрыто тенью.

— Задним ходом на улицу, — сказала женщина, приблизив губы к уху Бейли и дыша ему в затылок. — Сверните за угол. — Голос ее звучал напряженно, даже подрагивал.

Такие вот нервные и пугливые — опаснее всех.

— Конечно, конечно, — сказал он, — только успокойтесь. Как скажете, так и сделаю.

Только бы не наркотики. Тогда можно было бы немного снять напряжение. Бейли от всей души надеялся, что дамочка не «нанюхавшись», и вдруг понял, что голос ему знаком. Не просто так, «с улицы», пришла. Белая, «средний класс»…

— Розалинда Френч. — Без всякой видимой причины накатила волна облегчения. — Господи Иисусе, вы меня чуть не до медвежьей болезни перепугали. — Он хотел было обернуться.

— Делайте, что сказано! — Она, казалось, вот–вот сорвется.

— Я не шучу! — Холодный металл, дрожа, плотнее прижался к его виску. — Это убьет вас мгновенно, вы сами знаете.

Тут он точно увидел с ужасающей ясностью себя самого, сидящего в машине с электронным пистолетом у виска. Смерть будет мгновенной, бесшумной и безболезненной. Примерно через час ну, в крайнем случае, к утру, — его найдут, с «бездействующим» мозгом.

Он покосился вправо–влево, осматривая улицу. На тротуарах никого не было — и правильно, кому это надо, болтаться по улицам в темноте… Машин тоже не было — по соседству жили люди семейные, они субботние вечера дома проводят… И уж всяко что здесь, в его машине, в полной темноте, происходит, снаружи никому бы не разглядеть.

Чего вы хотите? — спросил он с трудом — от внезапно возникшего и растущего страха перехватило горло. Ну, как они узнали, что он — вовсе не Ричард Уилсон, это понятно. Однако выяснить его домашний адрес было для них делом невозможным. Должно было быть. Не может быть, чтобы они обошли систему секретности ФБР. Но как же тогда они его нашли?

— Да вы скажите, что вам нужно, — сказал он. — Зачем устраивать спектакль?

— Делай, что говорят! И все! Сворачивай за угол!

— Ну ладно, — сказал Бейли. — Смотрите: даю задний ход… — Он медленно взялся за рычаг и передвинул его на одно деление. — Берусь за руль… Порядок?

— Хорошо. Теперь медленно, задним ходом. Не смотреть по сторонам.

Мозг Бейли лихорадочно вычислял — что же делать?

Незаметно достать пистолет он не сможет. Запасной однозарядный пистолет на левой ноге еще менее доступен. Что еще? Пнуть коленом телефон, — так, чтобы попасть в кнопку автонабора домашнего номера? А, блин, домашний телефон отключен. Включить локтем гудок, привлечь чье–нибудь внимание — нет, долго, слишком долго. Пока еще кто–нибудь подойдет посмотреть, что за шум… Резко нажать акселератор и понадеяться, что рывок отбросит ее на заднее сидение — нет, слишком ненадежно… К страху прибавилась злость. После всех удачно оконченных преопаснейших, надо сказать — дел, вот так попасться! И кому — какой–то научной бабе, которой вздумалось похулиганить…

Оставалось пока что одно: делать, что говорят. Потянуть время, дать ей успокоиться, по возможности наладить контакт и выжидать до более удобного момента. Именно так его учили поступать в подобных ситуациях, и правильно учили.

Выехав задним ходом на улицу, он поменял передачу и повел машину вперед. Медленно, медленно…

— Куда?

— Направо.

Бейли повернул направо.

— Остановись позади припаркованной там машины. Напротив пустого дома.

Дом был свободен — до завершения каких–то споров о праве владения. Возле дома у обочины стоял экипаж; номер и рефлекторы мерцали в свете фар его машины. Номер был знакомым — у Бейли была хорошая память на номера. Он вспомнил — номер этот он видел всего пару дней назад, на машине, принадлежавшей замаскированному человеку, с которым он столкнулся в Малой Азии. Значит, это машина Розалинды Френч. А двое, сидящие в ней сообщники, ожидающие его.

— Надо бы, наверное, вас поздравить, — сказал он, изо всех сил стараясь говорить спокойно. — Вы неплохо сработали, выяснив, кто я такой и где меня найти.

— Нам помогли. Останови здесь.

Он починился.

— Готтбаум помог?

— Тихо. — Пистолет все еще был прижат к его виску. И рука ее все еще дрожала.

Только сейчас Бейли начал понимать, насколько недооценил их. Они ведь ученые, не убийцы… Не так ли он говорил Шерон? Он был настолько уверен в себе, что посмеялся над ее тревогой. И ошибся. Он же предал Шерон своей самонадеянностью! С этим фактом было труднее всего примириться: он же и ее, в некотором

роде, недооценил…

И все же — они действительно ученые, а не убийцы. Ясно ведь видно: Розалинда Френч держит пистолет у его виска и смертельно боится. Если бы он воспользовался удобным случаем…

Один из сидевших в машине обернулся, открыл дверцу и выбрался наружу.

Бейли понял; что ни делай гораздо легче справиться, когда противник один.

— Доктор Френч, — сказал он начальственным тоном, — я работаю в ФБР. Покушение на работника ФБР — очень тяжкое государственное преступление. А похищение — еще хуже. Лет тридцать, без всяких досрочных освобождений и выходов под залог. Очевидно, у вас серьезные трудности. Вам следует рассказать мне, в чем они. Я — вовсе не обязательно ваш враг. Я могу помочь вам.

— Я уже сказал вам: тихо. — Голос ее все еще дрожал.

— Я сейчас обернусь, — сказал он, как бы не слыша ее, — а вы опустите оружие и…

— Подними руки вверх! Прижми ладони к крыше!

Тон был настойчивым, и пистолет еще сильнее прижался к виску. Секунду Бейли колебался, но выполнил приказ.

Дверца рядом с его сиденьем отворилась. Уголком глаза он увидел фигуру в темноте.

— Розалинда. — Голос принадлежал человеку в летах и звучал спокойно. — У тебя все в порядке?

Еле уловимый западноевропейский акцент. Ганс Фосс.

— Осторожно Ганс. — Теперь она более–менее успокоилась — очевидно рада подкреплению.

Фосс охлопал карманы Бейли. При тусклых отблесках фар он выглядел спокойным, без всяких видимых эмоциональных проявлений. Методически обыскивая Бейли, он нащупал наплечную кобуру, сунул в нее руку, вытащил автоматический, калибра 9 мм, но продолжать обыск не стал и запасного пистолета не нашел.

— А теперь, пожалуйста, руки за спину.

— Нет, — сказал Бейли. — Все и так уже зашло слишком далеко. Я собираюсь выйти из машины, ясно? Затем — дойду до моего дома…

— Тогда мы убьем вас, — бесстрастно, неторопливо ответил Фосс. В нем не чувствовалось и малой толики страха, обуявшего Френч; он говорил — точно о том, чтобы клопа раздавить. Я служил в армии, и мне, по мере надобности, приходилось убивать. Делайте, что я сказал.

Вот тут Бейли стало действительно страшно. Он прикинул, хватит ли места, чтобы достать горло Фосса и выкатиться кувырком из машины, но теперь, вдобавок к оружию Розалинды Френч, Фосс держал его под прицелом его собственного пистолета. Сомнений быть не могло: хоть один из них да попадет. Он подумал о портфеле, стоящем на полу. В портфеле — электронный пистолет, который должен был служить вещдоком. Но его не достать. И запасного пистолета тоже по–прежнему не достать ноги под приборной доской.

— Хорошо, — сказал он, по возможности, рассудительно, — давайте все обсудим. Скажите же наконец: чего вы хотите?

— Нам нечего обсуждать, — с нетерпением сказал Фосс. Руки назад. Больше по два раза повторять не буду.

Бейли медленно выполнил приказ и почувствовал, как его запястья стянули клейкой лентой. Ночью, возле пустого дома, также не было никого, кто мог бы увидеть, что происходит. В открытую дверцу задувал прохладный ночной ветерок; он услышал шум машин по шоссе в нескольких кварталах отсюда. Легкий бриз шелестел в листьях пальм, росших неподалеку.

Затем Бейли услышал шуршание. Пластиковый пакет.

— Нет! — закричал он. Фосс накинул пакет на его голову и затянул вокруг шеи.

Пакет был черным — теперь Бейли не видел абсолютно ничего. Он начал задыхаться и рванулся. Сквозь пластик слабо послышался голос Розалинды Френч:

— Сиди смирно. Мы не собираемся душить тебя.

Острый ноготь прорезал в пакете, возле его рта, дыру.

Он торопливо сделал глубокий вдох.

— Какого хрена? Вы соображаете, что делаете?!

В рот его втолкнули тряпку. Затем — еще клейкая лента вокруг головы, чтобы не смог тряпки вытолкнуть.

Его стащили с водительского кресла, открылась задняя дверца, и Бейли втолкнули на заднее сиденье. Странно, но он больше не чувствовал страха. Осталась лишь злость и разочарование. Теперь у него больше не было никаких возможностей. Ситуация полностью вышла из–под контроля.

Кто–то невидимый сел рядом и крепко сжал его руку. Дверцы захлопнулись, мотор взревел, покрышки заскрежетали по гравию, и машина помчалась вперед.

ПЛЕННИК

Ехали по меньшей мере час — насколько мог судить Бейли, большей частью по шоссе. Он лихорадочно пытался найти выход, однако ситуация для этого была слишком уже неблагоприятной. Что его тревожило пуще всего — Френч и Фосс даже не пытались

хоть как–то замаскироваться. Очевидно, возможность того, что он впоследствии сможет дать показания против них, их ничуть не волновала. Но все же они не желают, чтобы он знал, куда его везут… Где же логика?

Он подумал о Шерон, представил себе, как она сидит сейчас дома с Дэймоном и гадает, что могло случиться с ним… На душе стало совсем плохо — он ведь очень виноват перед ней…

А машина между тем шла уже не так ровно — похоже, она свернула на улицу, где асфальт был сплошь в выбоинах. Ветви растений цепляли за борта; машину подбрасывало и кренило. Наверное, где–то в холмах, подумал Бейли, едем по грунтовку. Тут машина пошла медленнее, свернула, еще проехала чуть вперед и остановилась.

Бейли услышал, как Френч выбралась наружу. Она отворила заднюю дверцу, и он почувствовал запах росистой травы, цветущего ночью жасмина, доносящийся издалека соленый запах моря…

— Веди его в дом, Джереми.

Значит, и Портер здесь. Он, стало быть, и был тем третьим, кто ехал позади, в машине Розалинды Френч.

Бейли вытащили из машины и поставили на ноги. Конечности его занемели; он едва мог идти, когда его проволокли через высокую — до пояса — траву в какое–то здание. Дверь за ним захлопнулась; запахло волглой штукатуркой и старыми, пыльными коврами. Раздался щелчок замка и скрип петель.

— Помогите ему спуститься; да осторожнее — упадет еще.

Это что ж — их его благополучие заботит?

Осторожно, нащупывая ногами ступени он спустился вниз наверное, в подвал. Пол здесь был твердым и шероховатым. Бетон.

— Невероятно, — услышал Бейли. — У вас–таки вышло!

— Заткнись, Майкл. — Голос Френч. Она протащила Бейли через комнату, и он ткнулся коленями во что–то, похожее на кресло. В это кресло его и толкнули — да так, что зубы лязгнули.

— Ганс, привяжи ему запястья и лодыжки, — сказала Френч.

Бейли подумал о том, чтобы достать–таки маленький пистолет, все еще покоящийся ненайденным на левой ноге. Однако заряд в нем всего один, да вдобавок прежде, чем стрелять, необходимо сорвать с головы пакет. Глаза его уже привыкли к полной темноте, значит, нормальное освещение на время ослепит его. К тому же, кто–нибудь, не исключено, до сих пор держит его на мушке — и этого даже не сказать наверняка. То есть, можно, но тогда это будет уже не к чему.

А Фосс тем временем разрезал ленту стягивавшую запястья

Бейли, и быстро прикрутил его руки к металлическим подлокотникам кресла, в коем тот сидел. Затем он нагнулся и взялся за лодыжку.

Мыкнув через кляп, Бейли дернул ногой, пытаясь освободиться, но Фосс держал ногу крепко. Пальцы его скользнули выше — и нащупали однозарядный пистолет. Он вытащил его и осмотрел.

— Счастлив наш бог, что я нашел эту штуку.

— Господи! — услышал Бейли голос Френч. — Как ты думаешь, может, у него еще что–нибудь припрятано?

— Проверим. — Фосс привязал обе лодыжки Бейли к ножкам кресла и начал тщательно обыскивать его, а тот сидел, лишенный возможности сопротивляться и даже просто смотреть.

Наконец Фосс, удовлетворившись результатами обыска, разрезал пластиковый мешок и снял его с Бейли.

Свет ослепил его. Моргая, смотрел он на четыре неясных силуэта. Кто–то приблизился и разрезал ленту, удерживавшую в его рту кляп. Он выплюнул тряпку, подвигал челюстью, переглотнул и сморщился.

Постепенно глаза Бейли привыкли к свету, и он узнал всех четверых. Розалинда Френч, до сих пор вся на нервах, глаза расширены, бледные губы плотно сжаты; Джереми Портер, явно смущен, старается не встречаться взглядом с Бейли; Ганс Фосс, спокойный и бесстрастный, бывший солдат, нашедший убежище в «порядке и дисциплине»; и наконец Майкл Баттеруорт с выражением безмерного удивления на лице.

Френч отвернулась от Бейли.

— Джереми, вот записи с его голосом. — Она протянула Портеру маленькую кассету. — Надеюсь, тебе этого хватит.

— Я посмотрю, что тут можно сделать. — Портер взял кассету. Он явно обрадовался поводу удалиться.

Бейли осмотрел помещение. Белый бетонный пол, стены и потолок. На стеллажах полно оборудования — и недешевого, надо сказать. Вот, наверное, еще для чего Френч продавала пистолеты в Малой Азии — чтобы оплатить все это.

Он опустил взгляд. Кресло его было металлическим — свинчено из согнутых полос алюминия. Он посмотрел вверх. Над головой его нависло нечто вроде полусферического шлема с датчиками и электродами. От шлема тянулись провода к какому–то довольно большому устройству, назначения коего Бейли не смог определить. Было во всем этом что–то медицинское, точно Бейли находился в больнице. Этакое домодельное хирургическое устройство… Он ощутил, как неприятный холодок в животе стекает вниз впитываясь в пах…

— Сейчас мы позвоним твоей жене, — сказала Розалинда Френч. — У Джереми есть такое устройство. Он говорит в него, а на выходе получается чей угодно голос, синтезированный из образцов. Ты в машине без умолку болтал, и образцов у нас достаточно.

— Уголки губ ее на миг растянулись в победной улыбке; она откинула волосы с лица. Понятно, она восстанавливает уверенность в себе, стараясь взять себя в руки. — Твоей жене мы скажем, что на прибрежном шоссе у тебя сломалась машина. Скажем, что на ночь ты остановишься в мотеле, а утром поищешь станцию техпомощи. Итак, никто ничего не заподозрит. Никому и в голову не придет тебя разыскивать.

— Мой домашний телефон отключен, — сказал Бейли.

Снова легкая улыбка. На щеках ее вновь заиграл румянец.

— Нет. Больше нет. Лео об этом позаботился.

— Готтбаум? — Бейли выдавил смешок. — Он у вас что — в телефонной компании работает?

Френч раскрыла было рот, но Фосс шагнул вперед и поднял руку.

— Розалинда, если ты позволишь… Этот человек нарочно подбивает тебя на разговор. Чтобы установить хоть какую–то связь между собой и нами. Он отлично понимает, что нам тогда тяжелее будет сделать… то, что мы должны сделать. Пожалуйста, не забывайся, держись с ним равнодушно; он — всего лишь наш пленник.

На лице Френч промелькнули самые разноречивые чувства. Бейли видел; ей очень не нравится, что Фосс ее поправляет. Однако она не дала выхода раздражению.

— Ты совершенно прав, Ганс. — И отвернулась.

— Ганс, а где тебя обучали? — спросил Бейли.

— Я воевал в Литовской Освободительной Армии. — Он поспешно отвернулся, обрывая разговор.

— Майкл, тебе для первой части процедуры обязательно надо, чтобы наш пленник был в сознании?

— Без разницы, — сказал Баттеруорт. На лице его все еще было выражение детского изумления, точно сам он в происходящем не участвовал, а, скажем смотрел передачу по видео.

Дай ему немного демерола. Его ведь можно будет, если возникнет нужда, привести в сознание?

Конечно. В любой момент.

Баттеруорт прошел к шкафчику с препаратами и достал из него инъектор.

— Вы мне только скажите: для чего все это оборудование? —

спросил Бейли. Он чувствовал, что уже проиграл. В голосе его отчетливо слышен был страх, хотя это, возможно, могло послужить к его выгоде. Фосс–то, конечно, крепость, однако остальным до него далеко. Особенно Френч. Чем больше страха он выкажет, тем больше вероятность того, что удастся пронять ее. — Вы меня убить собираетесь, пытать, или еще что?

— Да нет, — сказал Баттеруорт. — Не собираемся мы тебя убивать. Как раз наоборот. — Он улыбнулся. В улыбке его было что–то странное. Улыбка была безмятежной и таинственной. Для начала кое–какие тесты. Больно не будет. — Он закатал Бейли рукав и приложил инъектор к его руке. — Ты уж мне поверь. — И нажал кнопку.

ПРИЗНАКИ [Signals]

Наркотик разом уничтожил все страхи. Бейли почувствовал, что плывет. Он забыл, где находится, затем вдруг вспомнил — и снова забыл. Вокруг ходили люди. Он понимал, кто они, но на это ему было ровным счетом наплевать. Он сказал себе, что так нельзя. Надо бежать из этого ада.

Он вспомнил, как в первый раз увидел Шерон — в колледже, в кафетерии. Она была одета в футболку цвета листьев липы и белые штаны. Она сидела в углу, читая книгу о декоративных цветах, а он сел за соседний столик и спросил, не ботанику ли она изучает.

— Нет, — удивленно ответила она, — я просто случайно выбрала эту книгу. Я вообще все читаю по всем предметам.

Они посмотрели друг на друга… вот так все и началось.

Внезапно яркий свет ударил по глазам. Это Фосс, держит перед лицом большую флюоресцентную панель. Панель начала менять цвет, а Фосс называл тем временем какие–то числа. Бейли обратил внимание, что шлем–полусфера, висевший над его головой, теперь опущен. Тонкие ниточки щекотали кожу головы.

— Нужен по–настоящему хороший сигнал. — Голос Баттеруорта откуда–то издалека.

Потом Бейли услышал свой собственный голос.

— Машина сломалась, — сказал его голос, а дальше что–то про мотель. Бейли понял: это Портер говорит через свое синтезирующее устройство с Шерон. Он заворочался, пытаясь освободиться. Ему нужно поговорить с Шерон.

— Пустите, — слабо бормотнул он.

— Скажи, когда увидишь чисто–белый, — сказал чей–то голос прямо в его ухо. — Это очень важно. Сосредоточься на цвете.

Бейли, потеряв нить, смотрел на мерцающую панель.

— Белый, — сказал он, и тут вспомнил, как была одета Шерон. Футболка цвета листьев липы; белые штаны. Они до сих

пор у нее где–то хранятся. Дороги, как память о…

Собрав все оставшиеся силы, Бейли рванулся.

— Пустите…

— Дай ему еще дозу, — сказал Фосс.

КОПИРОВАНИЕ [Patterning]

На некоторое время он уснул. По крайней мере, так ему казалось. Снилось ему, что он находится в комнате, где вокруг полно техники, люди расхаживают возле него, выкликая какие–то числа, и что–то металлическое касается его головы. Игла — колет в уголок левого глаза, правого… Внезапно перед глазами расцветают узоры, точно в калейдоскопе — небывало яркие и красивые. Затем — звонкий звук. Полный шумовой диапазон — от глубочайшего баса до высочайшего, выходящего за пределы слышимости свиста. Вкус гвоздики. Тело его словно покрывается мехом. Затем[?] — жутчайший холод. Он точно наглотался соуса — барбекю — внутри все горит.

— Воды, — невнятно пробормотал он. Потом он проснулся — совершенно внезапно. Опустив взгляд, он увидел еще один инъектор, только что отнятый от его руки. Реальность была жесткой, ослепляющей и оглушительной. Он сидел в том же самом кресле. Спинка его неприятно врезалась в поясницу. Все тело болело.

— Хорошо, — сказал Фосс, распрямляясь и отходя.

— Ага, — согласился Баттеруорт, — эта штука действительно быстро привела его в сознание.

Бейли хотел повернуть голову, но она была жестко зафиксирована. Металлический шлем все еще оставался на месте; зонды вонзались в лицо возле самых глаз. Он все так же находился в подвале. Воздух свистел сквозь вентиляцию. Вокруг притянулись провода.

— Что вы делаете? — услышал он собственный голос, глухой, неровный, испуганный.

Баттеруорт покосился на Фосса. Тот кивнул.

— Я прослеживаю те участки твоего мозга, которые обрабатывают сигналы с нервных окончаний.

Бейли бессознательно шевельнулся, чтобы повернуться к говорящему, но голову его все еще держал шлем. Он вздрогнул.

— То есть?..

— Мы фиксируем деятельность твоего мозга, — сказал Фосс.

Бейли перевел взгляд с одного на другого и назад. Теперь он уже боялся знать. Возможно, он понял все сразу, лишь только увидев зонды и датчики. Однако он все еще не мог собраться описать происходящее словами.

— И для чего вам… это информация?

— Чтобы создать компьютерную модель твоего интеллекта, ответил Баттеруорт. — Для чего же еще?

ИНФОМОРФ

Бейли закричал, призывая на помощь, и ему опять заткнули рот. Очевидно, Френч и ее команде шум не слишком–то нравился.

Ему ввели в вену что–то вроде легкого транквилизатора. Валиум, наверное, подумал он. Затем Розалинда Френч подошла и села напротив.

— Времени очень мало. — Теперь она была спокойно деловита, никаких внешних проявлений чувств, точно так же, как во время его визита в лабораторию. — Мне следует объяснить тебе все. Будет куда проще, если ты пойдешь на добровольное сотрудничество, и скорее ты склонишься к этому, если будешь честно понимать, что происходит.

Бейли пригляделся к ней. Нет, она далеко не так спокойна, как с виду кажется. Однако во рту его все еще торчал кляп, а без возможности говорить он никак не мог использовать ее страха для собственной выгоды.

— Я уверена, что с официальным описанием «ЖС» ты ознакомился. Как ты теперь можешь видеть, описание это нечто. Мы добились успеха в моделировании интеллектов мелких млекопитающих восемь лет назад, не решили не делиться нашими достижениями с работодателями. Они непременно начали бы вмешиваться в ход исследований, направляя их в нежелательное для нас русло. Мы не интересуемся военными применениями.

Что ж, подумал Бейли, очень нравственно. Он был рад, что имеет дело с людьми высоких нравственных позиций.

— Наивеличайшей проблемой для нас, — продолжала она, оказалась электромеханическая процедура фиксирования состояний нейронов и межнейронных связей без привнесения… погрешностей. Мы испробовали множество методик невмешательства, иными словами, нондеструктивных. Но ни одна из них не дала результатов. Единственный результативный метод — деструктивный. При этом мозг в буквальном смысле расчленяется на пласты.

Вот так вот. Бесстрастно, бесчеловечно, ужасающе… Бейли вздрогнул и прикрыл глаза.

— Ганс и Майкл наконец–то создали подходящее оборудование для работы с образцами при низких температурах. К счастью, Лео Готтбаум хорошо знает некоторых криоников, желающих принять участие в нашей работе. В то же время Джереми сконструировал и собрал систему нужной конфигурации, которая способна принять и сохранить

смоделированный интеллект. Мы успешно отсканировали и сохранили интеллект собаки, и, насколько можно судить, ни одна из его функций не ухудшалась. Интеллект собаки жив и по сей день, но вместо живых клеток его поддерживает вычислительная техника. Мы готовились провести первое сканирование мозга человека на следующей неделе. Первым подвергнуться процедуре вызвался Лео Готтбаум.

В сознании Бейли вяло зашевелилось удивление, но затем он понял, что двигало Готтбаумом. При регулярном техобслуживании оборудования, компьютерная память может храниться вечно. Может, именно поэтому Готтбаум всю свою жизнь посвятил «ЖС»? Двадцать миллиардов долларов новыми из общественных денег и сей великий может сделаться бессмертным…

— Насколько можно судить, — говорил между тем Френч, компьютерный интеллект функционирует в точности так же, как и тот, что состоит из нейронов — при условии, что копия точна. Компьютерный интеллект может воспринимать все вполне реально, если мозг будет снабжен точной имитацией тех нервных импульсов, и какие привык воспринимать. Точно так же, как после ампутации мозг чувствует «фантомную конечность», электронный разум может чувствовать свое «фантомное тело». Лео готов был пойти на риск, как и каждый из нас. Но это следовало проделать в тайне. Если массы узнают, что мы делаем, поднимется страшный гвалт. Возникнут инструкции ограничивающие нашу работу, если ее вообще не объявят противоправной.

— Теперь понимаешь, — сказал Фосс, — почему твое расследование нужно было прекратить? Чтобы сохранить возможность провести заключительный эксперимент.

— И не только эксперимент, — добавила Френч, — но будущее всего человечества.

Она изрекла это глазом не моргнув; совершенно серьезно. Горды, подумал Бейли. Вправду верят, что именно — вершить судьбы человечества…

— Лео пригласила тебя к себе, так как полагала: есть шанс убедить тебя бросить это расследование, — продолжила Френч. — Но, побеседовав с тобой, он решил, что тут выбора нет.

— Только ты пойми, пожалуйста, — сказал Фосс, — не привыкли мы убивать ни в чем не повинных людей.

Опять высоконравственные принципы. Да ведь они впрямь уверены в своей гуманности!

— Мы могли бы держать тебя, как пленника, всю жизнь, сказала Френч. — Но рано ли, поздно ли, тебя начнут искать.

Возникнут подозрения. И работа наша по–прежнему останется под угрозой. Значит, дело ясное. Чтобы объяснить твою смерть, мы — правдоподобным образом устроим автокатастрофу. Тело твое будет найдено, но твое сознание мы скопируем и сохраним. У нас имеется достаточно места для восьми инфоморфов. В том числе — для тебя.

— Инфоморфом мы называем интеллект, существующий в виде компьютерной памяти, — вставил Баттеруорт. — Этакую информационную ипостась.

— Хотя твое физическое тело и умрет, — спокойно сказал Фосс, — твой интеллект будет жить вечность.

— Ага. — Баттеруорт улыбнулся своей странноватой, отстраненной улыбкой. Хоть и вечность пока кто–нибудь вилку из розетки не выдернет.

РЕЦЕПТОРЫ

Его ненадолго оставили одного. Розалинда Френч поднялась наверх. Фосс с Баттеруортом принялись настраивать какое–то оборудование, стоявшее вне поля зрения Бейли. Джереми Портера тоже не было видно, хотя Бейли слышал где–то позади прерывистый стук пальцев по клавиатуре.

Он был озадачен. Все существо его отказывалось примирится с услышанным. Однако она и так натворила немало — тут уж не захочешь, а поверишь, что шутить не станут. Ученые компьютерщики изначально склонны к потере чувства реальности, а эта маленькая группа работала вместе десять лет, почти не контактируя с внешним миром, сосуществуя в своей собственной, отдельной реальности, которая, в свою очередь, базировалась на идее–фикс одного человека. Естественно, ненормальное для них нормально…

Единственно возможное исключение — Баттеруорт. В силу своей [?] отстраненности он может быть менее привязан к тому, в чем остальные непоколебимо уверены. Если Баттеруорт единственная надежда, решил Бейли, то… надежда умирает последней.

Тут появился Фосс. Вытирая руки бумажным полотенцем, смоченным спиртом, он сказал:

— Я сейчас уберу кляп. А ты должен уяснить себе: если снова будешь шуметь, снаружи тебя не услышат. Ты только замедлишь ход работы. А если мы не сделаем все как следует, то в твоем инфоморфном будущем получатся заметные изъяны.

Он вытащил изо рта Бейли скомканную тряпку. Бейли кашлянул и сморщился.

— И вы полагаете, я поверю в эту… электронную жизнь после жизни?

Фосс посмотрел на него спокойно и задумчиво.

— Ты, пожалуйста, не забывай, что сам доктор Готтбаум планировал подвергнуться этой процедуре. И все еще не раздумал. А он, согласись, человек большого ума.

— А вы, Фосс? Вы–то собираетесь ли сканироваться? Тот медленно кивнул.

— Конечно. И в конце концов мы будем соседями, ты да я, верно? А теперь, с твоего позволения… Чтобы точно воссоздать физические ощущения после того, как твой интеллект будет запрограммирован, следует сперва получить множество данных о чувствах. Общие считывания мы провели, пока ты был под анестезией. Теперь нужно добиться более высокой точности. Начнем с визуальных. Ты готов к сотрудничеству?

Бейли взглянул в глаза Фосса. Фосс встретил его взгляд с неумолимой твердостью.

Время тянулось медленно. Ему показывали сетки, цветные карты, геометрические фолианты, печатный текст, пестрые мозаики. Его заставляли смотреть вверх, вниз, вдаль и вблизь. Ему объяснили, что в это время импульсы его зрительных нервов считываются и поступают в некое аналитическое устройство. Если раз удастся преобразовать нервные импульсы в цифры и символы, потом их вполне можно будет имитировать. Можно будет послать сигнал, соответствующий «зеленому», на тот участок мозга, который отвечает за визуальное восприятие, и инфоморф увидит зеленый цвет, хотя глаз у него больше не будет. И с прочими чувствами можно проделать то же самое; через некоторое время для него будет искусственно создана полностью окружающая среда. Эту окружающую среду вполне можно будет видеть, слышать, нюхать, пробовать на вкус и в любом случае ощущения будут подлинными.

Казалось, тесты длились долгие часы. Бейли потерял всякое представление о времени.

После долгой–долгой ночи — или то было уже утро? — снова появилась Розалинда Френч. Она принесла с собой множество стеклянных пипеток. В каждой содержался синтетический вкусовой препарат; каждой пипеткой Френч касалась его языка, после чего нужно было полоскать рот. Таким образом получили необходимые данные с его вкусовых рецепторов. Даже в качестве инфоморфа Бейли сможет в полной мере наслаждаться едой.

Наконец ему ввели какой–то гипнотик, и он погрузился в беспокойный сон, по–прежнему сидя в кресле, с зондами в уголках глаз. Теперь сканировали его сны.

LINK [Контакт]

Подставив клочок бумаги под солнечный луч, пробившийся

сквозь покрытое паутиной окошко у автомата, Юми прочла номер. Позади хозяин магазинчика швабрил пол, шаркая ногами и посвистывая какой–то давным–давно забытый рок. Она повернулась к нему спиной, взглянула на свое отражение в хромированной лицевой панели аппарата и набрала номер. Щеки ее побледнели; глаза были темны и страстны.

Ответил сонный женский голос. На секунду Юми лишилась дара речи. Нет, она вовсе не полагала, что Ричард Уилсон обязательно одинок; взаправду — она вовсе не думала на эту тему, но тем не менее была удивлена.

— Алло, — сказала она. — Я хотела бы поговорить с… Джимом.

— Его сейчас нет. — Женщина подавила зевок. — А кто говорит?

— Меня зовут Юми. Он просил позвонить, если у меня будет, что сообщить. И теперь у меня есть сообщение — очень важное. — Она слышала свой собственный, такой решительный и серьезный голос и от всей души желала обойтись как–нибудь без этого всего.

— Боюсь, что не знаю, когда Джим будет дома. Он звонил вчера вечером и сказал, что у него сломалась машина. Поэтому он остановился где–то по дороге, пока не сможет ее починить. Пауза. — Может, я смогу помочь? Джим держит меня в курсе большинства своих дел.

— Вы — его жена? — Юми не смогла сдержать свое любопытство.

— Да. — Она, похоже, не оскорбилась; говорили с легкостью, беззаботно, словно считала любопытство самой естественной человеческой чертой.

Юми лихорадочно размышляла. Как же быть?

— Наверное, я позвоню еще раз, но попозже, — сказала она. — Передайте, что звонила Юми; только, пожалуйста, пусть он мне сам не звонит. Это очень важно.

— Хорошо.

— Я могу узнать, как вас зовут.

— Шерон.

— Хорошо; спасибо, Шерон. Я перезвоню ближе к вечеру.

Shutdown [Закрытие]

Как ни страшно было звонить, гораздо страшнее было возвращаться теперь домой. Никакой реальной причины для страхов не было они возникли в ее сознании просто так, из ниоткуда, и по мере приближения к куполу все сильнее сжимали свои объятья.

Войдя в купол, она увидела отца, поспешно набивающего бумагами чемодан. Лучи утреннего солнца наискось прорезали

жилую половину, и золотистые пылинки клубились в их свете, разлетаясь в стороны от бумаг, которые сортировал отец, отбирая лишь некоторые, а прочие отбрасывал. Она смотрела на него и размышляла, что же он такое затеял и отчего в куполе так тихо. Затем поняла — почти все компьютеры были отключены.

Он почувствовал ее присутствие и поднял на нее пронзительный, подозрительный взгляд.

— Юми! Где ты была?

Они тут же почувствовала свою вину, точно отец способен был читать ее мысли, либо каким–то образом подслушал звонок. Он был настолько всеведущ, — порой казалось, что для него нет ничего невозможного.

— Я спускалась в магазин, — ответила она, удерживая на лице маску скромности и тщательно скрывая свои чувства.

— Зачем? — Он, не отрываясь, смотрел на нее.

Юми почувствовал себя непроходимой дурой — даже не догадалась что–нибудь купить… Так вот и стой теперь перед ним с пустыми руками…

— Просто захотелось прогуляться.

— Что ж, рад, что ты, наконец, вернулась. Мы уезжаем. Он бросил в чемодан поверх бумаг что–то из одежды. — Тут кое–что произошло. Я связался с моими друзьями из «Крайоник Лайф». Мне нужно лечь в больницу в Лос–Анджелесе не завтра, а еще сегодня. Если мы выедем через 15 минут, я как раз успею по пути забросить тебя в аэропорт. Я взял тебе место на рейс, отлетающий к Гавайям сегодня, в семь вечера.

Она безучастно взирала на него. Так всегда: сколько бы ни старалась она предсказать заранее его настроения и требования, он всякий раз выкидывал такое, отчего она терялась и цепенела.

— Что случилось? — спросила она. — Это из–за твоего рака?

— Рака? — Он, казалось, был сбит с толку; затем в нетерпении покачал головой. — Нет, дело совершенно в другом.

— Что–то случилось в той лаборатории? — Хотя сейчас воскресенье, люди внизу часто работают сверхурочно.

Он махнул рукой.

— Нет времени все это обсуждать. Извини. — Он отвернулся к той компьютерной системе, что все еще работала, и принялся отключать ее, бросив через плечо:

— Пожалуйста, собирайся не медля.

Она спустилась в одно из кресел, заваленных бумагами. Теперь понятно, почему она постоянно чувствует себя ребенком рядом с отцом — он всегда обращался с ней, как с ребенком.

— А что, если я не готова к отъезду?

Он медленно обернулся, прокручивая ее слова в голове,

пытаясь уловить их смысл.

— Это дом — мой, — раздельно, слово по слову, сказал он, взирая на нее, как на безнадежную дуру. — А ты, Юми, моя гостья. Вчера ты подписала документ, в котором отказалась от всех прав на собственность. И не имеешь никаких оснований оставаться здесь после моего отъезда.

Она тихо, с отвращением, фыркнула.

— Конечно, конечно, ты прав. Я действительно, как ты сказал, не имею никаких оснований. Твое жилье, твоя жизнь, тебе и решать, а чего бы ни хотела я — все вздор. — она поднялась и направилась в свою комнату. — Так что ты не беспокойся, я буду готова вовремя. Я не смогу вынести, если заставлю тебя ждать отец.

Unloaded Zone

Ехали молча. Молчание это просто выгрызало все изнутри. От него судорожно подводило живот, болела голова и хотелось совершить что–нибудь очень решительное — пнуть отца, заорать, распахнуть дверцу и выпрыгнуть из машины на ходу… Но Юми подавляла эти желания и сидела, уставив невидящий взгляд в окно, стараясь не думать ни о чем.

Что же касается Готтбаума — если молчание ему и досаждало, он этого не показывал. Он умело вел машину на большой скорости, следуя, видимо, им самим составленному расписанию. К середине дня они достигли LAX.

Остановившись в разгрузочной зоне, отец поставил машину на тормоз и посмотрел на Юми. Ей показалось, что в его глазах на секунду появилось нечто этакое; какое–то неосознанное чувство — возможно, даже минутное сожаление.

— Прошу прощения за то, что приезд не доставил тебе большего удовольствия, — сказал он.

Она еще секунду вглядывалась в его лицо, точно для того, чтобы убедиться, вправду ли он что–нибудь чувствовал. Но под давлением ее внимания он вновь стал самим собой. Суровые морщины на его лице стали глубже, и он отвел взгляд, покосившись на часы в приборной панели.

Так и есть. Он покончил с ней и теперь хочет только поскорее уйти.

— Наверное, я никогда больше не увижу тебя, — сказала она с трудом. — Хотя все еще не верится, что ты собираешься… сделать то, о чем говорил.

Отец пожал плечами.

— В конце текущей недели увидишь в новостях мой некролог.

Юми теребила ткань своего платья.

— Ты проводишь меня до терминала? — Она наперед знала,

что отец откажется, но пусть сам прямо скажет об этом…

— Извини, — сказал он, — я не могу.

Она взяла с заднего сиденья свою сумку, бросила ее на колени и обхватила руками. Тут ей подумалось: а что, если она вдруг заорет:

— А ну вылазь, ублюдок, из своей е…й машины, обними и поцелуй меня на прощанье, как все нормальные люди!

Она отворила дверцу.

— До свидания отец.

— До свидания, Юми. — Рука его потянулась к рычагу передач.

Она выбралась из машины, и звучно хлопнула дверцей. Машина тронулась с места, отворачивая от обочины. Неужели он действительно вот так просто уедет?

Его машина пристроилась к потоку экипажей и уже через 10 секунд скрылась из виду.

Reasonable Doubts [Небеспочвенные сомнения]

Злая, как черт, широкими размашистыми шагами, с бледным лицом и до скрипа стиснутыми зубами они прошла к аэровокзалу и остановилась у первого попавшегося таксофона. Злобными, резкими тычками набрала номер. На этот раз без всяких опасений.

— Шерон Уилсон? — спросила она, услышав в трубке женский голос.

Последовала некоторая заминка.

— Нет. Это — Шерон Бейли.

Только спокойствие. Юми прижалась лбом к холодной металлической стенке телефонной будке.

— Но вы — жена Джима, я узнаю ваш голос. Я уже звонила вам.

Снова пауза.

— А кто говорит?

— Это Юми. — И тут она поняла, в чем дело. — Ваш муж назвался фамилией Уилсон — наверное, потому, что считал необходимым скрыть, кто он на самом деле. Он работает в отделе безопасности, ведь так? Но, пожалуйста, скажите ему, что я звоню. Я уверена, он захочет поговорить со мной.

Женщина нервно засмеялась.

— О, понимаю.

— Он дома?

И вновь пауза.

— Нет. Он звонил еще раз. Он где–то на прибрежном шоссе, все еще старается наладить машину. Видите ли… вы меня извините, но если дело касается… безопасности, мне, наверное,

не следует вмешиваться.

Юми была воспитана в уважении к желаниям других; так, чтобы не быть навязчивой и никого не оскорбить. Мать называла это вежливостью, отец же принимал такое отношение к себе как должное и единственно верное. Но здесь, у таксофона, Юми было так обидно и больно, что она не в силах была считаться с другими людьми.

— Когда я звонила вам в прошлый раз, вы говорили, что муж делится с вами подробностями своей работы.

— Н–ну… иногда, — неохотно ответила Шерон.

— Джим не рассказывал вам о своем визите к доктору Лео Готтбауму? Я — Юми Готтбаум, его дочь.

— О, понимаю.

— Ваш муж интересовался работой отца. Проектом «ЖС». Сейчас я располагаю нужной ему информацией. Пожалуйста, скажите, как мне с ним связаться?

И еще одна — длиннющая! — пауза на том конце.

— Никак. Он звонил мне из автомата и сказал, что телефон в его машине не работает, а починить машину на станции техпомощи он не может — сегодня воскресение. Возможно, ему придется еще одну ночь провести там, и дома он будет только завтра.

Юми, сильно обеспокоенная, смотрела в окно аэровокзала. Верить ли предчувствиям? Да, она давно поняла: от отца всегда следует ожидать самого худшего.

— Я только что проехала едва ли не все прибрежное шоссе, — спокойно сказала она. — И видела несколько станций техпомощи — они были открыты. Если ваш муж смог позвонить из автомата вам, он так же просто мог бы вызвать буксир. Скажите, вы уверены, что слышали именно его голос?

— Д… да. Голос был его. — Шерон встревожилась. — Что вы хотите сказать?

— Нет, ничего определенного. Просто у меня дурное предчувствие. — Юми немного поразмыслила. Что–то в ней толкало ее повесить трубку, забыть обо всем и поскорее ехать домой, на Гавайи, в обычную неспешную повседневную жизнь. Но, вспомнив, как отец бросил ее здесь, на тротуаре, она вновь обрела прежнюю решимость. — Я понимаю, вы со мной незнакомы, и я прошу слишком многого, но я просто не знаю, что мне делать. Можно мне приехать к вам? У меня — некоторые вещи вашего мужа, и их следует вернуть ему. И, если он снова позвонит, я смогу с ним поговорить.

Шерон собралась было ответить, но осеклась. Юми терпеливо ждала, не обращая внимания на аэровокзал, на объявления о

рейсах, толпы пассажиров, снующих через площадь…

— Нет. Не думаю, что вам следует приезжать, — наконец сказала Шерон. — Одно из первых правил Джима: никогда не давать наш домашний адрес кому–либо, хоть как–то связанному с делом. [расследованием].

— Тогда, быть может вы сможете подъехать ко мне? У вас ведь есть портативный телефон? А звонок по домашнему номеру может быть переадресован на него.

— А вы настойчивы, — нервно хохотнула Шерон.

— Нет, вообще–то я не такая. Я живу тихо — спокойно, делаю украшения и продаю их туристам. Для меня сложившаяся ситуация совершенно необычна. И мне приходится очень стараться, чтобы сделать все верно. Пожалуйста, скажите, вы сможете?

— Ладно, — вздохнула Шерон. — Ладно. Где вы сейчас?

На миг Юми позволила себе удовлетворенно расслабиться. Она добилась того, что обычно считала совершенно невозможным.

— Я в международном аэропорту Лос–Анджелеса, — сказала она. — Теперь — как я выгляжу. Я — наполовину японка, в руках — белая парусиновая сумка, а одета я в длинную юбку и белую хлопчатобумажную блузку. Буду ждать у «Федерал Эрлайнс Билдинг», на верхнем уровне.

Threats [Знамения беды]

Шерон появилась в аэропорту лишь через полтора часа. Приехала она в маленьком красном электрическом «фиате» с мятым крылом, погнутой антенной и разбитой фарой. Она остановилась у бровки, перегнулась через сиденье и распахнула дверцу с «пассажирской» стороны. Шерон оказалась симпатичной молодой женщиной с живыми глазами и застенчивой улыбкой.

— Привет, — сказала она. — Вы, должно быть, Юми. Извините, что так долго — мне пришлось искать няню.

— Нет, все в порядке. Рада с вами познакомится, Шерон.

Юми села в машину. Теперь, лицом к лицу с собеседницей, она была не так уж уверена в себе — по телефону быть храброй куда как легче.

А Шерон окинула ее пристальным взглядом и, похоже, на душе у нее стало полегче.

— Я понимаю, это глупо, но я боялась, что вы… окажетесь не той, за кого себя выдавали.

— Я — дочь знаменитого человека, который считает себя выше закона, — сказала Юми. — И я… хочу помочь вашему мужу.

Прозвучало это сурово, без всякого юмора, и обстоятельство это смутило Юми. Она опустила взгляд и расправила юбку на

коленях, отметив мимоходом, что внутри машина была в столь же плачевном состоянии, как и снаружи. На полу валялись квитанции заправочных станций, игрушечный грузовичок и смятая автодорожная карта, а крышка бардачка удерживалась в закрытом состоянии посредством кусочка скотча. Наверное, на людях, в своей профессиональной жизни, она еще придерживается образа дамы элегантной, однако в жизни личной не слишком заботится о том, чтобы все было «на ять». Юми почувствовала невольную симпатию к Шерон.

— Итак, вы хотели поговорить? — спросила та.

— Именно. До моего самолета еще четыре часа. Я выкупила свой билет, пока ждала вас.

— Наверное, надо бы куда–нибудь поехать. Как насчет дамбы, в Венеции? Это недалеко.

Юми пожала плечами.

— Хорошо.

Через некоторое время, найдя место для машины, они поднялись по лестнице на белую стену дамбы — 20 футов в высоту, 10 в ширину — укрывавшей в своей тени condos, бары и рестораны, смотревшие некогда в океанскую даль. Променад наверху заполняли велосипедисты, парочки гуляющих, детишки с воздушными змеями и старички, сидящие на скамейках.

— А знаете, я до сих пор помню этот берег, — сказала Шерон, глядя, как барашки волн перекатываются через волноломы и шлепаются в подножье дамбы. — Мой папа некогда водил меня сюда, когда я была маленькой.

— Купаться?

Шерон покачала головой.

— Тогда здесь было слишком грязно.

Они остановились у ресторана, заделанного в дамбу одной стороной и нависавшего над морем; желтый тент был растянут над столиками, расставленными по полукруглому патио. Почти всем посетителям было за 60 и даже за 70. Старики потягивали пиво или кофе, читали старообразные газеты и бумажные книги, в полной мере наслаждаясь уходящим днем.

Едва Юми и Шерон сели за свободный столик, к ним подкатил робот–официант.

— Приветствую вас в нашем ресторане! Меня зовут Фрэнк. Позволите ли принять ваш заказ?

— Господи Иисусе… По–моему, не следует давать роботам имена, — сказала Шерон.

Есть у вас зеленый чай со льдом? — спросили Юми.

— Да, у нас есть зеленый чай со льдом. Для вас — зеленый чай со льдом?

— Да; пожалуйста.

— Один раз зеленый чай со льдом, — сказал робот.

— А мне необходимо выпить, — сказала Шерон. — Белый ром со льдом и содовой.

— Один раз белый ром со льдом и содовой. — Инфравизор робота повернулся, проверяя, нет ли за столиком еще клиентов. — Это будет все?

— Да, это все.

— Благодарю за заказ. Минуточку.

— Я была здесь с Джимом, — сказала Шерон, — несколько лет назад, когда ресторан только–только открылся. Он был неравнодушен к океану. Говорит, есть в нем нечто мистического толка — ведь он так много скрывает под поверхностью… Часами может смотреть на волны… — На миг она погрузилась в воспоминания, но тут же вернулась к настоящему. — Так скажите, пожалуйста, в чем же дело?

Юми сложила руки перед собой, одну ладонь на другую, и посмотрела на Шерон. Лицо собеседницы располагало: честное, открытое, искренне заинтересованное… Завести друга для Юми было слишком тяжелым делом, а доверяться людям — еще тяжелее, но в данном случае не слишком уж разбираться было некогда.

— Я расскажу все с самого начала.

Шерон оказалась хорошей слушательницей. Она внимательно выслушала, как Юми описывала своего отца, его работу, внезапное приглашение приехать и все, что произошло после. Робот–официант принес заказанные напитки; Юми и не заметила своего стакана — она рассказывала то, что знала о проекте «ЖС».

— У меня нет ни малейших сомнений: отец не просто интересовался возможностью сканировать и сохранять интеллект лабораторных животных для военных целей. Наиболее очевидным применением с его точки зрения являлось бы сканирование и сохранение человеческого сознания. Это обещало бы в некотором роде бессмертие, да к тому же предоставило бы ему позицию силы.

Шерон, уже осушившая свой бокал, сидела напротив, подперев ладонью подбородок, а локтем опершись на стол, и внимательно смотрела в лицо Юми.

— Я не много знаю о компьютерах, но хранить в машине чей–нибудь интеллект… Это кажется невозможным.

Юми торжественно–серьезно покачала головой.

— Еще когда я была маленькой, отец однажды сказал, что и в те времена компьютеры были достаточно емки, чтобы вместить память человека. Говорил, что реальных сложностей две:

отсканировать нейроны и сымитировать, как они связаны друг с другом.

— Но, когда Джим позавчера вечером говорил со мной о «ЖС», он сказал, что проект полностью несостоятелен.

— Отец — почти случайно — признался мне, что исследования успешно завершены. Только он скрывает это от нанимателей вашего мужа. От «Норт–Индастриз».

Шерон слабо улыбнулась.

— Наверное, вам можно сказать… Джим не работает там. Его наниматели — ФБР.

Юми ненадолго стихла.

— А; теперь понимаю. — Она кивнула каким–то своим мыслям. — Теперь понимаю. — Она заново обдумала несколько минут, проведенных в машине Бейли. — Знаете, по–моему, он хотел сказать мне, кто он на самом деле, когда назвался настоящим именем и дал номер телефона.

Шерон быстро кивнула.

— Абсолютно верно. Именно тот факт, что он дал вам наш номер, и склонил меня согласится на встречу с вами. Для этого он должен был счесть вас достойной симпатии и доверия.

— Значит, он участвует в крупном полицейском расследовании?

Шерон рассмеялась.

— Господи, да нет же! На все это он наткнулся сам. Даже рапорта составить не успел.

— М–мх. — Юми закусила губу. — Это уже хуже. Допустим на минуту, что отец как–то выяснил, кто ваш муж на самом деле. Зная, что угрозу его работе представляет только один человек, он… — Юми не договорила.

— Стоп, стоп, минуточку. — Шерон принялась щипать бумажную салфетку под бокалом, отрывая маленькие клочки от уголка. — Ваш отец — не преступник, и те люди, что работают в «Норт–Индастриз», всеми уважаемые ученые. — Звучало это более как вопрос, нежели как утверждение. Она смотрела на Юми, ожидая обратного утверждения.

Юми покачала головой.

— Представьте, что вы 30 лет всю себя отдавали делу. Вы свято верите, что можете обмануть смерть. И вдобавок изменить весь мир. И вот в самый последний момент появляется угроза всему, чего вы добились. И вы при всем при том такой человек, которого на деле заботят только две вещи: наука и самосохранение.

Шерон опустила взгляд, увидела кучку обрывков салфетки, поморщилась, хотела было что–то сказать, но смолчала и

приложила руки к глазам.

— Все это трудновато принять…

— Что–нибудь еще? — К ним опять бесшумно подкатил робот–официант.

— Нет! — рявкнула Юми во внезапной вспышке раздражения. — Больше ничего!

— Позвольте мне, — сказала Шерон. Она явно рада была поводу отвлечься. Выудив из сумочки свой кредит–диск, она вложила его в дешифратор робота и подождала, пока он не высунется назад вместе с бумажной квитанцией.

— Спасибо, — сказал робот. — Возвращайтесь к нам поскорее.

— Надеюсь, я не попусту взбудоражила вас, — сказала Юми. — Но я твердо уверена: существует реальная опасность. И я в ответе за все. Доверься я вчера вашему мужу, когда он просил помочь…

Шерон натянуто улыбнулась, сделала глубокий вдох, и снова взяла себя в руки.

— Нет, вы ни в чем не виноваты. Джим действовал на свой страх и риск…

Юми пожала плечами.

— Я чувствую, что обязана помочь.

Шерон испытующе взглянула на нее.

— Но только ли в Джиме дело? Наверное, вы сердиты на отца. Не хочется ли вам, в некотором роде, отомстить?

Вопрос застал Юми врасплох. Она почувствовала, что щеки ее покрывает румянец.

— Вы — женщина проницательная.

— Я — журналист. По–моему, это у меня профессиональное. Но мне нужно заняться делами. — Она оттолкнула кресло. Похоже, плохие вести только придали ей сил.

— Что же вы думаете делать?

— Позвоню Джимову непосредственному начальству, если только смогу найти его в воскресенье. Или пойду в местное отделение полиции, подам заявление о пропаже человека попрошу отыскать больницу куда лег ваш отец. А завтра первым делом свяжусь с «Норт–Индастриз»…

— Нет! — Юми хлопнула ладонями по столу. Хлопок был резким и громким; она сама себе удивилась — никогда не распускалась так на людях. Но ведь очень — жизненно важно было убедить Шерон… — Если вы позвоните в полицию по обычной телефонной связи, или если полицейские будут пользоваться обычными радиодиапазонами, очень может быть, что отец и его коллеги узнают обо всем. Они будут еще более

напуганы — и еще более опасны. Для вашего мужа и для вас.

Шерон смутилась.

— Но я не понимаю, как они смогут…

Юми сжала руку Шерон.

— Пожалуйста, поверьте мне! Муж ваш недооценил моего отца, но вы не должны совершать той же ошибки! Лео Готтбаум еще 50 лет назад ломал парольные защиты, чтобы проникать в базы данных! У него есть системы, которые — я уверена — могут автоматически прослушивать тысячи звонков, реагируя на ключевые слова. Я не специалист и не знаю подробностей, и сама компьютерами никогда не занималась. Но я росла рядом с ним и знаю, на что он способен, и знаю, что совесть его мучить не будет.

Шерон вымученно засмеялась.

— Вы действительно во всем этом убеждены?

Юми опустила взгляд.

— Извините, я не хотела на вас кричать. — Она взглянула на свои часы и только теперь поняла, сколько времени прошло. — Боюсь, нам пора возвращаться. Мне еще нужно успеть на самолет. — Она неловко отодвинула кресло и поднялась. Но, Шерон, пожалуйста, пока существует еще вероятность, что муж ваш жив, не делайте ничего, что может насторожить отца и его людей.

Они вернулись к машине и поехали в аэропорт. Шерон вела машину молча, глядя прямо вперед, погрузившись в глубокие раздумья.

— Вы, говорите, журналист? — спросила Юми.

Шерон медленно, рассеяно кивнула.

— Да, верно. Я работаю на местной телестанции.

— Это хорошо. Значит, вы умеете и собирать информацию, и распространять ее. Гласность может послужить очень мощным оружием против отца. — Юми вынула из сумки описание проекта «ЖС», а также компад Бейли. — Ваш муж случайно забыл эти вещи у отца. Я подумала, что в компаде его личные заметки, и не смотрела, но они могут быть полезны. А в папке — описание проекта. Будете читать: не забывайте: мой отец признался мне в личной беседе, что они добились успеха в решении всех поставленных задач. — Юми положила то и другое на заднее сиденье.

Шерон выехала на пандус, ведущий к Федерал Эрлайнс Билдинг, высмотрев свободное место, подрулила к бровке и поставила машину на тормоз. Откинувшись на заднее сиденье, она устало провела руками по лицу.

— Мне следует поблагодарить вас, — подавленно сказала она. — Только я от всей души надеюсь, что вы ошибаетесь относительно… того, что может случиться.

— Конечно, я могу ошибаться. Муж ваш может быть в каком–нибудь мотеле у прибрежного шоссе. Вполне возможно.

— Наверное, мне лучше поехать поискать его. Хуже от этого не будет.

Юми обдумала все это и покачала головой:

— Если с ним все в порядке, очевидно, что он связался бы с вами. Если же, напротив, случилось что–то плохое, отец сделает все, чтобы отвести от себя подозрения. Я понимаю очень трудно вот так сидеть и ждать, но, я уверена, вы в любом случае очень скоро что–нибудь узнаете. — Она взглянула на часы и отворила дверцу машины. — Боюсь, мне пора. Надо бы мне остаться, помочь вам, но если отец проверить списки пассажиров и

обнаружит, что я не села в самолет, он поймет, что тут что–то не так.

Шерон разглядывала свои руки, лежавшие на баранке. Затем, повинуясь порыву, она распахнула свою дверцу, выбралась наружу, быстро обойдя машину, подошла к Юми, стоявший уже на тротуаре, и взяла ее за руку.

— Вы сделали гораздо больше, чем должны были, — сказала она. — Я вам так благодарна… — И неожиданно обняла ее.

Юми была слишком удивлена, чтобы как–то реагировать. Шерон крепче сжала ее в объятиях, затем немного отстранилась, глядя ей в глаза с явной искренней благодарностью. Все произошло настолько стихийно, что Юми не знала, что и думать, а уж тем более — что сказать.

— Можно позвонить вам и рассказать, как все вышло? спросила Шерон.

— Да–да, пожалуйста. — Юми неловко порылась в сумке и нацарапала на клочке бумаги телефон, радуясь поводу отвлечься. — Звоните в любое время. Однако, пока все не разрешится, будьте осторожны с упоминаниями того, о чем я вам говорила. — Она втиснула бумажку в ладонь Шерон и, испугавшись переполнявших ее чувств, повернулась и поспешила к аэровокзалу.

LAST RITES [Последние процедуры]

Голова болела, точно цепами молотили; во рту — неприятный кислый привкус… Бейли встрепенулся и заморгал, пытаясь сосредоточится. Темно; кажется его куда–то везут… Машина? Сиденье неудобное, жесткое… Он попробовал пошевелить руками и обнаружил, что запястья снова стянуты лентой. И на голове что–то такое есть. Опять черный пластиковый пакет. Пакет ли? Он тряхнул головой. Да, пластик на лице, стянут вокруг шеи.

Впрочем, больших неудобств это не причиняло: он был очень сонным и, как бы ни старался сконцентрироваться, мысли ускользали куда–то в темноту. Опять наркотики, пришло смутное понимание. Он сглотнул и облизнул губы.

— Куда мы едем? — услышал он собственный голос, до странного громко прозвучавший внутри головы.

— Я везу вас в гости к одним моим друзьям.

Бейли снова и снова силился сосредоточится. Ну да, этот, рядом — Готтбаум.

— Мы едем назад в купол?

— Нет. Мы с вами, мистер Бейли, в большом Лос–Анджелесе. Теперь вы — мой подопечный. Доктор Френч пожелала, чтобы было так.

— Я хочу выглянуть в окно. Можно?

— Сожалею. Будет лучше, если вы не увидите, куда вас везут. Мои друзья согласились помочь на условиях полной анонимности.

Бейли рассмеялся. Смех сильной болью отдавался в голове, да еще породил кашель, отчего стало еще хуже.

Он слабо рванулся. Лишенный возможности видеть, он чувствовал себя весьма погано.

— Все равно собираетесь убить — так какая разница?

— Не убить. Просто деанимировать, — поправил Готтбаум. — И если все пройдет, как задумано, в чем я ничуть не сомневаюсь, вы сохраните все свои качества. Включая память.

— Как инфоморф… — Это не имело значения. Никакого.

— Да, вы станете инфоморфом, — отстраненно, безучастно ответил Готтбаум.

Бейли пытался подумать, невзирая на наркотики, как следует. Простейшая логика давалась с необычайным трудом.

— Если вы отпустите меня, я ничего не скажу. Не стану бурю затевать. Слышьте, я даже рапорта не успел составить…

— Рад слышать. Спасибо за подтверждение. И все же ставка тут слишком высока для нас, чтобы просто отпустить вас под честное слово.

Бейли поерзал на сиденьи и, точно сквозь туман, осознал: он — на переднем сиденьи, а сидящий рядом Готтбаум — за водителя. Может, удастся пробить головой стекло, выбраться, упасть на дорогу, а тогда кто–нибудь увидит… Ехать, куда везут, ему вовсе не хотелось. Страшно было. Он, конечно, под наркотиками и не может нормально думать, однако он знал, что ему страшно. Может, удастся пробить головой стекло…

Машина остановилась; Готтбаум нажал клаксон — раз, еще.

— Приехали, — сказал он.

Бейли внесли в какое–то помещение. Пахло химией. Было холодно. Его разложили на чем–то твердом, привязали и сняли с головы пакет. Он сощурился и заморгал. Сглотнул — очень хотелось есть. Почему его не кормят? Куда привезли? Стеллаж во всю стену, уставлен электронным оборудованием; пара каких–то устройств с отходящими от них трубками; два человека в хирургических масках и зеленых халатах… Что здесь творится?

Появился третий — то был Готтбаум, тоже в маске, шапочке и стерильном халате.

— Уверяю вас, — сказал он Бейли, — все пройдет относительно безболезненно.

— Безболезненно? — Он медленно повернул голову, пытаясь вникнуть в суть.

— Сканирование, Бейли, есть процедура долгая деликатная и хлопотная. Ваш мозг придется охладить до полного затвердевания. Мои друзья — рекомендую — специалисты по крионике. Они в нашу работу верят и вполне осведомлены о ее результатах.

Бейли скривился.

— Нет, — слабым голосом сказал он. — Я не хочу…

— Мы готовы начать перфузию, доктор Готтбаум, — сказал один из тех, в халатах. Над его маской можно было различить бледноголубые глаза, да маленькую розовую родинку на лбу, чуть сбоку. Говорил он так, точно для счастья ему не хватало чего–то очень существенного.

Сквозь туман в голове блеснуло воспоминание. Бейли бессознательно рванулся, пытаясь сесть.

— А где Баттеруорт?

— Майкл Баттеруорт вместе с остальными членами группы сейчас в «Норт–Индастриз» готовит оборудование для вашего сканирования. К счастью, сегодня воскресенье, и мы можем работать, не слишком опасаясь нежелательных вторжений. Баттеруорт будет заниматься расчетами мозга. В настоящее время он — единственный, чья квалификация достаточно высока.

Бейли слабо застонал. Тот единственный, кому он хотел довериться — именно он собирается… разрезать его, Бейли, на куски…

— Вы просто отпустите меня, — сказал он. — Оставьте меня в покое, а я оставлю в покое вас.

— Доктор Готтбаум? — Тот с родинкой, что–то держал в руках. — Я полагаю, именно вам следует…

— Да. Это — моя обязанность. — Он опустил взгляд на Бейли. — Сейчас вам введут нейтрализатор для введенного ранее седатива. Вы ощутите вдруг необычайный прилив сил ясность мысли. Затем мы начнем перфузию — заменим вашу кровь реактивами, которые предохранят ваши клетки от повреждений при замораживании и вы быстро потеряете сознание. А ощутите только нарастающую слабость. — И с этими словами он приложил инъектор к руке Бейли.

Туман в голове — точно ветром унесло. Бейли, словно бы вышел из мрачной, невыносимо жаркой комнаты в ослепительный, льдисто–холодный зимний день. Пульс забился в два раза чаще. Бейли обнаружил, что привязан к операционному столу; дикий, ослепляющий свет бьет прямо в лицо; на колесном столике, стоящем в головах, разложены стальные инструменты. Его собираются убить.

— Нет! — закричал он. — Господи… Шерон!

В руку его вонзилась полая игла. От сильной боли Бейли вскрикнул. Машина [?]. Рука тут же стала холодной, как лед, и начала очень болезненно пульсировать.

— Стойте! — Он рванулся изо всех сил. — Ублюдки вы клятые…

— Два литра, — сказал кто–то.

Все окружающее отступило куда–то вдаль. Глуховатый пульс его сменил частоту и теперь отдавался в ушах быстрым стрекотом пишущей машинки. Столешница вместе с Бейли словно бы начала уходить в пол. Люди в халатах превратились просто в кукол, плавающих в белом сиянии.

— Шерон! — охнул он.

И отключился.

Из ГРАНДА–ХИЛЛС ГАЗЕТТ; выходные, 20 мая, 2030 г.

АГЕНТ ФБР СГОРАЕТ В СОБСТВЕННОЙ МАШИНЕ.

Наш земляк из Гранда–Хиллс, работавший в ФБР, нашел свою смерть ранним утром в понедельник. Его машина врезалась в ограждение на Первом Шоссе, невдалеке от Каюноса, и вспыхнула.

Пожарная команда, вызванная на место происшествия, оказалась бессильна — спасти 33–х летнего Джеймса Бейли из адского пекла салона его экипажа не удалось. По словам местного участкового брандмейстера Ларри Мангрегора, при соударении машины с камнями на берегу произошло повреждение аккумулятора и высвободившийся водород послужил причиной взрыва. Останки водителя так обуглились, что личность была установлена лишь по анализам ДНК.

Брюс Тейлор, чей ресторан «Приют рыбака» расположен менее чем в 500–х футах от места происшествия, сказал следователям, что слышал визг покрышек, и а после — удар и громкий взрыв около 5–00.

— Даже стекла в окнах задребезжали, — сказал он. — Я спустился к машине сразу же, но парень внутри был уже изжарен.

Наш источник в ФБР подтвердил: хоть Бейли и был спецагентом Отдела Технологических Преступлений, во время катастрофы он не находился при исполнении служебных обязанностей.

Местная полиция исключает возможность того, что причиной аварии послужила поломка машины.

— Я считаю, он просто проглядел поворот, — говорит сержант Джордж Тернер из Каюносского Полицейского Управления. После прошлого типа, который упал с того обрыва, мы там поставили стальное ограждение и предупреждающие знаки. По–моему, этот просто уснул за рулем.

Но в памяти своей жены Шерон и 4–х летнего сына Дэймона Бейли навсегда останется живым.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

The Arena [Арена]

Вихрь истеричных каких–то, немыслимых цветов ослеплял, оставляя за собой пурпурную дымку на внезапно–резком черном фоне. Что–то загудело; громче, еще громче — так, что заломило зубы. Затем — вдруг стало до жути тихо, — и Бейли обнаружил, что медленно–медленно, точно под водой, поворачивается головой вниз. Во рту стояла нестерпимая горечь; он чувствовал слабость, головокружение и гулкий стук в висках, точно с похмелья. Происходило явно что–то нехорошее, и он хотел было закричать, однако губы точно склеили; он не мог вздохнуть…

Бейли лежал на спине, закрыв глаза. Мягкий бриз поглаживал его лицо; солнце приятно грело. Он застонал и перекатился набок. Господи, подумал он, приснится же такое…

Открыв глаза, он увидел, что лежит на плоской, белой бетонной плите, а вверху — ясное голубое небо. От яркого света он сощурился. Лежал он в центре какой–то циклопических размеров круглой площади, обнесенной по периметру высокой стеной. И тут он вспомнил все.

Его охватил ужас. Он поспешно стал на колени и окинул окрестности быстрым взглядом. Последние мгновения на операционном столе вспомнились вдруг во всех подробностях и красках; он точно услыхал отголоски последнего своего крика о помощи. Что за ерунда; где же это он?

Он опустился на четвереньки и ощупал под ладонями бетон шершавый, твердый, нагретый солнцем. Он провел по нему ладонями — и почувствовал, как мелкие песчинки впиваются в кожу. Он шлепнул по бетону ладонью — и кожу засаднило от удара.

Он снова поднялся на колени, прикрыл на мгновение глаза, заткнул уши пальцами, глубоко вдохнул, и услышал, как воздух врывается в легкие, как глуховато стучит сердце…

Он встал на ноги и осмотрел свое тело. Одежда на нем была та самая, в которой он поехал к Готтбауму — белая рубашка, коричневые штаны и сандалии. Часы и обручальное кольцо тоже были при нем. Он поднял руки к глазам и внимательно осмотрел их. Мелкие песчинки, впились в кожу… Он отряхнул ладони песчинки посыпались наземь.

Что же — эксперимент не удался? Готтбаум со товарищи был помещен под арест, прежде чем успел провести сканирование? А его, Бейли, каким–то образом оживили?

Он медленно, стараясь действовать методично, не терять

контроля над собой, повернулся. Во все стороны от него расходилась бетонная площадь, ровная и однообразная. Он крикнул — крик громко прозвучал в собственных его ушах, слабым эхом отразившись от стены по периметру площади. Он топнул ногой; раздался хлопок сандалии, а пятку кольнуло больно от удара о бетон.

Одежда до зуда раздражала кожу. Ветер был холоднее, чем показалось вначале. К тому же он только теперь понял, что голоден.

Он пошел, стараясь держать курс прямо через площадь. Через несколько минут он остановился и оглянулся. Стена позади несколько отдалилась, а впереди — слегка приблизилась.

Он пошел вперед. Жесткий ветер, пронизывал тонкую рубашку, вызывал неприятную дрожь. Сосущая пустота в желудке превратилась в настойчивую тянущую боль. Он почувствовал, что все больше и больше слабеет. Сколько же времени он пробыл без сознания? Несколько дней? Несколько лет? Он потрогал челюсть подбородок был дочиста выбрит. Как же это? Под конец у него должна была отрасти двухдневная щетина. Разве что кто–то побрил его, пока он был без сознания, или же…

Но вот опять — этот дикий, мрачный вой. Вдали показалось маленькое черное пятнышко, растущее по мере приближения. Зверь какой–то… Может, собака?

Бейли решил, что ждать на месте и выяснять, насколько эта тварь дружелюбна, не стоит. Он побежал. Инстинктивно.

Ремешки сандалий при каждом шаге больно врезались в кожу. Легкие болели. В глазах все плыло. Он оглянулся, и увидел, что тварь догоняет — громадный черный зверь, пасть полуоткрыта… Зверь снова завыл; гулкое эхо отразилось от стен.

Когда он добежал до стены, зверь был уже меньше, чем в 20 футах. Таких Бейли еще не видел: почти с него величиной, в густой черной шерсти, нечто среднее между волком и медведем.

Стена впереди была ровной, белой, высокой и гладкой взобраться невозможно, однако в ней через равные промежутки были проделаны арки. Вбежав под ближайшую, он обнаружил лестницу, ведущую прямо вперед, и поскакал вверх, прыгая через 2 ступени. Он был так истощен, что ноги буквально подгибались под тяжестью тела. Достигнув площадки, он замешкался — в каменной стене прямо перед ним была белая, дверь.

Он дернул ручку. Дверь отворилась, и он едва не упал внутрь, захлопнув дверь прямо перед носом животного.

За дверью оказалась маленькое квадратное помещение, освещенное одинокой флуоресцентной панелью. У стены стояла узкая кровать, кроме нее в комнате были: раковина, плита и

холодильник. Все было белым — и стены, и потолок, и постель, и кухонное оборудование.

Бейли рухнул на кровать, хватая ртом воздух, и лежал, пока биение пульса не успокоилось до нормы. Комната успокаивала. Кухонное оборудование явно было взято из какого–нибудь захудалого пригородного дома. Флуоресцентная панель напоминала такую же в его кабинете. Все было не на месте, но очень знакомо.

Еще через минуту он сел, затем встал. Грудь его болела, голова кружилась, однако он чувствовал настоятельную потребность выяснить, где он находится. К тому же он был отчаянно голоден. Подойдя к холодильнику, он распахнул дверцу.

Внутри, на верхней полке, лежал огромный, круглый шоколадный торт.

Торт располагался на круглом белом блюде. Подсунув под блюдо руки, Бейли поднял его и отнес на кухонный стол у раковины. Поискав глазами ящик либо полку, где могли ы лежать тарелки и столовые принадлежности, он ничего подходящего не нашел. Ради пробы он тронул пальцем глазурь, отколупнул капельку и поднес ко рту.

Голова его кружилась, рот наполнился слюной, точно он множество дней провел без пищи. Он сомкнул губы вокруг пальца, втянул глазурь в рот — и тут же закашлялся.

На вкус глазурь была отвратительна, словно гнилое мясо или тухлый сыр. Привкус тут же наполнил рот, заставив желудок сжаться в рвотной спазме.

Он судорожно отвернул кран. Вода устремилась в раковину. Набрав немного в пригоршню, он хлебнул, надеясь смыть мерзкий привкус.

Вода обожгла рот, точно кислота. Какие–то капли все–таки попали внутрь, и он почувствовал, что его словно разъедает изнутри. Закричав, он схватился обеими руками за горло и шарахнулся от раковины.

Он снова упал на кровать, комната завертелась перед глазами, свет померк.

Maphis

Очнулся он на большущей, широченной кровати. Льняные простыни холодили кожу. Голова глубоко утопала в мягкой подушке.

Бейли застонал и опасливо огляделся, ожидая, что снова окажется в белой комнате. Но вместо белых стен — странная мебель, обои цвета «бордо», прекрасный старый круглый стол у стены, книги в кожаных переплетах за стеклянными дверцами

шкафов, окна в обрамлении красных бархатных занавесей…

Он попробовал сглотнуть, в страхе, что горло его до сих пор болит, однако все было в порядке. Он больше не чувствовал ни изнеможения, ни голода, ни холода, ни страха?

— Что за дьявольщина тут творится? — спросил он вслух — просто так, чтобы услышать собственный голос.

(- Вы в вашем новом доме).

Ответ, казалось исходил изнутри, его собственной головы. Он вздрогнул от неожиданности. Голос звучал безлико, им персонально. Машинный какой–то голос…

— Вы, значит, сделали это, — сказал Бейли. — Будьте вы прокляты…

Он провел руками по лицу, и взъерошил волосы пальцами, прижав ладони ко лбу. Затем, сдернув с постели простыню, вцепился в нее зубами. Простыня оказалась мягкой, но прочной. Даже на вкус — настоящей лен, свежевыстиранный и отбеленный.

(- Я ничего не делал, —) ответил голос, в его голове.

Бейли отшвырнул простыню. Обозрев свою наготу, он огладил ладонями грудь и живот. Кожа, волосы — все ни на взгляд ни на ощупь не изменилось.

— Убирайся из моей головы! — заорал он.

— Я не понимаю. Не могу произвести грамматический разбор команды.

— Я–что, с компьютером говорю? И–эр? Здесь, вообще, есть хоть что–то настоящее?

— Я — очень большая система обработки данных. Аббревиатура — MAPHIS: Memory Array and Processors for Human Intelligence Storage. Все, что вы видите — не реально. Все это является симуляторами, идущими на ваши рецепторы. Сами же ваши рецепторы и прочие составляющие вашего мозга воссозданы на моем оборудовании.

Бейли сел на краю кровати, упер локти в колени и опустил подбородок на ладони.

— Ладно, заткнись, пока не спрашивают, — пробормотал он.

Голос услужливо смолк.

Но ведь тело у него по всем ощущениям то же самое! И воспоминания! Он подумал о детстве, о родителях, о ребятах, с которыми вместе ходил в школу, о летней работе после первого курса колледжа… Он вспомнил Шерон, тот день, когда познакомился с ней в кафетерии. Во что она была одета? Зеленая футболка, белые штаны…

Вспоминать об этом было слишком больно.

Он встал. Ворсистый ковер щекотал босые подошвы. Он снова осмотрел комнату — он была большой и тяжеловесно–богатой.

Солнце светило сквозь окна, лучи его сияли на полировке старинной мебели. То тут то там попадались штришки современности: центр развлечений в стене против кровати, клавиатура компьютера на круглом столе, переносной телефон ни атласном покрывале кровати. Полуоткрытой дверью современная ванная комната.

Как же? Все это — действительно компьютерный симулятор? Но каждая деталь выглядит так реалистично… Пол под ногами был тверд, и, перемещаясь с ноги на ногу, он явственно слышал, слабое поскрипывание старых досок…

— И что ты теперь со мной выкинешь? — спросил Бейли. — Опять — отрава в еде и питье? Или еще что, чтобы испугать до усрачки?

(- Ничего не произойдет без вашего позволения).

Он хлопнул ладонью по лбу.

— MAPHIS, убери свой голос куда–нибудь еще!

(- Так лучше?) — Теперь голос исходил из колонок РЦ.

— Да.

Он замолчал, стараясь успокоиться и как–то примириться со случившимся, но никак не мог совладать с собой. Слишком уж много навалилось… А поскольку ощущения он испытывал те же, что в реальном мире, то непроизвольно реагировал на них, точно все окружающее и впрямь было настоящим.

— А почему же там, на площади, та тварь погналась за мной?

(- Это было необходимо для первоначальной калибрации базовых физических и эмоциональных реакций. На тепло, холод, голод, жажду, преследование, убежище, пищу. Имели место искажения при обработке данных, но теперь я скорректировал инверсию вкусовых ощущений. В дальнейшем вы не претерпите никаких неудобств. Если вы нуждаетесь в приведении в порядок каких–либо сенсорных поступлений (inputs), я всегда доступен для оказания помощи. Просто выскажите инструкции. Сигналы первой системы, поступавшие ранее на вашу гортань, переадресованы на интерпретатор, и через него — на мой речевой процессор.)

Бейли кивнул. Компьютерно–грамотная часть его сознания осознала и оценила достижения техники. В то же время, однако ж, он был ошеломлен, подавлен и ужасно одинок. И, что поганей всего, прекрасно понимал, до какой степени уязвим. Если его разум воссоздан в недрах большого, сложного и обладающего иск. разумом компьютера, он абсолютно не способен защитить себя — от болезненных экспериментов над его чувствами, от программных сбоев, от перепадов напряжения в сети…

Он снова сел на кровать. Покрывало было гладким и

скользким — точно таким, каким должно быть атласное покрывало. Он поскреб его ногтями; вот это уже ощущалось не совсем верно ногти не впивались в нитки так, как ожидалось. В конце концов, у любого симулятора есть пределы точности.

(- Комната удовлетворительна?)

— Удовлетворительна? Пожалуй, удобно…

(- Настроение удовлетворительно? Не желаете ли чувствовать себя более счастливым или более уверенным в себе?)

— Господи Иисусе. Ты и это можешь?

(- Частично.)

— Ну–ка, MAPHIS, объясни. Хочу понять, в каком мире нахожусь.

(- Ваше сознание пребывает в виде схемы в памяти очень большого компьютера. Я могу передавать в ваше сознание точные имитации нервных импульсов, которые вы получали ранее, как результат пребывания в различной обстановке при различных обстоятельствах. Имеется каталог мест и вещей, который я могу расширять по вашему требованию. Также я могу модифицировать воспринимаемые вами раздражители любым желательным для вас образом. Я могу воспользоваться прямой связью — через интерпретатор низшего уровня — с таким участками вашего мозга, как гипоталамус, и при помощи — изменения напряжения воздействовать на ваше настроение, подобно тому, как наркотики влияют на мозг человека.)

— Значит, ты и с моими воспоминаниями можешь творить, что захочешь? — Бейли показалось, что у него уже не осталось ничего своего…

(- Нет. Ваше воспоминания скопированы для компьютера с вашего биологического мозга, но никто не понимает, как он были в нем запрограммированы. Таким образом, я не способен контролировать ваши воспоминания, как и извлекать из них какую–либо информацию.)

— То есть, Готтбаум со своими гавриками скопировал мой мозг, не понимая, как он действует?

(- Да. По аналогии, аудиорекордер может хранить и проигрывать музыку без понимания гармонии и композитора. Дело лишь в точности копирования.)

— Что ж, приятно. Приятно, что хоть во что–то ты не можешь вмешаться. А настроение — спасибо, меня устраивает, какое есть.

(- Я попытался создать средние базовые эмоции).

Это объясняло, отчего он не чувствовал панического страха, обуявшего его в предыдущем сценарии. Он снова оглядел комнату, пытаясь понять, что же теперь делать. В каком–то смысле, не нужно было делать ничего: он, как инфоморф, не

нуждается в еде, питье, сне или работе. Однако он не ощущал себя инфоморфом! Он ощущал себя личностью, Джеймсом Бейли из плоти и крови, нуждавшимся, как и прежде, в человеческом обществе, интеллектуальной полноте и физической безопасности.

— Пожалуй, мне нужна одежда. Она помогла бы мне чувствовать себя более… нормально. Просто моя повседневная одежда. Это возможно?

(- Конечно.)

Одежда, выпрыгнув откуда ни возьмись, появилась на кресле, стоявшем прямо перед Бейли.

Он вскрикнул от удивления и слегка пригнулся, точно бесшумный «взрыв» был направлен в его голову. Помедлив в нерешительности, он протянул руку и пощупал ткань рубашки.

Она оказалось столь же плотной и реальной, как и кровать под ним.

— Так… не делай, — сказал он. — Не нарушай обычные законы пространства и времени. Очень дезориентирует. В смысле, разумом я понимаю, что все вокруг — симуляторы… Но выглядит–то как настоящее, и единственный для меня способ примириться с обстановкой — позволить себе думать, что все это и вправду настоящее.

(- Я не уверен, что понимаю вас. Мои сведения о физических законах и ограничениях ограничены. Вам придется специально объяснить, как должны выглядеть изменения в обстановке. Пойдем по пути прецедентов.)

— Потому, что я — первый инфоморф? Других здесь нет?

(- Пока нет.)

— А кто–нибудь извне осуществляет мониторинг?

(- Мне не позволено разглашать эту информацию).

Он взглянул на лежавший на постели телефон и непроизвольно взял его в руки, но гудка в наушнике не было.

— Он не работает?

(- Сейчас он предназначен для симуляции контакта с внешним миром.)

Он вообразил себе синтетическую версию голоса Шерон. Идейка вызвала отвращение и невыносимую тоску. Он швырнул телефон обратно.

— Нет. Мне нужен подлинный, реально–временной контакт.

(- Такой возможности пока не предусмотрено.)

— Может, в версии 1.1?

(- Я не понимаю.)

— Забудь, шутка.

Он прошелся по комнате взад–вперед. Одежда в точности повторяла движения, легко касалась кожи. Сосредоточившись на

ощущениях, он понял, что они не вполне верны: ткань была малость жестковатой, искусственной какой–то. Однако, не сосредоточься он на этом — и не заметил бы…

Он заглянул в ванную, осмотрел раковину, ванну, унитаз и биде — белая эмаль сверкала безупречной чистотой. Подошел к двери полированного дерева, отворил ее и вышел на площадку покрытой ковром лестницы, ведущей в парк.

— MAPHIS, а где должен находиться этот дом?

(- Где вам угодно. Дом смоделирован с настоящего здания на востоке Соединенных Штатов. Ваш текущей сценарий предполагает, что вы — человек, наделенный богатством и облеченный властью).

Голос все еще звучал из динамиков в спальне, и Бейли вернулся туда. Выглянув в окно, он увидел безупречно ухоженный газон, каменную чашу фонтана, обсаженную соснами подъездную дорожку…

— Прекрасно, — сказал он. — Хотя у меня другие представления о рае.

(- Имеются и другие сценарии. В моем каталоге хранится множество вариантов окружения и его деталей. Если же желательная для вас обстановка отсутствует в каталоге, ее можно воссоздать по частям и подогнать под ваши требования).

— Слишком привлекательно для правды, — проворчал Бейли.

Теперь он начинал понимать все возможности, всю отзывчивость этого синтетического мира, и у него появилось зловещее предчувствие, будто все его действия заранее запрограммированы. Он вспомнил тот прекрасный день, когда ехал к побережью, на встречу с Готтбаумом. Точно такое же ощущение…

С другой стороны, если этот MAPHIS действительно не врет, и он, Бейли, может устраивать окружающий мир как захочет, без всяких неожиданных препятствия и ловушек, к чему это приведет? Абсолютная власть… Абсолютная власть склонна абсолютно разлагать.

Он прошелся вдоль книжных полок, почитал названия на корешках. В основном, классика. Он взял с полки «Моби Дина», раскрыл, и обнаружил лишь чистые страницы.

(- Содержание книг в каталоге отсутствует. Если желаете, я скачаю его из Библиотеки Конгресса).

— Хорошо. Отчего бы нет…

Белая бумага тут же покрылась убористым листом. Бейли прошуршал страницами; все они, точно по волшебству, оказались заполненными.

(- Гарнитура удовлетворительна?)

— Еще бы. — Он мрачно усмехнулся. — Просто замечательно.

Закрыв книгу, он отложил ее на угол стоявшего рядом комода. Надо же, точно внутри Алладиновой лампы… Однако с координацией движений у него еще не все наладилось; книга толкнула узорчатое стеклянное пресс–папье и сбросила его на пол. Пресс–папье разлетелось мелкими стеклянными брызгами.

— Ч–черт…

Бейли поднялся и посмотрел на осколки.

(- Должен ли я восстановить пресс–папье?)

— Да, пожалуйста.

Осколки собрались в единое целое.

Бейли нагнулся, подобрал пресс–папье — и явственно ощутил его весомость, прохладу, гладкую округлость стекла. В центре располагался розовый хрустальный цветок… Он глазел на пресс–папье и понимал: это же — аналог его самого; оно точно так же заперто в этой отдельной вселенной и так же недостижимо извне.

Он бережно поставил безделушку на комод и вновь уселся на кровать. Ну, чего еще такого попросить?

— А обои можно сделать другого цвета? Зеленого, например?

(- Конечно.) — Стены немедля поменяли цвет. — (Так — удовлетворительно?)

Бейли моргнул от удивления, хотя и ожидал перемены.

— Замечательно. А… как насчет вида из окна? Его можно изменить? Поменять день на ночь, например?

(- Конечно.)

Солнце померкло, точно скрытое грозовыми тучами. В комнате пробудилось к жизни электрическое освещение, а небо снаружи потемнело.

Бейли почувствовал себя магом и чародеем. Однако во всех этих фокусах вовсе не было насущной необходимости. Надо бы попросить чего–нибудь посолиднее. Чего же ему взаправду надо?

Снова вернуться в свой обычный мир, вот чего. К себе домой, к Дэймону и Шерон. В виду вечного заточения здесь он ощутил гнетущую пустоту внутри.

(- Я чувствую, что вы несчастливы.)

— Мне одиноко. Без моей жены.

(- Желаете компании?)

— Но ты сказал, я здесь единственный инфоморф.

(- Да. Однако наличествует файла с разнообразными человекосимуляторами. Так называемыми псевдоморфами. Должен ли я выбрать одного?)

— Валяй, — пожал плечами Бейли.

Едва он выговорил это слово, кто–то постучал в дверь

спальни. В удивлении Бейли поднял взгляд. В дверях стоял человек медсестра в чистой, крахмальной униформе: белые туфли, белые брючки, белая курточка, белая шапочка.

— Извините, — сказала она. — Вы удивлены, мистер Бейли?

Он тупо кивнул.

— Можно войти?

— Конечно.

Сидя он наблюдал как она входит в комнату. Она была очень красива и молода; голубые глаза, курносый носик, полные губы; длинные, вьющиеся светлые волосы, выбиваясь из–под шапочки, струились по плечам. Униформа плотно облегчала тонкую, но с пышным бюстом, фигурку. Улыбнувшись Бейли, она подошла и села на кровать подле него.

Бейли продолжал разглядывать ее. Фантазия подростка, воплощенная в жизнь…

— Итак, вам лучше? — спросила она.

Как и все вокруг, она казалась абсолютно настоящей, однако была порождением MAPHISa, а MAPHIS обещал, что все окружающее будет подчиняться любым его желаниям. Значит, она ему, Бейли, тоже подконтрольна?

— Могу я что–нибудь сделать для вас? — спросила она.

Ее взгляд и тон ясно говорили: ограничений — совершенно никаких.

От нее пахло духами. Он погладил ее шею, ощутив под пальцами ее волосы и мягкую, прекрасную кожу.

— Щекотно! — рассмеялась она, склонив голову набок. Хотите, чтобы я разделась?

— Конечно. — Бейли тупо кивнул.

Расстегнув пуговицы, она распахнула курточку. Под курточкой не было ничего. Округло–тяжеловесные большие груди с маленькими, розовыми, чуть приподнятыми сосками… Центровой бюстик, подумал Бейли.

— Только скажите, чего желаете, — она провела кончиком язычка по губам.

И вдруг Бейли увидел себя сидящим в своей гостиной на диване рядом с Шерон, болтая о том, что у кого случилось за сегодня, почувствовал ту особую, прочнейшую связь, возникающую после долгого общения, после того, как делишься всем — мыслями, чувствами, жестами!.. Все это кончится объятьями, он прервет разговор поцелуем, или она поцелует его, и он овладеет ей может быть прямо здесь, на диване, и физическая близость сольется с духовной в единое целое… Потом она будет лежать рядом — может быть, ни слова не говоря друг другу, потому что не будет нужды в словах…

Он поднялся и отвернулся к стене.

— Я не хочу этого.

— Вы уверены?

Голос ее звучал сзади ласково и соблазнительно.

— MAPHIS, убери ее. Я не хочу ее. Не желаю никаких псевдоморфов. — Он обвел широким взглядом руки роскошную комнату. — Это же просто исполнение мечты какого–нибудь недоросля. Кто это все программировал? Готтбаум? Портер? Он закрыл глаза. — Хочу обратно, в мою прежнюю жизнь. Бейли охватил приступ жалости к себе. — Можешь ты это устроить? Можешь все подделать так, чтобы я не почувствовал никакой разницы?

(- Я постараюсь,) — ответил MAPHIS.

И все вокруг погрузилось в непроглядную тьму.

РЕПЛИКИ

Но так продолжалось недолго. Всего через пару секунд вновь стало светло, и Бейли обнаружил, что находится в совершенно другом месте. Пол и потолок были безжизненно–серыми, как и все стены за исключением одной, мерцавшей белым и освещавшей небольшое помещение. В центре комнаты стоял табурет, а на табурете лежало нечто вроде ручки, с одного конца тупое, с другого заостренное.

(- Была ли смена обстановки приемлемой?)

— Наверное. — Бейли огляделся, пытаясь освоиться в новом окружении. — Хотя было бы лучше, если бы я, скажем, из одной обстановки прошел через дверь в другую. Выглядело бы естественнее.

(- В следующий раз я так и организую. Вы готовы начинать?)

— А что нужно делать?

(- Пожалуйста, наблюдайте белую стену.) — Стена превратилась в экран, на котором появилось трехмерное цветное изображение в натуральную величину: улица Бейли в Гранада–Хиллс, а позади — его дом. — (Это ваш дом?)

— Да, — медленно кивнул Бейли.

Он почувствовал приступ тоски по дому. Хоть со времени его отъезда прошло лишь 2 дня, дом был бесконечно далек — как в пространстве, так и во времени.

(- Хотите произвести улучшения? Можете описать их мне, либо обозначьте исправления стилом.)

Бейли невесело рассмеялся.

— Ты не понял. Я не желаю ничего менять. Все именно так и должно быть.

(- Здание полностью удовлетворительно?)

— Да, — нетерпеливо сказал он. — А откуда ты взял

изображение?

(- Смоделировал по архитектурной документации, полученной в городском проектном бюро. А вот вид сбоку.)

Картина на экране начала плавно поворачиваться, точно Бейли скользил вокруг здания над газонами и кустами.

— Жакаранды должны быть выше, — сказал он. — Наверное, успели подрасти с тех пор, как создавали файл с проектом.

Деревья на экране стали выше и толще.

(- Так?)

Он тщательно осмотрел все. Теперь изображение было верным до единой детали, однако все еще выглядело искусственно, точно компьютерная симуляция. Да, все точно.

— Мы можем войти внутрь?

MAPHIS продемонстрировал холл. Бейли поправил кое–какие детали: оттенки краски, забытые искусственные цветы… Поскольку MAPHIS не понимал, каким образом осуществляется хранение его воспоминаний, то и не мог получить нужную информацию непосредственно из сознания Бейли.

Картинка поменялась; теперь перед Бейли было изображение жилых комнат. Комнаты были абсолютно пусты, ему предстояло меблировать их. Мало–помалу Бейли поглотило описание обстановки, которую MAPHIS затем проецировал на экране, чтобы он мог вносить поправки, обивать мебель нужной тканью и ставить на нужные места.

Так прошел час его субъективного времени. Бейли нашел, что он, хотя и был полностью сосредоточен на работе и трудился усердно, совсем не утомлен. Ни тебе ноющей боли в шее и плечах, ни усталости глаз, ни надобности устроить перерыв и перекусить — ведь теперь у него не было тела, необходимого, чтобы питать мозг. Может, ему и нужно немного отвлечься — так, иногда — но физическое истощение безвозвратно кануло в прошлое.

Наконец интерьер пришел в точное соответствие с его воспоминаниями. Бейли почувствовал предвкушение. Задача оказалась легче и решалась успешнее, чем он ожидал.

(- Хотите войти?)

— Да, это бы хорошо.

Изображение гостиной пропало, стена перед ним вернулась в исходное состояние, засияв безжизненной белизной.

(- Если вы пройдете в дверь позади вас, то окажитесь на своей улице.)

— Хорошо.

Обернувшись, он увидел дверь. Повернув ручку, он резко распахнул дверь и выглянул наружу.

Мягкие косые лучи после полуденного солнца хлынули внутрь. Послышалось пение птиц. Лепестки жакаранд плавно осыпались на землю.

Некоторое время Бейли просто стоял и смотрел. Теперь, когда все детали окружающей обстановки поступали прямо в его электронные глаза и уши, все казалось настоящим. Может, только кое–где цвета были чуть–чуть не того оттенка; может, жакаранды[?] все еще были не совсем верного размера… Сощурившись и посмотрев вверх, он уловил маленькую неточность — мелкие детали кончиков веток были слегка размыты. Однако, шагнув наружу, в созданный им мир, он ощутил твердость тротуара под ногами, и неподдельно теплый бриз дохнул ему в лицо.

Сделав пару шагов, он оглянулся назад. Маленькая серая комната исчезла. Теперь иллюзия была совершенной — то была его улица, а он стоял перед своим собственным домом.

Он пошел к дому. Достоверность окружающего мира просто–таки пугала. Он готов был поверить, что попал обратно домой, а все, что произошло — просто галлюцинации. Он побежал по дорожке, мимо роз и кактусов, к парадной двери. Он толкнул дверь, и та распахнулась, но бесшумно, не издав тихого скрипа, который он помнил. Ну, наконец–то, подумал Бейли, догадался кто–то смазать петли. И тут же почувствовал себя дураком: нет здесь никого, кто бы мог до чего–нибудь догадаться… Единственной причиной отсутствия скрипа было то, что MARHIS не знал, что дверь должна скрипеть.

Взбежав по лестнице, он остановился перед дверью в свою квартиру.

— Дверь должен открывать опознающий меня механизм.

(- Так?) — Голос теперь не имел видимого источника, слышался откуда–то сверху.

Дверь отворилась.

— Да. Так.

Он шагнул вперед, и оказался в своей квартире. Проходя комнату за комнатой, он испытывал нарастающее чувство облегчения. Он поправил подушки на диване — они ощущались именно так, как должны были. Пройдя в кухню, он ощупал полки буфета, плиту, раковину.

В гостиной он остановился против DVI и, глядя на громадный темный экран, внезапно вспомнил Дэймона, исследующего трехмерную видеоигрушку — ферму старого Макдональда. Теперь вся квартира — лишь ферма старого Макдональда, а он, как Дэймон, бродит по несуществующему мирку…

(Все ли удовлетворительно?) — Теперь голос звучал из

колонок по сторонам экрана.

— Да, — сказал он. Энтузиазм его мало–помалу улетучивался. — Да, все замечательно.

Вот только ферму старого Макдональда населяли множество прелестных, поющих зверушек, а в квартире было пусто и тихо. Он почти способен был вообразить, что Шерон с Дэймоном просто спустились в магазин и вот–вот вернутся — ворвавшись в дверь подъезда, помчатся по лестнице. Дэймон будет изо всех сил стараться перегнать Шерон, и та позволит ему выиграть…

Он взял себя в руки и приготовился работать дальше.

— Пожалуй, я готов приступить к созданию… созданию симуляторов моей жены и сына.

(- То есть, вы хотите создать своих собственных псевдоморфов?)

— Пожалуй, именно так. — Он притянул к себе кресло и погрузился в него. — Можно сделать это здесь, на экране DVI?

(- Конечно).

— Итак, с чего начнем?

(- В идеальном варианте мне следует начать с электронного фото.)

Бейли задумался.

— Фото Дэймона взять неоткуда. Но фото Шерон должно быть в ее файле отдела кадров городских служб Лос–Анджелеса, по отделу информации. Можешь связаться с ними? Она работает на гостелеканале. Первое имя — Шерон, а фамилию для работы она использует девичью — Блейк.

(- Минуточку.)

Бейли подождал. Теперь он занервничал. Создание квартиры было просто развлечением, упражнением в компьютерном моделировании. Он вместе с Шерон, въезжая в дом, занимался, по сути, тем же самым.

А вот теперь предстояло нечто совершенно другое. Создавать личность, человека, которого знаешь лучше и любишь больше всего на свете… Бейли почувствовал себя современным Франкенштейном. Да, все, что он видит вокруг — всего лишь программы. Он не создает жизнь, он ее только имитирует; однако предстоящее все равно внушало опасения. Помимо всего прочего, он сомневался, выйдет ли у него что–нибудь.

На экране появилась Шерон изображение Шерон. Казалось, она улыбается ему с экрана; глаза были живыми, а выражение лица — слегка озорным. Она была очень фотогенична; внезапно Бейли почувствовал острый укол тоски по ней. Он приказал себе успокоится: он сможет утолить эту тоску, если подойдет к предмету хладнокровнее.

Он начал работу с воссоздания профиля Шерон, затем разработал разворот в три четверти, с точек выше, с точек ниже, и так далее. Было тяжело; несколько раз приходилось прерываться, чтобы совладать с собой. Да и работы был непочатый край: покончив с видом с различных точек, пришлось разрабатывать различные выражения лица вплоть до мелочей, столь хорошо изученных за годы совместной жизни, мелочей почти неуловимых, лишь намекавших на то, что она чувствует.

Наконец MAPHIS вывел на экран базовое изображение женской фигуры, и Бейли принялся подгонять все анатомические подробности под свои воспоминания о теле жены.

Прошло много времени. Когда работа была завершена, он, сидя перед экраном, думал: а не пойдут ли все старания прахом? Процесс воссоздания ее образа лишь усилил тоску по ней.

(- Должен ли я анимировать изображение на экране?)

— Да, — тихо, спокойно сказал Бейли.

Он взглянул на экран, не слишком многого ожидая от результата своей работы.

Изображение дрогнуло. Фигура повернулась влево, вправо, подвигала для пробы руками–ногами точно марионетка. На лице ее, одна за другой, промелькнули несколько гримас. Она моргнула.

(- Удовлетворительно?)

Бейли судорожно вздохнул.

— Пока — да.

Так себе удовольствие — созерцать жалкую пародию на нее…

(- Прежде, чем мы перейдем к следующей сцене, не желаете ли внести какие–либо коррективы?)

— Я же говорил…

Бейли осекся. Он вспомнил, как они с Шерон говорили о внешнем облике человека. Сошлись на том, что всякому, хоть будь он распрекрасней всех на свете, всегда хочется изменить что–нибудь в своей внешности. Вот ему, Бейли, всегда хотелось быть на пару дюймов повыше, а Шерон говорила, что просто ненавидит свои лодыжки. Толстые, говорила она, как у бабы деревенской…

— Сделай лодыжки слегка потоньше.

Бейли чувствовал, что делает это не для себя, а для нее. Она сама поступила бы так же.

MAPHIS подчинился.

(- Еще коррективы? Не желаете ли убрать волосы на теле?)

Бейли вздохнул. Раз уж начал…

— Хорошо. Ей не нравились волосы на руках и ногах.

Правду говоря, ему тоже, хотя никаких неудобств не

доставляли. Но, если уж есть возможность что–то поменять, моментально и безболезненно, то что в этот дурного?

(- Желаете ли убрать волосы под мышками?)

— Нет, — резко сказал он. Ему уже совестно было изменять ее облик. — Оставь.

(- Изменить ли какие–либо черты лица?)

— Нет! Оставь, как есть.

(- Улучшить фигуру? Сделать талию тоньше? Более упругий бюст?

Бейли невольно пришла в голову мысль: если он любил ее, как личность, отчего нельзя слегка изменить тело? И, как неотвязное воспоминание, стоял перед глазами образ медсестры псевдоморфа, созданной MAPHISом. Но если это — все, что ему нужно, почему он отверг эту мечту тинэйджера и затеял возню с воссозданием образа жены, как он ее помнит?

— Никаких изменений, — твердо сказал он.

(- Хорошо. Теперь нужно разработать личность.)

— Как? Он подался вперед, точно обозревая предстоящую работу. — Как ты предполагаешь это сделать.

(- Я анимирую изображение. Оно произнесет набор общепринятых английских фраз. Вы будете указывать на необходимые изменения в тембре, интонации, жестикуляции, выражении лица и слаженности всего этого.

Первое, что пришло в голову Бейли: «Да это всю ночь займет…» Но тут же он понял, что в его распоряжении находится и вся ночь, и весь следующий день, и вся следующая неделя — словом столько времени, сколько потребуется, чтобы проделать всю работу как нужно. Временного фактора для него теперь не существуют.

— Давай начнем, — сказал он.

(- Желаете делать это при посредстве экрана, или воспользуетесь объемной физической моделью?)

— При посредстве экрана.

— Привет, — сказало изображение. — Меня зовут Шерон.

Улыбка выглядела совсем по–настоящему, и глаза — тоже, однако голос раздражающе царапнул по нервам, а речь звучала неестественно и неуклюже.

— Я покажу, как надо, — сказал Бейли.

Он закрыл глаза, вообразил себе характерную для Шерон манеру говорить и попытался передать ее мимику.

Так продолжалось еще несколько часов. Словно шлифуешь произношение у студентов–филологов, обращая их внимание на все те мелочи, что отличают местного уроженца от пришельца извне. Процесс попервости был мучителен — столь карикатурным

казалось изображение на экране. Но MAPHIS обучался быстро, и со временем Шерон уже была похожа скорее на видеозапись, чем на марионетку.

Мало помалу они достигли точки, когда дальнейшее улучшение не представляется возможным. В ней еще оставалась кое–какая фальшь, но Бейли никак не мог ее поймать. Частично, как понял он, мешало и то, что он слишком долго наблюдал Шерон на экране изображение начало вытеснять воспоминания о реальной Шерон.

(- И, наконец, мне нужен типичный для Шерон словарь. Построение фраз, излюбленные слова и выражение, ласкательные выражения.)

Это было куда легче. Он вытянулся на диване, закрыл глаза, вспомнил все те вечера, что провел с ней на этом диване и принялся прокручивать в памяти их беседы, проговаривая ее слова вслух. Среди воспоминаний попадались и плохие: споры из–за денег (это из первых лет совместной жизни), разногласия по поводу того, когда заводить детей… Однако чем больше он вспоминал, тем пуще терзала его ностальгия.

В конце концов MAPHIS перебил его:

(- Вы начинаете повторяться, мистер Бейли. Мне уже достаточно данных.)

Бейли моргнул, стряхивая с себя грезы. Спустил на пол ноги, сел.

— Ты… готов? — Он заметил, что экран погас.

(- Я готов. А вы?)

— Да.

Он сказал это быстро, чтобы успеть подыскать благовидного предлога для отсрочки. Если, напомнил он себе, здесь будет убедительная реплика Шерон, то выключение из реальности будет раза в два легче перенести.

Передняя дверь отворилась, и она вошла в комнату.

— Привет милый, — Она улыбнулась ему.

Он уставился на ее, изучая. Она выглядела точно как Шерон. Да, несомненно. Он засмеялся — странным, неуверенным смехом. Он не был уверен ни в ней, ни в себе, ни в том, чего бы он хотел в качестве продолжения происходящего.

— Это и вправду ты, — сказал он, — стараясь убедить себя в этом.

— Конечно, я. — Она закрыла дверь. — Как ты тут?

Она села на противоположной край дивана и хлопнула ладонями по коленям. Она изогнула брови и вопросительно взглянула на него. Все было точно так, как помнилось Бейли.

— Прекрасно, — сказал он в ответ. — То есть… ну, наверное,

все в порядке, если принять в счет…

Он осекся. Нет, не этого он хотел. Ведь хотел он обратно в настоящую свою жизнь, так?

— День был ужасно длинным. Мне очень не хватало тебя, сказал он.

Он почувствовал, что будто бы играет роль, имитирует ту жизнь, которой жил еще так недавно.

Она моргнула, ничего не говоря.

Бейли взял ее за руку, удивившую его объемностью и теплотой.

— А как ты сегодня?

В данной обстановке вопрос был — глупее не придумаешь, однако он спрашивал об этом всегда, и привычка уж очень сильно укрепилась.

— Неплохо. — Она пожала плечами и снова улыбнулась. А что еще она могла сделать? Она — не личность, просто создание, полностью подконтрольное MAPHISу, а откуда MAPHISу знать, что за день выдался для Шерон Бейли? MAPHIS ничего не понимал в работе телерепортера, склоках на работе, продвижении по службе, подсиживании, подготовке материала к эфиру, видеомонтаже, звукозаписи, а все это — часть повседневной деятельности Шерон. Вероятно не многое знал MAPHIS и о повседневных заботах пригорода: о ежедневной сутолоке фри–уэя, о хождении по магазинам, ужинах с друзьями, мытье машины, благоустройстве двора. Столько всего люди принимают, как должное, хотя зиждется все это на фундаменте из сложных физических и механических взаимодействий, родственных связей, общепринятых ритуалов, человеческих желаний и прочих понятий, разбираться в которых компьютер не приспособлен. Неизменная проблема искусственного разума: уйму времени нужно потратить, разъясняя ему очевидное, те знания, что люди накапливают в процессе роста, общения с другими людьми — вообще делая все то, что обычно делают люди.

Наступил момент ужасающей истины. Бейли осознал, какого свалял дурака. Он воображал, что, воссоздав физический мир, сможет воссоздать свою прежнюю жизнь. И это MAPHIS ему устроил с относительной легкостью. Но вот общаться с этим миром и населяющими его людьми, и чтобы те отвечали как надо — уже совсем другое дело. Решение этой задачи — явно за пределами возможностей системы.

И все же Шерон выглядела такой настоящей, такой любимой — и любящей!.. И MAPHIS явно мог справиться с поддержанием несложной беседы. Что–нибудь вроде этого…

— Тепло сегодня, — сказал он. Это было слабовато, но для

начала…

— Что сегодня теплое? — Она склонила голову набок точно так, как он помнил — и сдвинула брови.

— Погода. Погода теплая.

— А, понимаю. Погода.

— Уже почти июнь. Наверное, пора включать кондиционеры.

Она серьезно кивнула.

— Ты прав, пора.

— Ты не передумала брать отпуск в июле? — Это он сказал, не подумав. Подразумевалось, что на эту тему они беседовали прежде. Прежде…

На лице ее отразилась неуверенность.

— Не знаю.

И откуда ей знать? Допустим, MAPHIS понимает, что такое отпуск, что такое работа и что такое месяц. Допустим, MAPHIS знает, что «взять» отпуск не значит «украсть» его или «перепрыгнуть», как прыжковую планку, или «съесть», как шахматную фигуру, или «посетить», как урок языка. Допуская все это, откуда MAPHISу знать все преимущества и недостатки отпуска в июле сравнительно с отпуском в августе?

Он вздохнул.

— Ты сегодня очень здоровы выглядишь.

Улыбка ее стала какой–то наклеенной, ненастоящей.

— Знаешь, кого ты напоминаешь мне? — спросил он.

Она покачала головой, и ее темные волосы закачались из стороны в сторону.

— Нет. А кого я тебе напоминаю?

— Говорящего Тедди.

Истинная правда. Так и есть.

Она склонила голову набок, точно забыв, что уже делала так всего минуту назад.

— Кто такой Говорящий Тедди?

— А, вздор. Не имеет значения.

Он встал. Она подняла на него взгляд. Она выглядела такой настоящей… И от этого было еще хуже. Он протянул руку.

— Поцелуй меня на прощание.

Она сжала его руку, и он притянул ее к себе.

— Разве ты куда–то уходишь? — спросила она.

— Совсем ненадолго. Так — где мой поцелуй?

— Вот твой поцелуй.

Фраза была из любимых фраз Шерон. Это MAPHIS знал — потому что он, Бейли, ему объяснил.

Он прижал ее к себе. Ощущение было приятным. Все выпуклости и впадины были такими, как он помнил. Он

взглянула в ее поднятое лицо и коснулся губами ее губ, прежде чем начать слишком уж задумываться о том, что происходит.

Поцелуй был чужим, несравнимым. Откуда знать MAPHISy, каким должен быть поцелуй Шерон? И как он мог даже надеяться, что сумеет описать это?

Отпустив ее, он отвернулся.

— Выйдя в дверь, — сказал он, — я хочу оказаться в номере гостиницы. Совершенно обычном и безликом.

Он повернулся к Шерон и сжал ее руку.

— Прощай.

ЦЕНТРЫ НАСЛАЖДЕНИЯ

Номер оказался модульной комнатой, обставленной стандартно: [?]овый пластиковый ковер и мебель под старину, в стиле середины XX века. Была здесь узкая кровать, телевизор с плоским экраном, крохотная ванная, отгороженная листом из стекловолокна. Окно открывало вид на шлакоблоковую стену в 10 футах от гостиницы, выкрашенную в коричневый цвет.

Бейли запер дверь и завесил окно. Найдя пульт дистанционного управления, он повозился с ним, пока не погасил световую панель в стене над кроватью. Сбросив с ног туфли, он уложил одну подушку на другую, лег на спину, скрестив руки на груди, и долго смотрел в ровный, без всякого рисунка, потолок.

Из глубин памяти неотвязно выплывало на поверхность лицо Шерон. Он гнал его прочь, говорил себе, что более нельзя думать о прошлой жизни.

Безликость гостиничного номера утешала. Никаких зацепок для чувств, никакой связи со знакомым ему миром. Подходящее место, чтобы понять, как жить дальше.

А хочет ли он жить дальше? Тех, кого любил, он больше никогда не увидит. Профессиональной деятельности, пожалуй, тоже конец. Физического тела его и мозга больше не существует. И заключен он в MAPHISe, не просто пожизненно, а навечно.

Интересно, а подчинится ли система, если он попросит прекратить свою инфоморфную жизнь? Это ведь очень просто — всего–то стереть кое–что из памяти компьютера. Он так и сяк рассмотрел идею, но затем отложил — хотя бы до тех времен, когда он полностью разберется, какие у него еще остались возможности.

— Когда здесь появятся другие инфоморфы? — спросил он.

(- Я не уполномочен давать вам эту информацию.)

Голос шел из динамика телевизора.

— Это почему же?

(- Я не уполномочен давать вам эту информацию.)

Ладно, это все равно неважно. Если кто и присоединится к

нему по доброй воле — так разве что Готтбаум, Френч и ее гоп–компания. А Бейли не слишком хотелось общаться с людьми, учинившими над ним такое.

— Имеется ли возможность поговорить с кем–нибудь снаружи? — спросил он. — У тебя ведь явно есть выход на внешние информационные сети. Так почему бы не подключить меня к телефонной?

(- Этого не позволено.)

Значит, что ему остается? Можно строить любую обстановку, какую только пожелаешь. Можно что угодно вытворять с симуляторами людей, псевдоморфами, взятыми MAPHISом из каталога или построенных по указаниям Бейли. И, похоже, все.

Он вернулся мыслями к прежней жизни. Любовь, работа, потомство — три человеческих функции, значительные для всех времен. Ни одна из них ему теперь недоступна.

Хотя остаются еще физические ощущения.

— Ты говорил, что можешь управлять моим гипоталамусом?

(- Да.)

— Значит, можешь обеспечить мне наслаждение?

(- Да.)

Бейли вспомнил старый опыт. Лабораторным крысам даны были три кнопки: одна для получения еды, другая — воды, а за нажатием на третью следовало воздействие слабым разрядом электротока на центры наслаждения в их мозгу. Крысы быстро теряли интерес к еде и воде и знай жали кнопку наслаждения, пока не издыхали от истощения. Может, это не такой уж плохой способ жить дальше — раз уж он, благодаря MAPHISy, практически бессмертен.

— Тогда обеспечь мне наслаждение в чистом виде, — сказал он.

Тело его затрепетало. К лицу прихлынула кровь. Остро запульсировало в паху. Член поднялся. Напряжение в нижней части живота заставило застонать, выгнувшись дугой; все мускулы натянулись до предела. Затем, без всякого предупреждения, он кончил, однако то был не обычный оргазм — он продолжался 20 секунд, 30, 40, полностью захватил его, затмив все прочие ощущения.

— Хватит! — закричал он наконец, чувствуя, что якобы тонет, напрочь теряя способность думать.

Наслаждение схлынуло. Он лежал без сил, ошеломленный, тяжело дыша. Чувства постепенно приходили в норму и, сумев наконец сосредоточиться на окружающем мире, Бейли обнаружил, что комнатушка стала как бы мрачнее, беднее, чем прежде.

Может, попросив MAPHIS сделать наслаждение менее интенсивным, он смог бы избыть тоску и в то же время не отключался бы? Хотя — чем все это, в сущности, отличается от постоянной мастурбации или наркотической эйфории?

В любом случае, это было не то, чего ему хотелось.

— У тебя в каталоге есть параметры какого–нибудь места снаружи?

(-Я имею 64 готовых варианта.)

— Какие–нибудь города…

(- Избранные районы Нью–Йорка, Лондона, Лос–Анджелеса, Токио и прочих.)

Ну, на худой конец можно хоть мир посмотреть.

— Лондон, — сказал Бейли. — Выйдя из комнаты, желаю оказаться в Лондоне.

(- Хорошо. Вы окажетесь в Лондоне.)

Бейли встал с кровати, прошел к двери и вышел из номера.

КАТАСТРОФА

Спустившись на две ступеньки, он увидел, что находится на маленькой улочке. Дома были старыми. Перед ним толпилось множество журналистов с камерами, и полисмены в Британской форме сдерживали их натиск. Вспыхнули софиты, взяв его в перекрестные лучи. Толпа ревела. Он вздрогнул от внезапности света и шума.

— Сюда, сэр.

Кто–то подхватил его под руку и провел к черному лимузину, ждавшему с открытой задней дверцей у обочины.

Бейли оглянулся. Позади осталась черная деревянная дверь с белыми цифрами. Номер 10. За ней мелькнул холл, старинная лампа на столике, старинная стойка для зонтов… Ни следа от комнатушки в отеле, в которой он был за минуту до этого.

— MAPHIS, что это?

— Следите заявление для прессы, господин премьер–министр? — Журналист перегнулся вперед, едва не падая через полицейский кордон, и тянул к Бейли микрофон.

— Скорее, сэр. — Шедший рядом мягко повлек его к лимузину. — Вас ждут в парламенте.

— Будет ли официально объявлена война? — крикнул другой репортер.

— MAPHIS, — сказал Бейли, — что бы это ни было, я этого не желаю. Немедленно верни меня в номер отеля.

Шедший рядом адъютант изумленно уставился на него.

— Сэр, вас ждут в парламенте.

Полицейские под напором журналистов сдавали позиции. Бейли вспомнил бетонную площадь. Опыт показывал, что он в

качестве инфоморфа может испытывать боль. Втянув голову в плечи, он промчался сквозь толпу и нырнул на заднее сиденье лимузина.

Адъютант присоединился к нему, хлопнул дверцей, и машина, пронесшись по Даунинг–стрит, свернула направо к Уайтхоллу. Резкая смена обстановки, ошеломленно подумал Бейли. Внезапный тяжеловесный шок. И, хуже того, шок узнавания. Его швырнули в какой–то заранее разработанный сценарий.

— MAPHIS, забери же меня отсюда!

Адъютант встревоженно взглянул на него.

— Сэр?

Бейли взглянул на него. Адъютант был одет в старомодный костюм–тройку и котелок, рядом на сиденьи лежал толстый кожаный портфель. А за окном проносились улицы Лондона, но все выглядело очень уж по–старинному. Ни одного нового здания. Даже машина, в которой он ехал, тоже оказалась старинной. Панели красного дерева, сиденья из коричневой дубленой кожи, верх из бежевого фетра. Задние сиденье отделял от шофера стеклянный барьер. А впереди показалось тем временем здание парламента.

— Ваша речь, сэр. — Адъютант в котелке подал Бейли несколько машинописных страниц.

Бейли взял их. Сверху стояла дата: 3 сентября 1939. Значит, его забросили к началу Второй Мировой войны. Стало быть, кто же тогда он? Черчилль? Но Черчилль пришел к власти позже. Налицо были и другие неточности: слишком оживленное движение, софиты, ослепившие его несколько минут назад… Тот, кто программировал симулятор, явно был не в ладах с историей.

Бейли вовсе не улыбалось оставаться в этой второсортной пьесе еще пять лет, переигрывая заново затяжную, мрачную, неприглядную войну в умирающей с голоду стране. Что же это? У него нет выбора, раз нет связи с MAPHISом?

Лимузин остановился перед светофором у Парламент–Сквер. Повинуясь внезапному импульсу, Бейли распахнул дверцу, выпрыгнул на тротуар и побежал.

Сзади раздались удивленные возгласы, но он не обращал внимания. Свернув за угол, он помчался по узкой боковой улочке, мимо старинных, в саже и копоти, домов. Он снова свернул за угол и… налетел на невидимую преграду.

Не было ни боли, ни толчка — просто его как бы мигом заморозило. Он попробовал пробиться вперед, но мускулы сковал паралич, а улица выглядела, точно фотография. Стояла гробовая тишина. Ни звука, ни движения.

Он хотел было что–то сказать, но обнаружил, что не может.

Ему стало страшно. Ясно одно, либо отказало оборудование, либо произошел сбой в программе. Сознание его все еще жило, но обширная, сложная программа, симулировавшая поступавшие ощущения, зависла. Да, зависла; в худшем случае все вокруг наверняка потемнело бы. Система работала словно по замкнутому кольцу. Он чувствовал воздух в легких ждавших выдоха, вес тела, перенесенный на одну ногу, в то время как другая повисла в воздухе. Может быть, сбой вызван им самим. Ведь он сделал нечто неожиданное: Выскочил и побежал в тот район, данных которого у MAPHISa могло не быть. Хотя в сценарии с самого начала что–то пошло вкось: он же посылал команды системе, а та не отзывалась.

Он попытался пошевелиться, но не смог даже моргнуть. Он застыл на тротуаре, глядя прямо вперед; пара пешеходов недвижно замерла примерно в квартале от него; посреди улицы застопорились машины с тающими дымками позади.

Затем элементы декорации один за другим начали пропадать. Пропали пешеходы, исчезли машины.

Неужели я буду следующим, в ужасе подумал Бейли. Ему вдруг очень захотелось жить, пусть жизнь — просто симуляция…

Белая полоса посреди мостовой начала рассасываться, точно дорога впитывала ее в себя. Внезапно исчезли щели между камнями, которыми вымощен был тротуар. Все вокруг лишилось деталей: пропали отражения в стеклах витрин, облака в небе, дорожные знаки, промежутки меж кирпичами в стене здания напротив. Изображение до абстрактности упростилось: черная улица, серый тротуар, грязно–рыжие фасады домов, окна в белых рамах.

Затем исчезли и окна. Теперь Бейли окружала абстрактнопримитивистская картина: полдюжины больших кубов однообразно–ровного цвета.

Пропал и тротуар, оставив под ногами лишь темно–серую бездну. Здания пропадали одно за другим, оставляя за собой лишь гладкую серую равнину до самого горизонта. Начала исчезать и дорога.

И, наконец, небо. Оно постепенно темнело, пока не сравнялось цветом с лежавшей внизу равниной, и больше глазу не за что было зацепиться: все вокруг было сплошь серым.

Да заберите же меня отсюда, ради бога, подумал Бейли. Вытащите, заберите, куда–нибудь, назад, домой… назад — куда?

Страх его усилился — он понял, что не может вспомнить название района, где жил… Это… это было в таком большом городе на западном побережье, в штате… В каком штате?

Он поспешно начал зондировать свою память. Прежде, чем стать инфоморфом, он был следователем. Да, это он отлично помнил. Работал он… в каком–то бюро. Национальном бюро… Нет, неверно. Память точно испарялась. Думай, приказал он себе. Сосредоточься. Твою жену звали… Шерон? А сына — Дэйвид. Нет, Дональд. И ты ездил на работу в машине по… по дороге, она называлась ран–уэй. Или бай–уэй? Ездил в такое место, такое высокое, сделанное из… из чего–то блестящего. Там были люди, одни — просто замечательные, а другие — нет. Они что–то тебе давали… Еду. Ты вез еду домой, ел и шел спать. Иногда тебе снились плохие сны, и когда ты просыпался, рядом была прекрасная женщина. Она заботилась о тебе.

Хочу домой, подумал он. Хочу… Чего хочу? Хочу к… к кому–то, кто любит меня. К кому–то, кто обо мне позаботится, кто знает, как меня зовут…

А как меня зовут?

То была последняя его связная мысль. Серое вокруг понемногу темнело, что–то теплое и мягкое обволокло все тело, в ушах зашипело. Умственная работа точно споткнулась. Сознание, точно изображение в кинескопе старинного телевизора, внезапно сжалось до световой точки, медленно блекнущей и пропадающей бесследно.

КРУШЕНИЕ

Машина лежала на берегу, искореженная, почерневшая. Мерзко воняло копотью и жженой резиной. Оконные стекла потрескались от жара, а камни вокруг были липкими от остатков химикалий, которыми пожарная команда сбивала пламя.

— Проломил ограждение вон там, — сказал высокий, худощавый полисмен, отряженный охранять место происшествия. Ему было немного за 20, униформа сидела на нем мешковато, а голос звучал как–то чересчур громко, точно служивый старался громкостью искупить недостаток солидности. — Вон, видите?

— Да, — сказала Шерон, слишком расстроенная, чтобы обращать внимание на подобные мелочи.

Подпрыгнув под временное ограждение, она начала спускаться по камням, в прожилках водорослей. Под ногами хрустели ракушки. Приближался прилив, и ветер доносил до нее брызги воли, бивших в берег едва ли не под ногами. До заката оставалось часа два; низкое солнце золотило поверхность океана.

Она подошла к машине. В груди защемило. Хоть она и знала, что тело мужа уже убрали, Шерон словно шла к его последнему приюту — или, хуже того, к тому, что его убило. Убийство, вот что это такое, на этот счет у нее не было теперь никаких сомнений. Она решила, что он представляет серьезную опасность

для их исследований, и потому поместили его в машину, устроили катастрофу, убили его так, чтобы все выглядело несчастным случаем. В этом, после всего, услышанного от Юми, Шерон была уверена.

— Осторожнее там, на камнях, — крикнул сверху полисмен. — Они могут быть скользкими, понимаете? — Он сделал паузу. — Вообще, что вы там ищете?

— У мистера Бейли в машине был кейс, — сказала она.

Он рассмеялся.

— Черт; немного; наверное от этого кейса осталось.

— Кейс был в металлическом корпусе. Он должен уцелеть, хотя бы сгорело все остальное.

О самодельном пистолете она не упомянула. Остановившись у взломанной рабочими из спасательной команды дверцы со стороны водителя, она заглянула внутрь. Внутри все было покрыто толстым слоем копоти. Почерневшие пружины сидений, каркас панели управления. Пол в потеках застывшего пластика усыпан пеплом. Ни следа кейса. Ни спереди ни сзади.

Подобравшись к задней части машины, она подцепила ногтями крышку багажника. — Эй, вам не положено там шуровать! Полисмен начал спускаться к ней. — Вы, конечно, журналист, но это же вещественное доказательство!

Не обращая на него внимания, она зашарила в сумочке на предмет связки запасных ключей — она всегда носила их с собой.

— Слышите? — Полисмен был уже близко.

Найдя нужный ключ, она вставила его в скважину. Скрежет, и крышка подпрыгнула вверх, взметнув в воздух хлопья облезшей от жара краски.

Секунду она стояла, глядя в багажник. Содержимое его меньше всего пострадало от пламени. Вот резиновый мячик Дэймона оплавившийся, однако вполне поддающийся опознанию. Старое пляжное одеяло — его они использовали как подстилку. Контейнер для пикников, пара темных очков. Шерон покачнулась, и ухватилась за край багажника.

Обогнув машину, к ней подошел полицейский.

— Э, как вы ее открыли?

Кейса не было. Шерон сунула ключи в сумочку, захлопнула крышку и пошла прочь.

Не обращая внимания на полицейского, она вернулась на хай–уэй, прошла к своей машине, стоявшей у обочины и некоторое время сидела, устремив невидящий взгляд в океан.

Она ясно помнила, что находилось в кейсе Джима: пистолет, обрезок металла, из лаборатории, фотокомпозит Розалинды Френч, compad и документация по проекту «Лайфскан».

Очевидно, два последних предмета он взял с собой в дом Готтбаума; вот как они потом оказались у Юми. Шерон была уверена: остальное он скорее оставил бы в машине, чем рискнул показать Готтбауму.

Итак, ясно: Готтбаум и его [?] перехватили Джима по пути домой, забрали из машины кейс, а затем организовали «несчастный случай». Она сжала кулаки так, что почти впилась в ладони. Затем, опомнившись, аккуратно положила руки на колени. Но, по мере того, как она пыталась успокоиться, эмоции, точно маятник, описали дугу от злобы и глубокой, горькой печали.

Зря она сюда поехала. Думала, если хоть как–то действовать, будет легче, а сама только убедилась в собственном бессилие.

Руки дрожали. Она завела машину, сделала разворот и поехала обратно в Лос–Анджелес.

СПИСОК ЖЕЛАНИЙ. (Wish list)

Позже, дома, когда Дэймон уснул, а няня ушла, Шерон сидела за обеденным столом, уставившись в чистый лист желтого блокнота. Джим не раз смеялся над ее привычкой к ручке и бумаге, называл это анахронизмом, «очень двадцатовековым», и иногда величал ее «последней из грамотян[?]». Но заполнение линованных строк от руки, ход шарика по бумаге, наблюдать возникновение текста — все это так успокаивало…

Глядя на страницу, она переживала заново последние 24 часа. Вчера, в воскресенье, после расставания с Юми в аэропорту, она приехала домой, и ей опять позвонил Джим, или кто–то с таким же точно голосом. Сказал, что машину наконец начали ремонтировать, но ремонт займет больше времени, чем ожидалось, а он очень устал, чтобы возвращаться в Гранада–Хиллс. Он решил провести еще одну ночь в мотеле и приехать домой рано утром в понедельник.

Терзаемая сомнениями, посеянными Юми, Шерон хотела было поехать к нему. Не надо, ответил он, незачем.

— Хотя бы скажи, где остановился, — попросила она. Как тебе можно звонить?

Он начал было отвечать, но линия отключилась. Телефон ее вырубился окончательно: она никуда не смогла больше позвонить, и ей никто не звонил, до самого сегодняшнего утра, когда с ней связались из полиции, уведомить, что обнаружена разбившаяся машина, числящаяся за ее мужем. Идентификация водителя не представляется возможной, и им неизвестно, кто он, но завтра из лаборатории поступит образец ДНК. Но Шерон не сомневалась: тело из машины, лежащее в полицейском морге, принадлежит ее мужу.

Терять ей, если так, было нечего, и она позвонила непосредственно начальнику Джима. Тот был болен, и она связалась с Нормом Харрисом, одним из агентов, работавших вместе с Джимом. Однажды Джим говорил ей о Харрисе; тот, судя по всему, был ему не слишком симпатичен. Но больше ей не с кем было говорить, да она и не знала, кого еще можно спрашивать: друзей по работе у Джима не было.

Харрис сказал, что распорядится об охране машины силами местной полиции, пока не приедет для проверки кто–нибудь из ФБР. Назначил и встречу на завтра, но ясно было: он уже определил ее в разряд истеричных баб, придумывающих всякие заговоры, не в силах примириться с тем, что муж просто не сумел вписаться в поворот.

Поэтому она позвонила на службу, сказалась больной и поехала посмотреть все своими глазами. Но поездка ни к чему не привела. А стоит ли надеяться, что дальше что–нибудь все же удастся? Она начала писать:

(Поскольку Джим сгорел дотла, определить, убит ли он, невозможно.)

(Убийцы его, вероятно, достаточно ловки, чтобы не оставить улик в машине.)

(Кейс пропал; должно быть, забран из машины перед катастрофой.)

(Подозрения Джима относительно Готтбаума, Френч и прочих не были, как положено, подкреплены уликами, и даже те немногие улики, какими он располагал, находились в пропавшем портфеле. Он даже не упоминал о проекте «Лайфскан» в отчетах для ФБР.)

(Готтбаум пропал; вероятно, он скоро умрет, и его невозможно будет допросить.)

(Если кто–то из ФБР и станет допрашивать ученых из «Норт–Индастриз», они могут просто от всего отпереться. С чего кто–то поверит, что они убили следователя ФБР? Они приличные люди, а не уголовники.)

(Как выяснить, чем они занимаются? Как осмотреть их оборудование, если даже вся их работа засекречена?)

Она перечла написанное. Дело казалось безнадежным. Она перевернула страницу.

(Главная задача: найти убийцу Джима и передать в руки правосудия.)

(Передать ФБР документы и заметки, полученные от Юми. Может, это поможет убедить их начать расследование.)

(Проверить все больницы на предмет Готтбаума.)

(Попытаться найти доступ к тем, кто управляет домом

Готтбаума, несмотря на системы защиты, о которых предупреждала Юми.)

(Попытаться связаться с «Норт–Индастриз» и поговорить с Френч либо ее подчиненными.)

(Попытаться убедить мое начальство, что это — сюжет, и я, занимаясь этим, должна считаться на службе.)

И, на новой странице:

(Организация похорон.)

(Где завещание Джима? Позвонить поверенному.)

(Закрыть совместный банковский счет.)

(Поставить в известность друзей. Разослать уведомления.)

(Позвонить в страховую компанию.)

(Испросить недельный отпуск.)

(Уладить с наследством.)

(Организовать дневной уход за Дэймоном и разъяснить ему случившееся.)

Этот список было больнее всего составлять. Она перечла его и обнаружила, что плачет. Слова, заслоненные слезами, не давали возможности бежать от реальности: муж ее мертв, и теперь она — сама по себе.

Она легла на диван, где они так часто сидели вместе, и плакала, пока не выплакала все слезы. Когда не осталось ни единой, Шерон почувствовала смертную пустоту внутри и понемногу заснула.

ПОЛИЦЕЙСКАЯ ПРОЦЕДУРА

Назавтра в полдень она сидела в деревянном кресле крохотном, полностью утилитарном холле без окон, и ждала. Дежурный в будке, за толстой перегородкой из бронестекла, и трепался по телефону. От потолочного вентилятора веяло холодом. Время текло медленно.

Наконец дверь, ведущая во внутренние помещения, отворилась, и к ней направился крупный человек в мешковатом костюме. Шерон интуитивно поняла, что он и есть Норм Харрис.

— Миссис Бейли?

Он подошел к ней. Весь вид его выражал крайнюю занятость, а улыбка на лице говорила: у него и вправду совсем ни минуты свободной, однако он проделает все, что надо, потому что–вот такой уж он душа–человек.

— Вашего мужа действительно жаль. Все мы были как–то… потрясены.

Он протянул ей руку. Шерон коротко пожала ее.

— Где мы можем поговорить? — спросила она.

— А вот сюда. Это у нас помещение для принятия заявлений. Звукоизолировано, гарантия от подслушивания, и, — кто его

знает — может, даже водонепроницаемо.

Он хмыкнул и выдал усмешку, точно чтобы показать: вот он ей симпатизирует и хочет шуткой малость облегчить свалившееся на нее бремя. Но было что–то такое в его глазах, какой–то похотливый интерес, от которого не верилось в его дружелюбие. Ему же все равно, поняла она. Бессердечие в нем какое–то…

Он препроводил ее в комнату площадью в 10 кв. футов. Стены были выкрашены в грязно–бежевый цвет, а пол — покрыт тощим бурым ковриком. Вокруг деревянного стола стояли четыре кресла. Она села, а Харрис устроился напротив.

— Знаете, плохо, что мы раньше не встречались, — сказал он. — Ужасно просто — знакомиться при таких трагических обстоятельствах. Но — вам что–то такое стало известно? Муж ваш — он ведь всегда был человеком замкнутым. Не любил смешивать дело с развлечением, работу с семьей. — Харрис пожал плечами. — Ну, это его личное дело, и мне остается только относиться с должным уважением.

Не испытывает он никакого уважения, решила Шерон. Что это он хочет сказать? Джим, мол, не был своим парнем, и нечего ей теперь ожидать от «своих парней», что они ради нее бросят все дела?

Но я надеялась, что ваш непосредственный начальник…

— Будет не раньше той недели.

Харрис потер руки, затем положил ладони на стол.

— И пока что вам, кроме меня, обращаться не к кому. Но, уж поверьте, миссис Бейли… Можно просто «Шерон»? Поверьте мне, Шерон, я сделаю все, что смогу.

Может, конечно, у нее паранойя разыгралась, и воображение слишком богатое, однако — она ему не верила. И все–таки, он ведь — следователь ФБР? Это ведь — его работа? Если она сможет убедить его, что Джим погиб при очень подозрительных обстоятельствах, ему придется составить рапорт.

Она выложила на стол compad Джима и папку с документацией по проекту «Лайфскан».

— Не знаю, в курсе ли вы того дела, которое вел Джим…

— Я его просмотрел. — Харрис осторожно взглянул на нее. — Он вам о нем рассказывал?

— Да. Абсолютно все. Харрис со вздохом покачал головой.

— Налицо нарушение инструкций. Наш Джим… Он никогда не придерживался правил. Часто говорил, что идет своим путем.

— Да, — сказала Шерон, подавляя чувства, навеянные воспоминаниями. — Точно так он и говорил. Но результаты получались неплохими, не так ли?

— Конечно! Конечно же! Поймите меня правильно, Джим был

талантливый мужик. Я его работой просто восхищался. Кое–что было просто невероятно!

Шерон подумала, что Харрис скорее завидовал, чем восхищался, но настаивать на своей версии не стала.

— Позвольте мне рассказать, что Джим успел выяснить. Этого вы не можете знать: он решил не включать это в отчет, пока не наберет побольше материала.

И она шаг за шагом описала цепочку событий — от Малой Азии к «Норт–Индастриз» и дому Готтбаума.

Харрис слушал внимательно — или же умело притворялся. Не перебивал, не торопил. В конце он откинулся на спинку кресла, сложил руки на обширном брюхе и медленно покачал головой.

— То, что вы мне сейчас рассказали, я назвал бы нитью предположений в поисках версии. Вы сказали, он получил подтверждение опознания этой ученой, Розалинды Френч?

— Он так сказал.

— Так где же документ? Вы говорите, утрачен. Плоховато…

Она глядела на него невидящим взглядом.

— Вещественные доказательства были в кейсе, а кейс из машины пропал. Сам факт этого служит доказательством неслучайности катастрофы.

— Ну, хорошо, может, и так. Но я слова–то к делу не подошью. Понимаете?

Она положила compad Джима на стол.

— Здесь все его записи. Вы увидите, что они подтвердят мои слова.

Харрис взглянул на compad, но даже не подумал взять его.

— Не мне вам говорить, миссис Бейли, что компьютерные записи не являются вещдоком. Туда кто угодно мог впечатать все, что угодно. Вы. Или я.

Она ожидала от него скептизма, но такое… У нее будто отняли все — надежды, веру в справедливость… — Вы хотите сказать, я сама это сфабриковала?

— Да нет же, черт! Харрис подал вперед и положил ладони на ее руку. — Вы Шерон, порядочная дама. Я вижу это.

Она подавила порыв вырваться. Хотя он всего лишь дотронулся до ее руки, она почувствовала себя так, словно к ней грязно пристают. Пришлось напомнить себе, как он ей нужен.

— Тогда что же вы говорили…

— Я говорил, что у нас происходит обычная полицейская процедура. Нам нужны доказательства. Нельзя из–за нескольких диких идей вызывать людей для допросов и арестовывать по обвинениям, не имеющим никакого смысла. Вы действительно

уверены, что эти ученые убили вашего мужа? Если так, по каким мотивам?

Радуясь поводу забрать у него руку, она подвинула к нему папку с историей «Лайфскан».

— Вот документация по их исследованиям. Если вы внимательно прочтете это, допустив, что они достигли поставленной цели и скрыли это от работодателя, то поймите, что мотив был, да еще какой.

Харрис раскрыл папку.

— Минутку. Это же засекречено!

— Да. — Она сдвинула брови. — У вас нет соответствующего допуска?

— У меня — есть. — Он захлопнул папку и шлепнул жирной ладонью по обложке. — Но у вас, Шерон, спорю на что угодно, нет. Вы, вообще–то, понимаете, что полагается за владение секретной документацией оборонного значения без соответствующих полномочий? Иисусе Христе, мы здесь так до шпионажа договоримся!

Только тут Шерон поняла, что происходит. Она поднялась и отодвинула кресло, скрежетнув его ножками по полу.

— Тогда арестуйте меня. — Сжав кулаки, она протянула ему руки, точно подставляя их под наручники. — Если я преступница, вы должны взять меня под стражу.

В первый раз при ней нет Харрис пришел в замешательство. Он нервно рассмеялся.

— Шерон, вы же знаете, я не это имел в виду.

— Если так, — покровительственно улыбнулась она, тогда зачем было заводить об этом разговор?

Она чувствовала, как злость нарастает внутри. Вся ярость, вызванная случившимся с Джимом, сконцентрировалась на толстяке, сидящем перед ней за столом. Да, это не в ее интересах, но она больше не могла.

— Вам доставляет удовольствие — наблюдать за женщиной, попавшей в безвыходное положение? Вам так приятно ее мучить?

Харрис с грохотом встал. Он больше не улыбался.

— Видите ли, я понимаю, какому стрессу вы подверглись. Однако вы, Шерон, никакого права не имеете…

— Не любите, когда вещи называю своими именами, так? зарычала она. — Потому, что истина вас не интересует. Вам плевать, что там случилось на самом деле. Вас интересует только выгода для Норма Харриса.

На скулах его заиграли желваки. Разозлили я его, удовлетворенно отметила Шерон.

— Ну, знаете… Оторвать меня от работы и…

— Вы обиделись, что на меня придется тратить время, и решили отыграться, наблюдая, как я умоляю о помощи, и поиграв со мной в кошки–мышки? Развлечения кончились. Вы примете какие–нибудь меры или как?

Она обнаружила, что ее бьет мелкая дрожь, и сжала челюсти, а руки скрестила на груди, чтобы он не заметил этого.

Он схватил папку и сунул ее под мышку:

— Я подам рапорт.

— Вы пошлете человека допросить Розалинду Френч?

— Не думаю, что это необходимо. — Он смотрел на нее, наблюдая реакцию.

Шерон собралась с силами. Только не выказывать слабости. Не доставлять ему такого удовольствия…

— Вы обследуете машину Джима на предмет следов вмешательства?

На лице его появилась гаденькая улыбочка.

— Мы уже сделали это. Через местное отделение полиции. Оттуда звонили утром, незадолго до вашего приезда. Ничего такого не обнаружено.

Вот так. Она и не ожидала, что следы будут обнаружены, однако сообщение явилось для нее ощутимым ударом — если, конечно, Харрис не врал. Ни слова более не говоря, она обогнула стол и взялась за дверную ручку.

— Эй! А это? — Он поднял со стола compad! — Можете сохранить, на добрую память.

Она явственно различила сарказм в его голосе.

— Если вы были таким близким другом Джима, — рявкнула она, — может, оставите на память себе?

Он небрежно швырнул compad в корзину для бумаг.

Шерон молча распахнула дверь и вышла.

УТЕШЕНИЕ (Solace)

Шерон до сих пор помнила то время, когда витрины здесь были столь велики и ярки, что каждый уикэнд пассаж сиял, точно на рождество. А она, пятилетка с мечтательными глазами, тащилась между папой и мамой, и, как на чудо света, глядела на яркие краски подвижной рекламы, груды продуктов, бытовую электронику… Гуляние по пассажу превращалось в посещение громадного магазина игрушек.

С тех пор здесь многое изменилось. Остались еще кое–где электронные экраны, и 3–х мерные видео и прочие мудреные технические приспособления, однако после депрессии на рубеже веков уличный уровень пассажа заполонили государственные продовольственные и одежные магазины — ряды громадных, скучных лавок с товарами первой необходимости. В то же время

крохотные бутики и гурме–бары второго этажа в большинстве своем стали семейными предприятиями, торговавшими доморощенной пищей и домодельной одеждой, а многоэкранный кинотеатр сделали лото–холлом, где женщины — [?] проигрывают свои чеки государственного вспомоществования, чая выиграть бесплатную поездку в Канаду.

И все же Шерон до сих пор нравилось бывать здесь — особенно, когда мерзко на душе. Бродить в толпе, предавшись своим мыслям, глазеть на лавки, не сосредотачиваясь ни на чем особо — это давало спокойствие окоченения[?].

Она купила сойбургер и устроилась в крохотном дворике–плаза[?] под узорчатым стеклянным навесом. В основном здесь коротали день старики — читая, сплетничая, предаваясь всем тем занятиям, что входит в привычку после 40–50 лет. Охранник в униформе ходил меж столиков, переговариваясь с завсегдатаями.

Пластик под дерево на столе Шерон был исцарапан и отслаивался по краям, а подошвы ее липли к полу, но это ее мало трогало. Пассаж звал к себе, пробуждая нечто подобие ностальгии, и все это было, точно музыкальный фон, который можно вовсе не замечать.

Через некоторое время злость на Норма Харриса прошла. Чем трястись над прошлым, куда важнее двигаться вперед. Она вытащила из сумочки блокнот, положила его рядом с тарелкой и зачеркнула один из пунктов списка. В ФБР она сходила, и это оказалось дохлым номером.

И оставшиеся возможности тоже казались теперь совершенно безнадежными. Допустим, например, найдет она больницу, где лежит Готтбаум, или вычислит Розалинду Френч, или наладит контакт с домом Готтбаума… Чего она этим добьется, если в ФБР ей не верят, и доказательств, достаточных для ареста кого–либо, нет?

Смежив веки она представила себе, будто описывает положение дел Джиму. Что бы он ей посоветовал? Скорее всего четко определить цели и задачи. Ей хватало остроты ума, чтобы точно обрисовать недостатки в идеях других, но, коснись дело ее самой, путалась на каждом шагу. Порой она бывала сущим младенцем, взирающим на мир, разинув от удивления рот.

Она перевернула страницу и написала заголовок: (Цели и задачи.) За заголовком последовало:

(Я хочу передать в руки правосудия тех, кто ответственен за смерть Джима.)

А что, собственно, имеется в виду под правосудием?

(Хочу, чтобы их посадили в тюрьму.)

Из одного лишь желания отомстить? Да, и это тоже. Когда

она позволяла себе думать о том, что произошло, ее охватывала такая ярость, что она не могла владеть собственным телом. Эти люди украли у нее источник величайшего счастья, какое только знала она в жизни. Все существо ее желало покарать их, уничтожить за то, что они сделали…

Шерон постаралась не давать воли чувствам и рассмотреть ситуацию хладнокровно. Есть ли у нее и рациональный императив? Да. Нужно защитить других людей от фанатизма, из–за которого погиб ее муж. Что бы там ни было, Готтбаума и его людей нужно остановить.

Но как? Представители власти помочь не могут. Или не хотят.

Юми уже подсказала ей ответ. Шерон — журналист и знает силу гласности. Если она сумеет выставить деятельность Готтбаума на всеобщее обозрение — документированные факты, а не просто домыслы — это подействует. При этом ей, вполне возможно, угрожает опасность, и Шерон прекрасно понимала, что теперь она гораздо более ответственна за Дэймона, чем раньше. Однако и ради него она обязана показать людям, кто убил его отца.

Шерон покончила с бургером. Под слоем специй он был вязким до тестообразности. Старики, выросшие еще в двадцатом веке, называли их стыдбургерами. Но старики всегда на все жалуются. Похоже, большинство из них до сих пор уверены, что они, как граждане Америки, имеют право есть мясо, жечь масло и выбрасывать на улицу мусор всю свою жизнь. Она обвела взглядом пенсионеров за соседними столиками, читавших журналы, подремывавших, просто сидевших, глядя в одну точку. Интересно, сама она тоже когда–нибудь станет такой? Будет сидеть, целыми днями ворчать и ныть…

Охранник куда–то вышел, и она увидела направляющегося к ней попрошайку. Ясно, пора уходить. Она отнесла тарелку и поднос на кухню и пошла к выходу. Никто не знает, что Юми рассказала ей. Значит, они полагают, что она, Шерон, будет сидеть дома и оплакивать мужа, свято веря в случайность его смерти.

Сняв машину с подзарядки, она медленно вырулила со стоянки и поехала к дому.

Несомненно, Готтбаум надежно спрятался в каком–нибудь частном медицинском заведении под вымышленной фамилией, и не стоит тревожить его, являясь с допросом. Однако известно, где работают остальные, а Розалинду Френч она знает в лицо — по фотокомпозиту. Следующим шагом будет сбор данных на них и, возможно, слежка за ними.

Из «Лос–Анджелес Таймс», Среда, 15 мая, 2030 г.

НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ ВЫБИРАЕТ СМЕРТЬ.

Тело его заморожено.

Ученый–компьютерщик, Нобелевский лауреат Лео Готтбаум, хорошо известный прямыми, радикальными политическими взглядами скончался вчера, на 82–м году жизни. Тело его, после смерти, наступившей в результате сознательного отказа от приема пищи и питья, помещено в Глендейлскую криоическую клинику.

Льюис Экхардт, президент «Крайоник Лайф Системс, Инк.», подтвердил, что Готтбаум избрал смерть через три дня после того, как узнал, что страдает раком мозга, случай неоперабельный.

— Ему оставалось не более полугода жизни, — сказал Экхардт в телефонной беседе. — Эти полгода сопровождались бы сильными болями и разрушениями мозга — вероятно, необратимыми. Мы уважаем его решение — остановить для себя время до тех пор, когда эта болезнь станет излечимой.

Доктор Готтбаум получил Нобелевскую премию в 1998 году, за вклад в разработки искусственного интеллекта. Награда вызвала возражения со стороны членов ученого мира, не одобрявших частые публичные диатрибы Готтбаума, направленные против отдельных политиков, государственных структур и нашего государства всеобщего благосостояния в целом. В конце 90–х годов XX столетия, в серии выступлений через средства массовой информации он объявил себя анархистом и произвел не завершившуюся успехом попытку поднять налоговый мятеж против усиливающейся централизации правительства. Также он высказывался за уничтожение всех благотворительных программ, аннулирование государственного золотого запаса и снятия контроля с научных исследований.

По окончанию XX столетия он стал более умеренным и посвятил свои усилия военным разработкам «Норт–Индастриз» в Лонг–Бич до выхода на пенсию в 2020 году. Представитель «Норт–Индастриз» отказался посвятить нас в подробности работы Готтбаума, так как она до сих пор остается засекреченной.

СТОЛКНОВЕНИЕ

Однако сидя в машине, Шерон вглядывалась в темноту, ожидая и не зная точно, чего ждет. По задворкам гулял ветер; он, сухой и жаркий, подымал в воздух пыль, гнул пальмы, разбрасывал по асфальту сухие листья и сор. Ветер был настырен: он рвался в машину, шуршал и свистел о кромку ветрового стекла, играя на нервах Шерон.

Она и обычным–то вечером чувствовала бы себя в этом

районе Лонг–Бич весьма неуютно. Округа выглядела как–то по–хулигански опасно — маленькие, обветшалые домишки с облупленной краской на стенах, ржавые ограды с предупреждающими табличками, бродячие собаки, роющиеся в мусорных баках без крышек… С чего ученому селиться в таком районе?

Шерон сидела, привалившись спиной к дверце и вытянув ноги на переднем седеньи. Дом Френч был почти в квартале от нее, но она отчетливо видела его через инфраскоп, позаимствованный на службе. После двухдневного торчания у ворот «Норт–Индастриз» она выследила Френч и проследовала за ней сюда. В конце концов — Шерон была уверена — Френч приведет ее к кому–то или чему–то, задействованному в «теневой» стороне «Лайфскан», однако сегодняшние перспективы выглядели худовато.

Ах, если бы KUSA согласились пожертвовать хоть сколько–нибудь человеко–часов! Она расписывала начальству тему, как могла, но новость о смерти Готтбаума решила дело. Старик ведь уже в морозилке, так? Это подтвердил и представитель «Крайоник Лайф Системс». Если Готтбаум изобрел что–то вроде электронного бессмертия, как утверждает Шерон, то почему согласился запломбироваться в дьюар с жидким азотом?

Шерон сказала, что не верит, что Готтбаум действительно там, и что крионики, наверное, пошли на какую–то сделку и обеспечили ему прикрытие. И с этого момента начальство отставило шутки в сторону. Если, сказали ей, ей охота тратить личное время на разработку этой темы, то недели две пусть так и делает, но к ним не является, пока не достанет реальных доказательств своей версии.

И вот она здесь, глядит в инфраскоп. Рядом на полу — термос с кофе, радио настроено на одну из рок–станций, не дает ей заснуть и заглушает свист ветра. Она устала, ей одиноко, ей очень хочется, чтобы рядом был хоть кто–то живой — но лучше такой, чтоб верил ей и мог бы разделить ее горе.

Конечно, на похоронах Джима была толпа родных и друзей, и разные доброжелатели просто жаждали помочь ей во всем, чем угодно. Но ни одного человека, которому она могла бы довериться, там не было, а позвонить Юми она не осмелилась — люди Готтбаума могли прослушивать ее номер.

Вот почему она была одна, в час тридцать ночи, в ожидании каких либо событий. Розалинда Френч вернулась сюда из лаборатории около часу назад, и окна ее дома все еще сияли желтым светом. Что она там делает? Может, заснула, оставив свет?

Шерон для разминки пошевелила ногами, отложила на минутку инфраскоп и протерла глаза. Интересно, как Джим справился с такой утомительной работой? Он отличался неукротимой настойчивостью, точно кошка. Мог смотреть и ждать целыми днями, если нужно — если полагал, что это к чему–то ведет… Но ей не хотелось думать о Джиме. Она обещала себе не думать о нем.

Внимание ее привлек слабый шум. Кто–то хлопнул дверью. Она схватилась за инфраскоп — как раз вовремя, чтобы увидеть, как Френч выходит из дома и идет к машине, стоящей возле гаража.

Крутнувшись на сиденьи, Шерон села прямо и поставила ноги на педали. А Френч завела машину, включила фары, задним ходом выехала на дорогу и поехала по улице.

Шерон последовала за ней. Других машин за поздним временем не было, и единственным способом остаться незамеченной было держаться на четыре или пять кварталов позади. Шерон вся напряглась, руки ее крепко сжимали руль, все внимание — на два красных огонька вдалеке. По крайней мере, усталость как рукой сняло, об этом позаботился хлынувший в кровь адреналин.

Внезапно машина Френч резко свернула направо. Шерон закусила губу. Она боялась слишком отстать. Увеличив скорость, она домчалась до угла, свернула и осмотрела дорогу, на которой оказалась. Длинная, прямая, широкая — и абсолютно пустая.

Шепотом выругавшись, она доехала до следующего перекрестка, притормозила и посмотрела влево–вправо. Вдали виднелся мотоцикл, и больше ничего.

Треснув кулаком по приборной доске, не в силах сдержать разочарования, она приказала себе успокоиться и действовать методически. Просто взять, да испариться, Френч не могла; наверное, она свернула на следующую улицу.

Шерон поехала дальше. Сзади ее догонял какой–то экипаж, мелькнул в зеркальце заднего вида. Машина пошла на обгон, затем подрезала ей нос. Шерон вскрикнула от удивления: обгоняющий вот–вот врежется в нее. Рванула руль — но поздно. Ее крыло задело борт той машины, последовал толчок и скрежет металла о металл. Она дабанула на тормоз; покрышки завизжали о бетон. Машину занесло.

Экипаж остановился прямо перед ней. Шерон тупо взглянула на него. Ее была дрожь. Она узнала машину Розалинды Френч. Та выпрыгнула на дорогу, обогнула машину и пошла к ней, сжимая что–то в руке. Должно быть, поняла, что за ней следят. Свернула, должно быть, на обочину и вырубила фары, пропустив ее, Шерон,

вперед.

Проклиная себя за ротозейство, Шерон принялась дергать дрожащей рукой рычаг, пытаясь дать задний ход. Но Френч уже подошла к машине, сжимая в руке нечто, похожее на электронный пистолет — да, точно такой, какой приносил Джим после оперативной работы в Малой Азии.

Шерон зашарила под сиденьем. Там был спрятан автоматический пистолет 22–го калибра, давным–давно подаренный Джимом. Она уже несколько лет не стреляла из него — не любила оружия. Она обещала себе: выслеживая Френч, соблюдать сверх осторожность, держаться на приличном расстоянии — так, чтобы не возникло нужды в оружии. Шаря под сиденьем, она вдруг вспомнила, что дверца не заперта, потянулась к ней — и тут Френч рывком распахнула ее.

В машину ворвался горячий ветер. Эта женщина стояла, глядя на Шерон. Лицо ее было едва различимо в рассеянном, отраженном свете фар. Выглядела она как–то потерянно: неряшлива, глаза дикие, щеки мертвенно–бледные, под глазами–темные круги. Ветер, ероша ее волосы, уронил прядь на глаза. Злобно отшвырнув волосы в сторону, она заорала:

— Какого хрена? Почему ты за мной следишь?

Уголком глаза Шерон заметила отражение света, зажегшегося в доме напротив. В окне показался темный силуэт. Кто–то услышал скрежет металла и визг покрышек. Может, позвать на помощь?

— Отвечай, черт побери! — Френч бухнула кулаком по крыше машины.

Шерон вздрогнула. Она старалась унять свою собственную злость. В конце концов, у нее куда больше причин злиться.

— Я журналист. Работаю над сюжетом…

— Вранье. Я знаю, что ты — жена Бейли. У меня есть следящее оборудование, я видела, как ты провожала меня до дому, и видела твое фото из архивов города. Кстати, и в этих клятых вечерних новостях тебя показывали. — Она отвернулась. Все улажено! — крикнула она человеку в купальном халате, отважившемуся выйти из другого дома неподалеку. — Помощи не нужно, никто не пострадал, спите спокойно! — Голос ее был нетверд, точно она была в шоке. Была в ее облике какая–то дикость, словно ей нечего терять, и спуску она не дает.

— Причина моей слежки за вами очевидна, — ожесточенно сказала Шерон.

— То есть, твой муж? — Френч махнула рукой. — Он попал в аварию. Не вписался в поворот.

— Нет. — Толкнув Френч, Шерон вышла из машины и встала

перед ней. Ярость каким–то иррациональным образом придала ей сил. — Никаких аварий. Его убили вы.

Френч холодно взглянула на нее и резко рассмеялась.

— Он не мертв.

— Это безумие. Глупейшая…

— Ладно, я докажу, что он жив. Ты этого хочешь? Ты потом оставишь нас в покое?

Шерон смотрела ей в глаза.

— Я не…

— Верно, не понимаешь. Слушай, езжай домой и жди. Завтра он позвонит.

— Нет! — Шерон замотала головой. — Это будет фальшивка, такая, же, как…

— У меня нет времени.

Повернувшись к Шерон спиной, она пошла к своей машине, хлопнула дверцей, сорвалась с места и, визгнув покрышками, свернула за угол.

К тому времени, как Шерон вернулась в машину и погналась за ней, Розалинда Френч скрылась в ночи.

(Digital Sampling)

На этот раз сознание вернулось к нему мгновенно, точно кто–то повернул выключатель. Бейли обнаружил, что стоит в просторном, холодном зале под куполообразной крышей. Купол мерцал белым, испуская рассеянный, точно облеченный в униформу, свет. Пол тоже был белым, испещренным сетью черных линий.

Включение сознания было столь внезапным, что он просто стоял, неуверенно оглядываясь, не в силах переключиться. Образы Лондона военной поры еще жили в его разуме — как и панический ужас от паралича и зрелища исчезновения окружающего мира и памяти.

Но теперь он снова мог двигаться. И разум нормализовался насколько он мог судить. Однако он все еще не оправился от ошеломления, а в этой громадной зале не было ничего, на что можно было лечь или хотя бы прислониться. Он рухнул на колени, сел на пол, скрестил ноги и закрыл глаза, прижав ладони ко лбу.

Вскоре он почувствовал себя лучше, увереннее. Взглянув на пол перед собой, он провел по нему пальцем. Поверхность была гладкой, холодной и твердой, как полированный камень. Линии были около полусантиметра толщиной и образовывали сложный узор, то там то сям перемежающийся прямоугольниками и прочими геометрическими фигурами. Узор под мерцающим куполом, который, казалось, был громадным, чуть не в милю

диаметром, уходил вдаль.

— Добро пожаловать, мистер Бейли, — сказал чей–то голос.

Бейли поднял взгляд. В дюжине футов от него материализовалась человеческая фигура. Бейли узнал ее не сразу. Лео Готтбаум, высокий, загадочный, руки заложены за спину, глядит вокруг по–хозяйски!

Бейли рывком поднялся на ноги. Его все еще пошатывало, однако с Готтбаумом хотелось говорить лицо в лицо. Появление Готтбаума пробудило в нем противоречивые чувства: осмотрительность, ярость и страх.

Некоторое время они молча взирали друг на друга.

— Я все еще в MAPHISe, — сказал Бейли. Высказывание было скорее утверждением, нежели вопросом.

— Конечно. И теперь система функционирует нормально.

Бейли снова вспомнился охвативший его паралич и постепенная потеря памяти. Он вздрогнул.

— А что это было? Когда… все начало исчезать?

— Кратко говоря, кое–какие проблемы с софтами. Пришлось все вырубать и… перезагружаться. — При этом архаизме он слегка улыбнулся.

— Тогда… почему я жив? — спросил Бейли. — Я чувствовал, как сознание по частям отключается.

— Потому, что имеется копия вашего файла, — объяснил Готтбаум. — Взгляните на схему, это… где–то там. — Он махнул рукой вдаль. Бейли взглянул на переплетение линий на полу.

— Так это — диаграмма?

— Да. Общая схема MARHISa.

— И… имеется запасная копия всего моего существа?

Готтбаум раздраженно взмахнул руками, точно расспросы обижали его.

— То же самое делает любой юзер с новой программой. Мы обеспечили резерв. И копия каждого инфоморфа постоянно обновляется согласно происходящим с оригиналом событиям. Вот почему вы помните процесс потери памяти.

Бейли покачал головой. Не об этом он хотел говорить… Он на секунду отвел взгляд, стараясь привести мысли в порядок. Чего ему хочется на самом деле? Ему опять одиноко. Он изолирован от всего мира. И виноват в этом стоящий перед ним. Или человек, чья реплика[?] стоит перед ним.

— Вы действительно здесь, со мной? — спросил он, чувствуя пренеприятнейшую уязвимость. Он даже выразить не мог, свою ярость по поводу проделанного над ним. — Или вы снаружи, проецируете сюда свой образ? Или — еще как?

— Я ныне — инфоморф, точно такой же, как и вы, спокойно,

мягко, точно понимая, что чувствует сейчас Бейли, сказал Готтбаум. — Я подвергся той же процедуре, что и вы. Конечно, не в столь авральном порядке. Мы каталогизировали мои сенсорные реакции заблаговременно, в течение нескольких месяцев. Но я, подобно вам, умер на операционном столе, а сознание мое, подобно вашему было сканировано.

Бейли не в силах был далее сдерживать ярость.

— По вашей доброй воле, — с отвращением сказал он. — В отличие от меня.

— Все еще лелеете свои обиды, мистер Бейли…

— Это вы–то меня порицаете? — горько рассмеялся он.

— Нет. Но я, возможно, помогу вам обрести спокойствие.

Бейли почувствовал какие–то перемены в себе. Сознание его точно прополоскали, буквально смыв эмоции. В несколько секунд он был спокоен и не разрывался более между инстинктивным порывом бежать и желанием броситься на Готтбаума. Глядя на него, он умом понимал, что должен был чувствовать страх и ненависть, но все эмоциональные обертоны куда–то пропали.

А Готтбаум улыбался, словно смущение Бейли этак малость позабавило его.

— MARHIS — абсолютный транквилизатор, — сказал он. — Всегда — онлайн и готов нормализовать ваши автономные ответные реакции. Улавливаете преимущество, мистер Бейли? Отныне — никаких негодований, депрессий, ревностей. Наконец найден способ избавить наш разум от примитивных побуждений и животных поведенческих рефлексов.

Бейли чувствовал себя обокраденным. Он невольно отступил назад, хотя в пустом круглом зале негде было укрыться.

— Я… не желаю, чтобы вы хозяйничали в моей голове! Не хочу, чтобы из меня делали робота! Эмоции — часть человеческого существа!

Готтбаум пожал плечами.

— Если вы действительно хотите получить назад свои эмоции, я верну их вам чуть позже. И, уверяю вас, что у меня нет ни малейшего желания, как вы выразились, хозяйничать в вашей голове. Хотя вы должны понять, что не все инфоморфы созданы одинаковыми. У меня, как говорят компьютерщики, имеется привилегированный доступ к системе. В конце концов, это я изобрел MARHIS, поэтому, согласитесь, мне можно позволить им управлять.

— То есть, вы заслужили ранг здешнего божества? — с отвращением спросил Бейли.

Готтбаум отвернулся, словно потеряв интерес к беседе. Неподалеку материализовались два глубоких, мягких кресла. Он

погрузился в одно из них. Судя по виду, на этой необъятной арене он чувствовал себя вполне по–домашнему?

— Садитесь, Бейли. Мне нужно кое–что сказать вам.

Избегая встречаться с ним взглядом, Бейли молча продолжал стоять на месте.

Готтбаум вздохнул.

— Надеюсь, вы понимаете меру моей власти над вашим сенсорным восприятием? Я могу подгружать вам ощущения так же легко, как и отключать. Я имею доступ ко всем вашим болевым рецепторам. Варварство, конечно; однако Бейли, у меня нет времени на рассусоливания.

Бейли осознал безнадежность пассивного сопротивления. Угрозы Готтбаума не испугали его — ведь эмоции оставались нейтрализованными, однако он отлично помнил, как страдал, впервые очутившись в MARHISe, и не сомневался, что Готтбаум вполне может снова устроить ему то же самое, если не хуже.

Фаталистически, он подошел к креслу и сел.

Готтбаум кратко кивнул.

— Хорошо. Теперь — вперед, ко взаимопониманию. — В голосе его появилось нечто новое. — Пользы мне от вас не более, чем от любой бактерии. Последние тридцать лет жизни я посвятил исследованиям, которые — я уверен — поставят все человечество на следующую ступень эволюции. Моя работа почти завершена — а тут вы начинаете шарить вокруг нее. При этом вы одержимы глупейшими идеями по поводу того, что можно, а что — нельзя. Мне следовало бы уничтожить вас, понимаете? Вместо этого, в силу этических соображений, мы решили законсервировать ваше «я» в нашей системе. Вы ведь теперь бессмертны! Вы больше не какой–то смертный коп, сажающий людей в тюрьму за неугодные правительству поступки! Для вас открыты невероятные перспективы — если только вы решитесь воспользоваться преимуществами своего настоящего положения.

Бейли поежился. Ах, если бы Готтбаум заткнулся! Ах, если б можно было как–нибудь уйти от чувства, что пойман и подконтролен!

— Вы забываете о некоторых вещах, — сказал он. — здесь нет тех женщины и ребенка, которые придавали моей жизни смысл. Может, для вас семья — пустой звук. Очевидно, вашей дочери от вас — никакого проку. Но большинство людей считает семью чертовски важной вещью.

Готтбаум махнул рукой.

— С готовностью соглашусь: вы проиграли свою ставку. Но вы рискнули ею, вмешавшись в наши дела. И взамен получили чертову уйму утешительных призов. Взгляните на меня!

Лицо Готтбаума начало меняться. Морщины, заполнившись плотью, изгладились. Сухощавость сменилась здоровой полнотой. Тощая шея сделалась крепче и толще. Менее, чем в минуту, Готтбаум из восьмидесятилетнего старика превратился в молодого человека лет двадцати.

— Я понимаю, — сказал Бейли, — что здесь мы бессмертны, пока аппаратура обеспечивает наше существование. Но если бессмертие — лишь продление мук, оно мало похоже на благословение.

Взгляд Готтбаума стал презрительным.

— Бейли, вы — классический случай, как мы говорили в молодости, зацикленного. Вы так зациклились на утраченном, что не видите приобретенного. Постараюсь изменить вашу позицию к лучшему.

Он поднялся.

— А почему бы просто не оставить меня в покое? — спросил Бейли.

— Потому, что мы, к несчастью, нуждаемся друг в друге. Как вы уже видели, MARHIS на может целиком уподобить псевдоморфа настоящему человеку. Места здесь хватит лишь на восемь полнофункциональных инфоморфов, так что мы нужны друг другу — хотя бы как собеседники. Если вы, конечно, не пожелаете быть уничтоженным. Решайте сейчас. Место нам пригодится для того, кто сможет оценить его.

И вновь Бейли почувствовал, насколько подвластен этому человеку. Он вспомнил, что чувствовал, когда симулятор застыл и он, недвижный, наблюдал, как составляющие окружающего мира выключаются одна за другой…

— Я не хочу умирать, — сказал он, избегая взгляда Готтбаума.

— Тогда идемте.

Тут же из–под купола опустилась к полу лестница. Судя по виду, она была сделана из полированной стали, поблескивавшей в рассеянном свете. Конец ее коснулся пола невдалеке, и Готтбаум жестом пригласил Бейли подниматься. Памятуя о наказании за неповиновение, Бейли подчинился.

Лестница превратилась в эскалатор. Бейли, против воли, приятно удивился. Готтбаум был прав: система предоставляла невообразимые возможности — если только сможешь забыть о неизбежных потерях…

— Воспользуйтесь случаем обозреть базовую архитектуру MARHISa, сказал из–за спины Готтбаум, указывая на схему, подрывавшую пол арены. Эскалатор продолжал нести их вверх. В частности, вам необходимо понять принцип дисковых

пространств. Как инфоморф, вы располагаете личным дисковым пространством, в пределах которого полностью контролируете свое окружение, и ни один инфоморф не может вторгнуться туда против вашей воли.

— Кроме имеющих привилегированный доступ, — мрачно сказал Бейли.

— Верно. Но, уверяю вас, я не стану пользоваться им по своему произволу. И, во всяком случае, вы в настоящий момент находитесь в моем пространстве. А реконструировали свою квартиру, естественно, в своем.

У верхнего конца эскалатора в крыше появился люк, открывая прямоугольник голубого неба. Эскалатор, пронеся Бейли через люк, доставил его на заросший высокой травой склон холма. Зажмурившись на миг от яркого света, он оглядел новое место. У подножия холма росли сосны, за ними виднелся океан. Мягкий бриз коснулся его лица.

— Я скопировал свой дом, как и вы. — Готтбаум спрыгнул с эскалатора, люк в склоне холма затянулся за ним и исчез. — О, смотрите, кто здесь! — Он указал на женщину, сидевшую невдалеке скрестив ноги и склонившись к книге на коленях.

— Ваша дочь… Значит, она тоже сканирована — хранится здесь?

— Конечно, нет. Сомневаюсь, что она пожелала бы. А, пожелай она, я, скорее всего, был бы против. — Готтбаум задумался. Он сохранил старческое достоинство и размеренность речи, странно контрастировавшие с обликом юноши. — Я смоделировал ее в качестве псевдоморфа вместе с куполом. После тридцатилетней войны с ней там, снаружи, мне доставила удовольствие возможность перестроить ее по своему усмотрению. Идемте.

Он зашагал по склону, везя за собой Бейли. Бейли отметил, что симулятор травы подгулял. Сотни тысяч отдельных стебельков стояли недвижно, невзирая на мягкий бриз, и перед ногами не расступались, а резко отскакивали прочь.

— Юми, — окликнул дочь Готтбаум. — Это — Джеймс Бейли. Может быть, ты помнишь его. Хотя, если подумать, в тот раз он назвался Ричардом Уилсоном.

Она подняла взгляд. Черты лица ее были теми же самыми, однако выражение — другим. От сдержанности реальной Юми не осталось и следа. Лицо ее лучилось невинностью отставшего в развитии ребенка.

— Привет! — сказала она, лучезарно улыбаясь. — Как дела?

— Я как раз показываю Бейли окрестности, — сказал Готтбаум.

— Тут — просто прелесть. — Она улыбнулась еще шире.

— Наверное, вас нужно ненадолго оставить вдвоем, обратился Готтбаум к Бейли. — Насколько я помню, вы отошли от манеры разговора, избранной при первой встрече. Уверяю вас, здесь она может быть куда более… сговорчивой, нежели во внешнем мире.

Бейли молча смотрел в лицо Юми.

Та повернулась к Готтбауму.

— Могу ли я сделать что–нибудь для вас, отец? — спросила она неправдоподобным высоким, умильным детским голоском.

— Пока нет. Спасибо, Юми.

— Правда? — Она просто жаждала чем–нибудь угодить отцу.

— Правда. Сиди, читай дальше. Идемте, Бейли. Сюда.

— Может, потом встретимся, Джим, — крикнула Юми вслед Бейли, поднимавшемуся за Готтбаумом к вершине.

Даже зная, что эта женщина — просто компьютерная модель без всякой связи с реальной личностью и уж тем более не имеющая самосознания, Бейли пришел в ярость, точно в его присутствии творили насилие, предательство. Он помнил, сколь мрачной и противоречивой казалась Юми в реальном мире. Сложность ее была большей частью того, что делало ее человеком.

— Вы действительно именно такой всегда желали видеть ее? — спросил Бейли по пути к куполу. — Вроде… домашней зверюшке?

Готтбаум как–то загадочно взглянул на него.

— Не одобряете? Полагаете реальное священным? Следовательно, мы нарушаем законы естества, обезьянничая с реальности?

— По–моему, — сказал Бейли, — отредактировав свою жизнь и убрав из нее каждую неугодную мелочь, вы можете забыть, что значит — быть человеком.

Готтбаум засмеялся — отрывистым, презрительным, освобождающим смехом.

— Но я — не человек, Бейли, и вы также. Мы инфоморфы. У нас нет никаких долгов перед внешним миром, — не больше, чем у бежавшего узника — перед камерой, в которой он жил. Мы можем обустроить это место так, как захотим, и за это ничего не нужно платить. Поймите это.

Открыв люк в купол, он провел Бейли внутрь.

Внутри все было так, как помнилось Бейли, только беспорядку было гораздо меньше — вероятно, потому, что теперь у Готтбаума был в качестве домоправительницы MARHIS — им же переделанная Юми. Откуда–то выбежал большой золотистый пес.

Сметя по пути с кресла стопу бумаг, он громко гавкнул и прыгнул, положив передние лапы на грудь Бейли.

— Фу, Сэм! Фу! — прикрикнул на него Готтбаум.

Бейли всегда чувствовал себя неспокойно, если поблизости была собака. Он поднял колено, отпихивая от себя пса, но тот, обогнув ногу, снова прыгнул на него.

Выступив вперед, Готтбаум сгреб пса за ошейник и оттащил прочь.

— Извините, Бейли, — сказал он вовсе не извиняющимся тоном. — Существуют вещи, неподконтрольные даже мне.

— Да? — иронически спросил Бейли. — Но ведь это вы его сделали, не так ли? — Ему пришлось кричать, чтобы перекрыть настойчивый лай пса.

— Сэм — не псевдоморф, если вы это имеете в виду. Он — настоящая собака. Он принадлежал мне много лет. Он был нашим последним подопытным животным; я решил держать его в MARHISe, пока нам хватает памяти и мощности процессоров. — Он обратился к псу. — Сидеть! — строго сказал он.

Сэм повиновался, усевшись на задние лапы и глядя снизу вверх на хозяина в ожидании дальнейших инструкций.

— Понимаете, Бейли, — продолжал Готтбаум, — однажды, в зависимости от положения дел в реальном мире, мы сможем нарастить MARHIS. Тогда у нас будет больше пространства. Вы сможете заполнять его инфоморфами по собственному выбору: птицами, кошками, собаками, и даже кое–кем из ваших старых друзей, если они пожелают того. Кто знает, возможно, вам удастся залучить сюда вашу жену и сына, если вам это нужно.

Бейли ощутил внезапный прилив надежды, почти сразу сменившийся стоическим сопротивлением.

— Я никогда не позволю им пойти на такую жертву.

Готтбаум скривился.

— Вы цепляетесь за старые ценности, так же, как фундаменталисты — за «Ветхий завет». Слушайте, куда бы вам хотелось отправиться? Древний Рим? Новая Зеландия? Египет? Выбирайте, Бейли.

— Это — ваше представление.

— Хорошо, идемте наружу. Идемте! — Он кивнул на двери. Бейли с опаской открыл ее. Голубого неба, травы и солнца больше не было. Он обнаружил снаружи пепельно–серый простор, пыльные равнины и кратеры, перемежающиеся колючими горными грядами, никогда не видавшими дождя и ветра.

Он почувствовал, как подвело живот — точно в лифте, только что начавшем спуск. Солнце было необычайно ярким, оно ослепительно сияло с совершенного черного неба. Над самым

горизонтом навис пестрый бело–голубой шар. Земля.

— Мы на луне, Бейли, — сказал подошедший Готтбаум. И, поскольку инфоморфам не нужно дышать, вам не нужен даже скафандр. Нравится вам низкая гравитация.

Он помчался вперед, высоко подпрыгивая кверху; последний прыжок вознес его футов на двадцать над землей. Приземлившись на выход пласта какой–то породы, он остановился, озаряя окрестности.

Бейли оглянулся назад. Купол исчез. Внезапность перехода не обеспокоила его; видно, эмоциональные реакции все еще оставались нейтрализованными. Он ради пробы напряг мышцы ног и почувствовал, что поднимается в воздух и снова ме–е–едленно — опускается. Нагнувшись, он зачерпнул пригоршню пыли и пустил ее струйками меж пальцев. Пылинки падали вниз плавно, словно погружались в воду.

— Я стар и помню еще «Аполлон–XI», — сказал Готтбаум, спрыгнувший со скалы, и мягко приземляясь подле Бейли. — Знаете, тогда принято было воображать, что к двадцать первому веку на Луне будет постоянная колония.

— До смены общественных приоритетов, — сказал Бейли, едва слыша Готтбаума. Он рассматривал ландшафт, невольно попав под впечатление. Луна была полностью картографирована, данные по ней — всем доступны, и MARHIS без труда мог воссоздать ее в себе. То же самое — с Марсом, Венерой, спутниками Юпитера…

— Общественные приоритеты, — с отвращением сказал Готтбаум. — То есть, скармливание беднякам семенной кукурузы, вместо того, чтобы научить их посадить эти семена и вырастить собственную. Вот почему этот клятый мир впал в стагнацию по окончании двадцатого века. Вот почему будущее обернулось уцененной версией прошлого. Но не будем вдаваться в это. Закройте глаза, Бейли. Закройте — закройте!

Бейли повиновался.

— Теперь открывайте.

Вес сделался нормальным, отчего Бейли покачнулся и едва не потерял равновесия. Моргнув от неожиданности, он увидел, что снова находится на Земле — высоко в горах. Его окружали заснеженные вершины, окутанные одеялом из белых мягких туч, скрывавшим долины внизу. Он стоял рядом с Готтбаумом на скальном выступе. Они были совершенно одни среди абсолютного спокойствия. Воздух был беден кислородом и ужасно холоден.

— Надо бы подогреть немного, — сказал Готтбаум. Едва он выговорил это, температура поднялась, от минусовой градусов до семнадцати. — Все, что хотите, Бейли, не забывайте! Все, что

угодно! Вы когда–нибудь хотели летать. С этими словами он, оттолкнувшись от скалы, устремился в пространство.

Это, хотя и было всего лишь симуляция, выглядело не менее реально, чем все, прежде виданное Бейли в MARHISe. Со слабым, абстрактным удивлением от смотрел, как Готтбаум несется вниз, рассекая разряженный, чистый воздух. Но тут его тело, точно подхваченное восходящим потоком, взмыло вверх. Раскинув руки, как парашютист, он пошел по спирали, набирая высоту.

— Попробуйте! — крикнул он, проплывая мимо Бейли. Схватил его за ворот, дернул. — Прыгайте!

Черная, в прожилках снега, скала пронеслась мимо Бейли. Тучи внизу начали надвигаться на него. Шок, казалось, прорвал глушители эмоций, и на секунду его охватил панический ужас все существо его было уверено, что несется к смерти. Но тут же его словно подхватила чья–то рука, он взмыл — прочь от утеса под ним — закрутился, полетел! Он распростер руки и обнаружил, что может контролировать высоту, держит свой вес, точно на крыльях. Ужас сменился восторгом; он почувствовал трепет от способности скользить в воздухе без всяких громоздких приспособлений — и без малейшего риска.

— Но, если вам не по душе такие удовольствия, вы, может быть, предпочтете пляж?! — крикнул Готтбаум, поравнявшись с ним.

Горы исчезли. Тело Бейли вмялось в мягкий песок. Окружающий мир, сменившийся, как картинка в калейдоскопе, ударил по эмоциям. Он лежал на животе, глядя прямо вперед и тяжело дыша. Он увидел чистый белый песок и нетронутый, незамусоренный бирюзовый залив под голубым без единого облачка, небом. Медленно перекатившись на бок, он понял, что одежда его пропала — на нем не было ничего, кроме плавок. Осмотрев свое тело, он обнаружил, что вдруг сделался моложе, мускулистее, и кожа его покрыта глубоким темным загаром.

Он медленно поднялся на ноги. Он стал тяжелее, но свежие силы с избытком компенсировали это. Он испытывал странное, соблазнительное чувство собственного могущества.

— В тридцать лет я просто–таки мечтал выглядеть подобным образом, — сказали сзади.

Обернувшись, он увидел стоящего позади Готтбаума, сделавшегося таким же накачанным, как и он сам.

— Все, чего мне было нужно, — продолжил тот, — это тело, которое пустоголовые женщины сочли бы неотразимым. Довольно распространенная фантазия. Я перерос ее, едва лишь осознав, что есть в жизни вещи гораздо важнее гормонов. Но теперь, имея время и свободу действий, Бейли, мне, должен признать, нравится предаваться ощущениям, отвергнутым в те дни. А как вы?

Часть воображения Бейли все еще была занята горными вершинами, а другая — пыльными Лунными морями.

— То, о чем вы говорите, — сказал он, стараясь сосредоточиться на текущем окружении, — было бы в своем роде приятно, если бы не так заковыристо.

— Все это может быть «заковыристым» ровно настолько, насколько вы захотите, — сказал Готтбаум. — Посмотрите–ка на девушек. — Он кивнул в сторону двух девушек в бикини. Тем было лет по семнадцать. Сидя на одеяле, они натирали друг дружку лосьоном для загара. — Могут только глянуть и упасть в обморок, могут отшивать до последнего — как вам будет угодно. А можете просто подойти, сорвать купальники и делать с ними, что пожелаете. MARHIS будет счастлив услужить.

— А если они — инфоморфы? — возразил Бейли.

— В таком случае, вам воспрепятствуют вредить им. Существуют две категории информационных существ. Псевдоморфы, которых мы можем создавать, стирать, вознаграждать либо наказывать по собственному произволу, и инфоморфы — люди со всеми неотъемлемыми правами. Включая право на одиночество.

— А также вы, — добавил Бейли. — Готтбаум, властитель

вселенной.

Готтбаум пожал плечами.

— Смотрите на это, как вам больше нравится. Но я гораздо более великодушное божество, чем все, во что бы ни верили люди во внешнем мире. Я уже дал вам вечную жизнь, иммунитет ко всем болезням, неограниченное богатство и способность менять тела и индивидуальности, как перчатки. Вам бы, Бейли, не обижаться, а молиться на меня…

Бейли взглянул на девушек. Ему все еще с трудом удавалось согласиться, что это — просто комбинация электронов, не более настоящие, чем овечки из «Фермы старого Макдональда».

— Пока думаете, идемте прогуляемся к морю, — сказал Готтбаум. Бейли пошел за ним по песчаному пляжу. Песок под ногами был рассыпчатым и теплым — точно таким, каким и должен быть песок. Солнце горячо припекало голову и плечи, и переклики чаек прорезались сквозь мерный рокот прибоя.

— Все это очень… достоверно.

— Да, Джереми неплохо поработал. Он сделал большую часть программы, которую мы назвали «Environment Manager». Конечно, статический сценарий достаточно прост — всего лишь зацифрованное видео, пропущенное через конвертер, подстраивающей информацию под вашу личную нервную систему. Звук, вкус, запах, осязание, в общем, идут тем же путем. Но все становится сложнее с движущимися сложными объектами — особенно, когда таковых много. Вот это действительно требует мощных процессоров. Например, трава возле моего купола. Нельзя проследить за движением каждого стебелька. И то же с этим океаном. Вы заметили, что, когда волны разбиваются о берег, пена выглядит не так? Приблизительно то, что требуется, но детали теряются и огрубляются.

Бейли заметил о чем говорил Готтбаум. Вздымаясь волны казались вязкими, разбиваясь же — словно ворсистыми и расплывчатыми.

— Но не будем предаваться обсуждению деталей, — сказал Готтбаум. — Думаю, вы не можете не согласиться — в конце концов, я продемонстрировал вам внушительные преимущества пребывания здесь.

У Бейли появилось странное ощущение. Казалось, Готтбаум пытается навязать ему свой товар.

— Возможности впечатляют, — осторожно сказал он.

— Не могут не впечатлять. Господи, Бейли, да знай только люди об этих возможностях!.. Знаете, мне вовсе не хотелось заниматься всем этим подпольно. Но человечество имеет скверную привычку: уничтожать изобретения, долженствующие

улучшить его жизнь. Если помните, в 1812–м, на заре индустриальной революции, толпы луддитов крушили текстильные машины. И с тех пор положение дел не изменилось. Вы сам — имей только возможность положили бы конец нашей работе.

— Только потому, что вы растратили двадцать миллиардов народных денег, — заверил его Бейли…

Готтбаум отмахнулся:

— Я полностью согласен поделиться результатами, кои чертовски ценнее для народа, чем любое новое оружие, кстати сказать. Все, чего я добивался — возможности вести исследования без вмешательств со стороны. И даже теперь мне, помимо этого, ничего не нужно.

— Что ж, я теперь не у дел, и помешать вам некому. Я не успел даже составить отчет.

— Да, — согласился Готтбаум. — С вами мы справились вполне успешно. Но теперь возникла новая проблема. В лице вашей супруги. — Широким жестом он обвел идиллический карибский пейзаж. Солнце начало меркнуть; пляж, казалось, начал размываться, теряя резкость изображения. — Давайте вернемся в вашу квартиру, Бейли.

ТАКТИКА ЗАПУГИВАНИЯ

Готтбаум в буквальном смысле — снова обрел свое старческое естество: пушистые седые волосы, мятый костюм, выказывающий полное пренебрежение модой, глубокие и мрачные морщины на лице. Он оглядел меблировку гостиной с легким флером презрения, словно аристократ, посетивший скромный крестьянский домик, и устроился на краю дивана.

Бейли оказался прямо в центре комнаты. Он опустил глаза теперь его тело снова стало таким же, как раньше, и одежда была на месте.

Выключились и эмоции — мертвенная пустота в сознании пропала. Он был ошеломлен, полон противоречий, потрясен калейдоскопической сменой ощущений. В то же время он чувствовал и облегчение — оттого, что снова мог чувствовать.

— MARHIS сохранил ваши упражненьица в компьютерном дизайне, — сказал Готтбаум, обводя комнату взмахом руки. Просто на тот случай, если пожелаете когда–нибудь вернуться сюда.

— Вижу. — Бейли устало опустился в кресло напротив.

— Также сохранена и разработанная вами модель вашей супруги. Лично я считаю, что вы рано сдались — есть еще возможности для доработки.

— Вероятно, вы за этим наблюдали.

— Да, именно так.

Бейли приказал себе не сосредоточиваться на этом. Сознание могущества Готтбаума все еще тревожило его; какой смысл в противоборстве?

— Так что же вы говорили о Шерон? — спросил он. — Она стала проблемой для вас?

Он не верил в это, но если, тем не менее, это так — что ж, он будет рад и горд.

Готтбаум откинулся назад, вытянулся и положил ногу на ногу.

— Позвольте мне объяснить вам ситуацию. Как вы возможно, помните, в реальном мире мы устроили все так, что вы, якобы попали в аварию.

— Помню, Розалинда Френч упоминала об автокатастрофе.

— Правильно. Кое–какие повреждения головы следовало скрыть с помощью сильного пожара, дабы уничтожить большинство физических улик. Согласно полицейским документам, ваша жена посетила место катастрофы, якобы в поисках вашего кейса. Также посетила она кое–кого в вашем отделе ФБР, хотя мы не в курсе сказанного ею там. Мы уверены, что она пыталась убедить свое начальство в необходимости создания сюжета о «Лайфскан». Был звонок в «Крайоник Лайф Системс» с целью — убедиться, что мое тело содержится там.

Бейли подумал о Шерон, борющейся с тоской, но все же пытающейся докопаться до фактов, едва ли не с боем выясняя, что произошло на самом деле. Опять накатила волна печали: смелость и преданность были частью того, за что он любил ее.

— Совсем недавно, — продолжал Готтбаум, — она начала следить за Розалиндой Френч. Поздно. Розалинда сама вот–вот перейдет в статус инфоморфа; ей, в общем, плевать. Импульсивно она бросала вызов вашей жене, отрицая, что вы мертвы, и обязавшись доказать это, если она согласиться оставить нас в покое.

Бейли невольно улыбнулся. Хотелось бы ему видеть это!

— Это вовсе не так смутило нас, как вы полагаете, — резко сказал Готтбаум. — Только не забывайте: если вашей жене удастся–таки привлечь к нам всеобщее внимание, как она того хочет, поднимется жуткий вой. Ученые убивают людей и шкурят их мозги в свободное от работы время… Можете вообразить заголовки в газетах?

Политикам всегда до боли в зубах нужна возможность попугать людей и собрать толпу линчевателей. Это отвлекает народ от более важных предметов. Они объявят крестовый поход против сих богохульных исследований. Да–да, и бога приплетут!

Найдут MARHIS, отключат энергию… И дело не в том, что они уничтожат нас с вами, а также пойдут псу под хвост тридцать лет работы. Они повернут рубильник без всяких колебаний и угрызений совести.

Слушая эту «лекцию», Бейли чувствовал себя очень некомфортно и неудобно, но понимал, что выводы Готтбаума скорее всего верны?

— Вы ведь говорили, что существуют копии наших «я».

— Да, и надежно хранятся в стабильных (honvolatile) средствах. Но без специализированной архитектуры MARHISa они бесполезны. Тридцать лет ушло не просто на софтвар и сканирующую технику. Оборудование тоже потребовало времени. Думаете, они позволят уцелеть хоть части? Можете за это поставить свою жизнь?

Бейли был загнан в угол. Он доверял Шерон, но вынужден был согласиться, что ее действия могут угрожать его инфоморфскому существованию.

— Ладно. Значит, нам обоим нужно, чтобы полиция и пресса держалась подальше от MARHISa. Что же мне, по–вашему, делать? Сказать Шерон, чтобы была хорошей девочкой, возвращалась к своим репортажам из мэрии и забыла думать про «Лайфскан»? Черт, вы даже не позволили мне поговорить с ней по телефону…

Готтбаум встал, подошел к Бейли и склонился над ним, хмуро глядя в его глаза.

— Вам будет позволено поговорить с ней. И вы очень точно описали, что должны ей сказать. Потому что, выставив нас на обозрение публике, она имеет замечательную возможность убить вас. Навсегда.

— Он выпрямился и отвернулся. — Когда зазвонит, возьмите трубку. — Он указал на телефон возле кресла Бейли и вышел из квартиры, крепко хлопнув дверью.

ЗАЛОЖНИК

Бейли ждал у телефона. А трудно, ч–черт, сосредоточиться… Тоска по Шерон разрушала логические настроения и напрочь забивала все соображения стратегии. До какой степени можно верить Готтбауму? Наверняка Бейли знал только одно: ему нужна Шерон.

Он решил было приказать MARHISy еще раз отключить его эмоции, чтобы в мыслях прояснилось. Однако возвращаться к мертвенности чувств тоже не хотелось. Ему необходимо было чувствовать свою любовь к ней.

Телефон зазвонил. Он подпрыгнул в кресле, от неожиданного звонка и схватил трубку. Вначале не было слышно ничего — даже шорохов на линии. Ну да, симуляция, как и все прочее. Некий

отдельный канал MARHISa передает ему звуковой сигнал, конвертируя его на непосредственное восприятие реплики его сознания.

— Алло?

Голос ее звучал очень неуверенно. Однако это была Шерон; Бейли тут же убедился, что это действительно она. Он вообразил реальную Шерон в этой же самой комнате, сидящую на краешке кресла, как всегда при важном, жданном звонке, упершись локтями в колени, глядя прямо вперед.

— Алло! Есть там кто? — В голосе ее появились нотки тоски и страха.

Он понял, что сосредоточился на своих эмоциях до потери дара речи.

— Шерон, — сказал он. — Шерон, не вешай трубку.

На том конце долго молчали.

— Джим? — Судя по голосу, ее обуревали сомнения.

— Да, я, — сказал он. — Действительно я. Господи, как бы мне хотелось…

Только сейчас он полностью прочувствовал меру своего одиночества, всю глубину разделявшей их пропасти. Что толку хотеть, когда все желания — из разряда невозможных.

— Откуда мне знать, что это ты? — Голос ее дрожал, но в нем ясно слышалось дерзкое недоверие.

— Могу доказать. Я помню, как ты была одета, когда мы познакомились. Зеленая футболка и белые штаны. И ты ела сандвич с молодыми бобами. И у тебя был кот по имени Маркус, и когда ты в первый раз поцеловала меня «на сон грядущий, то хотела поцеловать в щеку — потом сказала, что боялась слишком поддаться чувствам, не хотела торопиться и желала контролировать ситуацию. И мы не занимались любовью до того вечера, когда поехали в кино на один заграничный фильм, но кинотеатр был закрыт на ремонт после сильного землетрясения, и…

— Хватит. — Теперь она плакала. Он слышал всхлипывания в трубке. — Пожалуйста, хватит. Я верю. Хватит.

Он представлял ее себе — совсем одну, без всякой поддержки…

— Шерон…

— Где ты, Джим? Тебя… твое тело нашли в разбитой машине. Так мне сказали. Для идентификации брали образец ДНК. Они же не могли ошибиться. Что случилось?

Он собрался с силами. Она должна знать; нет смысла ходить вокруг да около.

— Они поймали меня. На улице, возле дома. Люди

Готтбаума. Они боялись, что я положу конец их проекту. Я бы так и сделал. Но они не хотели убивать меня, потому использовали в исследованиях. Помнишь, что я рассказывал про «Лайфскан»? Я ошибся. Проект не провалился, не был пустой тратой денег. Она достигла поставленной цели. Иисусе, и как еще достигли…

— Что ты хочешь сказать? — Теперь голос ее звучал хладнокровнее.

— Они, нейрон за нейроном, скопировали мое «я». Я чувствую себя личностью, но… Я теперь просто громадная система обработки данных. Не знаю, где она находится. Хотя, это, наверное, у Готтбаума, на побережье. Бог его знает; оборудования там хватало всякого. — Он помедлил. — Ты понимаешь…

— Конечно понимаю! Я… кое в чем разобралась. Я понимаю, о чем ты. Но… Готтбаум тоже с тобой? Да?

— Да. И, несомненно, прослушивает наш разговор.

Долгая пауза.

— Я хочу наказать их Джим. — Голос ее еще слегка дрожал, но в нем ясно слышалась ярость.

— Милая, если ты предашь их дела гласности, начнется громадный скандал. Систему могут разрушить. Систему, обеспечивающую мою жизнь.

Опять пауза, затем, громко:

— Так какого же [?] мне?.. Сидеть и ничего не делать?!

— Не знаю. Я без тебя с ума схожу. Сам виноват, пренебрег предосторожностями. Так был уверен…

— Брось каяться, — резко сказала она. — Нельзя.

Она вновь появилась перед его мысленным взором. А сын, он тоже там, рядом?

— С Дэймоном все в порядке? Я о нем много думал. Хорошо бы с ним поговорить, только… Это, наверно, будет для него слишком ошеломляющим. То есть… Ты ведь сказала ему, что я мертв? Объяснила, что…

— Извините, Бейли. — В разговор врезался голос Готтбаума. — Очень неприятно вас прерывать, но нам нужно временно прекратить операции. Мы загружаем инфоморфа Френч, и на время загрузили большинство функций MARHISa будут приостановлены.

— Это Готтбаум?! — закричала Шерон в трубку.

— Да, — ответил Бейли.

— Где мой муж?! — закричала она, осознавая всю иррациональность вопроса, но — плевать ей было на логику. — Чтоб вас всех, мне нужно…

— Ваш муж, миссис Бейли, чувствует себя замечательно, пока систему обеспечивающую его существование, никто не трогает.

Мы постараемся снова организовать вам связь, но сейчас, боюсь, ваш разговор должен быть прерван.

Линия отключилась. Бейли потерянно смотрел на аппарат. Одиночество продолжалось. И тут свет в комнате начал медленно меркнуть, как в кинотеатре. Сознание его помутилось, мысли смешались. Он упал на спинку кресла, уронив телефонную трубку.

— Шерон… — пробормотал он.

Все вокруг заполонила темнота.

Из «Лос–Анджелеса Таймс», Вторник, 21 мая, 2030 года.

УЧЕНЫЕ ПОГИБЛИ ПРИ ПОЖАРЕ В ЛАБОРАТОРИИ.

Трое ученых, занятых в секретных военных разработках, сгорели ранним утром понедельника. В их лаборатории (предприятие «Норт–Индастриз», оборонный подрядчик) возник пожар.

Пожарные боролись два часа и смогли укротить адское пламя лишь перед самым рассветом. Полагают, что химикалии, хранившиеся в лаборатории, повысили интенсивность горения, однако представитель «Норт–Индастриз» заявил, что причина пока неизвестна.

Три тела, обнаруженные среди остатков лаборатории, обгорели так сильно, что не поддавались опознанию, и на всех троих были идентифицированы браслеты компании. Репортерам пострадавшие были названы, Розалиндой Френч, Гансом Фоссом и Джереми Портером.

— В настоящий момент мы не имеем никакого представления о том, как произошла эта трагедия, сказал полковник Эллис Хортон, возглавлявший проект, — но проведем тщательное расследование. Возможно, эти ученые пренебрегли некоторыми стандартными правилами техники безопасности. У нас введены строгие правила, долженствующие предотвратить инциденты подобного рода. Ничего подобного до сих пор не происходило.

Полковник Хортон не смог объяснить, отчего противопожарная система здания не смогла погасить пламя, и почему трое ученых оказались запертыми в лаборатории, из коей имеются два выхода на первый этаж. Пожарные полагают, что жертвы пребывали в бессознательном состоянии — возможно, были оглушены электрическим разрядом, прежде чем пламя вырвалось на свободу.

НЕБЕСА

После звонка Бейли прошло два дня. Мил–мейнер готовил завтрак, Дэймон играл с DVI–энциклопедией для маленьких, а Шерон стояла у кухонного стола, просматривая факс — «Таймс». Тут ей и попалась на глаза статья о «Норт–Индастриз»,

спрятанная за метеорологическими сводками.

В то утро она хотела идти на работу — может, если снова включиться в рутину, нервы придут в норму. Но, прочитав о пожаре в лаборатории, она снова задумалась о том, о чем пыталась забыть.

Конечно же, она не поверила, что Френч, Фосс и Портер сгорели. Они не более мертвы, чем ее муж или Лео Готтбаум. Они подверглись сканированию и воскрешены, или реанимированы, или реинкарнированы — она еще не решила, как к этому относиться. В любом случае, они находились вне досягаемости правосудия; способа арестовать, задержать, привлечь к ответственности не существовало. Несомненно, они существовали в том же оборудовании, что и Джим. Значит, если отключить поддерживающую их жизнь энергию, от тоже умрет.

Интересно, они спланировали пожар с самого начала, чтобы избавиться от улик — вещественных и человеческих? Жесткая мера… Чем больше Шерон размышляла, тем меньше нравилось ей происходящее. Конечно, они ухитрились вытянуть кое–что из своего оборудования до поджога. Не бросят же они просто так плоды тридцати лет исследований…

Но это все — предположения. Она все так же беспомощна, подмоги ждать неоткуда, и нет способа выяснить, что там произошло на самом деле.

Три ночи назад она вернулась домой после беседы с Розалиндой Френч, до дрожи натерпевшись страху. Весь следующий день пряталась с Дэймоном в квартире, гадая и ожидая, не отвечая на звонки в дверь, слишком напуганная даже для похода в ближайший супермаркет.

Но за этим последовал звонок от Джима, доказавший, что он жив — если это можно назвать жизнью. И тогда она поняла, отчего Розалинда Френч укатила в ночь даже не оглянувшись, и почему не стоит бояться соучастников Готтбаума, оставшихся пока во внешнем мире. У них нет причин покушаться на ее, Шерон, жизнь. Ей продемонстрировали, что муж ее — с ними, как вечный заложник. Если ей удастся убедить власти начать расследование, от их действий пострадает и Джим. Неосторожный программист, разбирающий безмерно сложную компьютерную систему, охотники на ведьм, клеймящие «бесчеловечные» исследования — не все ли равно? Значит, она скована по рукам и ногам. Зная все о противнике, не может сделать ни шагу.

— Мама! — В дверях кухни появился Дэймон. — Мамочка!

Она обнаружила, что уставясь в одну точку, рвет газету на узкие полоски и совершенно не замечает окружающего мира.

Собравшись с силами, она повернулась к нему и заставила себя улыбнуться:

— Что такое, милый?

— Мил–мейнер сказал, завтрак готов. Еще пять минут назад. Повернувшись к аппарату, она, конечно же, обнаружила, что тарелки стоят на подогреве. Разозлившись на себя, она кивнула.

Я задумалась о другом и не слышала. — Она поставила тарелки на стол. — Садись со мной, позавтракаем вместе. Наверное, я опять останусь дома.

Дэймон вскарабкался на кресло рядом с ней.

— Почему, мама?

Он странно посмотрел на нее, точно встревоженный ее словами.

— Кажется мне просто неможется, — сказала она, стараясь сохранить легкий тон.

Он, даже не притронувшись к еде, продолжал смотреть на нее.

— С тобой все хорошо?

— Я… В общем, да. Хорошо.

Шерон не была уверена, что стоит лгать ребенку, но она просто не могла объяснить, что чувствует.

Он опустил взгляд к столешнице. Стенки его стакана с апельсиновым соком запотели. Он проборождил пальцем по запотевшему стеклу, сунул палец в рот, пососал.

— Я не хочу, чтобы ты болела.

Отложив вилку, она встала, подошла к его креслу, обняла сына, прижала к себе, словно пытаясь передать ему те силы, каких и у самой–то у нее не было.

— Я не буду болеть, — сказала она. — У меня отличное здоровье. А почему это тебя так встревожило?

— Потому, что циклопедия говорит: если люди болеют, они потом умирают.

— А–а…

Теперь она поняла. Она поняла бы все гораздо раньше, не будь так заморочена собственными проблемами.

— Ты боишься, что со мной может случиться, как с папой? Верно?

Он молча кивнул. Нижняя губа его выпятилась. Похоже он собирался заплакать.

— Папа попал в автокатастрофу, — твердо и уверенно сказала Шерон. Придется, придется–таки поддерживать эту легенду, а что еще остается? — Я вожу машину очень осторожно и никогда не позволю, чтобы такое случилось со мной. Понимаешь? Никогда в жизни.

— Но… — Дэймон явно изо всех сил пытался примирить две разноречивые идеи. — Но все когда–нибудь умирают. Циклопедия и про это говорила.

— Вот как? — Шерон вспомнила коробку с дисками. Там было написано: для детей от трех до восьми… Что ж, значит, дошло и до этого. — Я буду жить еще много–много–много лет, сказала она. — Пока не стану старой–престарой леди. Обещаю.

— Старее миссис Лонец? — Он внимательно посмотрел на нее; правду ли говорит мама?

— Гораздо старее миссис Лонец, — подтвердила Шерон.

Похоже это помогло. Он взял вилку и принялся за завтрак. Шерон вернулась на место. Хорошо, что удалось разубедить… Омлет с мясной поджаркой остыли и выглядели не слишком аппетитно, однако она понимала, что нуждается в пище — ведь последние два дня почти ничего не ела.

— Мама?

Шерон устало отложила вилку.

— Что, милый?

— Мама, а мы когда–нибудь поедем на небеса?

Это уже было превыше ее сил.

— Нет никаких небес, — сказала Шерон, изо всех сил стараясь сохранять самообладание. — Я же тебе объясняла: это просто сказка, которую придумали люди, чтобы быть счастливее. Как Санта–Клаус.

Дэймон уныло ткнул вилкой в омлет.

— А тот дядя сказал, что папа теперь на небесах. Он же сказал…

Неделю назад, на похоронах, возникла небольшая проблема. Хоть Шерон и разъясняла всем, что они с Джимом — атеисты, священник все равно завел старую песню насчет всемогущего господа и загробной жизни. Она поняла: похороны, как и свадьбы, устраивают с тем, чтобы потрафить гостям, а если хочешь, чтобы все было по–твоему, нужно все спланировать загодя, каждый пункт защищать с боем и быть готовой обидеть всех и каждого. Предусмотрительности, чтобы спланировать загодя, ей не хватило, сил, чтобы драться, не было, пришлось положиться на сервис, и обиженный вышел один — она сама.

Дэймону дядя в церковном облечении, поучающий толпу взрослых, естественно, показался лицом авторитетным; ничего удивительного, что поверил. Миф о рае на небесах так зачаровывал; у нее уже были два крупных разговора с сыном на эту тему.

Она сосредоточилась на Дэймоне и сказала со всей искренностью, на какую была способна:

— Я знаю, с этим трудно согласиться, но никакого рая на небе нет. Жизни после смерти не бывает.

Хотя… Верно ли это теперь, в свете достижений Лео Готтбаума?

— Значит, — продолжала она, не обращая внимания на собственные сомнения, — и поехать в рай мы не можем. Или можем?

ПО ПРОТОРЕННОМУ ПУТИ

Извилистая дорога, казалось, тянулась в вечность. Просто дух перехватывало: по одну сторону — океан, по другую — лес, волны разбиваются о груды валунов; но Шерон нагляделась на все это еще час назад. Она здесь не для любования пейзажами, а потому, что гораздо легче, когда занят делом. К тому же, в ее нынешнем положении она ничем не рискует.

И в то же время она, конечно, прекрасно понимала, что повторяет путь, пройденный Джимом, и это было неприятно. Понимала она и то, что ехать придется мимо того места, где разбилась и сгорела его машина. Не понимала она только одного: что делать, когда они приедут на место.

А порядком уставший Дэймон уже истощил запас обычных вопросов:

— Мы уже приехали?

— А еще долго?

— А можно остановиться, купить мороженого?

— А можно в винную[?]?

Теперь он просто надулся, наотрез отказавшись играть в «Ton o' Fun interac Pack», взятый специально для него, и даже перестал болтать с Говорящим Тедди.

Шерон скопировала заметки Джима с compada, прежде чем нести его в ФБР, но от них сейчас было немного проку. Был даже номер путеводника, обеспечивающего последний этап пути, но для нее эта опция была закрыта.

— Мам, мы куда? — жалобно протянул Дэймон, когда она, затормозив, дала задний ход, развернулась, зацепив обочину узкой дороги, и поехала назад. Снова повторение пройденного…

— Милый, я же говорила. — Она старалась не терять терпения, однако это плохо удавалось. — Мы ищем один дом. Дом человека, которого зовут Лео.

— Здесь нет домов, — сказал он, всматриваясь в лес, подступавший к самой кромке хай–уэя.

Может, она просто ничего не поняла? Джим всегда говорил, что она — прекрасный водитель, но страдает тяжелой формой топографического кретинизма. Говорил, что ей нужно имплантировать что–нибудь вроде компаса или… Нет, она не

будет думать о Джиме.

Останови! — сказал Дэймон, увидев маленький магазинчик впереди. Знаки[?] сияли на солнце, деревянные стены с облупившейся краской посерели от времени. — Спорим, у них–то есть мороженое!

В первый раз, миновав этот магазин, она решила, что он закрыт. Но теперь возле него стоял грузовичок — пикап, которого в первый раз не было. Да и фургон с подвязанным веревкой бампером под деревьями, пожалуй, все же не был брошенным.

Замедлив ход, она свернула на крошечную стоянку и остановила машину о бок с пикапом. Дэймон немедля соскользнул с сиденья и хлопнул дверцей. Резкий звук заставил ее вздрогнуть. Рывком открыв свою дверцу, она выпрыгнула наружу и закричала:

— Не делай так, сколько раз говорить? Ты же пальцы можешь прищемить!

— Прости, мама. — Он поднял на нее большущие, обиженные глаза.

Она обняла его.

— Нет, это ты меня прости. Я не хотела кричать. Идем в магазин?

В магазине стоял густой запах кофе, машинного масла, мыла, яблок — сложный букет, окутавший Шерон, едва она ступила на порог. Пройдя меж рядами самодельных деревянных стеллажей, она подошла к фрезеру с треснутой стеклянной крышкой, выбрала мороженое–сандвич для Дэймона и направилась к прилавку. Старикан в драной футболке, нависнув над кассой, слушал человека помоложе, в красной шапочке и грубых башмаках, покрытых коркой засохшей грязи.

— … не знаю, каким дураком надо быть, чтоб в твоем возрасте начинать по–новой, — говорил тот. Дело–то не в одной реакции. Кости уже хрупкие становятся. Сам понимаешь, костопороз.

— Не косто, — поправил стоявший за прилавком, — а остеопороз.

— Херня. Я же все равно знаю, что это. Хоть и говорю неправильно.

Старик за прилавком ухмыльнулся, обнажив остатки зубов:

— Никаких переломов. Я в такую гладь поеду, что — как у Христа за пазухой. — Он плавно провел ладонью над прилавком.

Серферы, поняла Шерон. По крайней мере, тот, что за прилавком.

— Извините, — вклинилась она, — мне бы заплатить вот за это.

— Пардону просим, мэм, — отступил в сторону человек в красной шапочке. Он смотрел на нее несколько дольше, чем надо бы, но оскорбительным это, пожалуй, не было. Наверное, здесь просто редко встретишь приезжего, и он рад хоть какому–то разнообразию.

— Ладно, все равно идти пора, — сказал он. — В общем, Том, я погляжу. Только осторожней.

— Ага, Джек. — Он обратился к Джеки. — Это будет все?

— Да.

Она, нервозно улыбаясь, заплатила за мороженое. Позади скрипнула дверь, открываемая тем, в красной шапочке.

— Хотя, я бы вас еще хотела спросить, — продолжала она. — Вы знаете Лео Готтбаума? Я так понимаю, его дом где–то неподалеку.

— Готтбаум… — Старикан в футболке как–то странно посмотрел на нее. — Вы разве не читали в новостях? Это было, кажись, в ежедневном факсе. Он умер.

— Да–да, я знаю. Но мне нужно хотя бы посмотреть, где он жил.

Старик скрестил руки на впалой груди и скроил гримасу.

— Не так легко найти его дом. Да к тому ж оборонные системы… Полно там всяких пушек и прочего дерьма. Автоматические: стоит переступить границу, тут же палят. Хотите попробовать — езжайте туда по дороге, через полмили будет грунтовка. Дом — где–то там, наверху. — Он покачал головой. — Но я бы туда нипочем соваться не стал.

— Понимаю. — Шерон опустила взгляд к старым, отшлифованным локтями доскам прилавка. Она снова в полной мере ощутила полноту своего одиночества и неготовности к ситуации. — Все равно, спасибо. — Она протянула Дэймону мороженое и двинулась на выход.

С минуту она стояла, вглядываясь в поросший лесом склон холма. Ни единого признака человеческого жилья, однако она была уверена: где–то там, наверху, убежище, битком набитое компьютерной техникой, управляемой помощниками Готтбаума.

— А мы куда теперь, мама? — Дэймон взял ее за руку и поднял голову, заглядывая ей в лицо. Мордашка его была измазана мороженым.

— Не знаю.

Она отвела его в машину. «Красная шапочка» все еще сидел в своем пикапе, разглядывая Шерон сквозь открытое окно.

Усадив Дэймона и осторожно закрыв за ним дверь, она пошла вокруг машины к водительскому месту.

— Эй, леди! Пардону просим…

Выглядел он довольно безобидно, но в теперешнем состоянии зашора Шерон отреагировала однозначно.

— Что вам угодно? — как можно недружелюбнее спросила она, прикрывая глаза ладонью и стараясь разглядеть его лицо.

— Може, и не мое это собачье дело, — сказал он, но вы говорили, вроде, что дом Готтбаумов ищете?

Она коротко, кисло улыбнулась.

— Я думала, что так. Но ваш друг в магазине считает, что я ищу смерти.

— Очень может быть, — хмыкнул он.

Шерон оценивающе взглянула на него. Хотя она и чувствовала, что планы ее рухнули, журналистка в ней взяла верх.

— А вы, случайно, не были знакомы с доктором Готтбаумом?

— Ну да… Хрен там — знаком… Иногда видел его, но ни разу ни словечком не перекинулись. Хотя дочура его — дело другое. Вот ее я хорошо знал, пока она тут жила.

— Да? — В ней снова пробудился интерес. — Вы знали Юми?

— Юми… Ага. — Он нахмурился. — Э, а вы откуда знаете, как ее зовут?

— Я видела ее… совсем недавно. — Осторожничая, Шерон выбрала формулировку потуманнее. Она еще не знала, стоит ли верить этому человеку.

— Она обратно на Гавайи уехала, так же? — Он вытащил из стоявшей рядом, на сиденьи, коробки бутылку пива, сковырнул пробку и сделал солидный глоток.

— Да. — Поколебавшись, Шерон решилась рискнуть. — Она много рассказывала мне о своем отце. О его работе, о сложностях этой работы. Она была уверена, что у него были какие–то замыслы, которые должны были воплотиться после его смерти, и просила меня узнать о них поподробнее. Понимаете, я журналист…

— Журнали–ист?! — Он поднял брови. — [?] тех, что в журналы пишут?

— Нет, на телевидении. В Лос–Анджелесе.

— Телевидении… — В его устах слово прозвучало, точно иностранное. Он взглянул в сторону ее машины. — Это вы всегда парнишку с собой на работу таскаете?

Шерон решила отовраться.

— Конечно. Когда не могу найти няню.

— Ха. Вот так, значит… — Он протянул в окошко руку. — Меня звать — Джек. Джек Грэверс.

Она подала ему свою. Он пожал ее на удивление нежно, точно боялся сделать больно.

— А я — Шерон Блейк.

Он энергично кивнул:

— Рад знакомству, Шерон.

— Наверное, нелегко будет подъехать туда и поговорить с кем–нибудь?

Он покачал головой.

— Я видел, там до сих пор люди живут, только разговаривать не хотят. Тут один на прошлой неделе жаловался — одна из этих автоматических штук собаку его подстрелила. И ограду новую большущую поставили, и ворота, и надписи кругом «Проход запрещен».

— А–а… — Последовала долгая пауза. Джек, щурясь, вглядывался в даль океана и, судя по всему, более не имел ничего сообщить. — Что ж, — сказала Шерон, — наверное…

— Знаете, я сам иногда думаю, — заговорил он. — На что ему вся эта херова туча оборонки, где он все это раздобыл? Он отставил бутылку. — Вы серьезно хотите выяснить?

— Абсолютно. — Шерон, наконец, поняла: он не нарочно засорял свою речь, просто тайм–бейз у него не такой, как у людей в Лос–Анджелесе. Нужно ему по–своему мысли в мозгу утрясти.

Он потерял шапочку, поправил ее, пониже опустив козырек.

— Ладно. Вот что вы можете сделать. Переждите здесь чуток. Я видел, они сюда ездят кое–что купить. Том — тот, что в магазине — все жалуется, мол, не наличными платят. Один — такой длинный и тощий, и другой, с розовым пятнышком на лбу. Родинка у него там, или еще чего. Ездят на «мицубиси–электрик четыре на четыре»; не обознаетесь — тут больше ни у кого нет «электрик четыре на четыре». Обычно приезжают попозже — в шесть так, в семь… Тоись, часа через два–три будут. Вы тут погодите; может и сможете с ними поговорить. Не знаю: поможет это вам, нет, но я ничего лучше придумать не могу.

— Спасибо, Джек. — Шерон благодарно улыбнулась. Может быть, я попробую.

— Будете с Юми говорить, сказал он, хлебнув пива, така[?] там, по телефону; скажите: Джек, мол, привет передавал. Скажите: я, мол, до сих пор жду ее к обеду. Ладно?

Она с готовностью кивнула:

— Конечно. Обещаю.

— Рад был знакомству, Шерон. — Он запустил двигатель. — Осторожнее, а то — парнишка тут с вами… Ему, кажись, надо прям счас внимания уделить. — Он кивнул в сторону ее машины.

Обернувшись, Шерон увидела, что Дэймон играет с «Ton o' Fun», а все лицо его, и руки, и клавиатура — в мороженом.

— О господи… Мне лучше идти. До свидания! Еще раз

спасибо! Он задним ходом вырулил на дорогу и помахал рукой на прощанье.

КОНТАКТ

За час до заката к стоянке у магазинчика подъехал по прибрежной дороге грузовичок. Последняя модель вездеходного экипажа с дополнительной стальной рамой, огибавшей машину по периметру на уровне бамперов. Стекла окон как–то странно отражали свет, словно стекло было прочнее обычного. В общем, машина скорее для какого–нибудь ган–файтера, чем для поездок за покупками.

Сидя в своей машине, Шерон увидела вышедшего наружу водителя. Оглядевшись по сторонам, тот вошел в лавку. Разглядеть его не удалось — не хватало освещения.

Дэймон уж час как уснул, и она уложила его на заднем сиденьи, укрыв одеялом. Теперь, оглянувшись, она увидела, что он все так же мирно почивает. Шерон заколебалась. Если проснется и увидит, что мамы нет, может напугаться. С другой стороны, единственно безопасное место для разговора с водителем — магазин.

Медленно, стараясь ни звуком не разбудить сына, она выскользнула из машины и осторожно закрыла дверцу, давя, пока не защелкнулась собачка.

Долгое ожидание уже порядком измотало ей нервы, и предпринимать что–то целенаправленное, хотя и опасное, было даже приятно. Войдя в магазин, она крепко прижала руки к груди, стараясь не пугаться. Она услышала, как водитель грузовичка платит за что–то у прилавка, а затем и увидела его, пробирающегося меж полок к выходу с большим бумажным пакетом. Ему было за тридцать, одет он был в черную, без всяких рисунков и надписей, футболку, черные же штаны и кроссовки. Узкое, бледное лицо и на лбу пятнышко. Маленькая розовая родинка, как и говорил Джек.

— Извините, — сказала Шерон, — я бы хотела вас спросить…

Он резко, ни слова не говоря, остановился. Покупки он держал в одной руке, другая была опущена к полу.

Шерон быстро оглянулась. Сквозь стеклянную дверь она увидела, что [?]Дэймон спокойно спит, вытянувшись на заднем сиденьи.

— Меня зовут Шерон Блейк, — обратилась она к стоявшему перед ней. — Я — жена Джеймса Бейли.

Реакция не заставила себя ждать. Плечи и спина мужчины закаменели, ноздри раздулись в такт глубокому вдоху, губы плотно сжались, и свободная рука медленно потянулась за спину.

— Я не угрожаю вам, — быстро сказала Шерон. — Я здесь с…

сыном; ему всего четыре, он в машине снаружи. — Она импульсивно взмахнула рукой. Пульс дробно стучал в висках.

— И чего же вы хотите? — спросил он неожиданно высоким голосом. Наверное, тоже нервничает, подумала Шерон. Взглянув мимо него в дальний конец магазина, она увидела, что старик за прилавком смотрит в их сторону, пытаясь понять, что происходит. Господи, как это кстати!

— Я хочу увидеться с тем, кто… кто всем управляет, сказала она. — У меня есть предложение. Чтобы как–то разрешить сложившуюся ситуацию. — Идемте наружу. — Он сделал шаг вперед.

Шерон шагнула вбок, заступая ему дорогу. С виду человек был хлипковат и не слишком уверен в себе, но тем не менее было в его облике нечто угрожающее.

— Нет. — Она решительно покачала головой.

Рука его все еще была за спиной. Поколебавшись, он перенес ее вперед. Шерон вздрогнула было, но тут же поняла, что в руке — всего–навсего портативный телефон. Не отрывая от нее взгляда, человек с родинкой поднял его ко рту и что–то пробормотал, а затем поднес наушник к уху.

— Э, ребята, что там у вас? — крикнул старик за прилавком.

— Ничего, — отозвалась Шерон. — Просто я хочу кое–о–чем спросить этого человека, и все.

Тот все еще говорил по телефону. Шерон удалось разобрать свое имя. Он еще повторил его, словно на том конце переспросили. Наконец он спрятал телефон в карман.

— Ладно, едем в купол. Мы можем поговорить.

В первую секунду Шерон просто не поняла его, но затем осознала смысл сказанного. Мимолетная вспышка неудержимого восторга почти сразу сменилась самыми дурными предчувствиями.

— Я возьму с собой сына.

Он пожал плечами:

— Что угодно, кроме оружия и записывающих устройств. Ясно?

Шерон сглотнула.

— Хорошо. Но должна сказать… В Лос–Анджелесе есть люди, знающие, куда я поехала и для чего. Они заинтересованы в моей безопасности. — Конечно, это была ложь, и оставалось лишь надеяться, что прозвучит правдоподобно. — Они поймут, что что–то случилось, если я не позвоню сегодня вечером.

— Я понял. — Он кивнул на дверь. — Идемте.

КОММУНИКАЦИЯ

В лесу было темно. Маленькая машина Шерон с натугой

поднималась по крутому склону; лучи фар плясали вверх–вниз, когда колеса переваливали через корневища и сухие ветки. «Мицубиси» впереди пробивался по узкой, извилистой дороге, цепляя бортами о ветви кумашки. Пару раз она отставала; тогда провожатому приходилось останавливаться и ждать ее.

Дэймон, завернувшись в одеяло, сидел рядом, сосал палец и сонными глазенками всматривался в лес. То там то сям сквозь густую листву просвечивало блекло–багряное небо. Он не спрашивал, куда они едут — похоже, в таком сонном состоянии он не слишком–то осознавал, что творится вокруг. Вот бы и ей, Шерон, уметь так же принимать мир, слепо веря, что за ней в любом случае присмотрят…

Впереди серебром заблестела в лучах фар ограда из колючей проволоки. Позади ограды чернел на фоне меркнущего неба гребень холма и купол со светящимися окнами.

Экипаж впереди притормозил у автоматических ворот и, когда створки их разошлись, двинулся вперед. Шерон, вцепившись в баранку, проследовала за ним. Вот сюда приезжал Джим. Вот здесь когда–то жила Юми.

«Мицубиси» неожиданно остановился, и она ударила по тормозам, едва не врезавшись в него.

— Ждите здесь! — крикнул ее провожатый, выходя наружу. — Из машины не выходить!

Нечего здесь бояться, сказала себе Шерон. Здесь не причинят вреда — им ведь меньше всего хочется привлекать внимание к своей деятельности. С точки зрения логики это было правильно. С точки зрения эмоции — было более чем слабым утешением.

В зеркальце заднего вида она увидела, как ворота закрылись за ней, отрезая путь к отступлению, но это даже несколько утишило страх: жребий брошен, остается только переходить Рубикон.

Минуты через две из купола вышел высокий худощавый человек. Тот, с кем Шерон говорила, повел его к ее машине.

— Можете выходить, — сказал высокий. Говорил он совершенно спокойно и очень кратко. — Прежде, чем впустить, проверим.

В руке он держал какой–то прибор.

— Что это? — спросила Шерон сквозь полуоткрытое окно, не торопясь открывать дверцу.

— Металл–детектор. — Он поместил прибор под луч фары, чтобы она могла разглядеть. — Реагирует также на большинство вэ–вэ.

Да у них еще больше причин бояться ее, подумала она. Решившись, повернулась к Дэймону:

— Идем, милый.

— Мам, я устал. — Он взглянул на нее, точно спрашивая: а без этого никак не обойтись?

— Мы — ненадолго.

Подхватив его на руки, она выбралась из машины в сгустившиеся сумерки.

Высокий обошел ее с детектором, затем не менее тщательно проверил Дэймона. Отступив в сторону, он обратился к товарищу:

— Вроде порядок.

Тот покачал головой.

— Все же я думаю, надо было оставить их внизу на дороге.

— Нет, все равно та же проблема. Связи не хватило бы, понимаешь? Паранойя у всех взыграла — точно шпионы, а не ученые…

Возможно, подумала Шерон, вся эта беседа — лишь ради нее. Просто разыгрывают «доброго/злого». Но высокий, похоже, говорил вполне искренне…

— Майк, я тебе говорю: Лео будет недоволен.

— Может быть. Но сейчас его здесь нет. — Он повернулся к Шерон. — Идемте. Ребенка возьмите.

«ДЕВАЙС АНЭВЭЙЛЭБЛ»

Войдя в просторное, светлое помещение, Шерон остановилась, глядя на экраны, консоли и металлические корпуса (некоторые открыты, точно с ними что–то делали), на платы, сложенные на верстаке и вспомогательное оборудование среди мотков кабеля. Всего десять дней назад здесь был Джим… Здесь он встретился с Лео Готтбаумом, а потом… Потом Готтбаум убил его.

Она подняла Дэймона на руки и прижала к себе. Он в полусне моргал глазенками, глядя на скопище электроники. Конечно, ей не стоило подвергать его всему этому; однако что–то в поведении высокого внушило ей б[ас]ольшую уверенность в собственной безопасности. Он был не из фанатиков, с какими она приготовилась встретиться, и выглядел усталым. Может просто за оборудованием приглядывает?

— Садитесь здесь. — Он провел ее к столу у окна.

— Спасибо.

Теперь при ярком свете, она смогла разглядеть его как следует. Странные, мечтательные глаза; похоже, она ему вовсе не интересна. Отстраненный какой–то. А так ли? Может, он гораздо хитрее, чем кажется? Трудно понять.

Она села к столу, усадив Дэймона к себе на колени.

— Ничего, ничего, — она прижала его к себе. — Все хорошо.

Высокий сел напротив.

— Наверное, следует представиться. Я — Майк Баттеруорт.

Шерон тут же узнала имя — оно встречалось в заметках Джима — но постаралась не выказывать удивления.

— Я… уже слышала о вас.

— Обо мне?

— Вы участвовали в проекте «Лайфскан».

Может быть, выказав храбрость и осведомленность, она добьется большего уважения. Шерон понимала, как выглядит со стороны: баба какая–то, с ребенком, явно слабая и беспомощная.

Она взглянула на другого. Тот сидел на табурете у верстака, холодно глядя на нее.

— Это Пол, — сказал Баттеруорт. — Пол Хартман. Заведует «железяками». Поддерживает их в рабочем состоянии.

— Мам? — Дэймон заерзал, устраиваясь поудобнее. Мам, а я скоро пойду спать?

Шерон обдумала положение. Как она понимает, Готтбаум здесь жил. Если так, тут должна быть минимум одна спальня.

— Здесь есть где положить сына, пока мы будем говорить?

Баттеруорт с любопытством взглянул на нее.

— Конечно; чувствуйте себя, как дома. То есть — черт возьми, раз уж вы здесь… Вон там свободная спальня. — Голос его звучал саркастически.

Шерон решила поймать его на слове:

— Спасибо.

Обрадованная нежданным развлечением, она подняла Дэймона, вышла в коридор и увидела открытую дверь в маленькую комнатку. Там стояла кровать, покрытая самодельным лоскутным одеялом, и Шерон тут же поняла: комната наверняка принадлежала Юми. Здорово; это должно быть добрым знамением. Уложив Дэймона, она укрыла его одеялом и осмотрела скромную меблировку: шаткий старый комод, сбитое из дерева кресло–качалка с шалью на спинке, зеркало в раме из морских раковин…

Дэймон ворочался с боку на бок под одеялом, сосал палец и смотрел на нее полуоткрытыми глазами. Она поцеловала его в лоб и погладила по щеке.

— Мам, а мы скоро поедем домой?

— Скоро. Поспи, а я поговорю с людьми. Ладно? Я буду рядом. Там, где мы были с тобой.

— Ммм–хм. — Он закрыл глаза.

Минут через пять Дэймон уснул.

Вернувшись в гостиную, Шерон решила, что между Баттеруортом и Хартманом явно состоялся спор. Хартман был мрачен и раздражен, а Баттеруорт, не обращая на того внимания,

глядел в заоконную темень.

— Вот, сказала Шерон, усаживаясь на место, — теперь я могу говорить свободнее. — Она сложила руки на столе перед собой. — Я хочу поговорить с вами о моем муже.

Баттеруорт, перенесший свое внимание с окна на нее, молчал.

— Я понимаю, — продолжала Шерон, — что он, в некотором смысле, жив. Возможно, все это оборудование обеспечивает его жизнь, не знаю.

Баттеруорт медленно покачал головой:

— Если это вопрос, то из тех, на которые я не могу отвечать.

Осекшись, Шерон помрачнела.

— Наверное, вы не понимаете, как это больно для меня. Мне было очень тяжело ехать сюда. Я надеялась, что мы прямо поговорим обо всем и… и все между нами уладим полюбовно.

Баттеруорт был озадачен.

— Я говорю с вами прямо. Что же до полюбовности… Лаборатория в Лонг–Бич сгорела. Тридцать лет работы пошли прахом.

Что это? Он хочет сказать, что из–за нее? Шерон не могла понять его.

— Видите ли…

Он подался вперед, наконец–то включившись как следует в беседу:

— Нет; подождите, ладно? Я хочу вам кое–что объяснить.

Шерон раздраженно вздохнула.

— Но…

— Слушайте, — сказал он неожиданно резко, глядя ей прямо в глаза.

Внезапная перемена смутила ее.

— Хорошо…

— Вообразите себе… остров. На этом острове вы можете иметь все, чего ни пожелаете. И жить вечно. Как в нирване, понимаете? Однако попасть туда можно лишь одним–единственным способом. Через мост, который некие люди строили полжизни. И вот пятеро из них перешли по мосту на этот остров, а пара их друзей ждут своей очереди. Друзья, понимаете ли, помогали строить, и потому им был обещан бесплатный проход на остров. Но буквально в последний момент строители моста получили весть о некоем бедокуре, желающем все уничтожить. И так у них разыгрывается паранойя, что ради защиты острова они сжигают мост. Вот так. — Он подался назад. — И как бы вы себя чувствовали на месте оставшихся на берегу?

Хоть не сразу, но Шерон поняла его.

— То есть вы…

— Нет, не я. Пол. — Он кивнул на сидящего у верстака.

— О–о. — Она беспокойно взглянула на Хортмана и снова повернулась к Баттеруорту. — Но если это в самом деле такое чудесное место, почему же вы…

Баттеруорт взял ручку и начал чиркать что–то на мятом листке бумаги.

— Некоторые — особенно компьютерщики говорят, что у меня мистическая точка зрения. Я изучаю дзен–буддизм. Я верю в единство разума и тела. Зацифровать свой мозг, упрятать его в ящик — это не мой путь в нирвану. — Он нарисовал в центре листка круг, от которого расходились во все стороны штрихи точно так дети изображают солнце. — В любом случае, есть тут одна загвоздка. Допустим, группа людей работает с мозгом сканирует, режет на слои… Для этого существует множество ловких приспособлений, но операция — весьма длительное дело, и необходимую сноровку имеет лишь один из всей команды остальные все теоретики. Он–то сканирует их без проблем, но кто будет сканировать его?

Шерон поняла сложность ситуации.

— То есть это вы оперировали моего мужа.

Внезапно но густо перечеркнул свою почеркушку, уничтожая рисунок, и оттолкнул бумагу в сторону.

— Еще вопрос, на который я, очевидно, не могу отвечать. Он глянул в окно. — Хотя, наверное, скажу вот что. Если я верно вас понял, то знайте: муж ваш был уже мертв, а мозг его — заморожен. И проведенная операция предоставила его интеллекту единственную возможность уцелеть.

Хартман в другом конце комнаты установил на место какую–то плату и отодвинул от верстака свой табурет.

— Майк, ну к чему это все? Мы не обязаны ей ничего говорить. Мы ничего с этого не получим. Это — просто неоправданный риск.

— Как я уже сказал… — начал Баттеруорт.

— Ты даже не знаешь, что ей здесь нужно, — продолжал Хартман. — Зачем она сюда приехала?

Баттеруорт медленно кивнул.

— Законный вопрос. Для чего вы сюда приехали? Пол хочет знать.

Шерон вспомнила загодя заготовленный спич[?]. Когда она прокручивала его мысленно, он казался убедительным. Теперь она не была в этом уверена.

— Я хотела сказать: я решила, что больше не вынесу этого.

Знать, что муж жив, но не быть с ним — это невыносимо. По–моему, если несколько человек добровольно перешли в состояние, в котором находится мой муж, в этом должны быть какие–то позитивные аспекты. И я приехала сюда, чтобы узнать об этом больше. И если это единственный путь к нему, я, возможно, захочу оперироваться сама. Вместе с сыном.

Именно так. Именно этого искала она.

Последовала тишина, нарушаемая лишь жужжанием вентиляторов, охлаждавших аппаратуру.

— Раньше надо было думать, — злобно и горько буркнул Хартман, подарив ей уничтожающий взгляд.

— Пол хочет сказать, моста нет и его не вернуть, объяснил Баттеруорт.

Шерон беспокойно заерзала в кресле:

— Неужели вы считаете, что я поверю, будто вы загодя не вывезли из лаборатории оборудование?

— Полагаете, легко вывести две тонны оборудования из лабораторий оборонного подрядчика? — сказал Хартман. Думаете, так вам и разрешили? Заходи кто хочешь, бери что хочешь?

— Ну, тогда, — настаивала она, — можно ведь построить заново…

— Десять лет! — заорал Хартман. — И пять миллионов!

— В любом случае, — все так же терпеливо, спокойно, точно отказываясь замечать общее напряжение, сказал Баттеруорт, — с вашим мальчиком это не пройдет. Интеллект, видите ли, не только то, что внутри клеток. Он — еще и межклеточные связи. А эти связи для развития требуют времени.

— Если сканировать и сохранить четырехлетнего, — сказал Хартман, — он может заучивать и запоминать что угодно, но четырехлетним останется навсегда.

Она обвела взглядом обоих. Кусок за куском отрывали они от взлелеянных ею надежд!

— Это… действительно правда?

Баттеруорт скомкал свою почеркушку и забросил в мусорную корзину.

— Чистейшая и очевиднейшая правда. Теперь, думается мне, вы вошли в наше положение, а мы — в ваше. Теперь мы, по–моему, понимаем друг друга. Верно?

Шерон почувствовала, что напряжение мало–помалу проходит. Действительно, способа добиться желаемого не существует. Если она действительно желает этого…

Она окинула взглядом оборудование, переполнявшее купол.

— Хорошо. Наверное, я не могу быть с ним. Но — можно я

еще раз с ним поговорю? То есть, он, наверное, где–то здесь, в этих вот штуках…

— Вы продолжаете задавать вопросы, на которые я не могу отвечать. — Баттеруорт покачал головой, точно пытаясь избавиться от боли. — Пусть будет так. Я могу показать вам нечто, выглядящее и звучащее так же, как и ваш муж. Понимаете? Может, это будет он, хранящийся где–то в памяти компьютера. А может, просто симулятор.

— Хорошо, — кивнула Шерон.

Баттеруорт взглянул на Хартмана:

— Что скажешь, Пол?

— Мы ей ничего не должны.

— Не воспринимай это как долг. Считай установлением дипломатических отношений. Или прими, как карму.

Хартман вздохнул, раздраженно взглянул на Баттеруорта, прошел к консоли и коротко простучал по клавишам.

— Майк! Если тебе надо монитор, то давай.

— Идемте.

Баттеруорт поднялся и указал ей в сторону клавиатуры и монитора.

— Так просто?

Она проследовала за ним через комнату. В ней поднялась волна возбуждения, смывшая переполнявшее ее минуту назад чувство пустоты.

— Ну, вначале нужно соблюсти кое–какой протокол.

Усевшись к клавиатуре, он быстро ввел серию команд, затем в ожидании убрал руки.

Рядом с Баттеруортом стояло кресло черной кожи, заваленное бумагами. Спихнув документы в сторону, Шерон пристроилась на краешек кресла, сгорая от нетерпения.

Баттеруорт отвернулся от экрана.

— Пол! Она рид–бэк не выдает.

Хартман подошел к нему.

— Ты свой код ввел?

— Ну да.

Хартман придвинул клавиатуру к себе и коротко простучал по клавишам.

— Оперативная система — есть, интерпретатор команд есть… А Лео нету.

— Давай тогда напрямую к кому–нибудь из остальных.

Несколько минут прошло в молчании, нарушаемом лишь щелканьем клавиш. Шерон наблюдала, жалея, что совсем не разбирается в технике. Лицо Хартмана мало–помалу становилось более озадаченным, и в конце концов на нем появилась тревога.

— Никак, — сказал он. — Везде сплошной офф–лайн.

Шерон перегнулась через подлокотник и взглянула на экран. Несколько строчек системного кода и просто текст… Тут изображение вдруг пропало, и машина вывела на экран новый текст. Шерон склонилась пониже, чтобы прочесть.

Сообщение было загадочным и лаконичным:

«DIVICE UNAVAILABLE».

ПРОСТОЙ

Сознание включилось почти плавно. Бейли снова обнаружил себя в своей квартире, лежащим в кресле у телефона. Он осторожно сел и осмотрелся. Ни голода, ни прочих физических ощущений — никак не определить, сколько времени он провел в отключке. По субъективным ощущениям офф–лайн продолжался лишь несколько секунд.

Что–то мелодично зазвенело. Он схватился за телефон, решив, что ему предоставлена возможность продолжить разговор с Шерон, но тут же понял, что звонят во входную дверь.

Сбитый с толку, он встал. Мельком взглянул на электронные часы, вмонтированные в видеосистему: понедельник, 8:00. Как же это. У него было такое чувство, что теперь вечер. И — неужели действительно целая неделя прошла с тех пор, как он здесь.

Он пошел к двери. Интересно, почему MARHIS так объявляет о чьем–то приходе, а не переправит гостя прямо в гостиную? Наверное, гость — другой инфоморф, уважающий границы его, Бейли, личного дискового пространства. Значит, вот как это выглядит. Вход только с позволения.

Он отпер дверь и увидел высокого, мускулистого человека в тренировочном костюме. Вьющиеся волосы, загорелое симпатичное лицо, ясные голубые глаза… Пришелец уважительно склонил голову: — Мистер Бейли, один из ваших компаньонов желал бы увидеться с вами. Не соблаговолите ли вы проследовать за мной?

Настроение Бейли мало подходило для игр. Сознание все еще было переполнено Шерон; телефонный разговор оставил после себя нечто вроде могучего эмоционального похмелья.

— Какого черта?..

Последовала пауза.

— Не соблаговолите ли вы проследовать за мной? Один из ваших компаньонов желал бы увидеться с вами.

Заглянув в слепые, немигающие глаза пришельца, Бейли понял, что имеет дело с псевдоморфом, наподобие медсестры, присланной MARHISом, когда он впервые пожаловался на одиночество. Бейли отвернулся.

— MARHIS, — сказал он, обращаясь к центру гостиной, кто

это хочет со мной увидеться? Что это значит?

(- Запрашиваемая информация недоступна), — ответил синтетический голос из динамиков видеосистемы.

Бейли ощутил прилив легкого раздражения.

— Все, чего я хочу — это снова поговорить с женой. Ты можешь устроить, чтобы телефон работал, как в тот раз.

(Это не позволено.)

— Не соблаговолите ли вы проследовать за мной? — снова завел свою песню блондин. — Один из ваших компаньонов…

— Ладно, отчего бы нет. — Бейли вышел в холл, обернулся, чтобы запереть дверь, но тут же опомнился. К чему? Здесь, в MARHISe, никакие запоры не нужны…

Он проследовал за блондином вниз по лестнице, вспоминая все те утра, когда спускался бегом в гараж, чтобы ехать на работу… Те дни стали словно бы воспоминаниями о жизни в другой стране. Интересно. Он — что, начинает привыкать к тому, что заперт здесь?

Улицу избороздили длинные тени. Солнце только что показалось на востоке. В воздухе веяло мокрыми листьями и росой. Время дня согласовано с показаниями часов, сообразил он. Может, и в реальном мире в этот самый момент все идут на работу… И Шерон — тоже… Может, здесь время синхронизировано с реальным?

Но здесь, в MARHISe, улица и в понедельник была по–воскресному пуста. Мускулистый блондин пошел вперед по тротуару, и Бейли следовал за ним — мимо цветущих кактусов, мимо плюща, оплетавшего бежевую штукатуренную стену его дома.

Впереди, за перекрестком, лежала улица, где Френч с Фоссом выволокли его из машины и увезли. Ассоциация была столь неприятной, что ему не хотелось видеть места, где это произошло.

Но, свернув за угол, он обнаружил, что беспокоиться не стоит. Тут кое–что поменялось. Улица его кончилась, точно обрезанная огромными ножницами. Вместо маленьких двориков позади пригородных домов здесь простирались вдаль пронзительно–зеленые луга с монументами и беломраморными храмами. Среди ивовых кущ бродили люди в белоснежных туниках. Фантазии на тему древней Греции…

Бейли остановился и посмотрел вокруг. Удивление было смягчено впечатлениями, уже пережитыми в MARHISe прежде. Как бы там ни было, панорама ошеломляла куда менее, чем Швейцарские Альпы или поверхность Луны.

Он шагнул с тротуара на зеленеющий луг и почувствовал, как

мягка почва под ногой — почти как пенковый матрас![?] Свет несколько приподнявшегося солнца стал расплывчато–мягким, с золотистым оттенком. Сверху донеслось хлопанье крыльев. Подняв взгляд, он увидел стайку херувимчиков, пролетавших над ним. Маленькие розовые тельца, узорчатые перья крылышек… Кто бы, интересно знать, мог напрограммировать эту чушь?

Он оглянулся. Его район позади; хочешь — возвращайся. Однако, помимо его воли, в нем разыгралось любопытство.

— Не соблаговолите ли вы проследовать за мной? — сказал ожидавший его провожатый. — Один из ваших компаньонов…

— Ладно, ладно.

Он пошел по небывало роскошному лугу, мимо одного из маленьких белых храмов, где из украшенного орнаментом крана струилась вода, а сидевшая на каменной стене женщина вплетала цветы в свои длинные волосы. Точь–в–точь прерафаэлитская картина…

Провожатый провел Бейли сквозь узкую, тенистую долину. Там, под деревьями, бренчал на лютне бородатый кентавр. Выйдя снова под лучи золотистого солнца, он увидел конечную цель прогулки: громадный храм с мраморными ступенями, ведущими к двум рядам дорических колонн; перемычки украшены затейливыми фразами.

Поднявшись по ступеням, он прошел меж колонн. Шаги отдавались гулким эхом. Спереди слышались голоса, смех, звон бокалов. Войдя во внутренний зал, он увидел множество небывало прекрасных людей.

Стены сложены были из белого камня, пол украшен замысловатой мозаикой, крыша — открытое небо. Золотые блюда полны фруктов и прочих яств. На подушках возлежали элегантные лениво–утомленные женщины с распущенными волосами, в прозрачных белых платьях, с экстравагантными украшениями. Мужчины в тогах прислуживали им, подавая еду и напитки.

Бейли проследовал за провожатым в дальний конец зала. Там стоял высокий золотой трон, на коем сидела дама в мерцающем серебром платье. По бокам стояли в почетном карауле мужчины с копьями, другие мужчины сидели у ее ног.

Бейли дошел до ступеней, ведущих к трону. Лицо сидящей на троне было скрыто под вуалью. Она медленно откинула тончайшую ткань.

Она была юна и прекрасна. Каскады черных волос ниспадали вниз, волнами струясь по плечам. Она с достоинством взглянула на него. Глаза ее были зелеными. Держалась она властно, точно выставляя себя напоказ, отлично осознавая свою красоту.

— Мистер Бейли. Как мило было с вашей стороны принять мое приглашение.

Бейли посмотрел на нее, оглядел великолепную обстановку и вновь вернулся взглядом к ней.

Она сошла к нему; шлейф платья тянулся за ней по ступеням. Она укоризненно взглянула на него.

— Знаете, все прочие, обращаясь ко мне, преклоняют колени.

Изысканные черты лица, безупречная кожа цвета слоновой кости, полные губы, изящная шея… Он вспомнил себя с Готтбаумом на пляже — MARHIS сделал их молодыми жеребцами с громадными мускулами. Здесь, наверное, тот же фокус.

— Розалинда Френч, — сказал он с большей уверенностью, чем та, которую чувствовал. — Вроде староваты вы для подобных глупостей.

Она раздраженно взглянула на него.

— Бейли, неужели у вас — ни грана поэзии в душе? В реальном мире вы были очень утомительны. Собираетесь и здесь таким оставаться?

Он решил, что отвечать не стоит, и повернулся, чтобы уйти.

— Ладно, если хотите, приму нормальный облик.

Она оставила тон принцессы. К ней вернулся ист–костский выговор, который помнил Бейли, и отрывистая, нетерпеливая манера разговора. Она махнула рукой, и почетный караул дематериализовался. Пропали и гости, и золотые блюда. В несколько секунд храм опустел.

— Сюда, — сказала она, зайдя за трон и отворив небольшую дверцу в стене. Бейли осторожно последовал за ней.

Комната была примерно такой же, в какую поместил его MARHIS в первый раз. Глубокие мягкие кресла, писаные маслом картины в золоченых рамах, маятниковые часы на полке над громадным камином, в котором горят настоящие поленья. За окном лежала улочка маленького городишки в Новой Англии. С тяжелого серого неба падал снег.

Бейли оглянулся. Беломраморный храм был на листе, и позади зеленый луг. Диссонанс. Разрыв непрерывности. Он захлопнул дверь.

Повернувшись к Розалинде, он увидел, что ее облик нормализовался. Теперь она выглядела точно такой, какой он помнил ее после визита в лабораторию и пребывания в качестве ее пленника: высокая женщина с серьезным интеллигентным лицом, волосы гладко забраны назад, серые глаза холодно, изучающе взирают на него. Вместо белого халата на ней был бежевый кашемировый свитер и безупречно выглаженные черные брючки.

Переход был столь резок, что Бейли не смог сдержать удивления. Она заметила, что он сбит с толку.

— Извините, — сказала она с небрежной улыбкой. — Я и забыла — у вас не было времени привыкнуть к этим трансформациям. Я не подумала об этом.

Он медленно опустился в кресло, пристроившись на краю сиденья.

— Насколько я понимаю, я здесь гораздо дольше вашего.

Она кивнула. Лицо ее выражало что–то трудноуловимое. Извиняется, что ли?

— Да, вы именно так и понимаете. — Она села напротив — быстро, но в то же время двигаясь напоказ. Закинув ногу на ногу, сложила руки на колене. — Возможно, я должна вам объяснить.

Он молча смотрел на нее и ждал продолжения. Часы на каминной полке медленно, размеренно тикали. Взглянув на циферблат, Бейли отметил, что стрелки показывают четверть шестого. Свет на улице потихоньку мерк; снежный вечер медленно, но верно перетекал в ночь. Значит, время дня в MARHISe с реальным не имеет ничего общего. Для каждого — свое.

Заметив его взгляд, она покачала головой.

— Это гораздо обманчивее, чем вы полагаете. Скажите: как по–вашему, сколько времени в общей сложности вы провели в MARHISe?

Бейли почувствовал приближение некоего очень неприятного откровения, хотя даже представить себе не мог, сколько же времени находится здесь. Он тщательно восстановил в уме последовательность событий с того момента, как он впервые обрел, сознание на голой бетонной площади.

— Дней пять, семь. Плюс интервалы, когда был без сознания. Простои, или как еще их назвать…

И снова на лице ее появилось загадочное — сожалеющее, что ли? — выражение.

— Эти интервалы длились куда дольше, чем вы думаете. А внутреннего времени в MARHISe вы провели — почти тридцать пять лет. Я — относительно новенькая, всего–то десятилетие здесь. Но я, в отличие от вас, была в сознании все время.

Он изумленно воззрился на нее. Цифры были приняты, но не имели смысла.

— Но я… Я же только что говорил с женой! Со внешним миром. Или «реальным» по–вашему! Она не стала старше на тридцать пять лет! Голос был…

— Я ведь сказала «внутреннего», — перебила она. — Вы, наверное, не задумывались над этим. Да вам и незачем — вы ведь

не ученый. — Это она сказала с неким неистовым чувством превосходства. — В человеческом организме нервные импульсы поступают в мозг относительно медленно. Изменения химизма требуют времени. Но вы больше не человек. Вы — инфоморф, мысли ваши — лишь электроток, и первые импульсы движутся почти со скоростью света. Конечно, существуют некоторые факторы воплощения в практику: MARHIS должен снабжать вашу «первую сигнальную» данными, и устройство этой сенсорной подгрузки ограничивает скорость работы системы. Но тем не менее вы оперируете мыслями в тысячу раз быстрее, нежели при биологическом мозге. А часы, изображаемые MARHISом, ускорены, чтобы совпадать с нашим представлением о времени, и поэтому нам кажутся верными. Согласно тем, на каминной доске, мы пребываем в этой комнате около пяти минут. Реально же времени вся наша беседа заняла — менее половины секунды.

Бейли медленно вникал в услышанное. Все это было похоже на правду. Он чувствовал себя глупцом: почему сам об этом не подумал?

— Но… Я же общался с Шерон, со внешним миром! Даже если она живет в тысячу раз медленнее…

— Когда кто–нибудь из нас общается с реальным миром, MARHIS временно замедляет его тайм–бейз. У вас не было точки отсчета, поэтому вы не заметили перемены.

— Понимаю…

Бейли кивнул, сел обратно в кресло и прижал пальцы к вискам.

— Если я поверю вам, — сказал он, — а поверить, по моему разумению, придется, то выходит, я за все время пребывания в MARHISe был активен менее одного процента от всего срока. Ладно, пусть даже просто один процент. Но — почему? Почему меня держали без сознания?

— Боюсь, за это вам нужно благодарить доктора Готтбаума.

— Готтбаума? — Он искоса взглянул на нее.

Она кивнула.

Вы ведь знаете его историю? Старый радикал. Ненавидит правительство, а пуще всего — полицию. Знаете, как они кричали на демонстрациях? «Кончай свиней!» То есть, «Бей копов!».

Он глубоко презирает вас, мистер Бейли. И не только за то, что вы работали в ФБР. Вы поставили под угрозу дело всей его жизни.

Бейли горько рассмеялся.

— Чудесно. Грандиозно. — Он встал и прошелся по комнате — мимо буфета в углу, наполненного посудой резного хрусталя, мимо большого зеркала в золоченой раме, виктролы на столике

красного дерева. Остановившись у окна, он отдернул багровую штору и выглянул наружу. Они находились примерно на третьем этаже. Мимо протрюхала старинная машина «студебеккер» из 1930–х. Улица состояла из викторианских особняков; нарядные фасады окаймлены белым. Двое мальчишек играли в снежки. Прямо–таки с картины Нормана Ронуэлла…

— Так что же еще Готтбаум сделал для меня? Можете посвятить в подробности.

— Как хотите. Помните пробуждение на бетонной площади и погоню?

Бейли коротко хохотнул.

— Я бы сказал — да.

— Лео хотел посмотреть, что случится, если инфоморф подвергнется сильному стрессу. Вы ведь помните, у нас не было достоверных экспериментальных данных. Животные выживали, но ведь они могут и не иметь сознания — в нашем понимании. Было вполне вероятно, что шок после трансформации может оказаться выше сил человеческого разума.

Бейли отвернулся от окна.

— Значит, я выполнил задачу подопытного и…

— И после того, как мы установили жизнеспособность процесса, понадобилось посмотреть, как подействует более долгий срок. Будут ли возбудители действительно действенными? Не сойдет ли кто–нибудь с ума от скуки либо одиночества? — Она опустила взгляд, стараясь не встречаться с ним глазами. — Я наблюдала за вашими попытками реконструировать жену. Это было… крайне печально.

— Спасибо за соболезнование.

Она подошла к нему, остановившись в нескольких футах.

— Если это может послужить утешением — скорее всего, нет, но я все равно скажу — то, как с вами обращались, вызывало у меня много возражений. Конечно, сказать все можно, но это так. У меня было время, чтобы подумать.

Он молча смотрел на нее, ожидая, когда она приведет в порядок мысли.

— Не знаю, поймете ли вы, что с нами творилось, продолжала она. — Мы тридцать лет провели в исследованиях, буквально открыли секрет бессмертия — и тут появляется человек с бляхой и угрожает уничтожить все, чего мы добились. Вас не один Лео возненавидел — я тоже. Прогрессирующая болезнь разрушала мое тело не по дням, а по часам, и очень скоро я должна была умереть. «Лайфскан» был единственной надеждой. Я теперь все думаю: был ли другой способ справиться с вами, когда вы нас рассекретили? Лео хотел просто, без затей, убить

вас, Но Джереми, Ганс и я были против. Тогда Лео сказал: «Ладно, извлечем из него пользу. Будет подопытным». И это показалось вполне достойным компромиссом. — Она засмеялась и покачала головой. — Все так логично получалось, и вы по идее должны были чуть ли не благодарить нас.

— Понятно. — Он, не торопясь, прошел обратно к своему креслу. — Ценю вашу прямоту. — Он уставился на языки пламени, пляшущего в камине. — Значит, когда я отыграл роль морской свинки, старик решил меня прикончить. Не потому ли в лондонском сценарии та заминка вышла?

— Нет, это просто сбой в системе. Но произошел он в подходящий момент. Лео готов был загрузиться сам и сказал, что с копом систему делить не станет. Он знал, что мы откажемся стирать вас, и понимал, что вас можно использовать в будущем, а потому поместил вас на хранение. До тех пор, пока вы ему не понадобились. Как он вам сказал, в реальном мире ваша жена заставила нас понервничать. Похоже, хотела организовать расследование. Мы ускорили темпы, проводили сканирование с минимальной скоростью и ужасно боялись, что нас накроют в последний момент. Я четыре ночи не спала, наблюдала за подгрузкой Лео, Джереми и Ганса. В последнюю ночь в реальном мире, как раз когда я приготовилась подгрузиться, я обнаружила, что ваша жена следит за мной. Я… пришла в ярость. И наговорила лишнего. Потом меня подгрузили в MARHIS, и Лео вытащил вас из хранилища чтобы убедить повлиять на жену. Вот почему он устроил вам тур по системе — хотел доказать, что MARHIS стоит реального мира, дабы вы более убедительно просили жену отступиться под страхом смерти всех нас.

Бейли устало кивнул.

— Ладно, — со вздохом сказал он. — Все понятно. Выпить бы сейчас…

Это возможно? Можем мы выпить и… получить интоксикацию?

Она иронически взглянула на него.

— Интоксикация — последнее, что для этого нужно. Для инфоморфа есть множество различных способов поднять настроение.

На секунду в глазах ее появилось нечто такое, чего Бейли не замечал раньше в ней — чувственность, похоть. Но тут же самоконтроль взял вверх, и от проявленной слабости не осталось и следа.

— Спиртное — в буфете, внизу, — сказала она.

Он отыскал бутылку «бурбона», добыл бокал и наполнил его до половины. Наливаемая жидкость выглядела странновато;

Бейли снова вспомнилась маленькая лекция Готтбаума о трудностях создания симуляторов жидкостей в движении.

Он отпил немного — да, и вкус не совсем тот. Однако оказалось, можно пить, сколько угодно, и протрезветь, когда захочешь, и — никакого тебе похмелья.

Он вернулся в свое кресло.

— Значит, виноват во всем герр Готтбаум. А вы только подчинялись приказам? Верно?

Щеки ее слегка покраснели, губы едва заметно зашевелились, точно она не знала, что сказать.

— Вы не совсем верно охарактеризовали ситуацию, — сказала она с прежним достоинством.

Бейли пожал плечами.

— Впрочем, не все ли теперь равно? Что действительно интересно — зачем было утруждать снова вынимать меня?

— Очень просто. — Она несколько расслабилась, видя, что он больше не делает попыток к нападению. — Я просто вне себя от скуки, мистер Бейли. Мне просто хотелось с кем–нибудь поговорить.

Он невесело рассмеялся.

— Помнится, Готтбаум говорил то же самое.

— Может быть, — поколебавшись, ответила она. — Но… Не забывайте, я здесь уже десять субъективных лет. Вы видели фантазию, в которой я живу теперь. Были и другие. Некоторое время они были забавны. Я развлекалась, как только могла. Но после десяти лет…

Бейли смотрел на нее, удивленный тем, как говорит она о своей личной жизни.

А она словно прочла его мысли:

— Вы еще привыкаете к тому, что в MARHISe ничего нельзя скрыть. Лео со своим привилегированным допуском может в любой момент рассмотреть все, что происходит с нами. И потом, когда начинаешь воплощать в жизнь свои фантазии, они далеко не так уж шокирующи. Начинаешь даже недоумевать: отчего же раньше их так стеснялась?

Он кивнул.

— Разумно. Хотя, увидев вас в греческом храме, я подумал только, что все это слишком слащаво.

— Может, и так. — Она, судя по всему, приготовилась к защите. — Может быть, таковы почти все фантазии. Но… какого хрена, отчего нет? Отчего не наслаждаться мужчинами, целующими ноги и ублажающими меня четыре дня без передыха?

Теперь она говорила точь–в–точь как раньше: вызывающе, приготовившись к спору.

— Вы и на самом деле воображали, что я приму участие в этих играх? — спросил он.

Она пренебрежительно пожала плечами.

— В общем, нет. Просто хотела принять вас в таком облике. Тщеславие, если хотите. Я ведь не всегда такой суровый «синий чулок», как вы, вероятно, полагаете, мистер Бейли. У меня есть даже чувство юмора.

Он сделал еще глоток из бокала. Внутри понемногу становилось тепло. Быстро однако, подумал он. Еще бы, алкоголь на голодный желудок… Но тут же Бейли вспомнил: нет у него теперь никакого желудка, симуляция это все. И опьянеет он в любую секунду, когда захочет.

— Вполне возможно, — сказал он, — что вы, в своем роде, женщина прекрасная. Наверное, именно это вы и хотели объяснить. Но, знаете ли, если даже я смогу забыть и простить все, что со мной сделали, не думаю, что мы когда–нибудь станем друзьями.

— Замечательно! — Она резко встала и развела руками. — Меня это совершенно устраивает. Господи, Бейли, да понимаете ли вы, как давно я в последний раз по–настоящему спорила? Да я ради этого согласна на что угодно. Даже эта беседа для меня — роскошь.

Он поднял на нее взгляд и рассмеялся. Забавно: сидит человек в своей собственной фантазии, пьян от секса и симуляторов наркотиков, развлекается семь дней в неделю — и на все готов ради того чтобы кто–нибудь с ним поспорил!

— А браниться со своими друзьями вы не можете? С Фоссом, с Портером…

— Ганс так и не пришел в сознание. — Она внезапно помрачнела. — Мы до сих пор бьемся, но… Операция и сканирование были сделаны как полагается; сознание не повреждено… Но — не оживает, и все тут. Беда в том, что мы так и не знаем, что есть сознание. Скопировали пять человеческих мозгов, знаем, как снабжать их ощущениями и интерпретировать их реакции, но даже теперь, когда нам полностью доступны электронные симуляторы, все еще расшифровываем их внутренние функции. — Она со вздохом опустилась в кресло. — Бедный Ганс…

— Просто сердце щемит, — прибавил Бейли, до сих пор помнивший, как Фосс отнял у него пистолет и угрожал убить его.

— А я и не прошу у вас сочувствия! — рявкнула она.

— Ну ладно, пусть его. А Портер?

— С Джереми все в порядке. Но он, знаете, совершенно никакой собеседник. По–моему, предел его мечтаний — быть

частью компьютера, чтобы машина была как бы продолжением его самого. И он добился своего. Последние пятнадцать лет он писал софт для MARHISa, жил только этим. Он убежден, что это — ханкерский рай.

Бейли отставил опустевший бокал.

— Ну, а Баттеруорт?

— Майкл решил остаться снаружи. Он присматривает за системой.

— Интересно. Ладно, но остается еще сам Лео Готтбаум.

— Да, какое–то время компания Лео меня устраивала. Но… понимаете, я вошла в этот проект таким образом… Он взял нас к себе сразу по окончании институтов. Меня, Джереми и Майкла. Мы его боготворили! Он был героем в наших глазах. Иллюзия рухнула, когда — довольно поздно — я поняла, что он просто использует нас. Едва мы построили MARHIS и сканировали его, превратив в инфоморфа, он как–то забросил нас. Удалился к себе, в ЛДП и выходил лишь изредка. Мы даже не знали, над чем он работает. Знали лишь, что он, пользуясь привилегированным допуском, занял громадный блок MARHISa под свои личные цели.

— Значит, так вот взял и…бросил? И вы не знаете, чем он с тех пор занимается?

— Верно.

В странном каком–то ключе рассказывала она свою историю. Ага, подумал Бейли, в прошедшем времени обо всем говорит, точно все, что описывает, прошло и кончилось, и положение теперь изменилось.

— И где же Готтбаум теперь? — спросил он. — Хотя — подождите, попробую сам. Портер наконец нашел лазейку, поглядел, чем он там занимается и сказал вам, верно? И вам это не понравилось. И, может быть, последовало что–то вроде драки.

— Весьма проницательно, мистер Бейли, — сказала она после недолгой паузы. Звучало это не иронично, она смотрела на него с уважением. — Изнутри мы, инфоморфы, не в силах изменить структуру — то есть, влиять на оборудование — MARHISa. Это все равно, как если б магнитофонная запись попыталась изменить структуру ленты, на которой хранится. Поэтому мы не могли уничтожить каналов связи, сделанных Лео для себя и обеспечивавших ему прямой контроль над оперативной системой. Но Джереми, прежде чем пройти сканирование, как следует поработал с интерпретатором команд и оставил для себя черный ход. Знаете, так делают многие программисты. Оставляют для себя потайной вход, в обход обычных защитных программ, и в случае надобности могут контролировать систему. Поэтому, когда он оказался в MARHISe, и он и Лео оба имели по

собственному привилегированному доступу: у Лео он был связан с оборудованием и теоретически — ничего с ним было не поделать; у Джереми же — более уязвимый, но тщательно спрятанный в необозримых блоках программных кодов. Некоторое время они играли в ханкерские прятки, пытаясь блокировать друг друга, и Джереми наконец удалось забить решающий гол, так сказать, убедив MARHIS, что ЛДП Лео пусто, и потому любые исходящие оттуда команды системные эрроры и должны быть игнорированы. Она встала и пошла к двери.

— Нужно пойти навестить Джереми, он объяснит лучше чем я, если вам интересно. Сейчас мы в его доме, это его ЛДП.

Бейли поднялся. После бурбона ему стало лучше: выпивка помогла расслабиться и чувствовать себя раскованнее. Ему все так же не слишком нравилась Розалинда Френч — ее манеры нервировали его. Но лучше уж пусть она, чем Готтбаум.

— Вы уверены, что Лео действительно под контролем? спросил он, следуя за ней.

— Абсолютно. Тот факт, что вы в сознании, доказывает это. Он отказался будить вас, пока в этом не будет настоятельной необходимости. — На губах ее появилась сдержанно–самодовольная улыбка. — Но я сказала Джереми, что хочу реанимировать вас. Он до сих пор слушается меня, несмотря на обладание привилегированным доступом.

ИГРУШКИ

Он поднялся за ней по покрытым коврами лестницам, мимо цветов в бронзовых вазах, мимо обрамленных гравюр с изображениями уличных сцен девятнадцатого века… Дом пах старым полированным деревом, нафталином и лавандой.

— Это все Портер оформлял?

— Да. Он, знаете, сирота и всегда представлял себе, как рос бы где–нибудь в 1950–х, в таком вот особняке, Большом, старинном… Он живет здесь с псевдоморфом–отцом, который ходит каждый день на службу, и псевдоморфом–матерью, которая готовит ему обеды на кухне, внизу.

— А обстановка скорее из середины девятнадцатого.

— Что ж, его представления об истории весьма смутны. Запомните только одно: он счастлив в этом доме. Счастлив, как никогда. — Она предостерегающе взглянула на Бейли. — У каждого из нас существует тайная жизнь. Но здесь все секреты выставлены на всеобщее обозрение. Увидев мои, вы посмеялись над ними. Проявите хотя бы с Джереми побольше такта.

Они достигли третьего этажа. Потолок скошен — вероятно, здесь был Мезонин. Лестница заканчивалась у двери с фарфоровым звонком. Розалинда нажала кнопку.

Дверь им открыла молодая женщина в коротком розовом платьице с глубоким вырезом на спине; грудастая блондинка с громадными голубыми глазами. Она зазывно улыбнулась:

— Привет, доктор Френч. Привет, мистер Бейли. Пришли понаблюдать гения за работой?

Тут Бейли понял, что видел ее и раньше. Только в другом костюме. То была та самая медсестра, Что MARHIS послал ему для компании.

— Да, мы пришли к Джереми, — сказала Розалинда.

— Тогда входите.

Она отступила в сторону, улыбаясь им застывшей лучезарной улыбкой.

Войдя, Бейли увидел громадное — куда там любому древнему мезонину! — помещение. И оно было битком набито игрушками: железные дороги, кубики, сборные пластиковые модели, надувные динозавры, инерционные машины, самолеты с дистанционным управлением, ракеты, аркадные видеоигры, старинные автоматы «нииболла»… По верстакам были разбросаны груды ярчайших кричащих комиксов. Ну просто–таки современная версия мастерской Санта–Клауса!

Вначале он не заметил Портера, но потом увидел, что то сидит на крохотном свободном пятачке в дальнем конце мезонина на вращающемся стуле, за гладким стальным столом, над единственным листком бумаги. У ног его лежал пес — Сэм, тот самый желтый ретрайвер, что прыгал Бейли на грудь. Игрушки лежали без дела, большинство коробок так и не распакованы, точно для Портера имело значение лишь обладания ими. Портер сидел, устремив невидящий взгляд в пространство, и лицо его не выражало ни счастья ни тоски. Он не замечал ничего вокруг.

Он радикально изменил свой облик. Исчезли борода и брюшко, теперь он выглядел лет на двадцать: свежее лицо, румянец на щеках, короткая аккуратная стрижка.

Сексуальная блондинка провела их по узкому проходу меж штабелей игрушек к Портеру и положила руку ему на плечо, склонившись так, что грудь ее коснулась его предплечья.

— Милый, к тебе пришли друзья.

Желал бы Бейли, чтобы Портер выбрал себе сценарий повзрослее, не настолько откровенный! Игрушки, нимфетка[?] эта — на таком фоне Портер выглядел уж очень трогательно и уязвимо.

Отводя от Портера взгляд, Бейли обнаружил, что Сэм внимательно смотрит на него. Похоже, пес его узнал — зевнул, потянулся, встал и пошел к Бейли, виляя хвостом. Встав на

задние лапы, он уперся передними в бедро Бейли и гавкнул, глядя на него снизу вверх, словно просился на прогулку.

— Фу, Сэм, — сказал Портер, очнувшись от транса. Говорил он так же, как и раньше — педантично, отчетливо, важно. Моргая, он сосредоточил взгляд на пришедших. — А, Розалинда… Значит, вынула Бейли из хранилища…

Бейли раздраженно отшвырнул собаку ногой.

— Вы обо мне говорите, словно о каком–то пальто!

Портер засмеялся. Смех его был резок и неровен.

— Надеюсь, вы понимаете, что не по нашей инициативе были отключены.

— Да. Меня просветили. — Он взглянул на стол с одиноким листком бумаги. — А где же ваши компьютеры?

Портер загадочно улыбнулся. То была самодовольная улыбка мальчишки, заполучившего новую игрушку — да такую разособенную, что прочим пацанам даже и не понять, как ей пользоваться.

— Мы внутри компьютера, мистер Бейли. Компьютер — это мы. Я построил девайс–драйвер, связанный напрямую с корой головного мозга. Теперь мы можем разграничивать процессы высшего уровня. Мы наконец начали расшифровывать их. Вскоре мы сможем улучшить их.

Под «нами», естественно, имелся в виду сам Портер, да еще MARHIS — в качестве подчиненного.

— Человеческий мозг сконструирован совсем не так, как логический процессор, — продолжал он. — Он очень уродливо ограничен. Вот пример: большинство людей затрудняется запомнить последовательность из более, чем шести–семи случайных цифр. Это оттого, что у мозга столь маленький инпут–буфер. Я расширил свой до — порядка тысячи. Возможны и многие другие простые улучшения. Теперь я пишу программы мысленно. Не нужно даже формального языка.

— Джереми, — перебила его Розалинда, явно стараясь проявить побольше такта. — Сейчас не самый подходящий момент…

Он и не слышал.

— Однажды наше сознание совершит последний переход… от органического бытия, направляющего нас по пути выживания физического тела, к электронному бытию чистого интеллекта. Граница между человеком и машиной будет стерта. Более не будет нужды в удовлетворении старых животных потребностей — в еде, в жилье, в сексе… — Он обвел широким взмахом руки мезонин, полный игрушек, цветущую блондинку за спиной и вообще весь дом, точно вещи эти были всего лишь костылями,

помогающими ходить, пока он не еще освободился от пережитков эволюционного наследия.

— Что с Лео, Джереми? — спросила Розалинда настойчивее и громче.

Тот тут же растерялся, сообразив, что отклонился в сторону.

— Лео? Сидит в надежной бутылке. — Он вновь самодовольно улыбнулся. — Господи боже, сколько он там файл–сэйфов и ловушек понаставил! Знал, что я до него добираюсь. Самая загвоздка была в…

— Но чем он занимался? Ты скоро выяснишь? — Говорила Френч требовательно, однако мягко. Антагонизм, столь часто улавливаемый Бейли в ее голосе — особенно при словесных баталиях — исчез. Она говорила почти по–матерински. Наверное, потому, что Портер никогда не пытался выйти из–под ее контроля.

— Тебе ап–дейт нужен? — Портер подал ей листок. — Вот самый последний. — Он взглянул на Бейли. — Розалинда предпочитает жесткие носители, и я заставляю MARHIS излагать для нее информацию на бумаге.

Розалинда просмотрела листок.

— Он во всех этих системах?

— Еще и в других. Я все время нахожу новые, по всему миру. Он инсталлировался в любую систему, где нашлось хоть несколько гигабайт свободных.

Розалинда обратилась к Бейли:

— Джереми обнаружил, что Лео сделал множество копий своего интеллекта и распихал их по базам данных вне MARHISa. Пересылка данных, описывающих человеческий разум, по фиброоптической связи занимает всего сорок пять минут. Именно так мы сами были пересланы в MARHIS из лаборатории в Лонг–Бич, где сканировались.

— То есть, Готтбаум начал попытки овладеть другими компьютерами? — спросил Бейли.

Френч положила листок на стол.

— А какой в этом смысл? Человеческий разум — это не только содержание, но и форма. Без надлежащей формы содержание не функционирует. Нашим разумам для жизнедеятельности необходима специализированная архитектура MARHISa. Храниться эти данные могут где угодно, но в таком случае они не функциональны, как видеодиск без проигрывателя.

— Может, Готтбаум просто настолько параноидален, предложил Бейли, — что на всякий случай решил размножить свои копии.

— Мы вначале думали так же. Однако Джереми нашел уже

более тысячи копий, и это, похоже, еще не все. Верно, Джереми?

Он снова сидел, уставившись в пространство, и на этот раз не переключился.

— Джереми! — Она мягко тряхнула его. — Джереми, проснись! — Она взглянула на Бейли. — С ним все труднее и труднее. Все время проводит в своем программире.

— И подружка его, кажется, тоже этим заразилась. — Бейли указал на блондинку в миниплатьице. Та стояла, свесив руки по швам; с отсутствующим выражением на лице. Зазывная улыбочка пропала.

Розалинда осмотрела псевдоморф.

— Странно…

Что–то в ее тоне — или в ситуации — насторожило Бейли. По спине, от пояснице к затылку, пробежал холодок.

— Что странно? — спросил он.

— Джереми! — Она повернулась к Портеру и встряхнула его жестче.

Сэм, казалось, уловил ее беспокойство. Он поднялся и огляделся, точно почуяв что–то.

В мезонине внезапно похолодало. Бейли почувствовал холод лицом и плечами. Словно в морозильной камере…

— Лео? — сказала Розалинда. Взгляд ее стал настороженным. — Лео, это твои штучки?

Портер рывком встал со стула. Глаза его все так же слепо глядели в одну точку, но лицо дергалось. У Бейли появилось неопределенно–мрачное чувство: казалось, Портер теперь полностью осознает, что происходит вокруг, но не может контролировать ничего, включая и собственное тело. Он неуклюже шагнул вперед — раз, другой — двигаясь, точно робот. Подойдя к небольшому слуховому окну, выходившему на покатую крышу, он сжал кулаки и пробил ими одно из четырех стекол окошка. В мезонин ворвался снежный вихрь; стало еще холоднее.

— Джереми! — закричала Розалинда.

— MARHIS, объясни, — сказал Бейли. — Что происходит?

Портер выдернул из рамы оставшийся в ней осколок стекла и повернулся к ним лицом. Разодрав на себе рубашку, он взрезал осколком кожу, проведя вертикальную линию от горла к животу.

Розалинда невольно вскрикнула.

— Готтбаум, какого хрена?! Прекрати!

Рванувшись к Джереми, она схватила его за руку, пытаясь удержать, но было слишком поздно. Но кровь не хлынула из раны; вместо этого Портер осел, словно проколотый воздушный шарик. Из надреза с шипеньем вырвался воздух. Портер рухнул на пол, точно снятый кем–то и брошенный комбинезон.

Вскрикнув в смятении и отвращении, Розалинда отстранилась от него. Она повернулась к Бейли:

— Идем! — Она рванулась к двери. — Назад, ко мне. Скорее!

Но Бейли увидел, что она замерла на месте. Губы ее безмолвно шевелились, глаза широко раскрылись, выпучились, глядя на него в бессильном страхе. Она сжала руками горло; тело ее внезапно повернулось и ударилось в стену. Отскочило рикошетом, крутнулось — еще удар, лицом, словно толкала невидимая рука.

Она упала на пол, истекая кровью, и забилась, словно в припадке эпилепсии.

Сэм, стоявший и наблюдавший за происходящим, подошел к Розалинде Френч, ступил лапами на вздымающуюся грудь, склонил голову и хладнокровно вырвал ей глотку.

Бейли подался назад. Он понимал: что бы ни произошло, ему с этим на справиться. Он повернулся к выходу…

— Назад, Бейли. Немедля, — окликнул его спокойный, властный голос Готтбаума.

Бейли обернулся. Собаки не было. На ее месте, над изломанным, окровавленным трупом Розалинды Френч, стоял старик.

— Надо же, заговор против меня устроили… — Он опустил взгляд на труп Френч и сморщившуюся оболочку Портера. — К счастью, я принял меры предосторожности и поместил в MARHIS еще одну свою копию. Я стер данные мозга Сэма и наложился на него. Им и в голову не пришло искать меня там. — Он коротко улыбнулся. — Итак, Бейли, мы остались в MARHISe вдвоем.

Он щелкнул пальцами, и свет погас.

ВИРУС

Бейли споткнулся, едва не потеряв равновесие. Он был в полном сознании и не ощутил никаких перерывов или простоев. Перед глазами его все еще стоял Портер, превращающийся в пустую кожаную оболочку, и Розалинда Френч, бьющаяся в кровавой луже на полу. Он пристально вгляделся в окружавшую его тьму.

— Готтбаум, вы еще здесь?

— Конечно. Просто занят небольшой реорганизацией. Ну, вот и все.

Над головой появилось ночное небо, словно кто–то включил звезды. Бейли обнаружил, что стоит на темной серой платформе, обнесенной перилами. Балкон, висящий в темноте… С трудом различил он силуэт стоявшего рядом Готтбаума. Мезонин со всем содержимым пропал без следа.

— Извините, если напугал, — сказал Готтбаум. — Не мог

отказать себе в небольшой драме.

Бейли промолчал. Он предоставил себе, как поднимает Готтбаума и бросает вниз, через перила. Нет, из этого не выйдет толку; ясное дело, Готтбаум вернул себе контроль над MARHISом — а, значит, и над ним самим.

— У меня имеется ха–ар–роший зуб на Френч и Портера, продолжал Готтбаум. — Так же, как и на вас. Мне и нужно–то было, чтобы меня всего–то оставили в покое и не вмешивались в мою работу, не указывали, что мне можно, а чего нельзя. Но люди снова и снова отказывали мне в этом…

— Вы убили их? — Бейли не интересовала эгоцентрическая жизненная философия Готтбаума. — Портера и Френч? Вы уничтожили их окончательно?

— Конечно, нет, — презрительно ответствовал Готтбаум. — Когда вы в первый раз визитировали меня и спрашивали о вирусе, созданном мной в молодости, я говорил вам, что не имею привычки уничтожать данные. Френч и Портер, целые и невредимые, лежат в хранилище и более не имеют возможности мешать моей работе. — Он повернулся лицом к Бейли. — Но вы, так сказать, еще живете и дышите. Последний жилец памяти. Что ж, это мне не мешает. Вы сможете увидеть, как делается история. Посмотрите на небо. Не замечаете ничего необычного?

Бейли поднял взгляд и понял, что светлые точки вовсе не были звездами, либо хотя бы приблизительным подобием звездного неба. Их было слишком много, и мерцание их окрашено было в мягкие пастельные тона.

— Узловые точки, Бейли, — сказал Готтбаум. — Вы видите упрощенную карту всех узловых точек глобальной информационной сети. Хотите посмотреть, как они связаны?

От точки к точке протянулись нежно–белые паутинки. Перегнувшись через перила, Бейли увидел, что снизу дисплей тоже круглый, как и наверху. Они находились в центре громадной пустотелой сферы.

— Хотите рассмотреть район подробней?

Скопище голубых и желтых точек впереди словно придвинулось ближе, заполнив собой большую часть электронного неба. Стали видны и вспомогательные пятнышки. Появились символы и идентификационные коды.

— Теперь MARHIS читает мои мысли, Бейли. Точно так, как описывал Портер перед своим неудачным… падением с трона. Мне нужно было лишь смотреть и думать; теперь я вижу и знаю. Я могу проследить перемещение информации в любой точке земного шара.

Бейли вспомнил стальную башню, унизанную тарелками

микроволновых и спутниковых антенн. Значит, вот как MARHIS связался с компьютерными центрами всего мира… Значит, Готтбаум спланировал все задолго до завершения проекта «Лайфскан».

— Да, работы вам хватало…

— Я провел здесь двадцать субъективных лет. Двадцать лет доводки MARHISa — с некоторой, должен признать, помощью Портера — и исследования сети изнутри. Можете ли вы вообразить, как легко взломать систему, когда разум работает в тысячу раз быстрее обычного, а данные — чувствуешь? И теперь нет такого места, куда я не смог бы проникнуть. Я вездесущ!

— Очень впечатляюще, — сказал Бейли. — Значит, все это вы и хотели мне поведать? Просто для того, чтобы хоть кто–то смог оценить, что вы сделали, и признать, что получилось ловко?

— Мне не слишком нравится ваш тон, — напряженно сказал Готтбаум. — Но я не стану отрицать, что мне нужна аудитория — особенно сейчас. Смотрите внимательно.

Светящиеся точки, одна за другой, начала наливаться красным.

— Я активирую свои клоны, — пояснил Готтбаум.

— Клоны? То есть, копии вашего разума, о которых говорил Портер?

Он и Френч сказали, что они не смогут работать без специального оборудования MARHISa.

Готтбаум презрительно рассмеялся.

— Программа может посостязаться с оборудованием. Вначале я инсталлировал процедуры, пародирующие внутреннюю структуру MARHISa. А затем наложил на них мою нейтральную схему. Конечно, потери при этом неизбежны: мои клоны гораздо медленнее меня и сведены к базовым. Но они не глупее меня. Чтобы вам было понятнее: вирус, который не только размножается, но мыслит! Кто сможет остановить его? — Готтбаум хихикнул. Он был гораздо оживленнее, чем когда–либо прежде. Он словно был пьян. Конечно, мои планы занимают много памяти. Но, как только они пройдутся по своим системам и поместят там файлы, памяти у них станет более чем достаточно.

— Это мы и наблюдаем? — В Бейли проснулось недоверие. Зрелище было вполне абстрактным, и даже прекрасным в своей стерильности. Но если это — действительно изображение множества компьютерных систем…

— От уничтожения правительственных баз данных меня ничто не удерживает, — сказал Готтбаум. — Бюрократия — паразит, пожирающий труд индивидуумов. Она имеет не более прав на жизнь, чем колония плесени. Смотрите — вот старый

IBM401 в ЦРУ! А это — «Крэй» Департамента Здоровья и Соцобеспечения! Теперь он мой! А вот готовы Инженерные войска — наконец–то! Федеральная комиссия по коммуникациям, Бюро Полезных Ископаемых, Комиссия по Атомной Энергетике… — Он снова засмеялся. Старческое кудахтанье плохо соответствовало по–юношески шумному проявлению восторга. — Господи боже мой, сколько десятков лет ждал я этой минуты! Так, пошли за границу. Видите, там, сзади? Китай. Великобритания. Бейли, это просто резня! Они даже не знают, что с ними происходит!

— И что дальше?! — громко, яростно крикнул Бейли. Объявите себя всемирным диктатором?!

— Жопа вы тупая. — Готтбаум придвинулся к Бейли, тот чувствовал его дыхание на лице. — Безмозглое бюрократическое говно. Я хочу уменьшить контроль, а не увеличивать. Думаете, мои клоны в сети присвоят казну или в президенты меня инсталлируют? Не–ет, батенька, они будут сидеть и ничего не делать, а лишь присматривать, чтобы все эти компьютеры никогда больше не заработали! — Он отвернулся. Бейли увидел его профиль Готтбаум склонил голову набок, озирая свою вселенную, точно дирижер, всматривающийся в гигантский оркестр. Почти все точки уже покраснели; по темному небу словно разбрызгали тысячи маленьких капелек крови.

— Вначале вы хотели добиться этого легально, так? сказал Бейли. — Тогда, в 90–х. Выступали на телевидении, говорили речи, пытались пустить время вспять, децентрализовав все, уничтожив государственные службы. Людей это не заинтересовало, однако вы, похоже, решили не спрашивать их согласия. Навязать им свое решение.

— То есть, освободить их, — резко сказал Готтбаум.

— Верно. Освободить для голода. Все системы: и торговые, и финансовые сети…

— Нет! — Готтбаум ударил кулаком по металлическим перилам. Перила грохнули. — Вы — что, имбецилом меня полагаете? Я не говорил, что собираюсь очищать каждую систему. Я — разумный вирус, понимаете? Достаточно разумный, чтобы отличить паразита от живого, полноценного узла. Частновладельческие банки функционируют. Транспортные системы, телекоммуникации, даже некоторые местные силы охраны правопорядка. Умрет лишь гигантский мертвый груз централизованное правительство. Системы «кормушек», специальных вспомоществований, попечительства, всякие войны различных мелких диктаторишек. Международный Красный Крест, Всемирный Банк, Государственный Запас, Международный Валютный Фонд — все механизмы, тормозящие торговлю и

требующие все новых и новых механизмов, которые якобы помогут старым работать на всеобщее благо. Политики более не получат ничего; они не смогут отныне заставлять людей подчиняться их дурацким законам, и мы освободимся от всех этих налогов. Невмешательство, Бейли! И если даже вырубят все системы, если даже прочистят каждый файл программ — я так широко распространил и хорошо замаскировал мои клоны, что невозможно будет уничтожить все до единого. А даже единственный оставшийся тут же реинфицирует всю сеть! Сеть — вот что такое бюрократия! Без нее правительство нежизнеспособно!

— Изобретут винципы, — сказал Бейли. — А защитные программы отыщут вирус. Не один вы такой замечательный хаккер.

Готтбаум счастливо рассмеялся.

— Я — единственный, существующий в миллионе копий! Именно так — миллион копий. Единственный, манипулирующий данными одной силой мысли. Я демонтирую их вакцины — это все семечки. Мои клоны станут информированной полицией; они сокрушат любую систему, перераспределяющую блага, создающую монополию либо ограничивающую свободу. Знаете, Бейли, как говорили мы тогда, давно, в те дни, когда все, казалось, шло к тому, что власть имущие ослабят хватку и пойдут на проведение кое–каких реформ? Власть — народу?

Бейли вгляделся в темноту. Старик вскинул к плечу кулак в архаичном салюте.

ЖЕРТВЕННОСТЬ

Через несколько минут тьма рассеялась, и Бейли обнаружил, что находится на большой белой арене. Небо над головой сияло голубизной. Солнце стояло в зените; яркий свет заставил его зажмуриться. Понятно: он вернулся в тот самый сценарий, с которого началось его пребывание в MARHISe.

Готтбаум стоял перед ним. Эйфория старика потухла, сменившись утомленным удовлетворением. Он был весьма похож на актера, только что сошедшего со сцены после изнурительного сольного представления.

Обратившись по сторонам, он обратился к Бейли:

— Итак, занавес! — сказал он.

Бейли настороженно взглянул на него.

— Что вы хотите сказать?

— Хочу сказать, что пора прощаться. — Он сунул руки в карманы штанов и ссутулился. — Я собираюсь покончить с MARHISом. — С этими словами старческие морщины на его лице, казалось стали глубже. — Нелегко, что и говорить, но надо.

— То есть, сокрушив все, что можно, вы хотите, справедливости ради, уничтожить и свой труд?

— Я ничего не уничтожал. — Голос Готтбаума звучал устало. Казалось, его совершенно не интересовал дальнейший спор. Грядут кое–какие социальные неурядицы. Люди привыкли быть под присмотром; для них предоставленность самим себе станет сильным потрясением. Возможно, некоторые не справятся с этим. Однако существует естественная тяга человека к свободе. А свобода взрастит совершенно новый динамизм.

— Известный также, как неуправляемая эксплуатация и спекуляция, — добавил Бейли. — Анархия.

— Нет. Мои клоны несколько обуздают большие пропорции, пытающиеся подавить свободную конкуренцию. И, во всяком случае, анархия — не такая уж плохая вещь. Понятие это подразумевает, что мы доверяем здравому смыслу народа, не заставляя последний полагаться на распоряжения свыше. Я никогда не стеснялся того, что я — анархист. И всегда делал все, что мог, дабы направить мир по этому пути. Даже пистолеты, которые, как вам известно, Френч обменяла на модули памяти. Если уж правительство имеет танки, разве не будет логичным предоставить гражданам возможность защищаться?

Он явно отвлекся. Теперь, достигнув цели всей своей жизни, Готтбаум, похоже, решил совершить экскурс в прошлое, пройтись по вехам своего жизненного пути.

— MARHIS, — напомнил Бейли, чувствуя себя Розалиндой Френч, старающейся добиться толку от Портера. — Вы сказали, что собираетесь покончить с MARHISом.

— Да–да. Придется, ничего не попишешь. Вы не у курсе: ваша жена пробиралась в купол. Баттеруорт пустил, идиот. Даже если мы избавимся от нее, рано или поздно кто–нибудь другой пронюхает. А я не хочу, чтобы власть над MARHISом попала в чужие руки. Штаты еще не завтра к утру обратятся в прах; они будут драться за свою жизнь, и если правительство доберется до MARHiAa, оно успеет принести людям гораздо больше вреда. Итак, я не боюсь умирать — я сделал свое дело. И миллион моих клонов продолжит бой. — Он впился взглядом в Бейли. — А что делать с вами? Хотите быть стертым? Или поместить вас в хранилище, за компанию с Френч и Портером?

— Спасибо, — сказал Бейли. — Спасибо вам огромное за столь богатый выбор. Жизнь мою пустили к херам собачьим, включают меня, выключают, как утюг… — Он встретился взглядом с Готтбаумом, чувствуя нарастающую внутри ярость невыносимую от сознания собственного бессилия. Человек перед ним — не настоящий, кровь не струится в его венах. Он даже

больно сделать ему не может, не то, что отдать под суд.

А Готтбаум отвернулся. Казалось, он совершенно забыл о Бейли.

— Я всегда верил в жертвенное предназначение. Много лет — десятки лет! — принес я в жертву собственному представлению о лучшем мире. Наверное, такому зассанцу, как вы, трудно это понять. Все, что вам нужно — это чек на жалованье, ничтожный домишко, жена и ребенок. И все же я подарю вам возможность к продолжению вашего нудного существования, даже после того, как я умру. Хотите, или как?

Бейли собрал все силы, чтобы совладать с яростью.

— Хочу.

— Хорошо. Последняя просьба?

Да, понял Бейли, он действительно собирается выключить его, точно так же, как выключил всемирную информационную сеть.

— Я хочу поговорить с женой.

— Что ж, выполнимо. Она тут уже некоторое время пробивается к вам. По нашим меркам — несколько месяцев, а по ее несколько минут. Ладно, валяйте. У вас — тридцать субъективных секунд. Надеюсь, вы выжмете из них все, что можно.

Едва Готтбаум закончил фразу, образ его распался на микроскопические пылинки. Облачко медленно растаяло в воздухе.

На белой площади под ясным небом возник белый экран. Пять футов в высоту, три — в ширину; просто поставленный вертикально полупрозрачный прямоугольник. Экран покрылся мозаикой расплывчатых разноцветных клякс, и тут же цветные пятна образовали изображение. Шерон сидела в черном кожаном кресле, подавшись вперед и с нетерпением глядя в окно в мир Бейли.

— Джим! — вскрикнула она.

Значит она увидела его — или его изображение, переданное в реальный мир какой–то системой.

— Шерон… — Он неуверенно шагнул к ней.

— Что там случилось? — Она была вне себя от беспокойства. — Сказали, что произошел катастрофический сбой в системе, и связь не установить…

— Нет. Просто Готтбаум, наверное, сознательно отключил внешние коммуникации. Но… Господи, у нас так мало времени…

(Пятнадцать секунд,) — сказал синтетический, бесплотный голос.

MARHIS, понял Бейли.

— Готтбаум сошел с ума, — заговорил он. стараясь успеть сказать как можно больше. — Чистит системы по всему миру. Собирается также покончить с MARHISом. Сказал, что поместит меня в хранилище. Я только хотел сказать, как люблю тебя и Деймона, и…

MARHIS умер.

СЕМЬЯ

Он услышал шум прибоя.

К нему почему–то вернулась память о детстве на родительской ферме. Там он был окружен сушей, от моря его отделяли мили и мили, и величайшим из возможных роскошеств, куда более желанным, нежели городской неитхауз или полный слуг особняк, полагал он маленькую комнатку с окном, выходящим на море. Он любил тайны, а море всегда окружал таинственный ореол: волны, шум прибоя, постоянная переменчивость казались маской, под которой море прячет от него свои секреты.

Однажды он приобрел симулятор — программу со звуком прибоя, и засыпал под нее. Волны, бьющиеся о берег, заглушили родительский телевизор в гостиной и стрекот сверчков за окном спальни. Но симулятор не звучал, точно так, как настоящее море, сколько Бейли ни возился. И уж конечно, совсем не то слышалось ему сейчас.

Ветер доносил до него крики морских птиц. Открыв глаза, он увидел прямо перед собой океан: буруны кипели и пенились, разбиваясь о берег и распластываясь по песку.

Вначале он просто смотрел, не задумываясь о том, что видит. Затем пришло понимание: ведь это же невозможно! Буруны лениво омывающие берег, пляшущие вдали белоснежные барашки, сырой, соленый ветер, пена, кипящая и шипящая в полосе прибоя — все это лежит далеко за пределами возможностей MARHISa.

Опустив взгляд, он обнаружил, что сидит в старомодном кресле качалке, одетый в линялые джинсы и рубашку из шотландки. Босые ноги покоились на вышитом тамбуром половике в центре деревянного, до глубокого темного блеска отполированного пола. Он был один в комнатке с белыми оштукатуренными стенами. На столике с раздвижными ножками и откидной крышкой стояла керосиновая лампа. Двустворчатая стеклянная дверь перед ним была распахнута, за ней виднелась пустынная бухта и чайки, снующие над волнами.

Пахло солью и водорослями. Бейли приподнялся, и кресло скрипнуло под ним. Посмотрев вниз, он заметил, что ногти на ногах слишком уж отросли и нуждаются в стрижке. Потрогав

подбородок, он нащупал щетину — более чем недельной давности. Поднеся к глазам руку, он растопырил пальцы и принялся разглядывать мелкие морщины на коже, тоненькие крошечные волоски, легкую голубизну вен под кожей. На крайней фаланге был небольшой шрам. Он вспомнил, откуда: вырезал складным ножом валентинку[?] для Шерон.

Кто–то постучал в дверь позади. Он резко обернулся — и почувствовал, как мускулы сопротивляются внезапному движению. Он был слаб, голова кружилась, точно после долгого прибывания в постели. И еще очень хотелось есть.

— Кто там?

Голос сорвался с непривычки. Бейли моргнул и прокашлялся.

Дверная ручка с тихим скрипом повернулась, дверь распахнулась, и в комнату вошла Шерон.

Встав с кресла, Бейли замер от изумления. На ней были белые штаны и ярко–зеленая футболка. Она лучезарно улыбалась. Она бросилась к нему, и он пошатнулся от неожиданности. Она так сжала его в объятьях, что он едва не задохнулся.

— Легче, легче!

Нахлынувшие чувства даже испугали Бейли: столь мощен был их поток. Он обнял ее, и тогда она поцеловала его. Когда же они целовались в последний раз? Это было откровением — открытием заново нежного, мягкого прикосновения к ее коже.

— Ты в порядке? — спросила она. — Все хорошо?

— Я… — Он едва мог говорить. Он сморгнул слезы с глаз. Как глупо… Но — плевать. — Это ты? — Заглянув ей в глаза, Бейли коснулся ее щеки. — Где… то есть, как?..

— Сядь! — велела она, подтянув поближе одно кресло и тоже усаживаясь. — Давай, садись.

Он неуверенно двинулся к своему креслу, боясь, что стоит ему отойти от Шерон хоть чуть–чуть, та исчезнет. Усадив его, она сжала его руки в своих и посмотрела ему в глаза. Океан за ее спиной мягко поглаживал берег; чайки все так же сновали над волнами.

— Мы не в MARHISe, — сказал он. — Ты как–то вызволила меня?

— Да. — Она быстро кивнула. — MARHIS теперь далеко в прошлом. Далеко–далеко.

Он с облегчением рассмеялся. Напряжение пропало.

— Насколько же далеко?

— Неважно. — Она часто–часто покачала головой. — Я должна тебе все рассказать. Вообще–то рассказ небольшой, но лучше я начну…

— …с самого начала. — Бейли охватило ребячливое веселье.

Груз тревог и опасений, от которого он не мог избавиться в MARHISe, точно свалился с плеч.

— Помнишь, — сказала она, — что сделал Готтбаум в самом конце?

— Конечно, помню. — Это воспоминание было самым свежим. Перед мысленным взором Бейли снова возник старик в центре громадной темной сферы эрзац–неба, испещренной кроваво–красными огоньками. — Чистил компьютерные системы. Я был с ним в тот момент.

Она серьезно кивнула.

На некоторое время после этого в мире воцарился полный хаос. Правительство в очень многих аспектах зависело от информационных систем, переставших существовать. Тебе придется привыкать к ряду кардинальных перемен.

— То есть, еще не все встало на свои места? — Он нахмурился, пытаясь понять, к чему она ведет.

— Теперь уже не встанет. Понимаешь, сначала все пытались наладить по старому образцу, но Готтбаум был вездесущ. Стило исправить одну сеть, и он снова проникал в нее из другой. Пробовали фаги и антигены, но он всегда держался на шаг впереди, нейтрализуя их программы и сразу же парализуя вновь пущенные системы. Правительство не могло ни платить служащим, ни взимать налоги, следить за соблюдением правопорядка, контролировать банковские системы… Нельзя было полагаться даже на факсы и телефоны.

Бейли с трудом верилось во все это.

— И теперь так будет всегда? Но ведь можно же как–то обойти…

— Пробовали делать все по–старому, вручную, но так было не справиться со всей необходимой работой. Пробовали строить новые сети, но правительству необходима связь с основными линиями связи, иначе оно не сможет работать. И, едва появлялся новый канал передачи данных, Готтбаум находил его, проникал в новую систему и парализовал ее. И государственные служащие начали бросать работу; вперед выдвинулись частные компании, взяв на себя большинство функций правительства. Кое–какие правительственные агенты остались по сей день, но государственного управления больше не существует.

Минуту Бейли молчал, осваивая новую информацию.

— Значит, и ФБР больше нет?

Она досадливо покачала головой.

— Джим, твоя работа теперь ничего не значит.

Он заставил себя улыбнуться.

— Верно. Если ты со мной. Только скажи: ты будешь со мной?

— Конечно. Всегда и во всем.

Он смотрел в ее лицо. Как хотелось в это поверить!

— Без правительственного контроля, — продолжала она, наука здорово продвинулась вперед. Нанотехнология, микроботы… И множество систем вроде MARHISa. Люди начали покупать их и переселяться в них добровольно. Вначале это были, в основном, смертельно больные, для которых единственным способом выжить было — оставить старое тело. Но теперь все больше и больше людей делает это. Цены упали, «жилые» компьютеры связаны между собой, и любой инфоморф может странствовать по всем системам, по всему миру. Оставляешь на всякий случай дома свою копию…

В душе Бейли вдруг проснулись подозрения.

— Подожди. — Он крепко сжал руками подлокотники. — И мы сейчас?..

Она кивнула, не отрывая от него взгляда.

Он вгляделся в океан.

— И это все — ненастоящее?

— Технология с тех пор улучшилась. Разницы уже не уловить — по крайней мере, в лучших системах. А я решила, что нам нужна самая лучшая. Я написала видеокнигу обо всем, что произошло с Готтбаумом, и она стала бестселлером. Я получила достаточно денег, и у нас есть собственный морф–бокс теперь это называется так. Мы снова можем быть вместе. Я спасла тебя из того хранилища, куда тебя поместил Готтбаум. Пришлось нанимать людей, чтобы декодировать формат. Это отняло много времени, но…

— Значит, опять эти проклятые симуляторы. — Он с силой провел ладонями по заросшему щетиной лицу. — Я–то думал, что и вправду каким–то образом выбрался. Что кто–то клонировал мне новое тело, или еще как…

Она склонилась к нему и снова обняла его.

— Но разве все это для тебя не реально? Если нельзя отличить, то какая нам разница?

Бейли, как мог, старался поддаться убеждениям. В MARHISe он был разлучен с нею и зависел от посторонней воли. Если они с Шерон действительно могут быть вместе и управлять своим миром по своему желанию — значит… все — как прежде?

— Но если ты — здесь, со мной, выходит, ты пожертвовала ради этого реальной жизнью.

— Джим, это вовсе не жертва! Жизнь здесь — это гораздо больше реальной жизни! Помнишь ту штуку, о которой ты мне рассказывал? Опытный образец экипажа, тебе показывали его в «Норт–Индастриз». ADVENT, или как его там… Теперь такие

повсюду! Можно нанять его, перекачать в свой разум — и отправляйся куда хочешь, если тебе нужен контакт с реальным миром. Теперь даже строят миниатюрные космические ракеты. Перекачиваешь в такую свою копию — и лети на Марс!

Это было слишком. Он решил вернуться к тому, в чем был уверен.

— Хорошо. Хорошо. Может, не стоит судить об этом с позиции происшедшего со мной в прошлом. Но я чувствую себя в безопасности. Как мы сможем защититься от вмешательства извне?

— Компании, производящие оборудование, устанавливают собственную электронную защиту. Это входит в конртакт при покупке морф–бокса.

— И на это можно положиться?

— Думаю, да. Все это очень ново, возникают кое–какие проблемы с законами. Инфоморф наделен всеми правами живого человека из плоти и крови, но с их осуществлением некоторые сложности. С другой стороны, Готтбаум до сих пор он–лайн, где–то там, в подполье. И, хотя действует он вредительски, похоже, теперь принялся поддерживать некий порядок. Словом, если до этого дойдет, от разных случайностей мы здесь защищены настолько же, как и прежде, когда были «из плоти и крови». А в общем, мы бессмертны.

Бейли вспомнился Баттеруорт в его ореоле отрешенности.

— Мы в безопасности, пока кто–нибудь не выключил питание. Но — что, если кончиться энергия? И как мы будем платить за техобслуживание?

— Мы ведь теперь богаты, Джим, — напомнила она. — И все так же в силах зарабатывать на жизнь. Можем работать в реальном мире в телах роботов или посредством дистанционного управления. Да как угодно! Мы можем все, что могли раньше. И даже больше.

Непреходящий энтузиазм ее оказался заразительным. Он действительно хотел поверить во все услышанное.

— А что с Дэймоном?

Она отвела взгляд, точно именно этого вопроса и боялась.

— Может быть, тебе будет трудно примириться с этим… Я все думала, как лучше объяснить, но…

— Скажи, — перебил он ее, — что с моим сыном?

— Прошло почти двадцать лет, — сказала Шерон.

И тут же Бейли услышал, как позади отворилась дверь. Он повернулся в кресле. В комнату вошел человек лет двадцати пяти; черные взъерошенные волосы, округлое дружелюбное лицо, выразительный рот… Широкими шагами направился он к Бейли.

Он был несколько смущен, словно далеко не так уверен в себе, как пытался продемонстрировать.

Бейли вопросительно взглянул на Шерон.

Она без лишних слов кивнула.

Только теперь Бейли обнаружил, что рот его раскрыт от удивления. Смущенный, он сомкнул челюсти. На глаза снова навернулись слезы — наверное, от облегчения…

Молодой человек шагнул к нему и протянул руку.

— Привет, пап.

ПРИМЕЧАНИЯ К СХЕМЕ MARHISa:

External command console = внешняя консоль

Natural language procesing = распознаватель естественного языка

Telecom and external monitor = телекоммуникации и внешний мониторинг.

Object catalog = каталог объектов

Environment catalog = каталог сред

Sheered domain = общее дисковое пространство

Personal domain = личное дисковое пространство

Stimulus converter = конвертер стимулов

Output interpreter = интерпретатор вывода

Low–level interpreter = низкоуровневый интерпретатор

Unassigned = свободно

Physical statys monitor = мониторинг физстатуса

Envir. manager = менеджер среды

Autonomic monitoring and feedback =

Operating system and command interpreter = оперативная система и интерпретатор команд.

К вопросу о катастрофе

ИСХОД.

Какая именно катастрофа произойдет на Земле, мне, в общем, все равно — главное, чтоб я один остался на опустевшей планете, свободен и невредим. Если какая–нибудь страшенная эпидемия — у меня чисто случайно оказался иммунитет, если Армагеддон — я смог отсидеться в самом глубоком бомбоубежище… Словом, в любом случае можно найти лазейку. А нужно мне немного: чтоб я был свободен наедине с миром, чтоб не вязнуть больше в этой всеобщей суете, называемой общественной жизнью, чтоб не было больше этой нудной монотонности, когда ни один месяц ни на йоту не отличается от остальных, где времени будто вовсе не существует, а действия все до единого условны и полностью лишены смысла, а палящее солнце врывается в окно и насквозь прожаривает всю комнату за исключением потолка, и серебристый свет его льется сквозь громадное пыльное стекло, и глянцево сияют крышки расставленных ровными шеренгами столов…

И вот я — наконец–то! — свободен от всего этого. Мне никогда больше не смогут досадить все эти — фу–ты ну–ты, ножки гнуты — они безвозвратно канули в прошлое, а я обрел–таки ту самую свободу, о которой было столько разговоров до катастрофы.

КАК ЭТО КОНКРЕТНО ДОЛЖНО ВЫГЛЯДЕТЬ.

Вот я присоединяюсь к червям — единственным отныне посетителям супермаркетов — и живу себе без забот на бренных останках Государства Всеобщего Благосостояния. Нахожу брошенный вертолет и парю над разбитыми лицами разрушенных городов, точно какой–нибудь нелепый допотопный птеродактиль. Париж! Транспорт, от которого раньше не продохнуть было на улицах, ржавеет теперь на земле… Бетонные зубы Нью–Йорка, изъеденные ветрами, будто кариесом, пробиваются сквозь серый утренний туман… Шагами гиганта меряю я сей всепланетный музей цивилизации, споткнувшейся на банановой кожуре катастрофы в неумолимом своем стремлении к прогрессу и свернувшей себе шею. И образы прошлого клубятся вокруг меня, будто мягкие хлопья синтетического снега…

Вот я стою у одного из углов Рокфеллер–Сентр, и душное, жаркое марево медленно струится вверх в столбах солнечного света… Дорожная пыль скрипит под моими башмаками… Машины с облупившейся краской осели на спустивших баллонах… Магазины разгромлены; содержимое их догнивает на

тротуарах… Вот я швыряю пустую бутылку в окно — и вижу, как треснуло стекло, расколовшись на фоне ватной, гробовой тишины…

Вот я в Детройте, прыгаю по ржавым автомобилям, и при этом я–просто человек, последний человек, со смехом повергающий в прах остатки машинерии, порожденной технологической культурой. В ресторане, отделанном красным пластиком, робот–официант подает мне радиоактивный ужин… Я существую, питаясь останками цивилизации — той самой, которую всегда представлял себе страшенной громадиной, нависшей над моей головой, тяжеловесной и необъятной, готовой в любую секунду раздавить меня, будто песчинку!

НОСТАЛЬГИЧЕСКАЯ НОТКА.

Вот я кручу настройку транзистора, и вдруг из него раздается звук, искаженный помехами — передача с радиостанции, все еще питаемой выдыхающимися генераторами. На проигрывателе, оставшемся включенным, заело пластинку. Игла раз за разом подпрыгивает, запинаясь за щербину в звуковой дорожке, и в эфир идет «Treat me like you did the night before», без конца повторяясь над опустевшей планетой. Да, все, все отныне лишено смысла. Канула в Лету жажда любви; страхи, подозрения — все дочиста выжег Армагеддон. И секс, и чувства…

СТРАНСТВИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ.

Освободившись от прошлого, вырвавшись на волю из удушливо–тесной клетушки (то бишь «своего места в обществе»), я могу наконец вздохнуть свободно и делать все, чего только моя левая пятка ни пожелает. Вот я несусь по ослепительно–белой пустыне в быстром спортивном авто пламенно–красного цвета, и хромировка его сверкает под палящими лучами вечного солнца. Города — железобетонные муравейники, порожденье рук человеческих — отошли в прошлое, рассыпавшись в прах.

О, странствия! Я странствую, где захочу, и «в свободе вижу мир» [здесь, по–моему, цитата; но никак не вспомнить, откуда]. Везде, от сырых и холодных холмов Шотландии до белоснежных склонов точеных пиков Швейцарских гор, изборожденных черными нитями сломаных, изъеденных ржой канатных дорог, царит покой и мир — и это уже навсегда. А глетчеры все так же ползут сквозь время в долины, точно горные реки из зеленого льда…

И СБУДЕТСЯ МЕЧТА.

Вот странствия мои окончены. Всласть налюбовавшись иссохшей мумией человеческой цивилизации, я, наконец, нашел подлинное счастье и истинную любовь! Я живу настоящей жизнью — в спокойствии и полной гармонии с окружающим меня миром,

в который закрыт вход малейшей частичке зла — после катастрофы я вполне смогу это устроить.

И тут как раз сбывается моя мечта! Я встречаю женщину–последнюю женщину на Земле. Она молода и хороша собой; она полюбила меня пылко и преданно, она повинуется мне без разговоров, и именно она — тот последний символ прошлого, который нужен мне в моем мире.

Однако я все равно останусь единственным человеком на Земле: курица, как известно, не птица, прапорщик — не офицер, а женщина — не человек. Центр моего мира — я, и только я. А она, конечно же, заживет счастливо, но будет служить мне не за страх, а за совесть, любить меня, и холить, и лелеять.

Захватывающая картина! Там, внизу, в долине лежит под грудой мусора пустая скорлупа города, символ мрачного прошлого. Над ним — я, взирающий на него с высоты, свободный от этого символа и всего, что он когда–либо мог символизировать. Я упиваюсь своей свободой, читаю книги, на прочтенье коих мне раньше вечно не хватало времени, питаюсь плодами собственного труда, вдыхаю чистый, прохладный воздух — ныне витает в нем лишь дым моего очага… Руки мои огрубели от настоящей работы, на лице — бронзовый загар и выражение неописуемого счастья! Да, я счастлив, счастлив жить в единеньи с землей и природой. Именно о такой жизни мечтали до катастрофы обитатели городов!

«ИСХОДНЫЙ» СИНДРОМ.

И привычное ранее ощущение ущемленности — а может, я просто привык воображать у себя эту ущемленность — исчезло без следа. Я, наконец, избавлен от всех и всяческих — даже тех, что от начала времен неразлучны с психикой человека — фобий и неврозов. Я нашел себя. Я стал самим собой.

Да, сейчас я больше всего хочу именно этого. Именно в возможность этого я страстно желаю поверить; именно это–по–моему — нужно мне позарез; именно этого мне — опять же, по–моему — недостает; именно это я так жажду обрести. Болезнь у меня такая — «синдром исхода». Излечиться же от нее я смогу, лишь оказавшись, наконец, в мире, который всегда рядом — кажется, стоит лишь за угол завернуть — то есть, в мире моей мечты, которая (я надеюсь!) станет после катастрофы явью. Что именно этакого случится с Землей, мне абсолютно все равно — главное, чтоб сам я остался один в опустевшем мире, свободен и невредим. А уж там я разберусь, каким образом наладить для себя счастливую жизнь!

Лабораторные грызуны

Харрис стоял в затемненной обзорной камере, перегнувшись через перила помоста, и смотрел вниз, на ярко освещенный контрольный участок. У крыс был один из пиков активности — серые зверюшки шныряли по полу, слегка присыпаному песком; некоторые, собравшись вокруг кормушек, отпихивали соседей, чтоб занять местечко получше… Один из самцов нападал на самку, забившуюся в угол со своим выводком. Крысята не выпускали сосков матери, а та, сжавшись, скалила клыки на непрошенного гостя. Перенаселенность уже возросла настолько, что матерям не хватало пространства для выращивания потомства.

Харрис не торопился уходить, хотя дежурство его кончилось уже довольно давно. Не мигая, наблюдал он за контрольным участком, зачарованный жизнью, ключом бьющей в крохотном крысином мирке. Крысы занимались своими делами — ели, спали, совокуплялись и умирали — отбивая без устали раз навсегда заданный ритм, и будто неявно намекая: крепись, человече; наблюдатель, коему достанет терпения проторчать на этом вот самом помосте достаточно долго, возможно и углядит некую закономерность либо целенаправленность во всем этом хаосе.

Дверь в противоположной стене отворилась; на секунду из коридора ворвался в темноту наблюдательской неяркий свет. О металлический помост, огибающий по периметру стены камеры, застучали каблучки, и Харрис понял, что это Лориана. Он поднял на нее взгляд. Отсветы ламп, освещавших контрольный участок внизу, придавали ее лицу странноватое выражение.

— Я уже устала тебя дожидаться, — сказала Лориана. — Ты хоть в курсе, что уже полчаса, как обеденный перерыв?

— Извини, — ответли Харрис, снова обращая взгляд на крыс. Внизу, судя по всему, вот–вот должна состояться битва вожака с очередным претендентом на его место. Крысы были очень возбуждены. Они тесно сгрудились вокруг старого самца, сплошь исполосованого боевыми шрамами, и другого — молодого, но необычайно крупного. Оскалив клыки, вожак и его противник яростно били по воздуху передними лапами. Харрис пристально смотрел вниз. Драки за последнее время — с ростом популяции– заметно участились. Мало–помалу менялась вся структура крысиного общества.

— Филипп, так ты идешь? — спросила Лориана, положив руку на его плечо.

Он посмотрел на нее, опять скосил глаза на контрольный участок, прежде чем отвернуться от него окончательно, и тяжко, с неохотой обнял Лориану за плечи. В молчании они покинули затемненную обзорную камеру.

Сумрачные коридоры исследовательского комплекса были узки и пыльны. Харрису они здорово напоминали тесный, душный муравейник, будто по заказу вырытый для скопища агорафобов. Флюоресцентные трубки,слишком уж далеко отстоящие одна от другой, бросали на волглые бетонные стены бледный, холодный «дневной» свет.

В войну здание принадлежало военному ведомству, а в буфете располагалась офицерская столовая. С тех пор в зал лишь напихали побольше столиков, согласно увеличению штатного расписания. Даже воздух, казалось, до сих пор был густо насыщен утилитарной монотонностью…

В буфете присутствовали еще несколько человек. За едой Харрис почти не разговаривал — лишь изредка отвечал Лориане односложными репликами. Его угнетала необходимость общаться. Чайный автомат в своем углу высвистывал в потолок струйки пара; через зал от Харриса с Лорианой женщина из обслуги протирала столы серой тряпкой…

Закончив есть, они отодвинули тарелки в сторону.

— Пойдем наружу, прогуляемся немного, — внезапно прервала молчание Лориана.

— Пойдем…

Харрис последовал за ней через коридор к тяжелым, двустворчатым дверям.

Всякий раз, выходя наружу из «дневного» света исследовательского комплекса под ярко сияющее солнце, Харрис чувствовал себя не слишком уютно. Он находил, что такая перемена выбивает из колеи. Сильный ветер трепал его одежду, проносясь вниз, по склону, через луг, протянувшийся, насколько хватало глаз. Вдали на зеленой траве виднелись белые пятнышки — отара овец.

Лориана взяла Харриса за руку; они перешли грунтовую дорогу, ведущую к деревне в десяти милях от комплекса, и направились к кромке обрыва. Воздух — после затхлости серых коридоров — был чист и свеж.

Остановившись бок о бок, они стали вглядываться в серо–голубую даль океана.

— Надо бы почаще наружу выбираться, — сказала Лориана. — А то ведь можно до того заработаться, что вовсе забудешь, как там, в мире…

Харрис посмотрел вдоль края обрыва, затем поднял взгляд на

здание комплекса, едва выступающее из грунта. Изначально — еще во Вторую Мировую — здесь был оборонительный укрепрайон и наблюдательный пост. Узкие смотровые щели, заменявшие окна, открывали вид на узкую полоску берега у подножья гладкого, отвесного обрыва. Бетонные стены были скошены назад, отчего строение приобретало приземисто–коренастый, тяжеловесный облик. На сером бетоне смутно проступали блеклые черно–зеленые разводы камуфляжа. Казалось, здание цепко держится за грунт корнями–точно могучее дерево, растущее из скалы.

Для возможно наидешевейшего обустройства исследовательского комплекса, который по сути своей должен быть как можно лучше изолирован от окружающего мира, трудно было бы подобрать более подходящее место.

— Что тебе все время покоя не дает, Филипп? — спросила Лориана, обнимая Харриса и заглядывая ему в лицо. Ветер растрепал ее волосы, она отбросила назад прядь, упавшую на глаза.

Свежий воздух оказал на внутреннее состояние Харриса благотворное действие. Он улыбнулся, мягко привлек к себе Лориану и поцеловал ее.

— Ты уж слишком увлекся своей работой, — сказала она, чуть отстраняясь.

Харрис вздохнул.

— Да, в этом есть нечто завораживающее — не могу как следует объяснить, что, — сказал он, глядя поверх ее головы вдаль. — Увлеченность эта оттого, что… Словом, у меня такое впечатление: если как следует запастись терпением и наблюдать достаточно долго, то в конце концов я смогу понять все. Отчего их миниатюрный социум работает именно так, а не иначе; какой во всем этом смысл — в частности, для нас, как обитателей городов…

— Филипп, но они ведь просто крысы! Может ли это быть настолько значительным?

— Ты достаточно знакома с этой работой, чтоб знать ответ. Структура их общества уже полностью изменилась–перенаселенность сказывается. Некоторые самки поедают крысят сразу после их рождения, другие просто бросают свое потомство. Средняя продолжительность жизни снизилась. Вожак по–прежнему один, однако драки происходят чаще и чаще… Стабильность их социума сошла на нет. Некоторые самцы живут так же, как и трутни у пчел, у других, похоже, проявляется склонность к гомосексуальности…

— Послушай, — перебила Лориана, — можешь ты хоть на

время выкинуть это из головы?

Он промолчал.

Издали, со склона, раздался приветственный возглас. Оба обернулись. Сощурившись, Харрис узнал Картера — одного из троицы, возглавлявшей проект — с рюкзаком и удочкой в руках.

— Поймал что–нибудь? — без малейшего интереса спросил Харрис.

Картер подошел к ним по склону и остановился передохнуть.

— Ничего особо интересного, — ответил он. — Погода, наверное, нынче не рыбная…

Взгляд его упал на Лориану.

— А вот ты нынче просто офигенно привлекательна!

Она улыбнулась.

— Благодарю вас, мистер Картер.

Да к чему такой официоз, Лорианочка?! Похоже, мы уже достаточно знакомы, чтоб быть на «ты». А значит, я для тебя просто Брайан. — Он положил ей руку на плечо. — Свежо у нас нонеча — и шикарный же причесон ветерок тебе соорудил! Я в полном отпаде!

Лориана снова улыбнулась; щеки ее слегка покраснели.

— Такое обилие комплиментов… Я просто смущаюсь.

Картер от души заржал, рука его скользнула с плеча Лорианы к запястью.

— Абсурд! Такую девушку ежеминутно должны снабжать комплиментами!

Он мимоходом взглянул на Харриса:

— Кстати, Филипп. Ты ведь сегодня со мной в вечернюю смену?

Харрис молча кивнул. Картер разулыбался и снова ржанул.

— Ну вот и ладушки. До скорого!

Подмигнув Лориане, он слегка пожал ее руку и направился к исследовательскому комплексу.

— Этот тип у меня уже в печенках сидит, — сказал Харрис.

— Да ладно тебе. Ну, пусть воображает, что он до сих пор в бойскаутах… Это на самом деле никакого значения не имеет — он ведь вполне приличный человек.

— Нет, это не из–за словечек его дурацких. И не из–за того, как он ведет себя по отношению к тебе. Исследователь из него вовсе никакой, вот что плохо. Слишком много болтает; поневоле начинаешь чувствовать, что не так уж он хорош, как желал бы показать.

Лориана пожала плечами.

— Последнее время тут слишком много сплетничают за глаза друг о друге. Я в эти штучки не играю.

— Все сейчас на пределе, — вздохнул Харрис. — Мы слишком долго дожидались каких–либо ощутимых результатов от этого эксперимента, и теперь напряжение сказалось — или только начинает сказываться и вскоре достигнет своего логического завершения.

Она вдруг подняла на него взгляд:

— Значит, ты тоже заметил…

— Что именно?

— Общую напряженность. Вспыльчивые все какие–то… Я иногда просто физически эту напряженность ощущаю. Наверное, все–от этой страшенной теснотищи. Комплекс слишком уж мал.

Мысленно Харрис был, казалось, абсолютно вне их беседы.

— Вероятно, так оно и есть, — рассеянно сказал он.

Они прогулялись немного по краю обрыва. Чайки возносились вверх в тугих воздушных потоках; ветер уносил вдаль их пронзительно–грустные крики. Белые и серые облака плыли по чистому, голубому небу — от горизонта к горизонту. Воздух был прозрачен и свеж.

— Пора бы нам и назад, — вскоре заметила Лориана. — Я сегодня в вечерней смене. Будем отсылать пресс–релизы, или еще что–нибудь в этом роде.

Они повернули назад и пошли к приземистому строению наверху. Едва они достигли входа, солнце спряталось за тучей, и громадная серая тень накрыла их.

Войдя внутрь, Лориана мимилетно улыбнулась Харрису и заспешила в отдел «внешних сношений». Харрис побрел к себе низким, гнетуще–сумрачным коридором, слегка попахивающим сыростью и плесенью. Ярко — как всегда, в любое время суток — сияли флюоресцентные трубки; ясный, свежий денек, казалось, существовал лишь за стенами здания, внутри же время стояло на месте.

Вечером Харрис дежурил в обзорной с Картером, наблюдая и фиксируя развитие событий. Тишина стояла всепоглощающая. Крысы сновали взад–вперед по своим крысиным делам под односторонне–прозрачным стеклом, ни сном ни духом не ведая о наблюдателях наверху.

Подсветка контрольного участка начала понемногу угасать, имитируя наступление ночи; наблюдатели приготовили инфракрасное оборудование. Когда свет померк, активность крыс снизилась, многие из них улеглись спать. Харрис и сам то и дело зевал. В тепло натопленной обзорной камере воцарилась полная темнота, светился лишь экран инфравизора, да подсветка шкал термометров и гигрометров.

Харрис вглядывался в экран до боли в глазах. Ему казалось,

что он уже улавливает некую упорядоченность в бессмысленности крысиных действий — будто в деятельности грызунов на самом деле наличествовал некоторый смысл либо разумность.

Затем он отметил, что в крысином мирке происходит нечто необычное. Вначале крысы просто без всякой цели сновали туда–сюда, но вскоре Харрису показалось, что животные инстинктивно стремятся к некоей определенной цели. В одном из углов контрольного участка группа из полутора–двух десятков особей выстроилась в круг, мордами внутрь. Харрис подался вперед. Такого у крыс раньше не наблюдалось. Особенно поразило Харриса то, что действовали животные слаженно, в унисон, будто ведомые чем–то…

— Странное что–то здесь происходит, — крикнул он Картеру, наблюдавшему в другом углу обзорной за группой крыс, содержавшихся вне переполненного контрольного участка. — Можешь оторваться там на минутку и взглянуть?

Однако, стоило ему произнести эти слова, круг распался, и деятельность крыс вновь лишилась всякого смысла. Теперь вся она заключалась лишь в беспорядочной беготне.

Обогнув обзорную, Картер подошел к Харрису и взглянул на экран.

— Уже все, — сказал Харрис. — Они здесь выстраивались в круг — точно преследуя некую определенную цель… И действовали они, похоже, сообща.

— Ты, Филипп, наверное, на экран слишком засмотрелся, — предположил Картер. — В инфракрасном свете это все очень уж монотонно выглядит, ну и начинаешь всякие такие штуки видеть… Понимаешь?

— Да я не… — начал было Харрис, но тут же понял, что лучше не спорить. Его разум тщательно анализировал происшествие, и задним числом Харрис был абсолютно уверен: крысы действовали, будто ведомые — ведомые чем–то непонятным…

И тут ему припомнился еще один факт, от коего происшедшее становилось еще более странным. Когда он окликал Картера, несколько крыс взглянули вверх — как раз перед тем, как разбежаться из круга — точно могли увидеть что–либо сквозь два слоя звуконепроницаемого, односторонне–прозрачного стекла. Точно услышали его, Харриса, голос…

Лориана пришла к нему на следующее утро. Харрис писал, сидя за своим столом.

— Филипп, можешь помочь? — с порога спросила она. Харрис отложил ручку — он даже обрадовался поводу отдохнуть.

— Заходи, рассказывай. Что у тебя там стряслось?

— Вот объяснил бы мне кто–нибудь, как разместить девятерых в восьми комнатах! У нас появились две новых «машинистки со знанием стенографии» — чтоб отчетность вести, не иначе — плюс еще несколько журналистов из научной периодики ночевать остаются, да еще расширение штатов лаборатории… Филипп, ну какого дьявола, что им тут — медом намазано?.. У нас и так теснотища — шагу не ступить.

— Ну, с этим — к директорам проекта, — ответил Харрис. — Кстати, ты уполномочена двигать перегородки и менять планировку? Технически ведь это предусмотрено. Если сделать комнаты чуть меньше…

— Но ведь они и без того слишком уж маленькие!

— Сам знаю. А ты что — другое решение можешь предложить?! Смешно даже надеяться, что кто–нибудь согласится остановиться в деревне — до нее десять миль, и рейсового транспорта–никакого! Да хоть бы и был — жилья там, похоже, все равно не сдают!

— Филипп, не ори на меня!

— Я не ору — просто объясняю тебе очевидное! Мне показалось, тебе надо все разжевать да в ротик положить, иначе черта с два что поймешь!

— Не хочешь с мной разговаривать — так и не разговаривай!

— Ну и не стану!

Несколько секунд они молча взирали друг на друга. Внезапно Лориана, глубоко вздохнув, отбросила со лба прядь волос.

— Филипп, что это с нами? С чего мы так развоевались?

Харрис вдруг понял, что сидит в кресле, и каждый мускул его натянут, как струна.

— Не знаю, — сказал он. — Ты об этом вчера говорила, да? Атмосфера здесь такая — напряженнная…

— Во всяком случае, я буду только рада, когда все эти исследования кончатся, — точно сама себе сказала, наклонив голову, Лориана. — Пока, Фил.

Харрис задумчиво посмотрел ей вслед.

В буфете было не протолкнуться; дым сигарет пополам с кухонным чадом только что не ел глаза. Гул голосов, лязг ножей и вилок разом обрушился на Харриса, едва тот ступил на порог. Очередь у прилавка самообслуживания была длинной и продвигалась крайне медленно. От жаркой сырости воздуха по всему телу выступила неприятная испарина.

Наконец Харрис «самообслужился» и, держа на весу поднос с едой, принялся оглядывать зал в поисках Лорианы. Вдруг он увидел, что Лориана сидит в противоположном углу, за одним столиком с Картером — его рука лежит на ее плечах, а она

заливисто смеется над какой–то из его баек.

В голове Харриса будто что–то взорвалось.Он протолкался к их столику и брякнул на него поднос.

— Какого хрена?!! — заорал он во весь голос, однако крик его потонул в общем гвалте.

Картер изумленно поднял взгляд:

— Филипп, чего это ты?

— Это ты «чего»?!! — продолжал орать Харрис. — Здесь что–других баб недостаточно, чтоб грабли свои поганые им по плечам раскладывать?!

Картер встал, лицо его побагровело.

— Слушай — кончай–ка давай на меня наезжать…

— И забудь, ради бога–господа, эти бойскаутские словечки!

— Ну ладно, Филипп, ладно. Только — чем же ты именно недоволен? Чего конкретно от меня хочешь? И какое имеешь право надо мной распоряжаться?

— Если б ты не был моим начальством, небось не стал бы таких штучек выкидывать!

— Должности здесь ни при чем, и ты это прекрасно понимаешь. Из–за чего вообще так шуметь? Не лучше ли просто без скандала удалиться — и дело с концом? Просто — оставить нас в покое.

— Я должен оставить тебя в покое?!

Харрис отшвырнул свой поднос — тарелки загремели по полу — и сгреб Картера за грудки, крича ему в лицо нечто невнятное. Окружавший Харриса мир сузился — он забыл обо всем, кроме Картера, с которым непременно следовало сделать что–либо как можно более ужасное. Гул голосов придвинулся вплотную, но он все бил и бил, не обращая внимания на разбитые костяшки и попытки окружающих оттащить его от ненавистного Картера.

Чья–то рука вцепилась в его плечо. Харрис обернулся, чтоб оттолкнуть вмешавшегося, но поскользнулся. Падая, он ударился об угол столика головой и потерял сознание.

Сам он понял это, открыв глаза через несколько секунд и увидев толпу народа вокруг и склонившуюся над ним Лориану. Голова болезненно пульсировала, но все же туман перед глазами понемногу рассеивался. Ярость, так внезапно вскипевшая в нем, исчезла без следа; теперь чувства его были притуплены и вялы.

— Что на тебя нашло?! — кричала Лориана.

Харрис моргнул, его вдруг затрясло. Поднимаясь с пола, он увидел, что Картер все еще лежит на столике — обмякший, все лицо в крови. Харрис встал — толпа подалась назад.

— Что случилось? Что здесь было? — спросил он. В буфете разом наступила мертвая тишина.

— Его… в изолятор надо бы, что ли… — сказал Харрис, отнюдь не уверенный, что в словах его наличествует хоть капля логики–точно за него говорил кто–то другой.

Картера, еще не успевшего оклематься окончательно, кое–как вывели в коридор; в буфете же возобновились прерванные разговоры. Вскоре шум достиг своего прежнего уровня. Посторонний наблюдатель счел бы, что помещение переполнено существами, производящими действия, полностью беспорядочные и бессмысленные: вот они собираются группами возле автоматов с чаем и кофе, выстраиваются вдоль прилавка самообслуживания, толкаются немилосердно, желая обслужиться поскорей…

Через два дня Лориана вновь нашла опоздавшего на обед Харриса в обзорной. На этот раз она молча встала рядом с ним и тоже устремила пристальный взгляд вниз. Когда–то в этом помещении планировали крупные военные операции — служители внизу перемещали по большой карте Европы, нарисованной на бетонном полу, силы наземные и воздушные, а там, где ныне стоял наблюдающий поведение крыс Харрис, располагались офицеры…

Наконец Лориана заговорила:

— Тебе уже сказали?.. Насчет того, какие меры будут приняты в отношении?..

— Да уж слышал утренние новости, — спокойно ответил Харрис. — На инцидент сей просто посмотрят сквозь пальцы. Там кое–какие смягчающие обстоятельства, да вдобавок — сколь–нибудь существенных телесных повреждений Картеру не нанесено. Я думаю, начальство озабочено общим развитием событий гораздо больше, чем нашей пустячной стычкой в буфете.

— То есть?..

— Напряженность, о коей мы уже говорили, рвется наружу через самое примитивное насилие. Прошлым вечером произошли еще две драки: пара студентов–лаборантов, да еще один рабочий, не поделивший что–то с неким журналистом.

Предмет разговора, казалось, нисколько не занимал Харриса–говорил он без всяких эмоций, но внезапно оживился:

— Смотри, смотри — вон! Возле кормушек, большая такая.

Большая крыса возле кормушек набросилась на меньшую, схватила ту за шкирку и бросила об пол, присыпанный песком. Меньшая крыса, видимо, сильно раненая, дернулась и замерла, большая же поспешно захватила освободившееся место у кормушки.

— Интересно, — сказал Харрис. — И такое происходит все чаще. Погоди–ка… А вот и мусорщики!

К телу жертвы осторожно подобрались две тощие, нервозные

крысы. Они принялись оттаскивать трупик в сторону, вгрызаясь в него по дороге.

Лориана, не в силах оторвать взгляда, с отвращением смотрела вниз.

— Обычно так не бывает, — заметил Харрис.

— Им что — еды не хватает? — поинтересовалась Лориана.

— Еды у них — выше головы. Однако животные кормятся только в определенные промежутки времени и всей популяцией сразу. В остальное же время активность у кормушек резко падает, очень немногие к ним подходят.

— Вот странно. Совсем как у…

— Как у людей?

Лориана промолчала.

Харрис вновь уставился на крыс. Те внезапно — все разом– отбежали от кормушек и забегали без всякой видимой цели, будто в поисках чего–то неведомого. Харрис затаил дыхание. Крысы явно начали собираться в круг. Двигались они неуверенно, однако в целом действовали синхронно и целенаправленно. И снова Харрис смутно почувствовал, что действия их скоординированы кем–то… А крысы выстроились — мордами внутрь — в почти правильный круг и замерли.

Харрис открыл было рот, собираясь что–то сказать, но вдруг сознание его сделало резкое сальто. Рядом оцепенела, затаив дыхание, Лориана. Сознание Харриса словно раскрылось и разлилось вширь, будто рухнула в мозгу его некая перемычка, о существовании которой он и не подозревал ранее. Казалось, он вдруг осознал сразу весь исследовательский комплекс, всех и каждого, с кем он общался последние несколько месяцев. И Лориана, стоящая рядом… Он внезапно почувствовал, что знает ее — ее личность и разум — гораздо лучше, чем когда–либо до этого. Будто нашел малюсенькую лазейку в ее разум. А в целом чувство, возникшее в нем, было чувством единства, единомыслия — с Лорианой, со всеми и каждым, кто находился в здании. Это было потрясающе.

А затем все кончилось — без всяких видимых причин. Харрис ухватился за железные перила, чтоб удержаться на ногах — у него страшно кружилась голова. Он посмотрел на Лориану — та мелко и часто дышала слегка приоткрытым ртом. Было ясно без слов: она только что чувствовала в точности то же самое.

Харрис поспешно обернулся к крысиному мирку — крысы вели себя как ни в чем не бывало; они вновь столпились у кормушек.

— Ты… Ты видел, что они только что делали? — крикнул он дежурному, сидевшему в противоположном конце обзорной.

— Видел, — отвечал тот. — Это за мою смену уже второй раз. Как по–вашему, мистер Харрис, что бы все это значило?

— Не знаю, — ответил Харрис. — Явление принципиально новое. А скажи… — Он едва отважился задать этот вопрос. — Ты ничего такого сейчас… не заметил? Вообще — не чувствовал чего–либо… непривычного.

— Но, мистер Харрис, что вы конкретно имеете в виду? Не могу сказать, что чувствовал какие–либо отклонения от нормального состояния…

— Да нет, ничего конкретного. Должно быть, это чисто субъективное.

Харрис взял Лориану за руку, и оба они покинули темную обзорную камеру. Судя по выражению ее лица, она определенно разделила с Харрисом необычное чувство — было оно чисто субъективным или не было.

На следующий день, вернувшись с дежурства, Харрис нашел свою комнату в состоянии полного хаоса.

— Извиняюсь, сэр, — буркнул крепко сложенный человек, вытаскивавший в коридор кровать Харриса, — переселяют вас. Ваша комната теперь — номер тридцать два.

— А для чего все эти переселения?

— А, это из–за тех ученых, да прочих, которые въезжают, — охотно объяснил человек, приостановившись на минутку. — Надо их где–то размещать, и вся планировка опять вверх тормашками пошла — чтоб кровати новые куда–нибудь втиснуть. И все одно, сдается мне, места на всех не хватит. Не удивлюсь, если кое–кого и в коридор поселят.

Он ухмыльнулся, рассыпался в задышливом смешке и снова взялся за кровать Харриса.

Харрис раздраженно попихал свои пожитки в чемодан, кое–как связал вместе книги да бумаги и, нагрузившись, побрел узким коридором на поиски номера тридцать два.

Тесное здание было битком набито людьми, толпящимися повсюду. Многие, как и сам Харрис, тащили в руках чемоданы. Атмосфера становилась душной и угнетающей; сходство комплекса с муравейником заметно усилилось.

Наконец он отыскал свою новую комнату. Стоя в дверях, он чувствовал нарастающее удивление. В комнате едва помещалась кровать, да еще туалетный столик, который, похоже, только чудом удалось втиснуть в эту тесную клетушку. Ни кресла, ни стола, ни гардероба…

Глубоко вздохнув, Харрис шмякнул свою ношу на кровать и вышел в коридор.

С Лорианой он условился: никому не рассказывать о

странном явлении, происшедшем с ними накануне. Скандала в буфете, завершившегося избиением Картера, причины которого Харрис и сам до конца понять не сумел, с избытком хватило, чтоб быть занесенным в разряд потенциально неуравновешенных. А доклад о странном — парапсихологическом, можно сказать — явлении только усугубил бы ситуацию.

Подобного, насколько они могли судить, не чувствовал больше никто. Интуиция Харриса подсказывала ему, что это — в своем роде результат связи его с Лорианой крепкими, так сказать, узами сердца, однако то были лишь интуитивные догадки, не подтверждавшиеся ничем конкретным. Происшедшее очень уж отдавало нереальностью, как нельзя более соответствовавшей странной, потусторонней какой–то атмосфере, царившей в исследовательском комплексе и становившейся все более и более привычной и самой по себе разумеющейся — словно исследователи вовсе позабыли о существовании мира вне комплекса. А внутри этой толстенной бетонной скорлупы постоянный «дневной свет» и неменяющаяся температура воздуха создавали впечатление безвременья, маленького мирка, накрепко изолированного от всей остальной вселенной. Обстоятельства сии, вкупе с постоянным близким соседством коллег, создавало вначале подавленное настроение, а затем всем все стало до лампочки.

Вот если бы это произошло в нормальной, повседневной обстановке, а не в полностью перековерканной эмоциональной атмосфере, царящей в комплексе, Харрис, скорее всего, отказался бы верить своим собственным чувствам. Однако в данный момент он был почти полностью поглощен проектом и той рукотворной средой обитания–да нет, какое уж там «почти»… Как и многие другие, он больше не утруждал себя вылазками наружу ради моциона либо свежего воздуха; все дольше и дольше просиживал он в обзорной, наблюдая тесный, замкнутый крысиный мирок. В нем все крепло и крепло чувство, что надвигается нечто чрезвычайно важное, оно с каждой минутой все ближе и ближе, хотя пока что всегда остается самую чуточку за гранью понимания.

Все же он, хоть и смутно, но отдавал себе отчет в своей нездоровой поглощенности работой и сознавал, что остальные обитатели комплекса грешат тем же. Он вполне мог осмыслить перемены, коим подверглись его интересы, образ жизни — даже образ мыслей — под давлением угнетающей атмосферы тесного, переполненного здания.

Конечно, иногда он осознавал, что как раз этого и добивался, что полное растворение в обществе являлось конечной целью,

логическим завершением. Порой мелькала мысль о том, что за потерю связи с реальностью и полное — не просто в качестве стороннего наблюдателя — включение в безвременье и перенаселенность он заплатит временной потерей способности к рациональному мышлению, а, возможно, и физическим здоровьем…

Хотя Харрис не в силах был изложить свои выводы в словах, хотя никаких доказательств происходящему с точки зрения разума он не видел, но тем не менее отчетливо чувствовал принужденность: что–то руководило большей частью его действий. Вероятно, лориана тоже чувствовала нечто в этом роде. Точно так же люди принимают наркотики все в больших и больших дозах, отчамянно пытаясь достичь своей цели — понимания и завершенности — ради которой в жертву приносится все: пища, отдых, да и самая жизнь. Но в этом случае существует хоть слабенькая надежда на то, что цель не иллюзорна…

Итак, Харрис стоял в наблюдательской, полностью сосредоточившись на переполненном крысином мирке внизу, пергнувшись через перила помоста, глаза расширены и не мигают… Вне своих дежурств он также проводил в обзорной столько времени, сколько мог. Крысиный социум продолжал развиваться в новом, непостижимом направлении. Фанерные домики, предназначавшиеся для удобства самок и их подрастающего потомства, были заняты самцами, самки же растили детишек на любом случившемся под рукой свободном пространстве и нервно скалились друг на друга. Самцы же время от времени таскали в домики всякую всячину: кусочки металла, отгрызенные от кормушек, щепки…

Ритуал, отмеченный впервые Харрисом и заключавшийся в том, что полтора–два десятка крыс выстраивались в круг, повторялся все чаще и чаще и стал уже привычным. Однажды Харрис наблюдал его вместе с Лорианой и опять почувствовал то же непонятное единомыслие, и — как и в прошлый раз — смог осознать весь исследовательский комплекс в целом. Однако на этот раз импульс был не так силен — он, казалось, был просто кратковременной остановкой на медленном пути к некоей неясной цели. Чувство не было таким чуждым и пугающим, как прежде; оно стало естественной принадлежностью той непривычной замкнутости, которую он осознавал в себе.

В ожидании результатов он продолжал терпеливо наблюдать. Иногда к нему присоединялись другие исследователи. Чувство завороженности нарастало; ясно было: эксперимент достиг той фазы, когда от него уже можно ожидать конкретных результатов.

Комплекс посещали представители других областей науки и оставались в нем, надеясь, что предстоящая большая научная победа вот–вот будет достигнута. Все больше и больше народу скапливалось в здании.

— Мы все будто чего–то ждем, — заметила Лориана через несколько дней. — Все обо всем, кроме эксперимента, позабыли.

— Теперь ждать уже недолго, — бесстрастно сказал Харрис.

Они сидели в его комнатушке, тесно прижавшись друг к другу. Вскоре Харрису следовало заступать на дежурство.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Это не может длиться долго — я чувствую, что не может. Это — наподобие давления, но не разрушающего, а наоборот, от него сплоченность еще больше.Я с каждым днем укрепляюсь в чувстве, что все это в любую секунду может оборваться, и наступит такое громадное облегчение…

— Ты была бы права даже с одной практической точки зрения, — сказал Харрис. — Каждый фактор близок к своему максимуму. Мы уже не сможем еще меньше спать, или собрать здесь еще больше народа, и — у меня такое ощущение — не сможем сплотиться лучше, нежели в данный момент.

Он встал и принялся расхаживать взад и вперед — к дверям и обратно. Лориана некоторое время молча смотрела на него.

— Хорошо, — наконец сказала она, — на этот раз я пойду с тобой.

В очередной раз дойдя до двери, Харрис не повернул обратно, а вышел в коридор. Лориана последовала за ним.

Похоже, туда устремились сразу все: в коридорах не протолкнуться было от людей, следовавших в том же направлении. Всюду Харрис видел людей, знакомых настолько, будто он тесно общался с ними всю свою сознательную жизнь. Все были сплочены так, что сам Харрис и все прочие уже попросту не замечали присутствсия посторонних. Сплоченность перешла на качественно новый уровень.

Едва они достигли обзорной, откуда–то извне донесся тяжелый рокот. Харрис огляделся, рассеянно отвлекшись на шум, и понял, что это — всего лишь гроза. Снаружи, должно быть, штормит…

Народу в обзорной было — что сельдей в бочке. Уж не сейчас ли произойдет ожидаемая развязка, подумал Харрис, хоть сам не ожидал этой развязки так скоро. Такое множество людей, собравшихся здесь одновременно, могло быть и простым совпадением, но Харрис надеялся, что это не так.

Раздался второй удар грома, дождь едва слышно шуршал по бетонной крыше.

Всеобщее внимание было сфокусировано на переполненном

крысином мирке. В поведении крыс появилось еще кое–что новенькое: активность за последние дни снизилась, и грызуны лежа дремали, либо сомнамбулически проползали небольшие расстояния, будто это стоило им неимоверных усилий. Глаза их — тусклые, немигающие–поблескивали в свете ламп, освещавших контрольный участок.

Харрис закусил губу и насторожился: любое — малейшее! — движение крыс устремлено было на формирование одного громадного круга!

Сзади и по бокам в обзорную втискивались люди. Они теснились на помосте, огибавшем помещение по периметру, и никто не замечал ничего, кроме крысиного мирка внизу. В конце концов приток людей сократился, утихла и отвлекающая суета. Атмосфера напряженного ожидания ощущалась чуть ли не физически; со стороны все происходящее очень напоминало спиритический сеанс. Чувство обитания в полувоображаемой, полностью чуждой среде стало непреодолимым; никто уже не мог бы сказать точно, что же такое реальность. Ученые и прочие работники комплекса стояли на помосте и в молчаливом ожидании взирали вниз, а крысы двигались все меньше и меньше и наконец полностью сформировали круг.

Харрис ждал этого момента, однако был выведен из равновесия единственно переполнившими его чувствами. Сознание его раскрылось, от чувства всепонимания, всеведения перехватило дыхание. Он почувствовал единство с каждым человеком в обзорной; его глаза были их глазами, его разум — их разумом. Все, присутствовавшие в обзорной, превратились в единое, взаимосвязанное целое.Сопротивляясь эйфории, готовой вот–вот перебороть его сознание, Харрис посмотрел вниз. Крысы были заняты чем–то, совершенно не поддающимся пониманию; один из домиков для потомства был перевернут, из него высыпалась груда каких–то мелких предметов.

Он схватил Лориану за руку и показал вниз. Крысы действовали слаженно, точно колонна муравьев или стая перелетных птиц, но слаженность их была иного рода — в данном случае она говорила о наличии разума. Крысы собрались в углу — там, куда, как Харрис отлично помнил, была подведена труба для пополнения кормушек. В зубах и в лапках крысы держали маленькие, блестящие предметы–совсем как инструменты. Они, насколько можно было видеть, принялись ломать лючок, закрывающий трубу, одновременно подкапываясь под него.

Чувство единения, причастности к подавляюще огромному коллективному разуму, все еще заглушало прочие чувства. Многие потеряли сознание, остальные вели себя, точно пьяные.

На этот раз все присутствующие подверглись влиянию чувства, испытанного ранее Харрисом. Теперь на крыс обращали внимание лишь немногие. Люди шатались, падали, некоторые с пораженным, озадаченным выражением на лицах, стискивали руками головы. То тут, то там раздавался женский визг. Беспорядок быстро стремился к состоянию «ада кромешного».

Харрис, ухватившись одной рукой за перила, поддерживал другой Лориану. Снаружи — сильнее прежнего — раздался еще один удар грома, добавивший в обзорной шума. Пригодного для дыхания воздуха, казалось, не осталось вовсе — система вентиляции не справлялась с таким огромным количеством дышащих существ. Харрис стоял, тяжело дыша, все еще подвластный очарованию зрелища.

А крысы — с помощью своих примитивных инструментов, собранных за последние несколько недель — уже взломали лючок в трубу для подкормки. Скоро они смогут выйти наружу через простую откидную крышку в верхнем конце трубы…

Они бегут, внезапно понял Харрис, они бегут, чтобы выжить! Всепонимание, объединявшее их, подсказало им, что обездвиживающая, ограниченная среда контрольного участка может привести лишь к медленной смерти их социума — а, значит, и его членов…

— Что случилось?! — закричала Лориана сквозь шум в обзорной, эохм отражавшийся от бетонных стен, в самое ухо Харриса. Грохнул и раскатился еще один удар грома — и опять громче прежнего. — Что происходит!?

Не успел Харрис начать объяснения, как прогремел последний раскат грома, и здание содрогнулось. Посмотрев вверх, Харрис не поверил своим глазам. Бетонная крыша раскололась пополам; громадный обломок рухнул вниз, разбив стеклянную крышу крысиного мирка.

Лампы погасли.

Прижав к себе Лориану, Харрис начал наощупь, сквозь толпу обескураженных, сбитых с толку людей, пробиваться к выходу. НЕожиданно он понял, что чувство гештальта пмонизилось настолько, что он только смутно осознавал его.

Раздался еще один удар грома, от которого, казалось, дрогнул пол. Харрис представил себе раскалывающуюся скалу и отходящий от нее край обрыва, и принялся еще отчаяннее проталкиваться к выходу. Металлический помост заскрипел и медленно просел под тяжестью человеческих тел; наружная стена раскололась и в помещение хлынули струи дождя. Во внешнем мире была ночь; тусклый свет луны просочился в обзорную и осветил людей, дерущихся за то, чтоб найти, наконец, точку

опоры и пробраться к выходу.

Крысы без всякого смысла сновали вокруг; одна из них вонзила зубы в лодыжку Харриса. Отшвырнув крысу пинком, он пролез в дыру, зияющую в стене, таща за собой Лориану.

Дождь снаружи лил, как из громадного, бездонного ведра, и в несколько секунд они промокли до нитки. По небу бежали многочисленные грозовые тучи, временами закрывавшие луну.

Они остановились поодаль от исследовательского комплекса и встали, глядя, как сквозь дыру выбираются остальные. Грунт в одном месте осел, и от этого здание почти раскололось пополам.

Мысли в голове Харриса безнадежно перепутались. Глубоко вдохнув холодный, сырой воздух, он едва не задохнулся. Сколько же времени прошло с тех пор, как он последний раз выбирался наружу? Внутри комплекса время перестало что–либо значить, и теперь сложно было вот так, сразу, переключиться на внешний мир.

Он попытался выбросить из головы беспорядочные эмоции и разобраться в том, что случилось за последние минуты хаоса в обзорной.

Лориана крепко прижалась к нему; волосы ее намокли и липли к коже.

— Все равно не понимаю, что произошло, — сказала она. — Я вообще с громадным трудом только смогла бы теперь описать все это, или даже просто представить… Вроде воспоминаний о другом мире.

— Крысы открыли коллективный разум, — пояснил Харрис. — Вот такой точно гештальт, какой мы чувствовали. Вероятнее всего, это у них получилось вполне естественным путем. Когда перенаселенность достигла предела, когда все вокруг стало до предела близким и хорошо знакомым, когда ни один день ничуть не отличается от всех остальных, а пространство ограничено, причем демографическое давление ощущается постоянно, между особями внутри социума формируются вот такие связи. А, собираясь в круг, крысы, должно быть, инстинктивно стремились достичь того, что чувствовали мы. Они открыли простейшее средство общения–коллективный разум. Совсем как у пчелиного роя…

— А почему мы тоже почувствовали?

Харрис обнаружил, что его бьет дрожь — частью из–за пронизывающе–холодного ветра, частью из–за внезапности обрушившихся на него перемен. Он будто заново родился; после многонедельной тесноты исследовательского комплекса открытое пространство сбивало с толку.

— Люди, — проговорил он, — так и не поняли, что наш

человеческий социум развивался абсолютно параллельно изучаемому нами крысиному. Прогрессирующая перенаселенность вкупе с ограниченностью жизненного пространства; образ жизни, совершенно чуждый и даже никакой связи с привычным не имеющий… Все — то же самое.

— Эти обстоятельства и породили гештальт, который мы чувствовали в обзорной камере. Только вот — почему же раньше это распространялось лишь на нас двоих?

Он помолчал, размышляя.

— Если я не ошибаюсь, и все, что с нами случилось, суть прямое следствие прогрессирующей перенаселенности и продолжительного близкого контакта с окружающими — то в том факте, что вначале гештальт чувствовали только мы, ничего странного нет. Мы к тому времени уже достигли взаимопонимания с каждым из обитателей комплекса.

— И это чувство, создаваемое крысами, проявлялось и у нас?

— Да. Вероятно, наличествовала какая–то связь их сознания с нашим… Равновероятно и наличие каких–либо других факторов. Я только теперь смог все случившееся описать словами, а в комплексе мог лишь интуитивно чувствовать и и подсознательно осмысливать свои переживания…

Он поднял взгляд: из пролома в крыше здания внезапно вырвался ослепительно–белый огненный столб. Вскоре пожар уже бушевал вовсю; языки пламени плясали в воздухе, озаряя светом луг на склоне горы. Выбравшиеся из здания люди окружали пожарище рваным кольцом — темные силуэты на фоне яркого пламени…

— Сырость; наверное, закоротило где–нибудь, — сказал, наполовину про себя, Харрис. — Вот и конец нашему комплексу.

От здания во все стороны разбегались крысы.

— Вот этого они и добивались, — продолжал Харрис. — Открыв коллективный разум, они не могли не понять, что, как сообщество, долго не протянут — разве что найдут способ вырваться на свободу. Что ж, они своего добились, однако от этого им явно не стало намного лучше. Ты заметила, когда мы перестали ощущать гештальт? Сразу, как только среда перестала быть замкнутой. Как только здание раскололось…

Мокрыми, холодными губами Лориана поцеловала его в щеку.

— Все факты и завтра не поздно будет сопоставить, сказала она. — А сейчас — не полезней ли вспомнить, что до ближайшего жилья десять миль?

Харрис улыбнулся:

— Все никак не могу отключиться от мира, созданного нами в

комплексе. Очень уж яркий он был, хоть и не имел никакой связи с привычной реальностью…

— Идем, идем, — настойчиво сказала Лориана, — транспорт какой–нибудь поищем. Должен же кто–то заняться эвакуацией.

И они поспешили сквозь дождь, прочь от догорающих останков тесного, скученного мирка.

Пульс Нью–Йорка

В то утро небо было ярко–голубым, а все, что случилось, случилось за ночь. Рухнули болшие многоквартирные дома. Транспорт остановился. Припасы из супермаркета грудились в темноте, а через улицу взбухал, точно хлеб в печи, курган из бакалейных лавок. Я сам видел толпу пешеходов, вырывавшихся от пожарного гидранта, и пассажирский автобус, колеса которого по оси ушли в асфальт…

Постель скомкана. Солнечный свет струится в окно. Цветы на подоконнике извиваются, вздымают вверх свои нездорово–коричневого цвета побеги. Отопление барахлит–стучит, дребезжит, булькает, и вся стена в испарине.

Ночью она вынула из холдильника бутылку пепси — 16 унций, винтовая пробка, посуда возврату не подлежит, упак. 8 бут. — $ 2.40. На самом–то деле пепси ей не хотелось — рассеянно отглотнула пару раз и оставила открытую бутылку на полу у кровати. Конечно, до утра все выдохлось. Перешагиваю по дороге на кухню.

Запихиваю в рот горсть колечек «сухого завтрака», роюсь в коробке на предмет выигрышного купончика, запиваю молоком с витамином D, а чашку сую в раковину с грудой грязной посуды, где тараканы уже совсем освоили останки нашего вчерашнего арбуза.

Включаю радио, прибавляю громкость, ухожу в другую комнату и забываю о нем. Обтираюсь салфетками — губы, щеки, веки, уши, зад, подмышки… Салфетки все скатываю в шарики.

Подбираю с пыльного пола одежду. Гляжу на улицу сквозь пыльное стекло окна, а тем временем обрызгиваю из пластиковой бутылочки лицо, волосы… Утро; хватит спать.

Нет, правда, что же было вчера вечером? Новая трещина в дверной филенке… Задвижка на оконной раме распилена… А что творилось на пожарной лестнице? А на автостоянке за «приличными» кварталами? А этот старый матрац откуда взялся?

А кто б его знал… Ночь ведь уже прошла.

Тем летним утром все в городе отключили отопление и врубили кондиционеры. Еще бы — температура воздуха поднялась вдруг на целых десять градусов; в такую погоду куда как приятственней, если дома прохладно.

Деловые кварталы в конце Шестой Авеню выросли вновь, точно культуры кристаллов, питаемые рассеяными в воздухе химикалиями. Грани их ослепительно сияют на солнце, а внутри снуют по ворсистым коврам секретарши, звенят звоночки

лифтов…

Одинокий беглый оргазм в киношке на Сорок Второй–стрит: на экране хипп задрал своей девчонке юбку, развел ей ляжки, а камера чуть ли не внутрь въехала! Выхожу наружу — и вновь ясный, пыльный денек смывает в сознании моем скупые следы ночных впечатлений. Мягкая булочка, вареная говядина, капуста в салате хрустит; ледяная вода, алюминевая фольга, скомканый доллар–составляющие процесса приема пищи.

А что же поделывала она? Села не на тот трамвай, пришлось хватать такси, чтоб вовремя попасть к доктору на прием; посеяла где–то направление, да и все равно слишком уж опаздывала, так что вполне можно было никуда не ходить — какая разница, в конце–то концов — одним осмотром больше, одним меньше… Пообедав, она купила дамский журнал и около часа просидела с ним на скамейке в Мэдисон–Сквер–Гарден. Поехала домой, приняла душ, переоделась, «нарисовала на морде лицо», пару раз отглотнула из следующей бутылки пепси — 16 унций, винтовая пробка, посуда возврату не подлежит, упак. 8 бут. — $2.40; обнаружила орущее радио, переключила его на другую станцию, покинула ради телевизора и чтения еще одного дамского журнала — тот, первый, забыла в метро. Решила было, на какой фильм сегодня пойти, перерешила, переперерешила, позвонила подруге, болтала с ней где–то так с полчаса, переделала макияж — использованые салфетки уже не помещаются в мусорную корзинку — включила автоответчик, выглянула в окно…

После кино. Иду мимо Сентрал–Парк. Транспорт железной змеей течет по улице; изломанный асфальт бел в свете фар. Хищно–настороженный, зацикленный на возможной угрозе пешеход; споткнулся. Только узловатые руки мелькнули, поднятые к лицу с четкими, точно вычеканеными, чертами; блеснул пыльный, неровный металл; выхлоп урчит неумолчно…

Сдавленный крик…

Из окон, зияющих беспорядочно в темном монолите стены, выглядывают украдкой сквозь гнутые, ломаные жалюзи, обрамляющие ржавые «эр–кондишн», призрачные лица сограждан наших. Позади, в обшарпанных комнатушках, мерцают телеэкраны.

Машины всасывают истощенный воздух; пыль и гарь клубятся вокруг. Кислород иссяк. Движение замедляется, двигатели умирают. Машины дергаются судорожно, точно куча задыхающихся тараканов. Фары желтеют, затухая. Слабеют рессоры, спускают шины. Пронзительно скрежещет холодеющий металл.

Выхожу из метро, направляюсь домой, на Первую Авеню.

Вокруг пусто — даже в круглосуточных магазинчиках никого. Ночь крепко, властно вступила в свои права.

Смутное предчувствие беды: тяжелые фигуры движутся сзади по тротуару. Двое, приблизившись, обходят меня с двух сторон:

— Как, Фрэнк, вломим этому?

Три шага — бесконечно длинных…

— Да ну его…

Удаляются в темноту.

Иду по сизоватому ущелью Десятой–стрит, обхожу груды мусора, засохшую блевотину, ржавые автомобильные крылья, бутылки из–под кока–колы, разные железяки, ссохшиеся кучки экскрементов, хрустких на мертвом бетоне…

Сзади раздаются шаги, и я бегу. Вбегаю на пожарную лестницу; ржавые стойки ее, будто костлявые руки, тянутся вверх, к светлому пятнышку луны… Голень моя напарывается на проволочный трос; проволока вонзается в ногу, сдирает кожу, будто розовую кожурку с яблока. Падаю, разбиваю лицо об изъеденную ржавчиной канистру. Башмаки, подбитые гвоздями, печатают брайлевы точки на моей спине.

Мимо сломаных почтовых ящиков вхожу в подъезд. Из–под лестницы ужом выскальзывает наркоша, обторчавшийся в хлам; нож в трясущейся руке целит мне в горло. Спотыкаясь, бегу по загаженным ступеням вверх; воздух, пропитанный запахом мочи, рвет легкие, лампочки пляшут перед глазами, грудь болит нестерпимо. С громким лязгом захлопываю за собой обитую железом дверь; бешено бьющееся сердце мало–помалу успокаивается.

Лежу на пыльном полу пустой моей квартирки. Мебели уже нет. Полусонные видения… И вдруг вскакиваю, напряженный, встревоженный: в оконную задвижку вгрызается пилка вора. Вот задвижка перепилена — и я достаю его глотку концом дубинки, сделанной из спиленного бильярдного кия. Он медленно падает, кувыркаясь на лету, точно спортсмен–ныряльщик, и расплескивается на твердом, черном асфальте.

Свет уличных фонарей отражается в поднятых вверх глазах десятитысячного скопища громил–уголовников, толпящихся внизу в алчном ожидании. И, едва я берусь за дверной засов, чтобы вдвинуть его в скобы, дверь вздрагивает под рукой, засов выскальзывает из неловких пальцев. Шарик дверной ручки бьет меня в пах, отбрасывает назад. В грудь мою врубается «розочка», кровь хлещет фонтаном…

Меня разбирали, как разбирают автомобиль: одежда, часы, ботинки, зубы, глаза, уши, скальп, пальцы, руки, ноги, печень, сердце…

Распотрошив, пропихнули в канализацию. Легко проскальзываю по трубам в грязную, маслянистую, вонючую воду — река. Скатываюсь в русло; мельчайшие порошинки ила и экскрементов взлетают со дна, клубятся в воде, оседают, окутывают меня — и снова все ровно да гладко. Исчезли все следы, лишь вода чуть мутнее, чем прежде.

Наутро я проснулся. Солнце ярко сияло в небе. Ее будить не стал — пошел и налил себе газированого, пастеризованого апельсинового сока; проглотил горсть витаминизированых рисовых палочек… Ну вот, вполне хватит, чтоб просуществовать еще сутки.

Самочувствие — просто прекрасно.

Выглянул наружу. Солнечный свет вновь сотворил чудо уничтожения тьмы. Черный океан ночи отступил, остался лишь «плавник» на берегу–тротуаре: окровавленный ботинок, кусок водопроводной трубы, разбитый шприц…

В радионовостях сказали, что Эмпайр–Стейт–Билдинг взрывали опять — черный асфальт на Седьмой Авеню превратился в желе и стек в тоннель метро, пролегающий внизу. А прогноз погоды поведал нам о «кратковременных кровяных ливнях», прошедших накануне вечером.